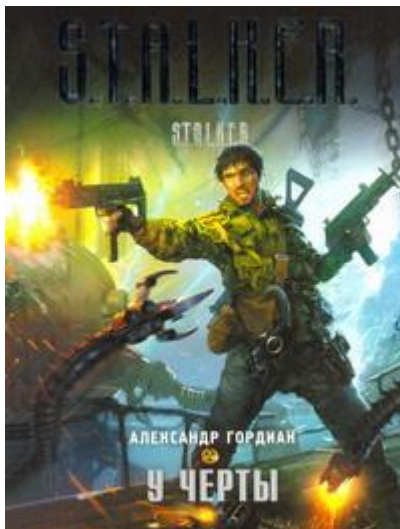

Александр Гордиан У черты

«У черты»: АСТ; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-073490-0

Аннотация

Сталкер-ветеран Рамзес решает вернуться к жизни на большой земле, но осознает, что не может находиться вне Зоны. Одна за другой обрываются его связи с людьми, угасают самые простые человеческие эмоции. Рамзес становится изгоем, и это его плата за особые умения, везучесть и способность выживать в безвыходных ситуациях. В этот момент в его жизни появляется таинственный Цент и предлагает... помощь? «Есть только одно место, сталкер, где тебе могут помочь». Рамзес отправляется в безнадежный поход к недоступному белому пятну в центре Зоны. Один против всех, без припасов и оружия, преследуемый вчерашними друзьями и новыми врагами. Что же за комбинация разыгрывается с его участием? Рамзес не знает. Выживет ли его случайная попутчица и нежданная любовь? Рамзес дал слово. Сможет ли он остаться человеком, или судьба его — быть «вечным сталкером» и легендой?

Александр Гордиан У ЧЕРТЫ

ГЛАВА 1

1

На озере посреди Зоны, ночью, одинокий сталкер ловил рыбу.

Удилище он срезал в прибрежных зарослях, вместо лески использовал альпинистский шнур, им же перехватил за хвост наживку, крысиную тушку размером с кулак. Сталкер выпотрошил ее, стараясь, чтобы шерсть пропиталась кровью. Крючком стала втиснутая в брюхо взведенная граната со снятой рубашкой.

Неудачливый грызун, повстречавший на свою беду самое опасное существо в Зоне — человека, родился самцом. Негаданная беременность и полет по баллистической траектории

к центру озера были самыми интересными событиями в его жизни.

- Удачи нам, братишка! – напутствовал рыбак грызуна.

Сталкер с позывным Рамзес считался одним из лучших ходоков, и крыса убил не со зла. Он пришел за человеком, который нашел Око Зоны, а теперь плавал, мертвый, под гнилыми мостками.

Сталкер вовсе не любил рыбалку. Его насторожил одинокий всплеск, слишком тяжелый на его тренированный слух. Рамзес почти не видел в ночи, ведь до неба отсюда было меньше, чем до ближайшего уличного фонаря; но он чувствовал опасность инстинктом, отточенным до остроты самурайского клинка. Озеро не собиралось отдавать добычу.

Ночь перевалила за половину, а рыбалка все не задавалась. За наживкой гонялась озерная мелочь, главный же монстр на смерть не торопился. Рамзес терпеливо выманивал тварь на гранату. Он умел ждать.

Приступ накатил, как всегда, неожиданно. Заломило в висках, а от висков прострелило до затылка. Боль тут же ушла, сменившись легким покалыванием. Рамзес упал на колени и вовремя, тело перестало слушаться. Земля царапнула лицо травой, и сталкер забылся - всего на пару секунд, если судить по ощущениям. А время Рамзес теперь чувствовал точно, не как раньше. Первое... «явление» он проспал, второе списал на усталость и морок. Потом стал запоминать. Случалось, Зона о чем-то предупреждала, но чаще явления казались бессмысленными. Иногда они напоминали бредовый сон, иногда дурной боевик.

Рамзес приподнял непослушное тело, оперся на кулаки. Кровь толчками побежала по сосудам, покалывая, как шипучка. Мышцы сокращались едва не до судорог, и со стороны казалось, что человека бьет крупная дрожь.

Зона насторожилась. Ночью здесь было тихо особой мертвой тишиной: шелест травы, скрип ветвей, и ни одного живого звука. Но в этот раз ночное безмолвие показалось Рамзесу особенно зловещим.

Ждать пришлось недолго. Над озером посветлело, и сердце пропустило удар – дьявол, неужели луна вышла из-за туч?! Но нет, вокруг светлой полосы ночь оставалась черным-черна.

По мосткам весело забарабанили пятки, и кто-то взвизгнул. Мраморное в свете луны тело, замерев на мгновение в воздухе, красиво вошло в воду. Пловчиха вынырнула, ахнула от холода и радости и закричала. Громко, звонко, счастливо:

- Глеб! Глебчик! Нырять, здесь так здорово!

И поплыла.

У Рамзеса едва не подломились руки, ведь в прежней жизни его звали Глеб, но девушка кричала не ему. Мужчина прошагал по мосткам, сел на краешке. Рамзес смотрел ему в спину, и сердце, привычное ко всякому, начинало разгоняться.

- Инга, черт, простудишься!

В голосе парня не слышалось ни страха, ни даже беспокойства. Скорее ревнивое восхищение.

- Боишься? – фыркнула девушка и легла на спину.

Рамзес едва не застонал от желания хотя бы коснуться теплой женской кожи. Парень замешкался; стало понятно, что ему и впрямь не хочется в эту холодную черную воду.

- Испугался, трусишка, - дразнилась Инга, и Рамзесу захотелось спихнуть растяпу с мостков.

Парень сполз в озеро, придерживаясь за доски руками, окунулся и по-собачьи затряс головой. Увидел сталкера и заморгал, не успев испугаться и даже осознать.

Сердце застучало очередью. Это я, понял Рамзес. Такой, каким стал бы, останься в той, другой жизни. Ухоженный, нерешительный, с гладкими руками офис-менеджера. Без единого седого волоса и со шрамом только от аппендицита. Зато с выражением телячьего счастья на упитанной ряске.

- Глебка, ну же! – позвала девушка особым голосом.

- Иди! – шепотом скомандовал Рамзес, и фантом послушался, оттолкнулся от мостков...

Рамзес зажмурился, прогоняя наваждение. Открыл глаза.

Ночь, темень. В воде покачивается тело погибшего сталкера.

Никого больше, лишь Зона вокруг.

Красивое имя – Инга...

2

Удилище пришлось искать. Его утащили, пока Зона развлекала сталкера миражами, и едва не затянули в воду. Сталкер долго шарил в прибрежных камнях, нашел и вытравил податливый шнур.

Наживку сняли вместе с гранатой.

Чисто сработано! Рамзес ощупал ровнехонький срез, какой не всяким ножом сделаешь, и смотал остатки шнура. Интересно, гранату этот ублюдок переварит?

К неудачам сталкер относился философски, на пустые эмоции не тратился. Он, не мешкая, обследовал заросли и срубил у основания внушительную хворостину. Раздвоенный конец заострил, образуя багор.

Ночь не заметила его суеты. Наглая озерная тварь временами плескала, но, кажется, не приближалась. Выше, над песчаным откосом, начинались строения деревни Куприяновки, и там жили; Рамзес чуял песий дух и, возможно, кровососа. Но и там не шумели, не гавкали, не визжали, собирая облаву на чужака.

Зона переживала ночь, таясь в злобном оцепенении. На большой земле говорили, что с орбиты это место выглядит, как черная дыра в окантовке яркой от прожекторов отсечной полосы. Рамзес не верил. Знал, что десятки убежищ и сотни костров запятнали дыру оспинами света.

Рамзес вытянулся на берегу и завел багор под мостки. Тело плавало лицом вниз, стучась о гнилые опоры. Вокруг него происходило некое бурление, озерная живность рвала труп. Багор соскользнул с окоченевшего тела и плюхнулся в воду. Рамзес замер, и замер монстр в центре озера. Рамзес через слепые инфракрасные очки не видел его, но мурашки побежали вдоль позвоночника. Инстинкт подсказывал: шутить с озерным жителем не стоило.

Выждав контрольные минуты, Рамзес сделал еще одну попытку. Багор запутался в лямке мертвякового рюкзака, но тяжелое как плот тело все равно не слушалось. Его занесло ногами за толстую опору и там заклинило; сталкер тянул багор, толкал, но сдвинуть труп не мог.

Капля пота сорвалась с обожженной брови и затекла Рамзесу в глаз. Сталкер аккуратно опустил бесполезную хворостину. Снял инфраочки, разом окунувшись в непроглядную майскую ночь, и промокнул пот рукавом.

Говорил Ворон, царствие ему небесное, ночью в Зоне не ходят!

Рамзес скривился: правила для того и писаны, чтобы их нарушать. Придется тебе, сталкер, лезть в эту воду. Ночью. Когда и по земле-то не ходят.

В озере игриво заплескались. Похоже, тварь настроилась на добродушный лад, и Рамзес уговорил себя, что шансы имеются. А вот хороших болотных сапог, чтоб до пуза, не имеется; Рамзес только зубами лязгнул, когда вода липкими струйками поползла в ботинки. Озеро явно питалось ледяными ключами – май же месяц, кровососа тебе в койку, а холодно как в проруби!

Рамзес сделал осторожный шаг, раздвигая воду нечувствительными ступнями. Монстр оглушительно рыгнул, и сталкер даже подумал, не сработала ли, наконец, граната.

Вода задержалась у бедра, перехваченного ремешком с ножнами, доползла до пояса, затем до груди. Что-то иногда толкало в спину, в ноги, но от любопытной живности Рамзеса спасал камуфляж. Недаром, ох недаром сталкер отвалил вороватому миротворцу за этот

чудо-комбинезон как за новое авто! Рамзес переставлял ноги, прислушиваясь на каждом шагу и стараясь не думать о последствиях. От простатита в Зоне еще не умирали, это он точно знал.

Под мостками дно пропало. Сталкер ухнул по горло, вскинув над головой автомат. Зона встрепенулась. Рамзес, не тратя больше времени на маскировку, потянул труп, поскользнулся и нырнул с головой. Тепловизор показал бурную подводную жизнь; мелькнула тень кого-то большого, размером с хорошего сома, и как торпеда быстрого.

Рамзес понял, что сейчас его схватят, и комбинезон уже не спасет. Отчетливо понял, как понимают свершившийся факт, только факт этот будет иметь место в недалеком, через полсекунды будущем. Сталкерский организм, наученный реагировать мгновенно, начал действовать, не дожидаясь команд головного мозга. Рамзес пулей выпрыгнул из воды, ухватился за мостковую перекладину, мохнатую от черной плесени, и едва успел подтянуть ноги. Нечто стремительное чиркнуло по поверхности воды, задев болтающийся на ремне автомат.

Промах! Тварь пошла на второй заход: волна ясно различалась в тепловизор. Рамзес, повиснув на одной руке, другой перехватил автомат, взятый в Зону за бесшумность и приличную убойность «Вал». Даже прицелился и... Объемистый пузырь вздулся и прорвался внушительным фонтаном на том месте, где только что резал воду спинной плавник.

«Твою мать! – удивился сталкер и оглох. – На своей же гранате...»

Впрочем, как лязгает ротовой капкан хозяина местных вод, он еще расслышал. А может, ему показалось - голова монстра просвистела на дистанции ножевого удара, помавая жаберными плавниками словно крыльями. Фонтан окатил до маковки дурной водой пополам со слизью. Рамзес отплеывался, чувствуя в голове нехороший звон, и с нарастающим изумлением наблюдал картину на берегу.

Голова с обрубком закованного в костяной панцирь тела смачно приложилась о камни, и побежала, мелко перебирая мясистыми плавниками-лапами. За ней потянулся обильный след, но не крови – Рамзес хорошо знал, как выглядит кровь через тепловизор, а чего-то холодного и вязкого. Клюв, длинный как острога, конвульсивно смыкался, готовый резать добычу удобными для потребления ломтями. Вот только развернуться на двух точках рыба голова не сумела и убегала прочь. Она сделала всего несколько шажков, когда из зарослей рванул на перехват кто-то большой и стремительный.

«Меня выслеживал!..» - охнул Рамзес.

Рыбина, изловчившись, полоснула охотника костяной губой. Тот, наверное, заверещал – острая как бритва кость разрежала свалывшуюся шерсть и вспорола кожу, но преимущество свободных конечностей оставалось на его стороне. Хищник опрокинул рыбину ударом лапы, схватил круглой лягушачьей пастью и поволок. Мимоходом зыркнул на сталкера, предупреждая: не тронь! Не твое!

Рамзес проводил его взглядом. Плоским хвостом и заскорузлой кожей мутант напоминал тритона-переростка, но жесткая даже на вид грива и мускулистые лапы не оставляли сомнений – предки существа происходили из кошачьих.

Сталкер перевел дух.

Он не чувствовал усталости и мог провисеть на склизкой перекладине пожалуй что и до утра. И вздремнул бы вполглаза, если бы черная плесень не жгла отчаянно ладони. Рамзес давно перестал гадать о пределах своей выносливости. Он просто знал, что тело не подведет, и там, где обычный человек обессилел бы в считанные минуты, он справится, мобилизуется. Выживет!

Через пару часов Зона успокоилась, звон в ушах поутих. Рамзес бесшумно опустился и выпростал труп из водорослей. Рука скользнула по твердой, как деревяшка, и слишком короткой мертвяковой ноге. Сталкер понял, как было дело: ходок спрятался под мостками, и его атаковало нечто, отсекающее ступни, будто скальпелем. Давешний клюворыл? Возможно.

Человек потерял сознание от шока и упал. Все!

На земле Рамзес перевернул тело прикладом и едва сдержал рвотный позыв. Одежда на

трупe оказалась располосованной в клочья, в прорехи набилось много всякой живности: мальков, рачков, длинных белесых червей, и теперь все это копошилось, жрало, испражнялось и совокуплялось в красном человеческом мясе. Да... этого человека даже стоматолог не опознает – зубы растащили. Из рта с изъеденными под корень губами суетливо выскользнула многоножка и упала Рамзесу на ботинок. Сталкер разрубил ее ножом, но половинки зажили каждой своей жизнью и засеменили к воде.

«Напалм! - подумал Рамзес с ненавистью, - только напалм! Жечь и жечь это проклятое место!»

Все сталкеры - падальщики, но не все признаются, учил когда-то Ворон. Не брезгуй обыскивать трупы, парень. Рамзес, тогда новичок-первоходок, удивлялся – зачем? Затем, что курица в духовке лучше жар-птицы в небе! И Рамзес согласился, как ему ни претило мародерствовать.

В рюкзаке убитого обнаружился нехитрый походный скарб, патроны, несколько мелких артефактов. Прямо сказать, негусто. Рамзес взрезал чехол на поясе мертвеца и подцепил ножом ПДА.

Комм, комок, смарт, даже свисток... Как их только не называли! Мертвеца Рамзес добыл небогатого. Его ПДА, грубо слепленное убожество, из тех, что в Шанхае продаются на вес, вряд ли стоил дороже приличного свистка. Настоящие ходоки берут настоящие устройства, доработанные на заказ подпольными умельцами. Вот, например, смартфон Рамзеса и в воде не тонет, и в огне не горит, и в чужих руках работать отказывается.

На вид «комок» не пострадал, окантовка из плотной резины уберегла его от воды и паразитов. Попытка, как известно, не пытка. Уже через минуту Рамзес знал очень много, но не знал главного.

Покойный ходил отмычкой. В Зоне объявился недавно, во всяком случае, Рамзес до сего момента не слышал его клички. Зато гремела слава о его старшаке, как правильные пацаны называли своих командиров.

Фокс, значит, погиб... Очевидно, расслабился, выйдя в относительно безопасные места, и умер первым, его отметка - самая дальняя из трех. Бойцы, конечно, запаниковали, может быть, побежали, и Зона хладнокровно расправилась с ними. Серые точки на карте, две вместе, посреди вымершей Куприяновки, и одна – утопленника - на берегу, показывали, где фортуна изменила сталкерам с большой дороги.

Самой важной информации извлечь не удалось, маршрут к Оку Зоны, тот самый, которого вожделем не одно поколение ходоков, не сохранился. Или Фокс, мужик нрава крутого и недоверчивого, запретил отмычкам делать трассировку. Зато Рамзес нашел мутную фотографию, сделанную в полутьме дрянной встроенной камерой. Нечто и впрямь напоминающее глаз – яркий зрачок в обрамлении вихревых полукружий.

Рамзес заволновался. Дошли?!

Мертвый в Зоне - всегда источник опасности, сколько уж сталкеров полегло рядом с соблазнительными трупами! Рамзес, опасаясь неприятных сюрпризов, обыскал покойника легкими уколами ножа. Он знал, где ходоки прячут ценный хабар, но нашел в самом неожиданном месте. На груди клинок встретил что-то твердое, и Рамзес вытянул на свет божий, а точнее в дьявольскую тьму, расплюснутый металлический блин.

Когда-то это был герметичный контейнер для артефактов, объемистая дура, сваренная из нескольких слоев титана. Смять такой даже Зоне будет трудновато. И уж вовсе незачем тащить его на большую землю, не в металлолом же. Рамзес поскреб ножом корку грязи...

Царапина засверкала в инфракрасном свете, детектор защелкал, показывая остаточную радиацию.

Золото! А значит – Око! А значит - дошли таки...

Осунувшийся Рамзес отбросил бесполезный «комок». Щедро полил на ладони спиртом из фляги. Плесень закапала на землю жидкой грязью.

Руки не дрожали.

«Что ж, - усмехнулся Рамзес, - спокойствие – это хорошо, оно понадобится тебе,

сталкер. Потому что, сам понимаешь, придется искать оставшиеся трупы».

Сталкер поднялся и увидел пса.

Слепец неспешно трусил от деревни, оттуда, где дорога круто поднималась вверх и терялась в зарослях центральной улицы. Молодая здоровая собака, местами лысая, местами обросшая клочковатой шерстью, смердящая псиной и застарелыми ранами (их много доставалось слепцу). Плоская безглазая морда приподнята, Рамзес отчетливо слышал, как жадно втягивается бельмоватыми ноздрями воздух.

Пес искал добычу и не только по запаху. Сталкер ощутил что-то вроде щекотки внутри черепа и постарался унять эмоции. Чует, чует, тварь! Но направление взять – это хрен тебе, псина, это мы уже проходили!

Тварь обнюхала вокруг мостков и повернула к Рамзесу, любопытно потянулась на запах черной гнили вперемешку со спиртом. Обнажились клыки, длинные, много длиннее волчьих и загнутые – нижние вперед, верхние назад. Открылась собачья шея в колтунах свалившейся шерсти.

Легкий «Вал» удобно лежал в руке. Рамзес мгновенным и точным движением упер ствол в собачье горло и выстрелил. Пес издох молча, пуля разорвала гортань и ушла в небо вместе с куском черепной коробки. Одурающее пахло кровью и порохом, но, главное, бесшумный выстрел автомата «Вал» в ночи бухнул сильнее грома небесного.

Рамзес принял с места в карьер. Секунда была у него, чтобы решить куда бежать, по дороге ли вверх, в западню узких деревенских улочек, или вдоль берега, подальше от озера. Сталкер потратил эту секунду на пользу дела, одолев по крутому склону несколько совсем не лишних метров. Как учил Ворон, решение, которое принимаешь дольше секунды, будет неправильным. Почему? – удивлялся Рамзес. Не знаю, признавался ветеран, но в Зоне по-другому не бывает.

Рамзес достиг обрыва, и его едва не сбросило мощным воздушным потоком. Атмосферный скат, дрянь та еще, благо ночью почти слепая, заложил над сталкером вираж и уместился на фонарном столбе. Фонарь, потухший тому лет тридцать, замигал и залил улицу ярким светом.

Строго говоря, улицы давно не было, скорее натопанная зверьем прогалина в зарослях скользкого мха и причудливой, как на картинах авангардистов, травы. На ветвях в полном безветрии колыхались «ржавые волосы».

Вдалеке надрывно скрипело дерево, что-то невидимое и неосязаемое раскачивало его, пытаясь сломать или вырвать из земли. Скрип напоминал обреченностью крик умирающего человека.

Через мгновение фонарь взорвался, искры полетели с оборванных проводов. В здании напротив, за стенами, обросшими бурым лишайником, зазвонил и тут же задохнулся телефон. Что-то загудело. Вар-вар-вар, басовито надрывался механизм или, к какой версии Рамзес склонялся больше, рой крупных насекомых. Крупнее шмеля, судя по звукам.

Лучше бы этого не слышать... Рамзес отбросил заманчивую мысль пострелять и прибавил хода. Скот, конечно, добыча знатная, по ночной поре уязвимая; это днем брать его себе дороже. Но жить-то хочется! Сталкер кое для кого тоже трофей не из последних.

Рамзес пробежал всего-то метров тридцать, когда из зарослей высыпала стая и припустила за ним со злобным воем. Это неправда, что собака быстрее человека, сказал себе Рамзес. Правда в том, что нужно чаще тренироваться. Я буду чаще тренироваться, пообещал он всем богам разом. Я, если убогу, буду каждое утро тренироваться. И каждый вечер...

Сталкер прыгнул – и это был достойный прыжок, лужа черной слизи осталась позади. Нырнул под бахрому «ржавых волос», свисавших с обугленного столба, и едва не угодил в «мясорубку». Он почуял ее шестым чувством, поясницей или селезенкой – Зона его знает чем – и покатился кубарем в сторону. Вскочил и захромал, постепенно ускоряясь, в переулок. Сзади жажнуло. Кто-то из молодняка попался, но смертный визг тут же заглушил свирепый рев десятка глоток. Рамзеса гнала большая стая.

- Ура-а-а! – завопил он в ответ, рискуя сбить дыхание.

Это означало – прорвемся! Пусть ночью здесь не ходят, а тем более не бегают, но он Рамзес! Везунчик и почти легенда!

Его все же нагоняли, хотя другого уже рвали бы на части. Сталкер, увернувшись от очередной аномалии, сунулся в какой-то вовсе незаметный проулок. До места гибели Фокса оставалось немного, да только собаки вряд ли дадут возможность сориентироваться и вдумчиво поискать дорогу. Рамзес поскользнулся и услышал лязг челюстей метрах в пяти за спиной...

Выглянула из-за туч луна, но тут же пропала, заслоненная тенью ската.

Мать твою, электрическую!

Скат ударил разрядом, промахнулся, но Рамзеса чувствительно ожгло от пятки до пятки, даже через подошвы. Взвыли собаки, их слаженный галоп приутих, сменился невнятным топотом. Собачкам подарок с небес тоже не понравился. Очень не понравился!

Рамзес воспользовался паузой, и с колена высадил по скату длинную очередь. Тень в небе шарахнулась, ударилась в крышу, загредев железом. Воздушной поддержки враг, похоже, лишился, а некоторые из псов решили навестить раненного ската, или сталкер не понимал ничего в собачьей психологии. Рамзес выпустил остаток магазина по стае и перевалился через ближайший забор. Из-под ног с писком брызнула мелочь, которую сталкер не любил даже больше, чем химер или кровососов. В падальщиках виделось что-то особо омерзительное.

Через сад Рамзес проломился без потерь, только что-то едкое попало на щеку и немилосердно жгло. Ерунда, он чувствовал впереди нечто более серьезное, но, только прыгнув с забора, понял, что просчитался. Улочка заканчивалась высоким ржавым забором, взять который Рамзес мог разве что с шестом. После долгих тренировок. К прочему, аномалии густо забили проход, и среди них оказался довольно серьезный «трамплин». Сталкер через тепловизор видел, как это чудо крутит пылевой вихрь.

Над ухом клацнули зубы, и Рамзес застрелил самого резвого пса. Слепцы по ту сторону забора суетились, отыскивая прорехи в изгороди, а с улицы в проулок уже опасно трусили другие охотники. Рамзеса загоняли по всем правилам.

Что ж, матерь Зона и присные ей! Не погуби, кормилица!

Рамзес швырнул в «трамплин» пригоршню сухой земли, проследил, по какой траектории спираль уходит в небо, чтобы рассыпаться там неряшливой тучкой, и прыгнул. Собачья пасть хамкнула в опасной близости от лодыжки, но аномалия уже тянула сталкера. Сначала «трамплин» дернул за рюкзак, едва не вывихнув плечи, а потом неведомая сила закрутила как тряпичную куклу и швырнула в воздух.

Рамзес летел, уже понимая, что удалось, слава Зоне, что в эпицентр не затянет, а наоборот, раскрутив, зашвырнет куда сам не допрыгнешь. Он ударился грудью о ржавую балку над воротами, перевалился через нее и весьма удачно приземлился. Не напоролся на острое и поднялся секунд через десять, когда снова научился дышать.

Высший пилотаж, говаривал о таких фортелях Ворон, но повторять не решался. Старый я, ворчал тридцатилетний ветеран, ну их к псам, эти фокусы.

За оградой заливались осатаневшим лаем собаки. Рамзес пнул забор, и железные листы загудели, ржавчина еще не съела металл. Сталкер выдернул чеку и – на сто один, сто два – перекинул гранату наружу. На бегу услышал, как граната ухнула и посекала вокруг осколками. Грохот взрыва опал. Страшно завывала и смолкла, захрипев, собака. Падальщики не мешкали...

За воротами обнаружилось нежилое здание. В том смысле, что в нем и раньше, при людях, не жили, а использовали для какого-то производства. Рамзес едва не переломал ноги в лабиринте старого железа, его чутье, так славно работавшее на порождениях иной реальности, оказалось бессильно перед чушками грязного чугуна. И тепловизор подвел. Картинка потеряла четкость, залитая по краям белым и желтым. Застрекотал датчик радиации.

Сталкер перевел дух. Не иначе, здесь придется топтать совсем вслепую. Даже без

приборов.

Рамзес запоминал карты и таблицы провешенных маршрутов с первого взгляда. Фокс, или что от него осталось, лежал где-то здесь, метрах в тридцати прямо по курсу. Было там еще что-то, погубившее опытного ходока, и Рамзес заосторожничал. Он нашел задраенную накрепко дверь и, коснувшись металла, почувствовал тепло. Прислушался – тихо... Нет! Издали, с той стороны длинного здания донесся приглушенный лай. Рамзеса вновь окружали собаки. Надо же, и минуты не прошло...

Сталкер полез вверх. Когда-то, по молодости и глупости, он вполз на крышу по стене панельной девятиэтажки. Никакого криминала – любовь! Под окнами восьмого этажа он разбрызгал из баллончика признание: «Ника, дай!», до утра горланил песни и, кажется, подрался с милицией.

Рамзес отогнал непрощенные мысли. Где теперь Ника, глупость и любовь?!

Стена казалась ощутимо горячей. «Жарка»? Ее, родимую, сталкер опознавал издали, с закрытыми глазами и без всякого детектора. Внутри находилась вовсе не «жарка». Тепловизор совсем закапризничал, и Рамзес, прилипнув телом к горячему кирпичу, поднял очки на лоб. Уже светало – совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы разглядеть неровный скат крыши.

А эти здесь уже! Собачки...

Рамзес, немисливо изогнувшись, свистнул. Ей-богу, Зона попутала схулиганить! Огромный седой кобель внизу даже гавком подавился, зашелся хрипом. От него смердело не звериной, вполне человеческой осмысленной ненавистью.

Эмпаты! - поучал Рамзеса на заре его сталкерской юности Ворон. Чуют твою ненависть и отвечают тем же. А если о нем хорошо думать? – спрашивал молодой Рамзес. Попробуй, криво усмехался Ворон, поглаживая обрубки двух пальцев на левой руке.

Под крышей тянулся промышленный водосток, проржавевший от времени и забитый нехорошим мусором. Сток выдавался на полметра от стены, и Рамзесу, чтобы миновать его, пришлось бы сделать почти цирковой трюк. Сталкер нашел место укрепиться ногами, ухватился за иззубренную жестяную кромку и сразу же порезался.

Р-раз! Желоб нутужно заскрипел и порвался. Сталкер распластался по стене. За спиной посыпался вниз радиоактивный мусор, и пролетело что-то светящееся. Артефакт, факт!

Сталкера делают ноги, желудок и пальцы, объяснял Ворон. Ноги – понятно, желудок – чтобы нажраться впрок, а пальцы... Береги пальцы, салага! Пальцы – это первое, что оторвет тебе Зона, если будешь совать, куда не следует. Рамзес смотрел тогда на свои музыкальные пальцы, которые так нравились девушкам. Ни за что не поверил бы, что через два года сможет вязать ими гвозди или прикуривать от раскаленного уголька. Сохранил все – повезло! – но отпечатки сожжены кислотой, да так и не восстановились. Одно слово, Зона!

Собаки брызнули в стороны. Артефакт их испугал. Наверное, это был хороший артефакт, сильный, но Рамзес давно научился не болеть излишней жадностью. Ушел артефакт и ладно, значит, так Зона распорядилась. Рамзес отодрал от стены остатки желоба и перевалился через невысокое, в три кирпича, ограждение.

Здесь он позволил себе пару секунд отдыха и включил фонарь. Плоская крыша тянулась вперед метров на двадцать и пропадала за пределами освещенной полосы. Если Фокс лежал на крыше, то где-то дальше. Но, скорее всего, искать труп следовало внутри здания и поспешать с этим, ибо крыша – это ловушка, и спустя минуты под стенами будет столько голодной живности, что...

«Что уйти живым у меня не хватит ни везения, ни фантазии».

А что не ловушка? Куприяновка, с ее бесчисленными сараями-подвалами, сама по себе ловушка. Кой черт занес сюда матерого волчару Фокса?!

Рамзес сделал шаг и остановился. По спине побежал знакомый щекотный холодок – слишком чисто! На крыше с остатками бурой краски совсем нет мусора. Сталкер взял автомат наизготовку и шагнул. Потом еще и еще, но каждый следующий шаг получался короче. Плечи свело мгновенной судорогой, чего давненько не бывало, и Рамзес отступил,

как инстинкт требовал. Отступил бы дальше, но собачий вой под стенами заставил снова двинуться вперед.

Ощущения невероятно обострились, и Рамзес зафиксировал, наконец, что опасность исходила снизу, изнутри здания, где творилось что-то непонятное. Сталкер медленно перемещался, чувствуя сквозь подошвы горячую крышу, и на очередном шаге события вновь понеслись галопом.

Кровля расплзлась, как пластилин, стоило Рамзесу перенести вес на выставленную ногу. Сталкер с воплем ухнул вниз, едва успев сгруппироваться и вскинуть оружие над головой.

Рамзес испугался, лишь когда ровная поверхность больно ударила по пяткам. Он балансировал на краю металлического помоста, а под ним, в сотне метров, не меньше, бушевало пламя.

Одно мгновение казалось, что удержаться не удастся, что сейчас сила тяжести потянет Рамзеса вперед и заставит сделать шаг в бездну. Сталкер с мучительным стоном швырнул от себя автомат и поднял руки над головой, будто сдаваясь. Тело качнулось назад, ноги нашли опору.

Автомат, кувыркаясь, полетел в огонь. Через полсекунды от жара взорвался магазин: пули стегнули с противным визгом, оплывая прямо в полете. Рамзес успел прикрыть лицо, а потом стряхнул с рук, приплясывая от боли, несколько раскаленных свинцовых клякс. Как плавится его автомат, сталкер уже не видел.

Это было уже не важно.

Сталкер живет секундой, говорил когда-то Мишка Ворон. Прошлого нет, будущего тоже. А настоящего – одна секунда. Вырви ее у Зоны, одну, другую, глядишь, и живой.

Хотя автомата жаль. Пистолета Рамзес не носил из принципа, предпочитая бесполезному пугачу несколько запасных магазинов.

Сталкер осмотрелся, привычно фиксируя даже незначительные мелочи. Здание высотой в четыре этажа изнутри казалось гораздо просторнее. Зона ли навела морок, или пламенная аномалия, испарив сотню метров грунта, создала обманчивое впечатление простора - непонятно.

От аномалии исходил тусклый свет и жар. Не иначе, этот раскаленный шарик через несколько месяцев обрушит стены, а еще спустя пару сотен лет провалится до мантии. Тогда в Зоне начнется самое интересное. Геологического масштаба катаклизмы начнутся в Зоне.

Температура в удалении от эпицентра падала стремительно, вопреки законам термодинамики. И все же ребристый металлический настил казался нестерпимо горячим. Он уходил вдоль стен влево и вправо и с обеих сторон обрывался. Это было неприятно. Может быть смертельно, потому что другой дороги сталкер не видел.

«Влип?!» - нервно рассмеялся Рамзес и побежал вправо, как инстинкт подсказал.

В стороне от жерла стемнело, и стали видны серые проемы окон под самым потолком, забранные решетками. Пандус обрывался, скомканный как бумага. Острые даже на вид металлические кромки не давали шагу сделать, и противоположный край просматривался далеко, метрах в десяти. Эту часть пандуса явно подорвали, но ни граната, ни кумулятивный заряд РПГ таких бед не натворили бы. Внизу бурлили слабые аномалии, каждую из которых по отдельности комбинезон выдержал бы, но вместе...

Рамзес, не мешкая, двинулся обратно. Взгляд зацепился за эпитафию, выбитую на стене ножом: «Здесь подох Степан. Брат, если выживешь, передай Бубе...» Сталкер не остановился. Он никогда не слышал ни о Степане, ни о Бубе, зато слышал, как дерутся слепые псы за стенами.

Слева разрыв в пандусе оказался уже, всего метра четыре. Под ним засела гравитационная ловушка, которая пригнула к себе и постепенно разорвала металлическое полотно. Рамзес достал увесистую гайку с обрывком бинта, швырнул в проем. Гайка камнем пошла вниз. И здесь не судьба!

Рамзес для очистки совести еще посветил вверх, хотя перспектива выламывать решетки

из окон его не радовала. То есть ломать, возможно, и придется, но времени на это уйдет много больше, чем Зона подарила. Сталкер наглядно представил, как стекаются к зданию все новые и новые монстры: слепцы, псевдопсы, крупные черновыльские коты... Не дай Зона, принесет нелегкая кровососа; ох, чуял Рамзес его неподалеку!

Решено! Сталкер вернулся к правому, развороченному взрывом провалу. Достал притороченный за спиной топор и начал расчищать металлические завалы. Рамзес давно сообразил брать в Зону инструменты, и только диву давался, сколько проблем могли решить в иной ситуации топор или кусачки. Его топор – сказка, а не топор! – легкий, с широким титановым лезвием и укрепленным топориком, рубил старый металл, разгибал свернутые спиралью поручни. Очень скоро Рамзес стоял на краю и раскручивал над головой капроновый шнур со стальной кошкой.

Раз, попытка! Кошка шкрябнула по скрутке рваного металла на той стороне и сорвалась.

«Не быть тебе ковбоем, Рамзес!» - чертыхнулся сталкер, вытравливая шнур.

Попытка два! Кошка засела в скомканном металле. Рамзес потянул всем весом и законтрил ее насмерть. Перехватил шнур специальными накладками, чтобы не разрезать ладони и прыгнул. Зловредная аномалия поддала ему под копчик, но остановить не сумела.

Недолгое ощущение полета и вот он, пандус. Перебирая руками по краю, сталкер добрался до ровного участка и подтянулся. Кошку решил бросить за дефицитом времени, срезал только шнур, насколько дотянулась рука.

И буквально сразу увидел труп.

3

Еще одна отмычка Фокса, позывной которого Рамзес забыл, едва увидев его в ПДА утопленника, висел между небом и землей, по-мясницки насаженный на крюк промышленного крана. Обескровленное лицо, какое только и бывает от поцелуя кровососа, в свете фонаря казалось рыхлым и белым как творог.

Винтовка М16 лежала внизу, среди россыпи гильз. Отстреливался, друг сердешный, да в панике все пустил в белый свет. А сменить магазин кровосос не позволил. Ибо кто еще может свернуть шею бугаю килограмм под девяносто весом, как не он, всеильный невидимка, страшилище и пугалище Зоны.

Рамзес топором подцепил тело, втянул на пандус. Заглянул мельком в белые от предсмертного ужаса глаза, но тут же отвел взгляд и быстро обыскал погибшего. Консервы, патроны, «Беретта» с полной обоймой – очень кстати! Рамзес повесил кобуру на поясной ремень. Хабара нет, констатировал он, включая ПДА убитого. Значит, как и предполагалось, шли с четкой целью и не отвлекались на мелочи.

ПДА высветил на экране резолюцию: «Access denied! Fuck you!»

Что ж, хлопчик не дурак, сделал вывод Рамзес. Прикрыл черный ход к бесценным данным.

Оставался Фокс – это главный шанс. И единственный.

Рамзес снова двинулся вперед. Железный настил во многих местах оказался сорван или засыпан битым кирпичом и мусором. В бледном свете из пролома в крыше Рамзес видел непроходимый пол. Дурная трава выше человеческого роста скрывала опасный промышленный лом, радиационные пятна и аномалии. Из зарослей тянулись вверх яркие лепестки-пасти плотоядных цветов, которые и не цветы вовсе, а дьявол знает что. С крошечным мозгом, сердцем и позвоночником, уходящим корнями в землю. Мясо у твари пахучее, но съедобное, Рамзесу доводилось пробовать.

Спускаться не хотелось, но сталкер, ориентируясь больше по приборам, разглядел, наконец, Фокса и понял, что отступать некуда. Бандит лежал внизу, на пологом взгорке, раскидав нелепо руки, и казался спящим.

Ну, Зона благослави!

Рамзес сбросил шнур, бесшумно соскользнул в траву, и ощущение близкой опасности накрыло его. В позвоночник будто спицу вставили. Стиснув зубы, сталкер в два прыжка достиг пригорка, упал на труп с намерением отползти, прикрываясь, и земля под ним мелко завибрировала. Рамзес быстро-быстро засучил ногами, отталкиваясь. Подвывая от ужаса и сознания конечности отпущенного времени, покатился вниз, в ложбинку, чтоб он была чиста. Последнее, что он запомнил – жгучий электрический удар по ногам.

Мысль «здесь хотя бы...» оборвалась.

«...псы не достанут», – всплыла следующая, когда Рамзеса немилосердно затрясли.

- Ворон, ты что ли? – шевельнул губами Рамзес.

Пожилой кровосос, натужно сопя из-под куста ротовых щупалец, играючи вертел в руках непонятное существо о двух головах и восьми сплетенных конечностях. Мутировавший разум подсказывал ему, что по отдельности они вполне возможны, эти существа. Один теплый, полный горячей вкусной крови, от которой у него бывала изжога. Второй – холодный, и кровь его, густая и комковатая, напоминала бы томатный сок, знай кровосос, что это такое. И теперь мутант пытался разделить этих сиамских близнецов.

Мышцы сталкера закаменели. Он держал труп сзади, в борцовском захвате сомкнув ладони на его груди, и, подчиняясь инстинкту, притворился мертвым.

Кровосос, недовольно бурча, ухватил Фокса за висевший на груди автомат и рванул. Рамзес едва не завопил от боли в плечах, на которые легла ударная нагрузка. Звонко лопнула антабка, крепившая ремень к цевью автомата – слава вам, бракоделы! Кусок рваного металла царапнул по уху, и «Калашников» остался в руках кровососа.

Мутант знал, что это такое, а может, ему не нравилось мертвое железо, но он разозлился и несколько раз ударил автоматом непонятное существо. Господи, немо изумился Рамзес, слыша, как лопаются ребра трупа, за что ты спас меня в этот раз? Осатаневший кровосос тоже не понимал и швырнул добычу на землю. Раз! Сознание опасно поплыло. Два! От боли в спине Рамзес зашипел и вернулся в себя. Три!..

Во лбу монстра образовалась глубокая борозда, и сквозь звериный вопль прорвался звук отдаленного выстрела!

В них стреляли! Кто?!

Снайпер почти не промахнулся. Пуля ударила кровососа в лоб по касательной и срикошетирила от толстой как танковая броня черепной кости. Монстр резво отпрыгнул, его шкура пошла рябью трансформации.

Сталкер разжал ладони, не чувствуя пальцев. Он яростно закричал, понимая, что время уходит, монстр уже почти невидим, а автомат Фокса – где он? Искать? А если монстр повредил его? Рамзес нащупал кобуру, заставил пальцы ухватить рукоять пистолета и потянуть ее вверх.

Кровосос уже накинул плащ-невидимку. Сталкер повел стволом на звериный хрип. Пальцы в этом фокусе значили не меньше, чем лисий слух, а они до сих пор ощущались чем-то чужеродным – протезы, а не пальцы. С богом! Рамзес аккуратно выпустил на звук все заряды единственного магазина. Убегающий кровосос ревел, яростно и совсем не предсмертно, как и следовало ожидать от этой живучей твари. На пули он не шел, старый, ученый! Молодой бы бросился, а этот будет следить, ждать момента, но из Зоны не выпустит.

Сталкер бросил пистолет и заметался. Нет автомата! И времени нет, дьявол... Рамзес подхватил Фокса и побежал в противоположную от кровососа сторону. Далеко не ушел, у первой же «комариной плечи» свалил тело с плеч и рухнул рядом.

До этого момента Рамзес видел только затылок бандита с едва отросшими волосами, теперь заглянул в лицо, навсегда перекошенное от ненависти. Фокс, сталкер от бога и бандит от черта, умер в бою.

Рамзес срезал с тела рюкзак и вывалил содержимое на землю. Сначала оружие. Если у Фокса и было что-то тяжелое, кроме автомата, то не при себе. Сталкер нашел старый ПМ,

отщелкнул магазин – пусто. Передернул затвор, и одинокий патрон выпал на землю. Рамзес поймал его, затолкал в магазин и дослал в ствол. Что ж, не на монстра, так на себя хватит.

Кроме пистолета, Рамзес забрал ПДА и бумажник, сунул их за плотно облегающий жилет-разгрузку. И постарался забыть об Оке и маршруте, озадачившись главным.

Выживанием.

Рамзес дополз до широкого пролома в стене - не иначе, кровосос поработал, и затаился наблюдать. Контакт-лист на смарте оставался девственно чист, значит снайпер стрелял издали. Вот через этот пролом, наверное, и стрелял: кровосос как раз стоял под провалом в крыше. Рассвет освещал его достаточно хорошо, чтобы разглядеть в правильную оптику и достать мощным боеприпасом.

Так что же, чудо? Или тайный спаситель захочет проверить на прочность сталкерский бронежилет? Интуиция молчала. Рамзес попытался найти чужака в бинокль, но разглядел только собак в отдалении.

Посмотрим на ситуацию сверху, говорил Ворон - они с Рамзесом как-то прятались в кроне дуба, а внизу за них дрались собаки. Посмотрим! Вдруг неизвестный снайпер положит кровососа и даст тебе уйти? Чудес не бывает? Чудеса бывают! Рамзес истово верил в правильно организованное чудо, но совершенно не представлял, кто и зачем организовал именно это. Не исключено, что снайпер целился в него, а промахнулся в монстра.

«Что ж, снайпера придется учитывать!» - подумал Рамзес, по-кошачьи выпрыгивая на свет божий.

В него не стреляли, но сталкер бежал, пригибаясь, ежесекундно меняя направление. Зато собаки мешкали ровно столько, сколько нужно, чтобы преодолеть страх перед извечным врагом - кровососом. Широким полукругом стая вышла за Рамзесом, и, судя по звукам, было их не меньше полутора десятков. Как мало, когда при тебе автомат! И как много сейчас...

Рамзес брал заборы с ловкостью чемпиона по бегу с барьерами. Собаки возле каждого терялись, сбрасывали темп, но врожденная свирепость гнала их за человеком. Заборы кончились неожиданно. Сталкер покатился в овраг и чувствительно приложился о каменистую землю. Встал, приходя в себя от нокдауна, но преследователей не увидел. Псы не показывались пять секунд, десять, и у Рамзеса нехорошо засосало под ложечкой. Он попятился, а потом побежал. Вслед ему раздался рев кровососа и возмущенный собачий лай.

Кровосос восстановился, понял Рамзес. Ай, нехорошо! Лучше уж собачки, ибо от кровососа убежать невозможно. Максимум, на что мог теперь рассчитывать Рамзес, это на схватку в более-менее выгодных условиях.

Окончательно рассвело. Небо из чернильного стало просто грязным, как годами не мытое стекло. Кляксой бурой плесени неспешно ползло за тучами солнце.

«Будет дождь, - безошибочно определил Рамзес. - Это плохо, потому что по мокрой земле я буду идти медленно и потрачу слишком много сил».

Зачем ему силы, если нет шансов, сталкер не задумывался. Осел упертый, ругала его когда-то жена, и правда, Рамзесу в голову не приходило сдаться. Кто сказал, что нет шансов? В жизни, в которой есть место подвигу, есть место и удаче. А в свою звезду Рамзес верил, имел основания.

Сталкер шел скорым экономным шагом, благо местность вдали от зачумленной Куприяновки позволяла, аномалии встречались редко. Удобные ботинки, сделанные на заказ, словно плыли над землей, едва отрываясь от поверхности. Этому шагу Рамзеса научил Ворон, оттопавший в Зоне не одну сотню километров. Иногда Рамзес позволял себе перейти на бег – не такой рискованный, как давеча в Куприяновке, шагов сто, не больше. Бегать в Зоне кроме него решались немногие. Ворон, к примеру, только ходил.

Еще на пути к озеру, следуя инстинкту намечать пути отхода, Рамзес запомнил могучий дуб, вывернутый из земли не то ураганом, не то Зоной. Теперь Рамзес сноровисто забрался на толстый, в три обхвата, ствол и затаился в разлапистых корнях. На другом конце ствола обнаружилась «плешь», мощнейшая гравитационная аномалия. Не так давно – еще

остались листья на ветвях - дуб накренило ураганным порывом ветра, и аномалия уже не выпустила добычи. Коварная штука, эта «плешь»! Если у корней тяготение почти не отличалось от земного, то в кроне вырастало до смертельного.

Наступили блаженные минуты отдыха. Рамзес достал компьютер Фокса и усмехнулся, прочитав тиснение на крышке: «Бог дал, и Зона даст». Честное слово, ничто не обходится так дорого, как дешевые понты! Перевернув «комок», Рамзес заметил то, что сначала пропустил в полутьме и спешке. Сердце тревожно ухнуло: корпус навигатора оказался надломлен ударом, пластиковый экран смят. Оставалось гадать, когда это произошло. Когда монстр бил по трупам автоматом? Или раньше, еще при жизни хозяина? Последний вариант был ой как нехорош. Непонятно, вчера это случилось или в день выхода, и, может статься, все риски по овладению этой раздавленной как жук коробочкой напрасны. И Око придется искать самостоятельно, а чтобы такая удача свалилась подряд двум разным сталкерам... В такое счастье Рамзес боялся верить.

ПДА отозвался и даже запросил пароль, но мог работать только в аварийном режиме. Записи наверняка испорчены... Рамзес чертыхнулся. Можно было только надеяться отыскать алмаз в куче мусора. Потом. Если «потом» наступит, что не факт, когда на твою потрепанную шкуру предъявляет права нешуточный враг.

Сначала Рамзес, затаившись среди корней, увидел, как воздух пошел мелкой рябью, и проявились из ниоткуда глаза. Сталкер прицелился между двумя налитыми кровью шарами, и долгую секунду не мог заставить себя крикнуть. Впрочем, совершать подвиг не пришлось. Немногие в Зоне могли похвастать чутьем, равным чутью кровососа.

Монстр почувствовал сталкера и победно взревел. Теперь решали нервы.

- Сто один, - отсчитал Рамзес, глядя, как рябь приближается.
- Сто два, - кровосос ускорился.
- Сто три, - выкрикнул сталкер, когда враг прыгнул.

И даже гнойное дыхание ощутил на лице, прежде чем выстрелить. Пуля, единственная у Рамзеса, проломила кровососу лоб и остановила в прыжке. Монстр разом потерял невидимость, и, захлебнувшись криком, начал было падать, но руки, длинные и корявые, успели схватиться за корни. Мутант повис, судорожно дергая головой и разбрасывая в стороны длинные как плевки сгустки крови.

Здесь уж медлить не приходилось. Смерти подобно было упустить хотя бы мгновение. Рамзес вскочил кровососу на плечи, сунул руку под пук ротовых щупалец и с оттягом резанул ножом по жилистому горлу. За секунду до и секунду после этот номер закончился бы для Рамзеса печально. Сталкер не взялся бы повторить его на бис, даже за большие деньги. Разве что за маршрут к Оку.

Нож сталкера, видом и убойным действием напоминающий ятаган в миниатюре, не подвел. В который раз подтвердил аксиому, что страшнее клинка оружия не придумано.

Фонтан тухлой крови окатил Рамзеса и сразу же опал, видимо оба мутантских сердца остановились. Кровосос мелко задрожал, но не сорвался, его руки зашлись в предсмертной судороге, и отрубить их казалось проще, чем разжать.

Сталкер прыгнул обратно на ствол, оскальзываясь в крови. Отдышался.

Нестерпимо хотелось курить, но еще больше помочиться. Рамзес чувственно понял тех, кто в смертельном напряжении не может удержаться естественные позывы. Он встал на краю, намереваясь как в пещерные времена омыть врага презрением, и закаменел. Под корнями стоял еще один кровосос и с интересом наблюдал за ним.

Молодой, сильный и любопытный кровосос. Без единого ранения, которое могло бы подарить сталкеру микроскопический шанс. Сознующий свое превосходство, и оттого играющий невидимостью, как тореадор плащом.

Бог перестал меня любить, вспомнилась сталкеру напыщенная фраза. С нервным смешком Рамзес отступил, лихорадочно ощупывая пояс. Шнур! Где шнур?! Рука сдернула с ремня моток еще до того, как мозг осознал, зачем это нужно. Сталкер, не отрывая взгляда от врага, закрепил шнур в корнях и едва успел сунуть другой конец под ремень и связать

надежным морским узлом.

Монстр жадно шевелил ротовыми щупальцами, двигал руками и ногами, будто разминая их. Почему будто? Рамзес понял, что враг сейчас прыгнет, и отступил по древесному стволу. Через секунду кровосос показался в корнях.

Человека и монстра разделяли считанные метры. К чести сталкера, думал он только, как отдать жизнь дороже. Если, конечно, эту звериную эмоцию можно было назвать мыслью.

Сталкер, отступая, быстро двигал перед собой ножом, заметив, что интерес кровососа прикован к этой полоске стали. Чем он считает ее? Замечательным приспособлением для добычи крови – чтоб фонтаном, как из того старого неудачника?

С каждым шагом ствол истончался, а гравитация росла. Когда ноги отяжелели настолько, что начали срываться, Рамзес встал. Ему требовалась устойчивость.

- Прыгай, мразь! – он хотел крикнуть, но из пересохшего горла вырвался только хрип.

Кровосос издал ликующий вой, обозначив атаку, и Рамзес сделал выпад. Закончилось все в долю секунды, так быстро, что обычный человек и не понял бы происходящего. Монстр резко шагнул вперед, отводя нож ударом лапы, и отчаянный бросок сталкера не имел особого успеха. Рамзес наткнулся на твердое как паровозный шатун колено и опрокинулся, едва задев врага клинком. Мутант обиженно заревел, а сталкер, понимая, что вот она, смерть, кувыркнулся со ствола.

Упасть – не упал.

Гравитационная аномалия подхватила его, потащила в крону сквозь иссохшие ветви. Потом дернуло за пояс, и Рамзес со сдавленным ахом повис. Капроновый шнур загудел от натуги, удерживая неподъемный груз.

От резкой смены тяготения Рамзеса замутило, но желудок, сокращаясь в конвульсиях, вытолкнуть содержимое не мог, сталкер весил теперь втрое. Наверху озадаченно ревел кровосос. Рамзес надеялся, что ранил его достаточно серьезно, хотя никакого проку от этого ранения не предвиделось. Кровососу царапина, а сталкеру разве что немного мстительной радости, ведь столкнуть двухсоткилограммовую тушу с дерева не удалось.

Рамзесу повезло, кровосос ему повстречался молодой и неопытный. Посыпалась древесная труха; мутант прыгнул сам, целя на запах крови и стук человеческого сердца. Аномалия подхватила его в воздухе и, крутанув, безжалостно швырнула на ветви. Рамзес услышал гулкий удар, словно лопнул залитый под горло бурдюк, и монстр захрипел. Видимо ему досталась вовсе уж запредельная гравитация, такая, что и протолкнуть воздух из легких не получалось.

Рамзес победно завопил и замолотил руками и ногами. Тут же захлебнулся криком. Сознание опасно поплыло. Сталкер вдохнул-выдохнул, чувствуя, как натужно сокращаются легкие, как тяжело бухает сердце.

Долго не протянуть, пришла недобрая мысль.

Шнур держал сталкера за ремень, сзади и чуть сбоку. Рамзес, передохнув, извернулся, перехватил толстую капроновую нить и подтянулся. Его организм давно адаптировался к Зоне, избавился от всяких подкожных излишеств и приобрел хищную поджарость. Даже тройной его вес сталкер вытягивал из гравитационного капкана. Сантиметр за сантиметром, перехват за перехватом Рамзес выбирался из опасной зоны, чувствуя, как легчает в груди. «Плешь» настойчиво тянула, но Рамзес уже видел сквозь листья корень, на который набросил шнур. Еще через полметра он разглядел узел отчетливо и едва не разжал от отчаяния руки.

Сталкер выдержал – шнур нет. С каждым рывком хвостик вслепую завязанного узла становился все короче. Шнур звенел от напряжения и вытягивал конец из накинута на дерево петли.

Рамзес захрипел от натуги, перебирая руками, но узел развязался быстрее. Сталкер почувствовал смертельную легкость в ладонях и с криком полетел обратно. Сухие ветви трещали вокруг, сыпали трухой в сторону аномалии. Только чудо и комбинезон с кевларовой подкладкой не дали им располосовать сталкера.

В кроне человек застрял. Узловатый сук толщиной в руку вошел прямо под жилет-разгрузку и законтрил Рамзеса намертво. Сказать, что ему повезло, Рамзес не решился бы. Он, впрочем, и не думал об отвлеченных вещах. Не умер, и ладно. Отнял у Зоны одну секунду, нужно отнять следующую. И еще пару сотен миллионов секунд.

Рамзес провисел час, другой, третий. Теперь он весил раз в пять-шесть больше, сдвинуться и даже повернуться не мог, сил не хватало. Сталкер выбросил из разгрузки все, до чего дотянулся, сберег только нож и взятые с Фокса вещи. Он достал таки кончиками пальцев до ветки над головой, но ничего не смог поделать. Остался висеть, и сук понемногу впивался ему в тело.

«Как я умру? - начал размышлять Рамзес. – Да уж не от голода. Сук распорет кожу и двинется к легким. По миллиметру. Я захлебнусь кровью. Невеселая перспектива, жаль, что я всегда легко переносил боль. Как было бы приятно сойти с ума от шока!»

Вскоре у сталкера начало гаснуть зрение и истончаться слух. Кровь оттягивалась гравитацией от головы, и рвущееся в запредельной нагрузке сердце не справлялось. Рамзес начал одновременно слепнуть,глохнуть и засыпать. Ему уже не причинял боль впившийся под ребра дубовый сук. Его не мучили глупые мысли и не страшила близкая смерть.

«Умираю...», - понял он и попытался улыбнуться.

Просто так, назло, но оттянутые книзу губы не слушались. Рамзес постарался еще раз, и у него получилось, отчего сталкер испытал прилив невинной детской радости. Даже посмеялся, квохотнул несколько раз как сонная курица.

И тогда сверху к нему прилетел увесистый камень – на самом деле речная галька, опутанная шнуром, таким же, какой подвел Рамзеса утром. Камень нечувствительно ударил в грудь, но тело сталкера чуть-чуть просело, и сук вошел таки в кожу. Рамзес ощутил, как кровь начала сочиться из раны; негусто, а это значило, что умирать придется медленно.

«Веревка? О господи, неужели ты думаешь, что я взберусь по ней?»

Веревка нетерпеливо подергалась, и Рамзес сделал единственно возможное. Онемевшими уже руками он протянул шнур под разгрузкой и связал прочным узлом. Прилив ленивой радости закончился, сталкер отчетливо понял, что вытянуть из аномальной трясины четыре сотни килограммов попросту невозможно. Поэтому, когда над головой что-то прожужжало, и неведомая сила грубо рванула его, вывернув окровавленный сук из-под разгрузки, он удивился и только затем потерял сознание от резкого скачка давления...

...Просыпаться не хотелось, но организм, замученный тренировками, сработал как по команде. Рамзес очнулся раньше, чем открыл глаза и сначала не понял, почему так легко. Потом вспомнил и попытался вскочить. Тело отреагировало на приказ тотальной болью, и некоторое время сталкер уговаривал организм подчиниться. С трудом сел, голова кружилась.

Раннее утро нового дня. Небо брызжет моросью. Рамзес промок насквозь, и в его состоянии это грозило воспалением легких с предсказуемым исходом.

Давешний дуб, сначала подаривший ему жизнь, а потом едва ее не отнявший, стоял неподалеку, в паре десятков метров, и бесконечно далеко, в предыдущей жизни. Рамзеса отволокли, будто куль с бельем, до ближайшего удобного пятачка, где оставили умирать. Обыскали? Наверняка, это Зона. Забрали? Рамзес проверил карманы – забрали! Навигатор Фокса пропал. Последняя, черт, надежда...

«Как ты меня вытащил? – устало задумался сталкер. – Робин Гуд хренов! Только тебя в Зоне не хватало...»

Рамзес помнил, что привязывал себя, а потом? Сталкер на месте спасителя перекинул бы шнур через ветку попрочнее, закрепил на другом конце груз, и запустил его в эпицентр аномалии. Не иначе, Робин Гуд так и поступил, а когда Рамзеса выдернуло из кроны как пробку из бутылки, рубанул по шнуру. Интересно, это он стрелял в кровососа?

Столько вопросов, а где ответы?

Один ответ Рамзес все же нашел. Он доковылял до поваленного ствола, и там увидел кровососа, распятого на ветвях почти в центре гравитационной воронки. Поразительно, но монстр еще жил! И даже тянул лапу к суку над головой, еще вчера толстому, а теперь

исполосованному когтями до гнилой сердцевины. Клешня опять сорвалась, гравитация потянула лапу и с хрустом вывихнула ее.

Кровосос протяжно вздохнул, и Рамзес даже смутно ему посочувствовал. Страшный конец...

От ходьбы Рамзесу опять стало нехорошо, аптечка пригодилась бы, но где она? Почти на другой планете, то есть под деревом, в цепких лапах гравитации. Там же, где топор и рюкзак.

На груди завибрировал смарт. Митька Цент, больше некому! Никто кроме толстяка Цента не знает этого номера.

Рамзес нажал кнопку приема:

- Я в полной заднице. Покажи меня.

На экране смарта образовалась понятная только посвященным картинка – множество пересекающихся линий, замкнутые контуры, иконки. На снимке со спутника Рамзес вычислил несколько маршрутов и выбрал самый короткий. Из расчета времени.

- Группа Фокса погибла, - сообщил он. – Маршрута к Оку у меня нет. Аллес, Цент. Отчетливо!

Собеседник заволновался:

- Тебе нужна помощь?

- Справляюсь.

На другом конце линии помолчали.

- Удаchi, Рамзес! Буду ждать тебя в Вешках... - Цент замялся на секунду и добавил, - лично.

- Давно пора, - проворчал Рамзес и зашарил по карманам в поисках сигарет. Машинально, потому что выкинул их вместе с аптечкой и прочим неподъемным от гравитации хламом.

Выйти сразу Рамзес не смог, ему требовался врач или хотя бы отдых. Сталкер заполз в корни дуба, инстинктивно, как умирающий зверь, выбирая укрытие от дождя и опасности. Там сжался в комок, стараясь побороть дрожь, и замер. Вскоре ему стало жарко, но и лихорадка усилилась. Сознание ускользало, и в этом состоянии полусна Рамзес буквально чувствовал, как борется организм. Как слипаются разорванные тяготением капилляры. Как кровь бурно насыщается живительной биохимией и разносит ее по контуженым тканям.

Сталкер заснул беспокойным сном раненного солдата. Ему снился пестрый кошмар. Он разговаривал во сне с покойным Вороном, обыскивал какие-то мерзкие трупы, строго допрашивал давешнюю Ингу из озера, и все время ощущал затылком тяжелый взгляд. Перед пробуждением, когда сознание, не обремененное телесными узами, как никогда свободно, Рамзес понял, что не человек следит за ним. Это Зона, чуждое людскому овеществленное сознание, расставляет фигуры в предстоящей партии.

ГЛАВА 2

1

Пейзаж за окнами, банальный донельзя, неспешно разматывался, убегая за корму пассажирского «МАН»а. Усыплял. Инга Рив любовалась такой чахоточной природой много лет, чтобы испытывать что-нибудь кроме скуки. Любовалась тоже из окон, сначала - желтого автобуса государственной школы штата Мэн, потом через лобовое стекло «Мицубиши-Эволюшн», когда папа разбогател и подарил дочери-студентке машину. И хотя где Мэн, а где это захолустье, потерянное богом среди России или Украины – Инга так и не разобралась толком, а вот поди ж ты! Будто и не летела на другой край земли.

Широты, наверное, те же.

Правда, здесь ей обещали приключения, Зону и экстрим на грани. Круче, чем камбоджийские джунгли, после которых, к слову, Инга три месяца изгоняла из организма не к столу будет сказано какую гадость.

- Там все чисто, леди, - говорил подпольный тур-дилер, - там не джунгли, там Европа.

И спохватывался:

- Но экстрим гарантирован, у нас известная фирма, с нами работают... – он сыпал фамилиями, совал фотографии.

- Сколько?

Дилер назвал три суммы, Инга, не торгуясь, выбрала самую крупную. Дилер поскуцнел, но оформлять не отказался. Только спросил перед вылетом:

- А может, секс-тур? Украина со скидкой.

Инге не требовался секс-тур. При ее данных секс-тур она могла организовать сама, в любом месте и в любое время.

- Меня интересует Зона, - сказала она мягко, и дилер поскуцнел еще больше. – Вы гарантируете мне поход до верхних уровней и съемку на фоне Саркофага?

- Йес, леди, оф кос! – засуетился дилер.

Инга сверкнула на него черными очками:

- Не обманите, милейший!

Милейший обманул.

Ингу встретил в Киевском аэропорту хлыщеватый тип с табличкой «Мисс Рив», ошалевший при виде стриженной девицы с легкой сумкой за плечами.

- Зона! Ва-ау! – хлыщ делал пальцами окей. – Бьютифул!

Инга соглашалась.

- Ю арми бефо... мля, как ее?... Бефо ту гоу Зона, ю маст арми... Сечешь – нет? Тьфу, коза бритая!

Сели в «Фольксваген», непривычно тесный после американских машин, и долго ехали сначала просторной трассой, а потом темными грязными улицами. Здесь не жили, островки бурлящей жизни с колоннами грузовиков и дымящими трубами сменялись километрами запустения, серыми зданиями с выбитыми или грязными до непрозрачности окнами. Промзона, так это, кажется, называлось. Инге следовало бояться, а она веселилась: хлыщ обсуждал ее с шофером, делал разные предположения, в основном интимного свойства, но ни разу не угадал.

Когда пошли на третий круг по одним и тем же местам – жулики не то путали следы, не то хотели содрать с американки по грабительскому тарифу, она возмутилась и на чистом русском почти вежливо попросила не крутить вола за хвост. Хлыщ издал звук, будто лампочку проглотил. Покраснел так, что обильные прыщи выделялись белым на потной мордочке.

Сразу же свернули в неприметные ворота, поднялись в офис, бывшую заводскую канцелярию, и здесь Ингу ожидал сюрприз.

- Инка Порывай! – холеный седой мужик наставил на нее палец словно пистолет. – Ну, бог твою мать, дочка Порывая! Говорили, будет посылка из Америки, а это ты. Как там папанька, старый дровича? Федьку не вспоминает?

Инга с достоинством объяснила, что папа занимается бизнесом, после десятого миллиона впал в ностальгию и любит вспоминать прошлое, особенно Федьку. Поскольку папа о малой родине кроме как площадными словами не говорил, Инга очень надеялась, что пузатый Федька не станет вдаваться в подробности.

- Ерунда! – отмахнулся Федька от папиных миллионов. – Я и сам не бутылки собираю. Ты зачем сюда?

Инга ответила. Федька сердито зажевал губами:

- Несет вас, малохолных! Охота тебе гулять по свалке со всяким отребьем?!

- Да, - кивнула Инга. – Я плачу.

Федька посмотрел внимательнее.

- Вся в отца, - усмехнулся он. – Ладно, давай так...

Он небрежно пульнул по гладкому столу файл с Ингиными бумагами.

- Это все лажа. Бронированный автобус, охранный агентством Пинкертон, десять километров по рокаде вдоль Периметра и внутрь километра на два, до транзитного блок-поста. Там покажут надувного монстра, от чего тетя Мери из Мериленда ляжет в обморок, и вас с мигалками вывезут до ближайшей сувенирной лавки. Может, еще вертолет пустят, для шума. Ты этого хотела?

- Нет! Мне обещали индивидуальный тур!

- Ну... выпустят на травку в безопасном месте. На час-другой, не больше. Идти с тобой в Зону дураков нема.

Федька всхлипнул, изобразив в меру таланта сочувственный вздох.

- Меня... как это?.. не устраивает, - не отступала Инга. - Давайте варианты.

Федька начал быстро двигать сжатыми губами. Задумался.

- Лучше я тебе совет дам! – наконец, решил он. - Езжай рейсовым до какой-нибудь деревеньки на Периметре. Сними квартиру, осмотришься. Там этой швали... стал-ке-ров, – выговорил Федька по слогам, - как тараканов. Ищи нормального, пусть проводит тебя... недалеко. Очень советую - недалеко! Плати, как вернетесь и, бога ради, держи его на прицеле. Всегда – когда спишь, ешь или писаешь.

- Пойдет, - быстро согласилась Инга. – Оружие доставили?

- Митяй! – заорал Федька, и стекла зазвенели.

Давешний хлыщ притащил кофр с винтовкой.

- Только я тебе этого не говорил, - отечески предостерег Федька. – У нас фирма солидная. Секс-туры вот, со скидкой.

Инга улыбнулась на прощание.

- Вернется? Не вернется? – гадал расчувствовавшийся Федька, провожая Ингу взглядом из немытого окна.

- Не вернется, коза, - злорадно предрек Митяй.

Машина с Ингой давно выехала за ворота, а Федька все стоял, изучая грязные разводы.

- Что ей нужно в Зоне? – спросил он, и Митяй равнодушно пожал плечами. – Гулять негде? И деньги вернуть не требует... Странно все это! Набери-ка мне, сам знаешь кого...

...Над головой захрипело, и девушка очнулась от полудремы. Отпила воды из купленной на остановке бутылки. Рейсовый МАН «39й километр – Ясенево - Вешки» все так же наматывал на шины дорогу вдоль Периметра. С переднего сиденья поднялся нагловатый рыжий паренек, с которым Инга переглянулась на посадке – она холодно, он с интересом, и взял в руки микрофон. Автобус, судя по салону, отслужил в турбизнесе много лет назад, но громкоговорители работали.

«Сейчас он скажет раз-раз-раз», - обреченно подумала Инга.

- Шановни пассажиры! – сказал парень и весело подмигнул Инге, - Особливо, пассажирки! Мы с вами проезжаем вдоль так называемого Периметра, который есть просто забор между Зоной и нормальной жизнью, если можно ее так назвать.

Инга отвернулась, но парень не унимался и говорил красиво, стервец! О Чернобыле, взрыве, зоне отчуждения, которая неожиданно для всех стала Зоной. Просто Зоной с большой буквы. О монстрах говорил, об артефактах, о странных делах, что творятся на той стороне. Народ одобрительно гудел и вставлял реплики.

- В прошлой неделе в Вешках собаки были, - все перебивал некий селянин в пиджаке на спортивную майку. – Собак этим годом много из Зоны прет, стаями. Монстры слепые! Ищенкову корову задрали, а саму загнали на дерево. Нюрка-то в теле, пудов шесть, как влезла не помнит, но как яе сымали... у-у, как яе сымали!

Селянин подпрыгивал от возбуждения.

- Врет она! – тут же завелась разбитная бабенка. – Какие собаки, вон проволока электрическая.

Инга уже заметила вдалеке разделительную полосу с густо натянутой сечкой.

- Сами забили, поди, - горячилась баба. - Корова-то у них старая, а так за нее канпесацию дают.

- Периметр действительно оборудован по всем правилам, - вклинился паренек и смотрел теперь строго, глаза в глаза. Инга даже прищурилась, не желая отводить взгляда.

— Там не только режущая проволока под напряжением. Там минные поля и пулеметы с автонаводкой. Каждый метр изгороди просматривается с телекамер, а в двухкилометровой отсечной зоне барражируют беспилотники...

- Были собаки! – гаркнул селянин. – Вешенские мужики семь штук постреляли!

- ...а по рокадной дороге курсируют патрули миротворческих сил, - повысил голос парень. – Плюс блок-посты с артиллерией, плюс вертолеты, плюс наблюдательные пункты, плюс то, о чем мы не знаем.

- Менты еще, - пискнул кто-то, и автобус оживленно зашумел о ментах и почему-то о ценах на солярку.

- Чтобы оценить реальную опасность, - закончил парень, уже обращаясь исключительно к Инге, - достаточно сказать, что движение по этой дороге разрешено только по спецпропускам и в сопровождении, как уже говорили, сотрудников милиции. Кстати, поприветствуем! За рулем у нас, как всегда, дядя Саня, а службу несет... как вас по имени-отчеству?

- Ефрейтор Кулебяко! – буркнул толстомордый молодец в камуфляже, проспавший всю дорогу рядом с водителем. – Ты что разорался?

- Вот! Ефрейтор Кобе... Кулебяко охраняет нас от Зоны...

Самозванный гид не договорил. Автобус, миновав слепой поворот, вдруг задержался, шофер бил по тормозам короткими ударами. Зад ощутимо повело в сторону обочины, и автобус под общий стон-выдох встал поперек дороги.

- М-мать! – взрыднул шофер. – Чтоб тебе, гад!..

Дядя Саня пожелал неизвестному гаду столько всего занимательного, что Инга, наверное, и записала бы для памяти, но тут в лобовое стекло впечаталась снаружи ладонь. Неимоверно грязная, она поползла вниз с отвратительным стеклянным взвизгом, оставляя черно-красный след.

Автобус затих, Инга передернула плечами.

- Как в кино, - прошептала ее соседка, девица неприметной мышиной внешности.

Старый фильм о кораблекрушении Инга помнила, но здесь было не как в кино. Ничего эротичного и даже изящного. Кто-то пытался то ли остановить автобус, то ли просто удержаться на ногах. Таким безнадёжным показалось это движение.

В гробовой тишине ефрейтор Кулебяко уронил автомат, и все разом загалдели.

- Задавили? Нет? Задавили?!

- Эй, Кобеляка, хва дрыхнуть, иди глянь...

- Пиндосам звоните! У кого мобила? У меня две гривны на счету...

- Ежжай! – верещала баба. – У меня дети!

- Люди, вы охренели?! - заорал в микрофон парень. - Посмотреть же надо!

С утробным звуком распахнулась дверь. Вспотевший ефрейтор изготовил автомат и грохотнул по ступеням подкованными ботинками. Пассажиры умолкли.

- Что там? – спросил шофера писклявый. – Видно?

Дядя Саня уперся в лобовое стекло и заглянул в мертвую зону перед бампером. Оттуда лязгнуло металлом.

- Добил?! – нервно хихикнули в салоне.

Шофер вдруг побледнел и слепо заискал рычаг. Дверь зашипела, начала схлопываться, но ее перехватили и со скрежетом разомкнули. Синюшная рука ухватила за поручень, и в салон втянулся черный человек с красными глазами.

Рядом с Зоной таких шуток не понимали. Инга увидела, как селянин юрким движением сунул руку под пиджак.

Пришелец встал, опираясь на милицейский автомат как на тросточку. Покачнулся. В

лицо ему не смотрели, или смотрели как Инга, из-под ресниц. Все же, это был не монстр. Невысокий, седой человек, иссиня-черный неестественной чернотой, словно гематома расплзлась на все тело. Только глаза цвета свежей крови.

В дверь заглянул, не решаясь подняться, ефрейтор Кулебяко. Милиционер держал руку на весу и выглядел не так воинственно, как полминуты назад.

- Эй, мужик! – крикнул он в салон. – Автомат отдай, добром прошу!

Человек, не оглядываясь, уронил автомат и быстро зашагал между креслами. На ходу сжал плечо бойкому селянину, не давая выпростать оружие. Человек смотрел на Ингу, это она поняла отчетливо. Не за спину, не на соседку, на нее! Страх, и до того невеликий, привычно обратился азартом: что будет? Что этот черный седой красноглазый сделает?

Человек навис над ней.

- Разрешите?

Инга впервые услышала его пересохший голос. Она разжала пальцы. Человек бережно принял бутылку и одним движением влил в себя все, что в ней оставалось. Вода побежала по лицу, по испачканному – даже цвета не разобрать – армейскому комбинезону, закапала жидкой грязью. Человек выронил бутылку и опустился на пол.

- Шеф, – крикнул он негромко. – Мне до Вешек, я заплачу!

И заснул, приткнувшись к подлокотнику Ингиного кресла. Ефрейтор Кулебяко стоял над ним, щелкая предохранителем автомата, и не знал, что делать.

2

Рамзесу снился привычный сон.

Вероника приехала в чистеньком, вишневого цвета «Матизе», и Глеб ее просмотрел. Он не ожидал, что Ника появится из безделушечной машинки, следил за тротуаром и остановкой маршрутного автобуса.

- Привет! – тепло сказала Вероника.

Глеб сразу все понял. Даже не так, понимал умом давно, а сейчас почувствовал, как тяжелый комок, слепленный из вины, ревности и надежды, прорвался и затопил душу безнадегой. Ника должна была с разгону врезать ему жестким кулачком в глаз. Тогда все стало бы на свои места. Они бы поскандалили, а ночью громко помирились, пугая соседей.

- Привет, - Глебу пришлось откашляться.

Они зашли в ресторанчик, и официанты стали носить заказанные блюда. Угощение Глеб выбирал придирчиво, хотел угодить жене, а теперь, глядя, как она равнодушно двигает тарелки, застыдился. Все показалось убогим и провинциальным, этот ресторан на окраине, этот город.

Ника разделявала мясо, ловко управляясь ножом и вилок. Раньше она ела не так, сначала все резала, а потом уминала блюдо с аппетитом новобранца.

- Ты стала еще красивее.

- Спасибо. Ты тоже... изменился, - обтекаемо ответила Ника.

- Это после госпиталя...

Глеб осекся. Нет, давить на жалость он не станет! Еще не опустился до этого. Да и к чему поминать лишний раз подпольную лечебницу?

- Госпиталь? - переспросила жена. – Зона, хабар, госпиталь, другая зона – исправительная. Потом знаешь что? Могила.

Глеб молчал, не находя, что ответить, и молчала жена, которой, очевидно, было нечего сказать.

- Зато ты в порядке, - прервал молчание Глеб. – Я рад за тебя.

- Да, я в порядке, - не стала щадить его Ника. - У меня есть любимый человек, любимая работа, любимая машина. Это нормальная жизнь.

- А я? – спросил Глеб, будто ныряя в омут.

- А ты умер, Глеб. Еще тогда. Я не знаю, кто мне звонил вчера и с кем я разговариваю

сейчас.

- Я выжил!

- Ну, если это можно назвать жизнью...

Ника вдруг швырнула вилку, и тарелки жалобно зазвенели.

- Какого черта ты явился? – прошипела она, и Глеб отчетливо понял, что ей ничуть не легче. - Я же только-только успокоилась. Я тебя ждала, дурак, а ты!.. Видеть тебя не могу!

- Прости!

Глеб хотел поймать ее руку, но жена резко отстранилась. Нервно закурила и почти сразу же бросила сигарету в пепельницу.

- Мне пора ехать...

Сон растворился в глубинах подсознания, чтобы вернуться еще не раз.

Сталкер проснулся.

- ...мне пора ехать, - услышал он.

Рамзес всегда просыпался сразу. Мгновенно: зрачки еще возвращались под веки, а организм уже заканчивал срочную мобилизацию. Эту технику Глеб осваивал долго и мучительно, но она того стоила. Девушек опять же впечатляло, некоторых до визга.

Сталкер открыл глаза. Пузатенький человек стоял над ним и помавал руками, не решаясь потрепсти.

- Доброе утро! – дружелюбно сказал толстяк, и Глеб безошибочно определил в нем врача. – Вижу, проснулся?

Глеб осмотрелся, стараясь не делать резких движений. За окном деревенский пейзаж, пасмурный день, судя по неяркому свету. Чистая низкая комнатка совсем не похожа на больничную палату. И все же – врач.

- Поразительно, - сказал толстяк, - еще вчера я настаивал на срочной госпитализации. У вас уникальный организм, гражданин... больной.

Глеб неопределенно хмыкнул, не протестуя, но и не соглашаясь, и врач спохватился.

- Впрочем, я и сейчас посоветовал бы стационар, но отказаться ваше право. Сильный организм, несомненно. Здесь лекарства. Прошу рассчитаться, мне действительно пора ехать.

Он положил руку на гору медицинских коробочек. Глеб открыл рот ответить, но его опередили.

- Окей, док. Жду вас послезавтра, - было сказано глубоким женским голосом. Бархатным, но бархат явно стелен поверх стали. И еще грассирующий акцент, едва уловимая неправильность в произношении.

Глеб оглянулся. Молодая женщина в армейских брюках и куртке-штормовке перебирала купюры в бумажнике. Глеб подметил и высокие скулы (татарские предки, не иначе), и крепкую спортивную фигуру. Нос с горбинкой, серые глаза. Темные волосы, очень короткие, даже не «под мальчика», а еще короче - практичная мужская стрижка, только круглые маленькие уши смешно торчат.

Обаятельная девушка... могла бы быть. И лицо кажется знакомым. Что-то связанное с ней произошло совсем недавно, очевидно, когда сталкер выходил из Зоны в полубессознательном состоянии. Мысли начинали путаться, как только Рамзес напрягал память.

- Не-е... – нужно, хотел сказать Рамзес, я сам заплачу, но поперхнулся иссохшим горлом.

- Воды побольше, - посоветовал врач, скрываясь за дверью, и Рамзес с ним был абсолютно согласен.

Девушка села у изголовья и протянула Рамзесу кружку.

- Плохая вода, - сказала она, будто извиняясь. – Из... как это?.. земли. Из колодца.

Вода и впрямь оказалась не очень, уж Глеб разбирался в таких вещах. Впрочем, где здесь, в Зоне и окрестностях, здоровая вода? Рамзес цедил питье строго по науке: смачивал язык, небо, и только потом глотал, наслаждаясь холодной щекоткой в пищеводе.

Девушка разглядывала его без какого-либо стеснения. В здешних краях сказали бы:

вылупилась, бесстыжая, но в местах не столь консервативных такой взгляд назывался открытым. Правда, не очень дружелюбным. Было что-то в этих огромных глазах, чего Глеб не мог понять. То ли прищур, то ли пристальность, совершенно нехарактерная для совсем молодой женщины. Акцент и заминки на самых простых словах подсказывали, что девица приехала издалека, и русский для нее не родной язык. Или основательно подзабытый. Видимо, дочь эмигрантов, изучавшая родные напевы на примере родительских ссор. Из того, заграничного бытия открытость. Из другой, родительской жизни оценивающий прищур и жесткость.

Многое читал Рамзес в этом взгляде, что мог прочесть мужчина, не обделенный женским вниманием. Девочка интересная, как говорится, с перчиком. С тайной, загадкой, которую неплохо бы разгадать, хотя опыт подсказывал, что загадка та высокого уровня сложности.

Напившись, Глеб вытянулся на скрипучей раскладушке и провел ревизию организма, напрягая поочередно мышцы от пальцев ног и выше. Что ж, бывало и хуже, решил он и сел в кровати. Кружилась голова, нужно было встать, но – пикантный момент – Рамзес понял, что не одет. Совершенно. Он покосился на девицу.

Девушка, хмыкнув, откуда-то вынула и положила рядом с Глебом стопку чистой одежды. Отвернулась, пока Глеб одевался.

- Ленка стирала, - сказала девушка в пространство. – А это - дом ее матери. Можешь быть им благодарен.

И ни слова, ни аха, мол, лежите, больной. Девица определенно начинала Глебу нравиться.

- Я благодарен.

Глеб попробовал встать. Голова закружилась сильнее, несколько мгновений сталкер боролся с обмороком. Он дождался, пока разлаженный организм мобилизуется, и сделал первое упражнение. Тело подчинялось неохотно. Глеб выполнил второе, третье и, наконец, вошел в ритм.

Разминаться учил опять таки Мишка Ворон, два года назад. Перед упражнениями ветеран обычно медитировал, рассуждал о потоках энергии, точках силы и прочей мутной философии. Разминал язык, так это называл сугубый материалист, иногда, по обстоятельствам, верующий, Рамзес. Насколько Мишка верил в свою философию - вопрос темный, Глеб подозревал, что не особо и верил, но комплекс собрал толковый. Обманчиво простые движения подстегивали не хуже иного энергетика.

Девушка сидела, опершись подбородком на кулак, а кулаком на спинку стула, и смотрела как Глеб, который позавчера наладился умирать у ее ног, разминается.

- Ух ты! – удивилась она. – И на шпагат можешь?

- Я много чего могу, - не стал скромничать Глеб.

- Уважаю! Мышцы должны быть сильными, но... как это?... компактными. Большие мышцы нужны только в спорте, а в жизни их кормить приходится и на себе таскать. Хочу тебя спросить: ты, часом, не дурак?

- Не замечал, - признался Глеб. – А что?

- Ну... – девушка неопределенно повела рукой. – Когда ты вскочил и начал размахивать ногами, я удивилась и решила уточнить. Значит, ты передо мной... как это?... выпендриваешься?

Рамзес смахнул со лба нездоровый пот.

- Ты кто, прелестное дитя? – начал он и сразу же понял, что взял неверный тон.

Сталкер привык, что женщины млеют от его самцовости, наработанной многочисленными ходками за Периметр. Ему приелось когда-то любимое занятие – азартная борьба за подругу. Возраст и Зона сменили приоритеты, и теперь Глеб общался исключительно с девушками сильно моложе себя. С которыми проще. Которые не напоминают жену до спазмов в горле. До желания напиться вдрызг и подраться в кровь.

С этой проще не получалось, у этой характер блестел в глазах.

- Меня зовут Инга, - ответила девушка, едва заметно раздувая крылья носа. – Инга Порывай. А ты?

Инга?! Сталкер помнил озеро и бесстрашную пловчиху, а вот лица не помнил. Не смотрел в лицо, если честно. Как пацан, ей-богу.

- Глеб, - представился Рамзес после секундной заминки. – Я не выпендриваюсь. Правило такое - не разогретые мышцы могут подвести.

Не объяснять же, что это физическая потребность где-то на уровне рефлекса.

Инга кивнула.

- Штаты? Европа? – спросил Глеб. - Выговор у тебя нездешний.

- Штаты. Но родилась тут... неподалеку.

Интересно! Глеб поставил галочку против этого пункта в воображаемом списке. Нужно обдумать.

- Спасибо тебе. Это ведь ты меня вытащила?

- Да, - абсолютно без рисовки подтвердила девица. – Ты что-нибудь помнишь?

- Автобус, - неуверенно сказал Глеб.

- Тебя хотела арестовать полиция... то есть милиция. Я дала пятьсот долларов, потому что ты отнял у копа автомат.

- Автомат не помню, - растерялся Глеб, утирая полотенцем лицо. – Но я хотя бы пристрелил вымогателя?

- Нет, но собирался, - девушка вдруг улыбнулась, и улыбка оказалась чудо как хороша. Западал Глеб на девичью улыбку, имел слабость. Никакие прелести не цепляли его, как уголки губ и ямочки на щеках.

- Обычно, они берут триста, - Глеб не мог отвести взгляда. - И велят проваливать с их территории.

- Тебе тоже велели, - девушка стала серьезной, - но ты был... как это?.. не-транс-портбелен. Я думала, ты умрешь.

- Я живучий, - Глеб вспомнил завистливые шепотки за спиной.

- Ты сталкер! Говорят, все сталкеры живучие.

Глеб неопределенно повел головой.

- А ты здесь какими судьбами?

Инга протянула визитку.

– Фонд защиты экстремальной природы, эксперт и директор в одном лице.

Она не стала упоминать, что еще состоит в попечительском совете на пару с папенькой, который меньше чем на председателя не соглашался и денег давать не хотел. Других единиц штатное расписание Фонда не предусматривало.

Глеб принял картонный прямоугольник. Легкомысленные виньетки, красивый логотип. В углу длинный телефонный номер, хорошо запоминающийся, и ничего более, ни имен, ни должностей. Таких картонок и Глеб мог наштамповать сколько угодно. С самыми вычурными и бессмысленными названиями.

- Это понятно. Фонд, природа, ага, - осторожно сказал Рамзес. – Но я не об этом спрашивал.

- Хочу сходить в Зону, - пожала плечами Инга. Мол, откровенность за откровенность.

Туристов в Зоне не любили чуть меньше кровососов и чуть больше псевдопсов. А попросту - от всей души ненавидели, как только завшивевший окопник может ненавидеть залетного барчука-корреспондента.

Сидела бы ты дома... залетная! Глеб смотрел немигающим взглядом, чувствуя, как улетучивается симпатия и пробирает злость. На всякий случай уточнил:

- Артефакты можно купить и здесь.

- Мне не нужны артефакты...

Девушка, уловив его настроение, растеряно сморгнула.

- В добрый путь, - пожелал Глеб невыносимо скрипучим голосом и, наконец, отвернулся.

Инга физически почувствовала облегчение. Рамзес вышел из комнаты на негнущихся от бешенства ногах и аккуратно прикрыл за собой дверь.

«Лучше бы грохнул, - подумала Инга. - Павлин!»

- Здравствуйте, мамаша. Это какой населенный пункт будет? – павлин насел на безобидную Анну Павловну, Ленкину маму. – Деревня, спрашиваю, как называется?! Вешки? А день какой сегодня? Суббота уже?! А помыться где можно?

Павлин!

В комнату влетела хозяйкина дочь, мелкотелая серенькая мышка Леночка, поклонница романтических фильмов, удачно оказавшаяся с Ингой в одном автобусе.

- Ин, он синий весь! – Леночкин голос дрожал сладкой обморочной дрожью. – А зенки красные! Я с ним в дверях столкнулась, прям вот так, - она показала. – Господи, а страшный-то! Чего рассказывает?

- Ничего, - скучным голосом ответила Инга. – Дурак какой-то. Ленка, у вас есть... не знаю... бар или клуб. Где мужики собираются.

Леночка немного успокоилась и любопытно засверкала глазками.

- Бар «Харчо» есть. Но я туда не хожу, там только шалавы ошиваются.

- А сталкеры ошиваются?

Леночка поскучилась.

- Не знаю... Нет у нас сталкеров. По телевизору говорили, что уже нет... почти.

Инга успела выяснить за вчерашним чаепитием, что Леночкин папа сгинул в Зоне уже несколько лет как.

- У нас тут по-свойски все, как у родных, - простодушно объяснила Анна Павловна. – Жить-то надо, вот и ходят мужики к забору, собирают камушки, - она показала белый кругляшок. - Давление у меня, а это лучше всяких таблеток.

Простецкое «ходят» у Инги совсем не ассоциировалось с харизматическим «сталкер», но местные, похоже, особой разницы не видели. Интересно, что за «сталкеры» ошиваются в «Харчо»?

- Сталкеры – это кто часто и далеко в Зону ходит, - терпеливо объяснила она. – Хочу тоже сходить.

- Рисковая ты, Инка! Я б со страху померла. Ну, зачем тебе, правда?

На Леночку Инга не сердилась, хотя вообще бабскость и трусость ненавидела.

- А ты хотела бы... - она задумалась, прикидывая какую часть правды сказать, - жить... как это?... на полную катушку? Чтобы, как говорится, было, что вспомнить. Есть у тебя, что вспомнить?

- Море, - улыбнулась мышка и застеснялась. - Ради моря я готова даже в Зону.

- И я готова. Ради Зоны. У меня все есть, Ленка, а вспомнить нечего, Зоны нет.

- Ну есть у меня Зона, - усмехнулась Леночка. – Вон, за околицей. И что? Думаешь, там счастье закопано?

Глеб объявился вечером, когда по деревенскому обычаю и на боковую пора. Лена с Анной Павловной сидели за чаем на веранде. Горячий напиток со вкусом сладкого варенья и горькой травы Инга пила, только чтобы не обидеть хозяек. Они ей нравились, мама с дочкой, нравились отзывчивостью, неторопливостью, беззлобностью к жизни, каковое качество Ингу поражало до глубины души. Папа с детства учил ее точить когти и при случае рвать свое.

Сталкер шумно топал по дорожке, кашлял, скрипел крыльцом, хлопал дверью. Обозначал себя, чтобы не пугать впечатлительных женщин.

- Есть кто дома? – сунулся он на веранду и улыбнулся в тридцать два зуба. Напрасно улыбнулся, крепкие на вид десны кровоточили.

Сталкер выложил из бумажного пакета гостинцы: чай, сахар, булочки, загнутые колечком, сухие и жесткие до деревянного звона – Инга таких и не видела никогда. Поставил в центр стола бутылку и вообще, держался свободно, шутил, рассказывал небылицы.

На Ингу сталкер не обращал внимания, будто на стуле с высокой спинкой брошен теплый платок, а не кутается от вечерней прохлады злющая американка.

Глеб тем временем жаловался на глаза, мол, сосуды полопались, и от его слов не так страшно было смотреть в налитые кровью белки. Впрочем, крови поубавилось, стало заметно, что зрачки у ходока голубые и очень яркие. Синюшная кожа быстро приобретала оттенок рассасывающейся гематомы, проступал загар, припорошенный белой пылью, какой бывает от долгого пребывания на воздухе и солнце. От этих перемен Глеб молодец. Теперь девушка дала бы ему не больше тридцати. И только седины прибавилось.

«Оттого, что голову вымыл», - подсказал язвительный внутренний голос.

Со сталкером вообще происходило что-то интересное, ну не может человек так быстро восстанавливаться!

- Анна Павловна! – разливался соловьем Глеб. – Не прогоните бездомного. Я у вас переночую? Вот, хотя бы на веранде. Заплачу, конечно.

Три часа назад денег у него не было, вспомнила Инга. Из карманов перед стиркой Леночка извлекла только пустой бумажник, ужасного вида нож и смартфон в экстремальном исполнении.

- Конечно, конечно, Глебушка, - запричитала Анна Павловна, - разве нам жалко?

- До завтра только. Завтра уйду.

Инга насторожилась.

- И тебе, Инга, спасибо, - сталкер, наконец, обратил на нее внимание. – За заботу и вообще...

Он выложил на стол несколько разноцветных купюр и поднялся.

- Здесь за лекарства, за доктора и те пятьсот долларов.

Инга залпом допила приторную бурду и тоже засобиралась. Деньги остались лежать на столе.

3

Вешки казались деревней благополучной. Ровный асфальт на главной улице, справные дома, большей частью заселенные, автомобили. Глеб мимолетно удивился. Откуда? Неужели при Зоне так хлебно жить?

Ну, понятно, что хабар здесь водится. Понятно, что от его, хабара, круговорота в денежном пространстве возникают некие местные преференции. Но сколько ни видел Глеб подобных деревенок у Периметра, такого благополучия еще не встречал. Ощущалась в этом какая-то неправильность. Спокойно было в Вешках, по-деревенски сонно, каковое состояние вблизи Зоны не могло иметь места по определению.

Неплохо бы поразмыслить на этот счет, а лучше озадачить прирожденного аналитика Митьку Цента.

Цент, где ты?!

По всем расчетам выходило, что Цент уже должен появиться в Вешках. Даже если Митьке пришлось пересечь десяток часовых поясов - это все равно меньше нескольких километров там, за Периметром. И, главное, быстрее. Глеб искал Цента еще днем, не нашел и начал обзванивать все известные ему номера. Сначала каждый час. Потом каждые полчаса.

«Митька, возьми трубку!» - молил Рамзес, слушая длинные гудки.

Цент не отвечал. Ни когда Глеб позвонил в первый раз, ни сейчас, вечером, когда набирал его каждые пятнадцать минут.

Глеб убрал смарт, увесистый кирпичик, старомодный и неказистый на вид. Внешность, как всегда, обманывала: при нажатии кодовой последовательности смартфон переходил в режим спутникового терминала, защищенного от чужого любопытства всеми доступными способами. Цент конструировал, дал волю золотым ручкам.

Стемнело. Рамзес пошел в очередной обход невеликих Вешек. Цент не появился, но Рамзес все равно спрашивал о нем на почте, у фельдшера, на автостанции. Даже стукнул в запертую милицию.

Или что-то случилось, или... В любом случае, действовать нужно, не мешкая. Глеб

понимал, что время уходит, и события перестают укладываться в идеально проработанный план.

В баре «Харчо», как не без оснований полагал Рамзес - сталкерском, его встретили неприветливо. Приняли за чужака.

- Закрываемся!

Рамзес огляделся с интересом: ночной бар разительно отличался от того унылого пищеблока, каким он притворялся днем. Когда-то в этом здании располагался сельский клуб, культурный центр населенного пункта Вешки и окрестностей. В принципе, суть не изменилась, центр остался центром. Изменилась культура. Вместо киноэкрана с романтичным индийским мордобоем телевизор над стойкой транслирует стриптиз. В танцевальном зале столики. В Вешках уже не танцуют, своей молодежи нет, а пришлая предпочитает махать кулаками. И пить, куда же без этого. Встречаются эстеты, требующие и вовсе особых релаксантов, доселе в провинциальных Вешках не употреблявшихся.

В такой поздний час в «Харчо» было оживленно. Глебу хватило взгляда понять: здесь все свои. Кого-то в более известных местах и на порог не пустили бы, но здесь все они сталкеры. Даже мясо, нюхавшее Зону не дальше километра за Периметром.

- Глухой, что ли? – без особой злобы проворчал бармен с бэйджем «Вадик» на груди.

Он вышел из-за стойки, показав под отглаженной рубашкой спортивные брюки и домашние шлепанцы. Глеб даже крикнул – местный колорит, однако!

- Ау, господин хороший! Мы уже не работаем! – бармен узнал его и осекся.

- Водочки налей, холодной, - проникновенно велел Рамзес и сунул бармену заранее приготовленную купюру. Крупную.

Вадик смешался, и гул разговоров стих.

К бойкоту Глеб не сумел привыкнуть, как ни старался. На него демонстративно не смотрели, но прислушивались, не выпуская из поля если не зрения, то внимания. Как, наверное, не выпускали бы заползшего в бар гремучника: вроде и сбежать неловко, и страшно – а ну, как цапнет?

- Явился, мля... – повисла в воздухе негромкая фраза.

– Говорили, поддыхает... – повисла вторая.

- Сдохнет такой!..

И в завершение - вердикт, не подлежащий обжалованию:

- Оборотень!

Рамзес, стараясь не расплескать бешенство, присел на высокий стул у стойки. Закурил сигарету с подноса, где россыпью лежали несколько марок, и привычно начал отсчитывать: «сто один», «сто два», «сто три», и так далее, пока не схлынет ярость.

С водкой бармен не торопился. Рамзес вертел зажигалку с фирменным логотипом «Харчо» и осматривался. Без особого удивления заметил за дальним столиком Ингу в компании пьяного в хлам рыжеволосого парня. Девушка, высокомерная как принцесса на конюшне, цедила из бокала что-то легкое.

Молчание тянулось издевательски долго, ощутимо давило на психику. Впрочем, психику Рамзес имел тренированную, Зоной не раз проверенную, и верно, нарушил молчание не он.

Перебравший рыжий парень, почти мальчишка, сидевший рядом с Ингой, почуял неладное и развернулся всем корпусом.

- Шановны посетители... - возгласил он и громко икнул, упершись в Рамзеса мутным взглядом.

- Это кто?

Ему вполголоса ответили.

- А зачем он приперся? – с неподдельным любопытством спросил парень, разглядывая Глеба как диковинного жука. – Это ж сталкерский бар, или я чего-то не понимаю?

«Это гнусная забегаловка!» - нехорошо развеселился Глеб.

В организме стало очень легко, как бывает перед хорошей дракой. Хотя драться не

следовало. По уму, следовало говорить с хозяином, а предварительно выпить. Два по пятьдесят беленькой и не больше.

Улыбка взбесила парнишку. Он добрался до стойки заплетающимся шагом, рухнул на табурет и обнял Глеба за плечи.

«Это ты зря...» - подумал Рамзес, глядя в осоловевшие щенячьи глаза, и вдавил едва начатую сигарету в пепельницу.

- Вот я – сталкер, - признался мальчишка, занимая паузу разговором. - Я хожу в Зону, а ты знаешь, что это такое?..

Слушать о тяготах мальчишеской жизни Глеб не стал. Он взял «сталкера» за кисть и повернул отработанным движением. Когда парень уткнулся в пол, округлив рот в немом вопле, объяснил:

- Это я сталкер, а ты щенок. Отчетливо понял?

- Д-да...

- Тогда проваливай, и чтобы я тебя больше не видел. Ни-ко-гда!

Парнишка, направленный пинком в нужную сторону, пару секунд отдыхал на полу в неприличной позе. Потом резво выбросился в сторону Глеба, тараня головой живот.

«Выпил, твою мать!» – огорчился Рамзес, обрывая таран ударом в висок.

Мальчишка всхрипнул и сполз по барной стойке. Глеб затряс рукой – забыл в кулаке зажигалку и рассадил изнутри пальцы. Резко обернулся, почувствовав опасность.

- Стой!

Глеб наставил палец на бармена. Вадик принес бутылку, но с замыслом нечистым. Держал ее за горлышко, явно целясь Глебу в затылок.

– Лучше налей, и закроем вопрос.

Вадик злобно хрипел и бутылку из рук не выпускал.

- Браво! – насмешливо сказали из зала. – Вы это... сталкер... вечерами теперь ходите осторожно. Чаще оглядывайтесь.

- Угрожаешь?!

- Упаси бог! - жилистый мужик с белесыми совыими глазами не выдержал его взгляда. – Как же вам угрожать? Вы легенда, вас даже в нашем захолустье знают: Рамзес-везунчик. Нет, я не угрожаю, я предупреждаю. Констатирую факт, если хотите: вас не любят, легенда, а вы нарываетесь. Слишком многие погибли рядом с вами, а вас будто черт бережет. У ребят накопились вопросы.

Сталкерюга не из последних, определил Глеб, разглядывая выдубленное солнцем лицо.

- Хочешь сказать, что я стреляю в спину? – спросил он каменным голосом.

Незнакомый сталкер всплеснул руками:

- Нет, конечно! Я хочу сказать, что рядом с вами всегда что-то случается. Даже сейчас: мы, законопослушные граждане, выпиваем за упокой души рабов божьих Константина Фоксина, Игоря Ляли и Витюши Смутницкого, а тут вы. Шум, гам, драка. Зачем?

Глеб усмехнулся краем рта – все ты понимаешь, говорун! Но повернул ловко. Теперь любые мои оправдания стоят детсадовского «он первый начал».

- Фокса видел! – сказал Глеб, и все, кто его доселе игнорировал, повернули головы. – И двоих других.

- Где?!

- Налей! – скомандовал Глеб, и бармен подчинился.

Глеб махнул стакан и зажмурился. Ох и гонят же местные отраву!

- В следующий раз водки нальешь, - прохрипел он. – Не люблю кустарного.

- Где?! – повторил вопрос давешний сталкер.

- А ты подумай!

Глеба провожали тяжелым молчанием.

Сталкер устроился ждать на скамейке у выхода. Расчет оказался верным, очень скоро у «Харчо» затормозил большой, похожий на катафалк джип. Никак Артур? Большой человек, Артур Сароян, а большому человеку – большая машина.

Солидно клацнули двери, одна и вторая. Рамзес счел ниже достоинства бежать навстречу, хотя знал, что эти два человека идут к нему, и как минимум один вооружен. Зона его знает откуда, но Глеб был уверен, что в подмышечной кобуре у того, что сзади, пистолет.

Артур Ашотович Сароян по кличке Князь – и это была именно кличка, а не позывной, шел безоружным. Князя Глеб видел только на фото, богатая событиями жизнь ни разу не свела их ни в Зоне, ни за ее пределами. И к лучшему, потому что за Периметром Рамзес обычно стрелял в тех, кому давали клички, а не позывные.

- Здравствуй, дорогой! Как самочувствие?

Артур, пожилой, огромный, похожий на седого медведя армянин в дорогом спортивном костюме протянул Глебу ладонь-лопату.

«Ого! - изумился Рамзес. - Чуть руку не сломал. Штангист? Борец?»

Цент об этом не упоминал, Глеб запомнил бы.

- Твоими молитвами, уважаемый.

Уважаемый Артур Ашотович держал «Харчо», магазин и автосервис на киевском шоссе. Подводная часть Артурова бизнеса имела масштабы поболе надводной: Князь продавал артефакты. Любые. На него работали, по слухам, десятки ходоков. Он мог выслать разведгруппу и к Саркофагу, и даже к мифическому Оку Зоны. Еще от других торговцев, коим возле Зоны несть числа, Артура отличала необычайная информированность, решительность и жестокость. Ходили слухи, что на далекой родине Князя ждал пожизненный срок от Фемиды и смертный приговор от соратников.

Интересный тип, очень интересный! Колючий, не знаешь, с какой стороны подступиться... Впрочем, набиваться на знакомство не стоит. Пусть уважаемый Артур Ашотович суетится, раз уж начал.

- В Зону ходил, дорогой? – озаботился Князь. – Опасно, не бережешь себя.

- Не берегу, - горько согласился Глеб.

- Остепениться тебе надо. Не мальчик уже. Зачем бегаешь, когда молодые есть?

Молодых дураков, что топтали Зону с усердием молочных щенков-недоумков, Рамзес жалел до безразличной ненависти. Его бы воля, гнал бы от забора пинками. Глеб мгновенно разозлился, и скрыть этого не сумел. Артур помолчал, ожидая ответа, и повернул разговор:

- Зайдем в «Харчо», дорогой! Ужин кушать, разговоры разговаривать.

– Ужинать не стану.

- Обижаешь! – взвился Артур, слегка переигрывая.

- Не стану! Компания у тебя специфическая. И как у нас с тобой жизнь срастется, не знаю.

- Не обижайся на ребят, – попросил Артур. – Работа у них трудная. А что до нас с тобой да тебя с нами – договоримся! Или мы не люди-человеки? Мне для хороших людей ничего не жалко, а для тебя, дорогой, особенно. Скажешь, долю дай – дам долю, лишь бы к пользе.

- Доля мне без надобности...

Артур заторопился.

- Вот, возьми, - он протянул что-то, невидимое в темноте. – Подарок!

- Зачем?

- Себе оставь! – Артур ловил Глеба за руку. - Там много: тебе, жене, детям. Жена есть у тебя, дорогой?

«Есть», - едва не брякнул Глеб, но прикусил язык.

- Это неважно.

Артур, наконец, сунул ему в пальцы твердый прямоугольник кредитной карты.

- Я думал ты мне сталкерский наладонник подаришь, - усмехнулся Глеб. – Фокса, например.

Артур долго молчал, и Глеб пожалел, что не может видеть его лица.

- Костин ПэДэА, говоришь? Не ты ли, дорогой, хвастал, что видел Костино тело? Ребята считают, что ты сказал неправду. Извини.

- Видел. Сплоховал Фокс, ошибся. Недалеко от забора, что обидно. Думаю, послал ты

его далече, Артур, и в конце пути нервы у него сдали.

Артур не ответил.

- Его ПДА я держал в руках, но потом... У тебя он, Артур. Или у кого-то из твоих – не знаю. Кого ты на днях в Зону посылал?

- Что тебе нужно, дорогой?

Артур задал самый точный вопрос. За небрежным тоном ощущалась злость и немалое напряжение.

- Око.

- Око?!

Артур блеснул в темноте глазами и загоготал, всхлипывая и утирая почти настоящие слезы.

- Око, - повысил голос Рамзес. – И времени у меня совсем мало. Что ты хочешь за маршрут, Артур? За полный, я имею в виду, маршрут к Оку Зоны.

«Мне действительно необходимо Око! - думал Глеб. - Позарез необходимо, и я действительно отдам тебе все, что потребуешь!»

- Я не знаю никакого ока и никакого маршрута! - отрезал Артур. – Тем более оборотням... Я простой бизнесмен, ты ошибся, сталкер.

- Ну, ошибся, так ошибся. Бывает, - Глеб согнул кредитку в дугу, и звонким щелчком отправил в полет. – Закружи вопрос... Тому шустрому отроку вели из Вешек проваливать, иначе я его закопаю. Объясни, что старших следует уважать, я топтал Зону, когда он еще мамку доил... А ты меня уважаешь, Артур?

- Ты не старший, ты... Я не знаю, кто ты, но узнаю очень быстро. Око ему! Ха!

- Кто я? – Глеб зло рассмеялся. – Этого я и сам не знаю толком. Но насчет меня смотри не ошибись.

Последние слова Глеб выкрикнул Артуру в спину. Ему не ответили. И хотя Князь не уронил ни одного грубого слова, не показал угрозы, Глеб понял, что жить с этого момента придется осторожно. Ибо Артур Ашотович очень серьезный и опасный человек.

4

Засаду Рамзес почувствовал, спасибо Зоне! Наградила способностью...

Когда он шел по темной улице, угрозы не ощущалось, когда перемахнул через забор Анны Павловны участка (не беспокоить же людей среди ночи), холодок побежал вдоль позвоночника. В доме его ждали вовсе не радушные хозяйки. Рамзес прислушался и только спустя минуту двинулся вперед бесшумным шагом. Цент так и не объявился, а засада – это не только опасность, к которой Рамзес давно привык, но и возможность получить какую-никакую информацию. Уж очень происходящее нервировало Глеба.

Выложенная камнем дорожка – Глеб сошел с нее на мягкую землю.

Собачья будка – в ней сторожевой пес, еще днем круто взятый в оборот и кормленный обильно сахаром, дабы не гавкал лишнего.

Крыльцо.

Дверь.

Веранда.

На веранде сидели и, не особо скрываясь, курили дешевые сигареты. Рамзес увидел огонек и едва не поперхнулся от душной вони.

Смарт завибрировал, принимая сообщение. Рамзес дернулся, но опоздал. Коммуникатор издал в темноте громкий до неприличия звук, будто патрон защелкнули в обойму. Цент, душка, настраивал. Рамзес в походе звук убирал, а здесь расслабился. Не подумал, не вспомнил.

- Заходи, сталкер, - сказали из темноты хрипловатым баритоном. – Что прячешься?

Рамзес повернул выключатель.

На веранде в плетеном кресле сидел и щурился от света милицейский прапорщик средних лет. Добротнo как вареник слепленный хитрован с жиденькими власами на круглой голове и казацкими усами.

- Я не сталкер. И не прячусь.

Сзади подошли, бесшумно, как им казалось. Рамзес услышал бы грохот армейских ботинок и с другого конца улицы.

- А я участковый, - представился хитрован мягким украинским говорком. – Прапорщик Скидоренко, Виктор Остапович. Можешь называть меня пан участковый. Оружие есть?

Он говорил чуть в нос. Наверное, страдал хроническим насморком или просто имел дефект произношения.

Рамзес поднял руки ладонями вверх.

- Нет оружия... пан участковый.

- Крынкин, проверь! – скомандовал прапорщик.

Руки стоящего за спиной человека пробежали по телу. Обыскивал неведомый Крынкин так себе, на троечку. Нож не нашел, бестолочь. Забрал только смарт и бумажник с деньгами.

- Пустой!

- Не может быть! – наиграно удивился прапорщик. - Ладно, верю. Кто же ты, мил человек, коли не сталкер? Турист?

- Гы-гы, - отозвался на шутку Крынкин.

- По делу спрашиваете или так?

- По делу, сердешный, по делу! Жалуются на тебя. Позавчера, говорят, дебоширил в автобусе, а сего дня в ресторане.

- Скор Князь! - восхитился Рамзес. – Аки понос! Не тратил времени зря.

- Не знаю Князя, - открестился Скидоренко. – Я тебя, мил человек, уже который час караюлю. Думал, ты обратно намылился... как вы меж собой говорите? За забор, да.

- Не знаю никакого забора, - в тон ответил Рамзес.

- Ну-ну... Документики у тебя какие?

Прапорщику надоела перепалка, и он перешел к делу: высыпал на стол мелочевку, которой Рамзес оброс за день – платок, сигареты, зажигалка из «Харчо». Покрутил в руках смарт.

- С собой нет документов. Я не понимаю...

- Чего не понимаешь?

Тональность разговора поменялась, Скидоренко больше не играл добряка-недоумка.

– Задерживаю тебя до выяснения. Садись. Крынкин, веди понятых. И это... Мамаева позови.

Рамзес присел на разохшийся табурет, оглянулся. Крынкин, совсем молодой солдатик внутренних войск, исчез за дверью. На его место заступил другой, похожий до ощущения дежавю: берцы, автомат за плечами, не предусмотренная уставом бандана. Мамаев.

«А прапорщик боится», - понял Глеб.

Не он, конечно, первый, но чувствуется известная дряблость души за показной самоуверенностью.

- Кто тебя разукусил? – спросил участковый.

Рамзес вспомнил, что еще утром был едва не при смерти от многочасовых перегрузок. Прислушался к ощущениям: болело везде. Не страшно! Редкий поход обходился без повреждений, Глеб привык к боли и не обращал на нее внимания. Организм восстанавливается, главное - не мешать ему, понял с некоторых пор Рамзес.

- Не знаю.

- Ты не это... - веско бросил участковый. – Докладывай обстоятельства, а не это самое крути.

– Ехал на случайной попутке, на минуту остановились – и все! Дальше как отрезало. Попутчики, наверное, избili. И документы украли.

- Ну да, ну да! – закивал прапорщик. – А деньги, надо думать, они тебе займы дали.

- Не они. Но займы, - улыбнулся Глеб.

Это была чистая правда, деньги ему заранее переслал Митька Цент подпольной системой переводов «Айн-Момент», процветавшей в Зоне за отсутствием конкуренции. Ходил завистливый слушок, что сообразительный баварец, хозяин «Момент», в глаза не видел Зоны, а заработал на ней больше самого рискованного перекупщика.

В дверь поскреблись.

- Открываем, не стесняемся! – услышал Глеб начальственный басок рядового Крынкина.

На веранде появились Анна Павловна с дочкой. Они смотрели на Скидоренко испуганно, на Глеба с ужасом и жалостью.

Дальше процедура покатила по накатанной: посмотрите-удостоверьтесь-подпишите. Глеб назвал, с некоторым трудом вспомнил адрес, по которому жил когда-то с Вероникой. Повторил историю с избиением, объяснил про автобус, не упоминая, естественно, Ингу.

Когда участковый потрошил бумажник, Рамзес напрягся. Бумажник он снял с Фокса, пустой, и автоматически положил в него купюры, получив денежный перевод. Зачем он взял его, Глеб не ответил бы точно. Просто на Фоксе не нашлось больше ничего личного.

- Это кто?

Скидоренко показал фотографию в прозрачном кармашке.

- Жена и дочь, - ответил Глеб, стараясь не моргать.

Запоздало подумал, что мать и сестра звучало бы правдоподобнее.

- Ну-ну...

За смартфон Глеб не беспокоился. Скидоренко повертел в руках мертвую игрушку, спросил:

- Как включить?

- Никак, - отрезал Глеб. – Сломался.

- Гонит! – вмешался Крынкин. – Ему эсэмэска упала. Я слышал.

- Попробуйте включить. Сами убедитесь.

- Попробуй! – участковый протянул Рамзесу смарт.

Желание глянуть, что там написал Цент (он написал, больше никому!), жгло нестерпимо. Глеб с трудом взял себя в руки.

- Видите?

Он покрутил увесистый кирпич в руках, пощелкал кнопками. Смарт притворялся мертвым.

- Разберемся! – буркнул прапорщик, отбирая навигатор. – Видали мы эти фокусы. Надо - работает, не надо - шлангом прикидывается.

За окнами послышался шум, упало и покатилося по дорожке ведро.

- Пусти! – рявкнули на крыльце знакомым голосом. – Я тебе покажу «проваливай»!

Взъерошенная Инга с красными пятнами на щеках ступила через порог. Мамаев хватал ее сзади за куртку.

- Что здесь происходит? – американка обвела собравшихся грозным взглядом. – Это что за... как это?.. твою мать?

Скидоренко застыл с распахнутым ртом. В его утробе что-то гулко провернулось. По матушке его, похоже, давно не посылали.

- Инночка, - пролепетала несчастная хозяйка. – Это Витя Скидоренко, наш участковый...

- Что за птица? – выдавил обморочным полупшепотом Скидоренко. - Мамаев?!

- Это Инга Порывай, - закричала Леночка тонким голоском. – Виктор Остапович, она у нас живет, она американка, она...

- Крынкин! – участковый сбился на фальцет.

- Что?

Крынкин стоял у окна и крутил в руках резиновую палку.

- По судам затаскаю, - сказала в пространство девушка. – Имейте в виду.

- Документы! – гаркнул прапорщик и дал петуха. – Или тоже украли?

Инга предъявила синюю книжечку. Скидоренко принял американский паспорт без почтения. Судя по лицу, с удовольствием порвал бы его в клочья и сжег на спине у наглой девицы. Но изучил внимательно, постепенно успокаиваясь. Закрыв и хлопнул на стол.

- Мой паспорт, плиз! Если ко мне есть претензии, требую консула и адвоката.

- Ты это... – кашлянул Скидоренко, – не шуми. Тут тебе не там, тут не таких обламывали. Шумит она... Скажи еще, что в Зону не ходишь!

- Скажу, - с вызовом ответила Инга. – А ты докажи, что хожу.

- Докажу! Я тебя на месте возьму!

- Ты... шериф, пять раз обгадаешься, пока в Зону войдешь, - сказала Инга, смерив прапорщика оценивающим взглядом. – Не про тебя это.

- Пан участковый, - подал голос Рамзес, потому что Инга нарывалась, а прапорщик дуэль проигрывал. - Подтверждаю, госпожа Рив снимает в этом доме комнату. И никуда она не ходит, вы же видите.

- Я все вижу! – зловеще изрек участковый, но паспорт девушке вернул после недолгого колебания; пообещал. – Лично проконтролирую все перемещения.

Рамзес немного расслабился. Оказалось, зря.

- А ты, - прапорщик наставил на Глеба палец, - пойдешь со мной.

- На каком основании?

- На веском! – прапорщик булькал от злости.

О жалобах он вспоминать не стал, мелкому хулиганству предпочел серьезную статью.

– Руки покажи... Вот! - он ткнул в Рамзесову ладонь. - Характерные повреждения пальцев. Обувь сними!

Рамзес, вздохнув, стянул ботинки.

- Что мы имеем? – риторически спросил участковый. – А имеем мы обувь, сделанную на заказ. Спортивная основа, спецшнуровка – чтобы снять одним движением, кожа пропитана, лодыжка защищена керамическими накладками. Типичный сталкерский самодел, все как в ориентировке. Ну, и портянки! Особый шик! Какой же сталкер ходит в носках?

Участковый смотрел торжествующе.

- Таким образом, имею все основания полагать, что ты, мил человек, неоднократно нарушал законодательство в части, касающейся запрета на это... злостное проникновение в несанкционированную зону отчуждения и безусловного отселения. В связи с чем, задерживаю тебя на предмет выяснения всех обстоятельств на тридцать один день, начиная с текущей даты. Уяснил или тоже консул-адвокат требуется?

В наступившей тишине американка нервно хихикнула, но тут же проглотила смешок.

«Мне Цент требуется. Месяц в предварилровке – это конец всему».

- Может, лучше дебош? – предложил Рамзес, не обращаясь ни к кому конкретно. – Я бы штраф заплатил.

- Гы-гы, - сказал Крынкин.

- Мамаев, выводи задержанного, - прапорщик не стал тратить внимания на предложение Глеба. – А вам, гражданка Рив, хочу напомнить, что подобная процедура ожидает всякого, кто решится нарушить закон и проникнуть в зону отчуждения. Паспорт не поможет, учтите!

Скидоренко бросил смарт и бумажник в потрепанный портфель:

- До свидания!

Джип с проблесковым маячком, привычно именуемый на гражданский лад «Хаммером», ждал участкового на боковой улочке. Армейский вездеход, собранный двадцать лет назад в Америке, честно оттрубил десять из них в морской пехоте, простоял еще десять на консервации и дарен был охранять Зону. Скидоренко, гордо пыхтя, вскарабкался на водительское место. Солдаты закинули Рамзеса в зарешеченный кузов и разместились на заднем сиденье.

- С богом! – благословился прапорщик, трогая с места.

Джип покати́л под горку, набирая скорость. У выезда на главную улицу Скидоренко вывернул руль влево.

- Куда едем, командир? – спросил Глеб, потому что ехали в обратную от милиции сторону.

Ему не ответили, и Глеб незаметно проверил нож в потайном кармане.

ГЛАВА 3

1

- Эй! Человек!

Глеб проснулся. Свет мощного фонаря жарил прямо в лицо. За фонарем угадывались очертания солдатского шлема, а за шлемом чернело небо. Глеб зажмурился, но ствол автомата все равно чувствовал: вот он, прямо в лоб смотрит бездонным зраком.

- Я свой! Автомат убери, служивый.

Шлем качнулся непонимающе.

- Свой? Свои по спине бегают. Ну-ка вылезь!

Глеб изогнулся выбраться из арестантского закутка в кузове «Хаммера», но его ухватили за ремень и грубо повалили на землю. Глеб только охнул.

- Лежать!

Над головой визгливо ругался участковый, пару раз издал «гы-гы» рядовой Крынкин. Глеб неподвижно лежал щекой в пыли, так как автоматов еще прибавилось. Одно неловкое движение, и его в салат нашинкуют, в десяток-то стволов. Потом от долгого ожидания сделалось дремотно, и Глеб заснул.

Его опять разбудили неласково, пинком:

- Спишь что ли?

Говорил один, молодой и неопытный, судя по голосу.

- Что здесь? – спросили по-немецки.

Глеб, скосив глазами, увидел рядом с добротными армейскими говнодавами офицерские ботинки, вычищенные, несмотря на раннее утро.

- Думаю, это сталкер, герр майор, - молодой тоже перешел на немецкий. – Люди, которые его привезли, утверждают, что из полиции, но одеты не по форме.

Глеб открыл рот – сказать, объяснить, представиться – и спохватился. К чему миротворцам знать, что он неплохо понимает немецкий? Еще со времен третьей балканской кампании, в которой судьба распорядила Глебу незавидную роль дешевого пушечного мяса.

- Меньше думайте, рядовой, - сухо посоветовал майор.

Глебу привиделось киношное – монокль, усы стрелками, морщинистая шея из стоячего воротника, как стек прямая и длинная. Посмотреть захотелось до жути, и Рамзес не утерпел, поднял голову. Узколицый офицер, чем-то напоминающий Джонни Дьеппа (не того, из бесконечного сериала про пиратов, а еще относительно молодого), листал бумаги. Наконец, скомандовал:

- Ко мне в кабинет его. Полицейских пропустите.

- Слушаюсь, герр майор!

Глеб принял слова майора за разрешение. Он сел и кое-как отряхнулся, выбросив целое облако пыли. Солдаты, хорошо кормленные тевтонские хари, стояли вокруг, пялились белесыми зенками и оружия не опускали. Глеб наметанным взглядом выделил самого тощего:

- Веди, рядовой!

«Yasenevo», гласил огромный указатель. Ближайшая к Вешкам база миротворцев.

Занесла нелегкая, удивился Рамзес, но, поразмыслив, решил, что участковый поступил

логично. Грамотно рассчитал, что уж из немецкого-то плена Глебу раньше, чем через месяц никак не выкупиться. При самом лучшем раскладе.

Милицейский «Хаммер» двинулся к воротам через «змейку» из бетонных блоков. В поворотах скорость приходилось сбрасывать, подставляясь под кинжальный огонь в упор. Над бункером перебирали полотнищами на ветру флаги: ООНовский миротворческих сил, ЕСовская «конфорка», черно-красно-желтый немецкий и свидомый жовто-блакитный. Добро пожаловать, всяк желающий, на форпост международных миротворческих сил в Зоне бог знает какого конфликта. Это про другие зоны говорят, какого конфликта – грузино-абхазского, сербско-косовского или фламандско-валлонского, к примеру, а про эту говорят просто: Зона. С большой буквы. И все понимают. Хотя никто ничего не понимает.

За воротами открылся стандартный натовский блокпост, налаженный со знанием и умением дела. За что Глеб уважал евроатлантов, так это за основательность. Огневые точки на высоте, укреплены и оборудованы – вон трубы проложены, там тебе и вода и туалет. Пулеметы, конечно, пристреляны, а по секторам еще и дублируют друг друга. В ДОТах наверняка огнеметы; милая вещь эта новая смесь фосфора и мудреных углеводородов, потушить, говорят, невозможно. В окопе спряталась по башню артустановка, снаряды штабелями выгружены на грунт и накрыты брезентом. А возле аккуратных домиков – казарм, штаба и хозчасти – пестреют ухоженные цветники.

Нет, ребята, может, на других участках монстры и вырезают армейские посты, но здесь эта дурная фантастика невозможна. Любую волну из Зоны выбьют кассетными снарядами еще на подходе, километрах в десяти, оставшихся выкосят из пулеметов. Самые удачливые будут сожжены из огнеметов во славу божью и западной цивилизации.

- Тебя, служивый, как к немцам занесло? – спросил Глеб солдата, и тот напрягся:

- Я гражданин Евросоюза, между прочим!

Рамзес видел, что конвоира распирает от желания приложить его прикладом, да вот незадача, майор приказал к себе, лично. А он, рядовой бундесвера, уже два раза свозил этого непонятного типа сапогом по ребрам.

В штаб Глеба допустили не сразу. Дотошный фельдфебель просветил Рамзеса взглядом и приказал встать к стене. Руки за голову, ноги расставь, документы потом покажешь! И через пару секунд на широкую стойку полетел Глебов нож штучной работы.

«Вот черт глазастый!»

- Идиот! Клинический! – сказал фельдфебель, и солдат густо покраснел. – После дежурства ко мне.

- Есть!

- Эй, рядовой, - воззвал Глеб, - скажи этому, что нож мне дорог как воспоминание. Пусть не замылит!

Нож и впрямь выглядел знатно: серебристая вязь на рукоятке, острый как бритва клинок обратного изгиба. Немец цокнул восхищенно, покрутил бритой головой, но кинул нож под стойку. И вправду – тяжел! Армейский стандартный мясорез приемистее будет.

- Пошел!

Глеб пошел длинными коридорами, мимо дверей с табличками на трех языках, за которыми днем наверняка происходила обычная офисная жизнь: мерцали экраны компьютеров, звенели чашки, гудели чайники и кофеварки. Сейчас, ночью, лишь тишина и призрачный свет дежурных светильников.

- Стой! Ну-ка, лицом к стене.

На двери значилось «Майор Р. Шваниц, командир оперативно-тактической группы «Ясенево».

- Герр майор, задержанный...

- Заводи! – скомандовал Шваниц. – И подожди снаружи.

Майор сидел в кресле хорошей кожи и небрежно курил сигару. Глеб моментально сфотографировал взглядом кабинет – без особой цели, по укоренившейся привычке всегда знать местность – и заговорил уверенно, отрубая каждое слово:

- Господин майор, я протестую! Мое задержание абсолютно незаконно.

Глеб не смотрел – сверлил взглядом майорову переносицу, но и немец оказался не дурак поиграть в гляделки.

- Видели бы вы себя со стороны, – иронично заметил майор на приличном русском, – не заявляли бы глупых протестов. Что за вид – это бродяга с Зоны или кто? К тому же вас, кажется, недавно били?

Это он еще перегара не учуял!

- Кстати, почему вы в бундесверовской форме?

Глеб ответил, тщательно взвешивая каждое слово.

- Это не бундесверовская форма. Реконструкция. Купил в Киеве, в магазине «Формалин».

Дай бог, чтоб он был, такой магазин! Или хотя бы похожий.

- Н-да? – удивился майор. – Впрочем, ладно. Рассказывайте!

Глеб вспыхнул, как ни сдерживал себя. Какого рожна?! Почему этот немец распоряжается?

- Я здесь начальство, - майор понял его. – От перегона «39й километр» через Ясенево до деревни Вешки. Пока начальством были ваши, здесь творился беспредел! Дырка на Зону здесь творилась. Ваши начальники не хотят работать, а хотят воровать.

Эка он, о союзниках-то!

- Я все рассказал, - твердо ответил Глеб. – Документы перед вами.

Майор отвел взгляд. Глеб осторожно выдохнул.

Потянулось молчание. Майор прочитал написанный Скидоренко протокол, в очередной раз вытряхнул бумажник, разбросал по столешнице нехитрое Глебово богатство. Насмешливо дернул губами и отбросил карточку Фонда экстремальной природы. Потом долго, несколько минут, вертел в руках смартфон и думал, бросая на сталкера непонятные взгляды. Глеба снова начала одолевать дремота. Организм, интенсивно восстанавливаясь, требовал отдыха.

- Документы правильные, – нарушил молчание немец. - Какие и должны быть. Это ваше?

Он кивком показал на бумажник и смартфон.

- Да.

Майор пожевал губами и вдруг обронил фразу, от которой Глебово миропонимание вовсе рухнуло. Дремота улетучилась мгновенно.

- Меня предупреждали о вас. Присаживайтесь, - майор показал на стул у стены. – Я, правда, не ожидал, что вы появитесь так... Хотелось бы выслушать вашу историю.

Глеб прошагал к дальней стене и вернулся со стулом, на ходу лихорадочно соображая и надеясь, что этот процесс не слишком явно написан на лице. Сел против майора и увидел свое отражение в створках книжного шкафа. Да, Шваница несложно понять. Невысокий – говорила мама, ешь кашу, Глебушка! – темнолицый бандюган с яркими голубыми глазами. Ну не бандюган, ладно, просто живущий насыщенной жизнью человек. Со следами похмелья и гематом.

- Курите? Сигары.

- Да, спасибо.

Глеб тянул время, решительно не зная о чем говорить. Наконец, сказал осторожно:

- Следовал по рокадной трассе на попутном транспорте. Столкнулся с правонарушителями. Потом добирался на перекладных.

Глеб затянулся. Хорошие сигары!

- Это все? Или еще имеете, что сказать?

«Гитлер капут!», – завертелось; язык зачесался, так хотелось брякнуть.

– Все! – на голубом глазу соврал Глеб.

Майор отяжелел взглядом, но смолчал. Достал ручку с золоченым пером и подмахнул какие-то бумаги.

- Внутренний пропуск и распоряжение местной полиции доставить вас в Вешки. Ясеневский РОВД находится здесь же, на территории блокпоста.

Глеб сглотнул.

- Вам лучше вернуться в Вешки, - сухо посоветовал Шваниц. – И впредь постараться не иметь конфликтов с законом. Или хотя бы с местными правоохранительными органами. Поторопитесь, времени совсем мало. Вещи можете забрать. Канал для экстренной связи прежний?

- Не менялся, - наобум подтвердил Глеб, чувствуя себя будто в вакууме.

Предметы отдалились, Шваниц говорил издали, едва слышно.

- Надеюсь на дальнейшее сотрудничество.

- Рад знакомству, господин майор! – отчеканил Глеб.

Майор кивнул, опустил голову на пять миллиметров.

«Век бы тебя не видеть, гестаповца. И вообще, Гитлер капут!»

Первым делом, выйдя от майора, Глеб нашел штабной туалет, где основательно вымылся и напился теплой воды. Полубовался табличкой, наглядно призывающей мужчин мочиться по-женски, сидя. Надписью разъяснялось, что здесь, в штабе миротворческого батальона, территория чистых унитазов. Цивилизация, ну! Интересно, майор подчиняется? С его-то снобизмом и замашками альфа-самца.

Давешний солдат, гражданин Евросоюза, сопровождал Глеба неотлучно, даже в туалет.

- Правила такие, - объяснил он.

А еще приказ майора Шваница: сопроводить задержанного в РОВД для отправки к месту жительства. Внимание, оно, конечно, и козе приятно, но Глеб боролся с желанием придушить солдата в темном уголке и прочесть таки послание Цента.

На выходе Рамзес показал бумаги фельдфебелю, получил нож. Проверил – немец, конечно, игрался, но без последствий, консервов не вскрывал, заточку не испортил.

И только выйдя на прохладный ночной воздух, Глеб разрешил себе думать. Это оказалось непросто. Зона не располагала к дедуктивному мышлению, Глеб быстро раздражался, предпочитая действовать.

Странности начались с первого дня, думал он. Цент вывел меня на группу Фокса, но в указанном месте никого не оказалось. Пришлось искать, и нашел я только трупы. Что завело опытного Фокса в заброшенную Куприяновку, по сути, западню? Допустим – только допустим! – случайность. По сути, вся Зона – одна большая случайность. Однако, там, в Куприяновке, был еще кто-то, назовем его анонимом. Сей аноним стрелял не то в кровососа, чтобы спасти меня, не то в меня, чтобы навсегда похоронить ПДА с маршрутом. Опять случайность? Оказался рядом, решил помочь товарищу? Не факт. Может быть, аноним рассчитывал, что я вынесу ПДА из опасного места, и планировал забрать его? Впрочем, он так и поступил. Да, пожалуй, это единственный вариант.

Допустим, аноним выкрал ПДА с конкретной целью. Тогда первым среди кандидатов будет Князь или его подручные, потому что они, во-первых, знали где и что искать, а во-вторых, крайне заинтересованы в предмете. Логично? Логично! Это, пожалуй, единственное, в чем я уверен – ПДА с маршрутом находится у Князя. Но при таком раскладе Артур ведет себя неестественно: суетится, пытается меня купить.

Это он навел на меня милицию? Скорее всего. Хотя после разговора со Шваницем, ручаться ни за что нельзя. Что значит, Шваница обо мне «предупредили»? Кто? И что за «экстренный канал»? Шваниц, видимо, принял меня за другого, кого нужно отпустить, даже злоупотребив властью, даже под угрозой конфликта с местными. Поскольку Шваница до сего момента я не видел, опознать меня он мог по некоему особому предмету. Наверное, по бумажнику с фотографией, не может быть, чтобы по «харчовской» зажигалке! То есть покойный Костя Фоксин, он же Фокс, он же правая рука Артура Князя по делам хабарным, двойной агент? Нет, не стыкуется! Бумажник – это слишком ненадежно, он может попасть в чужие руки. Кстати, и попал. Тогда смарт? Уникальная конструкция и заводится только в моих руках. Может, и здесь Цент расстарался?

Неожиданные связи Митьки в самых разных кругах всегда удивляли Рамзеса.

Цент? Или все же Фокс?

Глеб по-собачьи затряс гудящей от напряжения головой. Кстати, Цент! Он многое прояснил бы.

Рамзес достал смартфон, наплевав на шагавшего за спиной конвоира. Смарт ожил, разбуженный вводом бессмысленного набора букв и цифр. Во «входящих» лежало анонимное сообщение, подписанное Митькиным кодовым знаком.

Рамзес прочел короткую строчку и крепко задумался. Можно ли верить? Вот это вопрос – всем вопросам вопрос! Как там: быть или не быть? Чепуха - верить или не верить!

«Об этом я подумаю утром, - решил Глеб. - Утро, как говорится, мудренее, а я никогда не умел рассчитывать на много шагов вперед».

Цент написал:

«Немедленно уходи!»

2

Ясневский РОВД, снаружи чистый, изнутри выглядел проще. Грубая решетка и унылая ряшка дежурного за ней, изрезанные деревянные скамьи, ведро с окурками. Пахло родиной, той ее казарменной частью, что вызывает законное чувство гордости у некоторой части мужского населения.

Рамзес взял инициативу в свои руки.

- Будь здоров, лейтенант!

Глеб сунул дежурному бумаги, а потом и сам втиснулся плечами в узкое оконце. Тут надо быть проще, ближе к истокам; что-то вроде: привет, земля, где здесь туалет?

- До Вешек транспорт сообразим?

- До Вешек?.. Скипидар где-то здесь еще. Жди, посажу.

Глеб присел на скамью и ждал до тех пор, пока не загудел электродвигатель, и решетка не отъехала в сторону. Появился Крынкин с пулеметом на плече, а следом прапорщик Скидоренко, принявший, судя по красной роже, для здоровья с кем-то из ночных дежурных.

«Скипидар?! - развеселился Глеб. - Ай, да участковый! За фамилию приложили или бегают быстро?»

- Пулемет-то зачем? – удивился дежурный.

- На усиление, - солидно объяснил прапорщик. - Пришлось немца брать. Гуманитарная помощь, русский боеприпас нынче не в ходу.

Из-за решетки показался взмыленный Мамаев с патронными цинками.

- Говорят, в Зоне беспокойно, - согласился дежурный. – Слышал? У сто десятого... – он перешел на интимный полусшепот.

- Да ну?! – поразился Скидоренко.

Глеб отчетливо кашлянул.

- Кстати, – вспомнил дежурный. – Немец тебе посылку до Вешек сосватал. Вот этого фрукта.

Рамзес встал, оказавшись в круге света от настенной лампы.

- Гы-гы, - сказал Крынкин озадаченно.

Мамаев с размаху бухнул цинки об пол.

- Немчура поганая, - расслышал Глеб. – Распоряжаются как дома.

Прапорщик глянул недобрым взглядом.

- Ты, значит? Отпустили, значит?

- Значит, – кивнул Глеб.

- А протокол, значит, похерили?

Глеб развел руками. Скипидар шумно выдохнул.

«Дыши, дыши!» – злорадно подумал Глеб и поставил условие:

- В обезьяннике не поезду.

- А пешком не хочешь? – оскалился Скипидар, но обострять ситуацию не решился.

«Крут Шваниц, ничего не скажешь, - думал Глеб, пока шли по плацу. - Приказал отпустить, и хоть бы слово кто поперек вякнул! Утерлись, и кто утерся! Родные хохляцкие менты, хуже которых, как известно, только менты кацапские».

И вообще, поставил немец службу. Посты на месте, часовых не много, но и не мало, ровно сколько нужно. Пара остроносых БТРов с крестами на борту уходят в ночной патруль. Может, зря царапались глазами?

Милицейские разговаривали, негромко, но и не особо таясь. Как понял Глеб, подобная беспардонность со стороны союзников-миротворцев не только не возмущала, но даже и не особо удивляла. Освобождение Рамзеса приняли как данность, а раз так, то к чему лишние переживания? Дополнительная нагрузка на нервную систему, и так расшатанную службой в опасном месте.

«Хаммер» ждал на плацу. Солдаты забросили пулемет и патроны в кузов; сами устроились на задних местах и уже через пару минут спали. Ночь все-таки.

Глеб сел рядом с водителем.

- Поехали?

- Погоди, скорый какой! – окрысился прапорщик. – Дай пожрать! Я тут сообразил домашненького, с немецкого-то харча один запор да страдания.

Глеб дождался, глотая слюну, пока Скипидар с чавканьем дожует бутерброды.

За ворота выехали в полшестого, в утренний туман. Глеб в твердом намерении доспать, сдвинул назад сиденье, откинулся, повертелся, устроился, но куда там! То, что Скипидар водить не умеет, было полбеды (и то сказать, откуда поселковому менту набраться практики?). Хуже оказалась его, Скипидарова, уверенность в обратном. Прапорщик дергал газ, не пропустил, казалось, ни одной колдобины и материл все и вся: лес, туман, правительство, дороги, Зону и даже немецкий патрульный БТР обложил на двух языках.

«Как люди за рулем меняются, - философски размышлял Глеб, - прет что-то мутное, глубинное...»

- Стой!

Скипидар ударил по тормозам. Мамаев на заднем сиденье упал, глухо выругался и проснулся.

- Видел?

- Д...да.

Скипидар, бледнее смерти, держал у носа пистолет и целил в туман.

«Шмальнет еще в лобовое!», - с опаской подумал Глеб и осторожно отвел Скипидарову руку в сторону.

- Я выйду.

- З...зачем?

- Гляну. Или ты его давить собрался?

Глеб достал из держателя над лобовым стеклом резиновую палку и открыл дверь.

Туман – штука подлая. Вроде и нет его, так – утренняя легкая взвесь в воздухе, хочется сморгнуть и прогнать раздражающую зыбкость перед глазами. Но как все обманчиво и ненадежно: звуки, тени, расстояния!

Угловатая фигура пьяно раскачивалась посреди дороги. Туман путался у ног ходока, поднимался к поясу, не давая рассмотреть. Сталкер прислушался – тихо! – и скользящей приступью двинулся следом. За спиной рыкнул, трогаясь, «Хаммер».

«Ну, братва, не пропадем, кавалерия с нами!»

Глеб узнал его еще из машины по походке, по грязной рванине, но все же сомневался. Не Зона же, предзоне! Полоса отчуждения. Отсюда километр до ограды, и по ту сторону немало. Однако – вот. Глеб приблизился, и сомнения пропали. Гундосый хрип под нос, вонь, где смешалось все: портянки, дерьмо, рвота и застарелый гной.

Зомби!

Глеб сжал в кулаке милицейскую палку, примерился и коротко, как топором, рубанул

монстра по затылку. Тот упал, как шел, лицом в асфальт. Уронил пистолет, дорогуший девятимиллиметровый «Глок». Зомби – не зомби, всяко полежит. Одиночками они не ходят, а шум поднимать рано.

Ан нет, поздно! Слева, в кустах... Вопль не казался яростным, чувства в нем слышалось не больше, чем в паровой сирене.

Глеб прыгнул к телу и вовремя! Забухал автомат, пули цвиркнули по асфальту и несколько с тугим мясным звуком достались зомби. Тот задержался в конвульсиях и вдруг, уже мертвый, встал на колени. Глеб обнял его, как родного, прикрылся, схватил упавший «Глок» и высадил на звук половину обоймы. Автомат захлебнулся.

- Скидоренко, твою мать! – заорал Глеб дурным голосом. – Почему не стреляешь?!

Скипидар не ответил. Глеб не услышал звука мотора и оглянулся. Так и есть, сбежал, гад, не постыдился. Скипидар и есть Скипидар! Рамзес попятился, чувствуя уже, что нет, так просто ему не отделаться.

Туман быстро пропадал под лучами утреннего солнца. Из леса вышла огромная псина, с интересом обнюхала зловонный труп и присела сверху.

«Пятнадцать метров, - прикинул Глеб, - незнакомый, не пристрелянный «Глок». Рискну!»

Рамзес аккуратно прицелился и спустил курок. Тяжелая пуля вошла в череп псевдопса рядом с ухом, кровь толчком плеснулась из раны. Так тебе! Гадина сдохла в прыжке, но следом за ней на дорогу хлынули другие. Глеб расстрелял обойму, бросил пистолет и побежал.

«Ей-богу, буду чаще тренироваться! Каждое утро и каждый вечер!»

«Хаммер» ждал за поворотом. Глеб нырнул рыбкой в распахнутую дверь, и поверх головы хлестко ударили автоматы. Мамаев и Крынкин стреляли в упор. Самую резвую тварь швырнуло в воздух. Она еще визжала злобно, а ее уже рвали набежавшие товарки. Подаренной секундой люди успели распорядиться: Глеб захлопнул дверь и закрутил стеклоподъемник, а Скипидар вдавил до упора газ. Машина дернулась и понесла задним ходом.

Басовитый стрекот заглушил рев мотора, над крышей заискрились трассеры, и Глеб инстинктивно вжался в сиденье. За окнами мелькнул немецкий БТР, с которого пулеметчики в два ствола методично выбивали стаю, один отсекал слева, другой справа. Собаки порскнули в стороны, но пулеметы стреляли быстрее, чем они бегали, и солдаты боеприпас не сэкономили.

- Ну, ты чепешник! Ох, и чепешник, - рыднул по-бабьи Скипидар. - Зачем ты пошел-то? Сказано же – кликать помощь. Инструкция! Чуть не пропали ни за понюх табаку...

Сталкер приказал себе успокоиться, но адреналиновый шторм бушевал в артериях и шумел в ушах. Глеб почувствовал, что сейчас умрет, если немедля не поддержит себя допингом.

- ...страсти господни! – все переживал Скипидар. – А коли они такой силищей на деревню попрут? Зомби с собаками!

- Гы-гы, - хохотнул Крынкин, в этот раз нервно.

- Ладно, Вить, проехали, - сказал Мамаев. – Дай глотнуть, у тебя есть, я знаю.

«Я знаю? – спросил себя Глеб, когда ему, последнему, протянули фляжку. - А что я знаю?»

Недодуманная за приключениями мысль зашевелилась неуютным червячком где-то между сознанием и подсознанием. Что-то Глеб знал, новое и непонятное. Знал, но почти забыл. Стараясь не упустить скользкий хвостик то ли мысли, то ли воспоминания, Глеб выскочил обратно на шоссе.

К трупу Рамзес опоздал. Бронетранспортер стоял чуть впереди, а возле зомби суетились трое в защитных костюмах и масках. Тело они уже упаковали в черный мешок и Глеба не подпустили.

- Назад!

Глеб только сплюнул. Немного подождал в надежде, что о нем забудут, и скользнул в придорожные кусты. Второй труп лежал там, в его выпученных глазах уже копались мухи. Глеб присел рядом, стараясь не дышать. Так и есть!..

- Эй, украинец, - сзади рывкнули глухо, из-под защитной маски. – Не прикасайся, это может быть опасно, - и перешли с немецкого на русский. - Опасно! Понимайт? Дэйнджер! Идти нахер отсюда!

Глеб едва удержался, чтобы не взять эту длиннорылую харю в кулак. Он проследил, как грузят трупы в черной пленке, и, услышав сигнал «Хаммера», вылез на дорогу.

- Часто тут такое? – завел издалека Глеб, когда немного отъехали и успокоились.

- Нет, - Скипидар ловко обмахнулся-перекрестился. – У нас, в Вешках, тьфу-тьфу-тьфу, зомбей вообще не было.

Рамзес снова попытался схватить ускользающую мысль. Что не так? Кроме того, что он видел на трупе.

- Сталкеров, конечно, много, - трещал Скипидар, еще не пришедший в себя после боя. – Но у меня... в Вешках, в смысле, не так чтобы серьезно. Отъявленных нет. Так, ходят некоторые к забору, собирают.

Он, не выпуская руля, достал из нагрудного кармана плоский камушек.

- Вот, к примеру. Никакой виагры, прости господи, не нужно. И бабы... жена, в смысле, довольна!

Глеб осторожно принял артефакт. Пальцы кольнуло, будто током от батарейки. Точно - «корвалол»! Почти разряжен. Ох, Скипидар! Знал бы ты, что этот камушек натворит с твоим здоровьем, когда разрядится в ноль. Глеб поколебался, но все же вернул игрушку.

- А что делать? Жить-то надо, - жаловался прапорщик. – Соберут немного, на этой стороне, конечно - за изгородь бояться, и несут потом на трассу, продавать. А я что? Я ругаю, но хода не даю. Жалко людей!

Он закончил с таким надрывом, что Глеб ясно понял, что не жалко. Да и раньше особых иллюзий не было: имеет долю, но не наглеет, иначе списали бы давно.

- А в Зону ходят? Князь, например?

Скипидар мгновенно замкнулся, вспомнив, с кем откровенничает.

- Какой такой Князь?

«Тот самый, который!»

- А другие?

Скипидар помялся.

- Бывают налетами. Снимут угол у старухи, вещи бросят, уйдут. Когда вернутся, а когда и – фьють! Я про тебя так рассуждал, к примеру.

Рамзес усмехнулся.

- А немцы? Почему не наведут порядок?

Скипидар хмыкнул.

- За немцев не скажу, но сталкеров в Ясенево как собак не стрелянных. Поди докажи, что он ходит! За каждым не уследишь.

Глеб помолчал, раздумывая, но все же сказал:

- Те зомби, что мы встретили, немцы.

У Скипидара челюсть отвисла.

- Ну?! Не врешь?

Глеб вынул из кармана зеленую пуговицу с германским орлом.

- Такого добра тут навалом, - логично заметил Скипидар. – На тебе, к примеру.

- Немцы, оба, - отрезал Глеб, не размениваясь на объяснения. - Или наши, но под немцами.

Пуговица – мелочь, но то, что он принял за лохмотья, на поверку оказалось дорогущим разведывательным камуфляжем, оснащенным всеми атрибутами персональной невидимости. Сталкерам такая роскошь ни к чему, а если и к чему, то не по карману. А вот Шваниц мог заслать разведку. Но зачем?

Остаток пути прошел в молчании. Рамзес думал, пытаясь сложить головоломку, пока не разболелась отчаянно голова. Может быть, погода? Она резко испортилась, ветер ожесточенно срывал листву с деревьев, свинцовые тучи закрыли небо. Нависли прямо над головой.

А навстречу, одна за другой, шли машины, забитые скарбом и людьми. Скипидар злился, сигнализировал, и ему в ответ сигнализировали и мигали фарами.

Рамзес не удивился. «Немедленно уходи», значит? Нет, Митька, не один ты такой умный!

Из Вешек начался исход.

3

Когда Глеб два дня назад ужом выполз через проделанный в колючей проволоке лаз, он думал, что не доживет до вечера. Но организм и в этот раз не подвел, вернулся в привычное состояние. Боль из растянутых мышц ушла, и только голова наливалась тяжестью. Глеб чувствовал, как ощутимо давит на затылок, с каждой минутой сильнее. Давление? Или эти... как их? Магнитные бури? Да еще Зона рядом.

- Тьма египетская, - прокомментировал Скипидар, выворачивая с рокады под указатель «Veschky». – Знатный ураган будет, я такого и не помню. Охо-хо, башка-то раскалывается!

Он принялся расписывать свои болячки. Мамаев и Крынкин спали на заднем сиденье «Хаммера» и чихать хотели на погоду. Им, двадцатилетним пацанам, законтрактовавшимся стеречь Зону, потому что работенка непыльная, и девкам есть что рассказать, Скипидар завидовал. Он, впрочем, всем завидовал.

У крайних домов Скипидар затормозил.

- Приехали, - буднично сказал он Глебу. – Выгружайся!

Рамзес только хмыкнул, очень уж мелко отомстил прапорщик.

- Будьте здоровы, пан участковый.

Скипидар буркнул, что еще не вечер, и придавил газ, едва не вывернув Глебу руку. Дверца захлопнулась на ходу. Рамзес презрительно сплюнул и забыл о Скипидаре.

Черные тучи сплошным фронтом текли из Зоны, быстро, словно горный поток. Там, где должно было находиться солнце, тучи набухли красным. Глеб помассировал виски, пытаясь унять боль. Подбросил и поймал в кулак монету, но смотреть раздумал.

Немедленно уходи?

«Извини, Цент, я не уйду. Сбежать - значит провалить все дело, а мне очень нужно к Оку. Больше всех нужно, больше чем тебе и уж точно больше, чем Князю. Стало быть, настало время действовать! Жаль, из оружия только нож. Ты, конечно, достал бы ствол, но не я. Мне здесь воды не подадут, я на положении зачумленного. Се ля ви!»

Маршрута к Оку Зоны у Глеба нет. Не страшно! Неужели он не проведет его заново? Где прополз Фокс, уж Рамзес-то пройдет неспешным шагом, дай только Зона шанс. Страшно то, что маршрут в руках у Артура. Это значит, что похода не будет, а будет марш-бросок в условиях, приближенных к боевым. Наперегонки с пехотой Князя, которая знает куда идти, и сориентироваться не даст. А Око – это гиблое место, которое наскоком не возьмешь. Его нужно брать медленно и осторожно, по метру, по полметра в час. Или в сутки. Но не бегом.

Глеб вспомнил двухнедельной давности разговор с Центом. Толстяк говорил издали, голосовой канал все время рвался, и Центов баритон превращался то в писклявый дискант, то в медвежий бас.

- Рамзес, плохие новости, - тревожился Цент. – Фокс дошел, мне ребята из сталкерской сетки шепнули. Фокс – человек Князя. Так что, сам понимаешь, нужно решать.

Глеб все понимал. Или – или. Или Фокс принесет маршрут Князю, и прощай Око, или станет еще одним, не первым и, наверное, не последним, кого Рамзес застрелит, согласно неписанным законам Зоны. После попытки договориться, заведомо безнадежной, поскольку исчисляемой цены маршрут к Оку Зоны не имеет.

- Я давно решил, Мить. Зачем спрашиваешь?

Он тогда отдыхал на Алтае, жестоко страдая от ломки. Зона тянула его, напоминала о себе каждым сломанным деревом, каждой избой в заброшенной деревне, каждым шорохом в утреннем тумане. Глеб перестал спать, лишь иногда забывался в недолгом кошмаре. Звонок Цента стал для него манной небесной, избавлением от мук. Глеб начал собираться в ту же минуту.

Всего две недели...

Всего две недели назад он прощался с девушкой в аэропорту Барнаула.

– Позвонишь? – делано беспечным голосом спросила Таня, заранее понимая – конечно, нет! Случайный роман, все несерьезно.

– Позвоню, – солгал Глеб и, когда оказался в накопителе, бросил телефон в урну.

Потому что так лучше для всех, и в первую очередь для Тани, остроязыкой умницы и обжигающе сладкой красавицы. Таня найдет свою судьбу и лучше, если будет вспоминать этого необычного парня как волнительное приключение, без каких маленьких радостей и жизнь – не жизнь. А не проклинать его за растраченные годы.

Всего двенадцать дней назад он стоял в ванной комнате своей киевской квартиры и облегченно сдира с себя одежду, яркую, дорогую и непривычную. Ледяной душ и – теплое армейское белье, джинсы, брезентовая ветровка.

Всего десять дней назад он проснулся на ребристом полу в задней, нерабочей кабине электровоза, тянущего порожняк на завод по деактивации металлолома. Разжился у бригады кипятком, залил пригоршню гречневой крупы в кружке и позавтракал хрустящей кашей.

Вечером девятого дня он стоял на вершине голого холма, смотрел на яростно живущую Зону и не мог сдерживать улыбки.

«Здравствуй, Зона, я вернулся. Будь ты проклята за это!»

Глеб затряс головой, прогоняя воспоминания, и побежал размеренным бегом в сторону «Харчо»...

Дверь была заперта, бар выглядел мертвым. Неужели упустил? Глеб вспомнил, что по дороге к Вешкам джип Князя им не встречался. Для верности Рамзес надавил и долго не отпускал скользкую от грязи пипку звонка. Ничего не услышал, и начал бить в дверь ногами. «Харчо» не сдавался. Глеб приник к грязному окну, заслонившись от света ладонями. Темно и пусто.

Не может быть, чтобы бар остался без присмотра, твердил себе Глеб, давя в корне ощущение провала.

Он прошел вдоль фасада, свернул в тесный проулок, и за горой пустых ящиков нашел еще одну дверь. Черный ход выглядел не так внушительно как парадный. Рамзес примерился и в прыжке выбил дверь плечом, только металлическая планка замка жалобно звякнула о пол.

Дверь вела в кухню. В лицо пахнуло нечистым духом прокуренного помещения. Сталкер огляделся, но увидел только наглую крысу на разделочном столе. И впрямь, гнусная забегаловка! Рамзес осторожно двинулся к проходу в зал и с самого порога нырнул вперед, даже не осознав причины. В позвоночнике кольнуло ледяной иглой, а этого сигнала Глеб не игнорировал ни при каком раскладе.

Чутье не подвело. Хлопнул выстрел – словно шампанское открыли, что-то прошелестело над головой, едва не задев волосы, и ударило в стену. С шорохом посыпалась штукатурка, Глеб краем глаза заметил торчащий из доски хвост толстого дротика.

«Мама дорогая!», – удивился сталкер, перекатываясь.

В пол у самого лица тут же ударил еще один снаряд, дробя напольную плитку. Осколки царапнули по лицу. Глеб оттолкнулся ногами, заскользил по кафелю в направлении барной стойки, и третий дротик тоже прошел мимо.

Зато четвертый не попал в цель только чудом. Рамзес въехал под стойку ногами вперед, сгруппировался и едва успел дернуть головой. Враг правильно взял упреждение, металлический болт играючи пробил стойку, и только малого усилия ему не хватило, чтобы

не застрять хвостом в трехсантиметровой доске. Дротик торчал всего в ладони от переносицы. Еще бы чуть-чуть и вошел в мозг до самого затылка.

Рассвирепевший сталкер мягким прыжком выбросился наружу. Инстинкт молчал, и правда, враг стоял у дальней стены, перезаряжая четырехствольного уродца, пистолет для подводной стрельбы. Убойный агрегат! На воздухе дротик летит недалеко, но крушит насмерть. Пуля может пощадить, дротик шансов не оставляет.

Брат Рамзеса живым враг, очевидно, не собирался.

«Ах, ты, сволочь!»

Бесконечную секунду уходила растерянность, и приходило яростное, до покалывания в мышцах, спокойствие.

Рамзес прыгнул. Для этого движения не придумали названия, просто выделяли голосом. Со стороны казалось, что буквально перетек из одного места в другое, и засечь, а тем паче прервать этот маневр, умел лишь такой же. Не человек – сталкер, мастер, ветеран. Или оборотень.

Пистолет, лязгнув, полетел в угол, но противник, вместо того, чтобы запаниковать или хотя бы растеряться, ушел от второго удара и ответил скользящим тычком ниже подбородка. Хотел сломать гортань, и Глеб едва сумел увести горло от кулака. Отпрыгнул.

Сталкер и бандит обменялись мгновенными оценивающими взглядами. Ненужные слова не прозвучали. Глеб не стал оправдываться, что ошибся дверью, бандит не стал утверждать, что стрелял в воздух.

Рамзес узнал стрелка. Плотный, круглолицый, с короткой стрижкой и пустым взглядом горчичного цвета глаз – этот боец стоял за спиной, пока они с Артуром мило беседовали. Еще Глеб понял, что схватка не будет простой. Сталкер привык чувствовать себя главным хищником, но враг возвышался над ним почти на голову и был гораздо шире плечами и торсом. За его манерой держаться чувствовался опыт, а хладнокровием он вполне мог потягаться с Рамзесом. Бандит не боялся. Смотрел Глебу в глаза, не отрываясь, но яростный посыл «отступи-упади-сдохни» игнорировал.

Крепкий орешек...

Бойцы начали убийственный танец, который должен был закончиться для одного из танцоров безымянной могилой в глухом лесу. А то и для обоих.

Глеб сделал ложный выпад. Бандит не очень ловко уклонился – гора мышц и сала не способствовала легкости движений. Ответил, по-медвежьи выбросив снизу длинную руку. Глеб нырнул под огромный кулак, и на взлете ударил бандита коленом в грудину, круша слабые нижние ребра, сминая диафрагму и через нее – сердце. Обычно после такого удара человек падал, где стоял. Колено сталкера утонуло в жире, наткнулось на мышечную плиту и пробить ее не смогло. Контуженая нога заныла, и Рамзес отскочил на исходную позицию. Бандит молниеносно ударил второй рукой и попытался достать ускользающего сталкера ногой. Тоже встал отдышаться. Сонное выражение не сходило с его лица, будто он не дрался, а мясо рубил.

«Он и рубит мясо! - понял Глеб, начиная атаку. - И, если я его не убью, будет рубить дальше».

Пошла вторая минута схватки. Так долго Глеб давно не дрался, обычно хватало двух-трех выпадов, которые обычный человек не в состоянии перехватить. Рамзес атаковал и уходил от ударов, он был легче, быстрее и угадывал намерения врага. Тот брал опытом, хладнокровием и кабаньей силой.

Вновь разошлись. Пот ручьями бежал по спине, и, главное, правая рука плохо слушалась. Один удар Глеб все же пропустил. Бандит тоже выглядел неважно, кровь стекала с висков частыми струйками и пропадала за воротником. Рамзес доставал его чаще, но терять сознание бандит не собирался.

«Он что, каменный?»

Враг не спешил нападать, и Рамзес, наконец, сообразил, что они постепенно смещаются в угол, куда отлетел стреломет. Бандит таки успел зарядить его одним зарядом, и увернуться

от дротика, пущенного в упор, у Рамзеса шансов не просматривалось. Кабан, очевидно, понял, что в рукопашной кошку-сталкера одолеть не получится, и решил действовать наверняка.

«Взять оружие он не должен, - приказал себе Глеб. - Дьявол с ним, с допросом, уйти бы живым! Еще несколько шагов и...»

Не смей паниковать! Расслабился ты, сталкер, разнежился. Привык рубиться с гопотой. А вот тебе противник, охолонись! Это профи, мечта, а не противник. Если для спарринга... Ни одного лишнего движения, никаких тебе звуков и бестолковых танцев в китайском стиле. Бьет как мясник сильно и как хирург точно.

Рамзес быстрым движением нащупал нож, и бандит воспользовался моментом. Он метнулся в угол, вытягивая в падении руки. Глеб стреломета не видел, но бандит, очевидно, знал что делает.

«Все! - понял Рамзес. - Аллес, приплыли! Сейчас я стану на пятьдесят граммов тяжелее, и это будет вовсе не водка...»

Говорят, время замедлилось. Рамзес знал это ощущение не понаслышке, в самые отчаянные минуты время для него действительно останавливалось. Замирало от момента, когда сердце впрыскивало в сосуды кровь, и до момента, когда расслаблялось. Черт тебе ворожит, говорил старина Ворон, но Рамзес знал, что не черт, а Зона дарит ему неподотчетные мгновения. Хотя, лучше бы черт, право слово!

Сердце сделало удар, кровь тугим потоком побежала по сосудам.

Глеб опустил бесполезный нож. Метать его он так и не научился толком, а идти в ближний бой поздно, бандит уже целится.

Стрелял враг так же, как бил, то есть убийственно точно. Глеб отстраненно наблюдал, как в облачке пороховых газов вырывается из ствола дротик. Как летит точно в лицо, как вращается для устойчивости. Рамзес пропустил его над головой и прыгнул, целясь ногами в бандитское брюхо.

Время запустилось в полете. Глеб еще увидел, как медленно расширяются зрачки убийцы, как, наконец, сменяется растерянностью торжество на круглой роже, но упал на вражье тело уже в реальном времени.

Как бандит понял? Или просто взял за правило менять позицию после выстрела? Рамзес едва задел врага по ребрам и врезался в стену. Кабан взревел от боли, не иначе Глеб что-то повредил ему, и быстро, как таракан, побежал на четвереньках за стойку.

А Рамзес захрипел, сжимая грудь напротив взбесившегося сердца, и несколько минут старался не умереть от инфаркта. Чудес не бывает, осуждал его Ворон, наблюдая подобное в первый раз. Каждое такое чудо ты оплатишь стократ, Рамзес...

Когда Глеб, изготовив нож, начал обыск, бандит уже исчез. Испарился, оставив после себя только отметины на многострадальном сталкерском теле.

Зато в дальней каморке нашелся спящим на раскладушке бармен Вадик. Глеб полил его из графина. Запахло сивухой, Вадик зачмокал и проснулся:

- Какого?..

Рамзес хлопнул его по шее, сбрасывая бессильную ярость, и придавил лицом к подушке:

- Кривого! Где хозяин?

- А я знаю? – возмутился из подушки бармен. – Он передо мной что – отчитывается?

- Врешь! - остервенился Глеб. – Я тебе, хорьку, уши сейчас отрежу. Для примера.

- Ага, попробуй! Тебе Артур их знаешь, куда пришьет?

Глеб сжал пальцы. Бармен уныло заверещал, не столько от боли, сколько из принципа:

- Кувалда!

- Нет Кувалды. Спекся!

Глеб слегка ослабил хватку.

- Кувалда спекся? – хрюкнул бармен. – Он тебя, козел, еще на лапшу строгать будет!

Под раскладушкой заголосил телефон. Бармен дернулся, но Глеб схватил трубку

раньше.

- Волчара приходил? – спросил издали Артур.
- Волчара приходил, - подтвердил Рамзес. – Волчара еще не ушел.
- Ты?! Все быкуешь, дорогой?
- Верни ПДА, Артур, - потребовал Глеб. – Я ведь тебе жить не дам!
- Широко шагаешь, дорогой, о штанах не думаешь. Мне твои угрозы – тьфу!

Глеб поверил.

- Артур, я все здесь вверх дном переверну. Даю слово!
- Переворачивай, - слишком легко согласился Артур, и Глеб понял, что обыск будет бесполезным. – А угрозы... Я вежливый человек, дорогой. Пусть тебя пошлет мой адвокат!

Князь разорвал соединение.

Глеб скрипнул зубами. С одним адвокатом Князя он только что познакомился, хватит. Рамзес снова придавил ожившего бармена.

- Скажи мне отчетливо, кого Артур посылал два дня назад за Периметр?
- Никого!
- Врешь!
- Зоной клянусь! Мамой! Чем хочешь!
- Сволочь упрямая! Собирайся.
- Куда? Зачем?
- Сейчас пройдем по вашим, поговорим.
- Не нужно! Нет никого...

Глеб рывком поднял бармена.

- Артур всех предупредил, чтобы сваливали, - Вадик бросал слова ему в лицо, будто дерьмо черпал лопатой. – Все наши ушли из Вешек, обломайся, гад!

Рамзес подавил желание вколотить в глотку этому торжествующему недоумку каждое выплунутое слово.

«Эмоции, Рамзес, эмоции! Мыслить нужно трезво. Как Артур, к примеру, который сделал тебя, как щенка».

«Потому что я не умею просчитывать на пять шагов вперед! - сопротивлялось его второе, строптивое я. - Цент, сволочь, я сталкер, а не шахматист! Был уговор, что думаешь ты».

Из каморки нашелся прямой ход в кабинет Артура, тесную, без единого окна комнату. В углу стоял монументальный сейф, не новый, но солидный и надежный как скала.

Рамзес бегло осмотрел ящики старого письменного стола, раскрыл конторский шкаф. Оттуда заскользили на пол папки с бухгалтерской отчетностью, упала и покатилась, звеня одинокой монетой расписная пороссячья голова с надписью «Общак» на керамическом рыле.

- Ладно, - ядовито сказал бармен, наблюдая за процессом. – Будем считать, что ты мент, и ордер у тебя имеется. Чур, я буду понятым. Что подписывать?

Выглядел парень неважно. Бледный, как вампир из трэшového ужастика, он сидел в дальнем углу, куда его пихнул Глеб, и поминутно вытирал пот рукавом. Сталкер тоже помассировал лоб, поймал на виске суматошно бьющуюся жилку. И впрямь душно; голова болит все сильнее.

Рамзес встал перед сейфом:

- Ключ есть?

Вадик посмотрел на него с едким сочувствием. Глеб и не рассчитывал на скорый успех. Он потянулся было за высокие стопки бумаг на сейфе и отпрыгнул.

- М-мать!

Черная тварь, откормленный до неприличных размеров кот порскнул над плечом, упал с тяжелым стуком и забился под шкаф. Закричал оттуда безумным мявом. Глеб затряс окровавленной ладонью.

- Мурза, ты что, взбесился? - бармен так расстроился, что даже не съязвил.
- Вставай, - невнятно скомандовал Глеб, посасывая ладонь у большого пальца. –

Посмотрим в зале!

Вышли из кабинета, бармен впереди, Глеб чуть сзади. Из-под ног брызнули с писком несколько больших как хорьки черных крыс. Бармен только ахнул.

- Травили, честное слово! Да тут и не было таких сроду! Кони, а не крысы.

Крысы преследовали их и в зале. Лезли под ноги, отчаянно пищали. Глеб поймал одну ботинком, раздавил и попытался достать вторую. Гром оглушил почти взрывной волной, окна задребезжали. Сталкер забыл о крысах, увидев, как от земли поднимался к тучам пыльный вихрь.

Бармен, пока Глеб танцевал на крысиных тушках, решился вырваться и нырнул под стойку.

- Куда?! Куда ты собрался бежать, Вадик?..

Рамзес осекся, потому что синюшный Вадик поднялся; в его руках плясал обрез марки «вы грабите – мы стреляем». Царапанная вертикалка с отпиленным под корень прикладом и слишком длинным стволом, чтобы прицельно стрелять без упора. Бармен и не собирался целиться. С полутора метров картечью промахнуться невозможно.

Глеб почувствовал, как расплзается холодное пятно на груди, там, куда должна ударить дробовая струя, и глянул исподлобья. Зрачки бармена, мутные от похмелья, расширились, превратив радужную оболочку в узкое кольцо.

- Стреляю, - просипел он.

- Нет, - Рамзес повел головой из стороны в сторону. – Если попытаешься, я тебя убью.

У бармена задержалось лицо. Выстрелит?! Но опять ударил гром, Вадик уронил обрез и мешком повалился на пол.

Глеб нагнулся за оружием. Кожа на затылке онемела от ненависти, презрения и запоздалого страха.

- Не у-у-у... - захрипел бармен, спотыкаясь на каждом слове. – Не у-убивай, Р-рамзес...

- Идиот, - процедил Глеб. - Кому ты нужен, мараться...

За окном грохнуло так, что зазвенели бутылки в баре и затрепетали неровным светом лампы. Сама собой включилась дальнобойная радиостанция, спрятанная под стойкой. Громкость была выставлена максимальная, и рваный шум эфира резанул слух. Рамзес кивнул бармену – выключи, мол – когда сквозь помехи прорвался кто-то смутно знакомый: «Стриж... огонь... Стриж... огонь!». Крик перешел в нечеловеческий рев, а бармен не выключал и смотрел в ужасе. Глеб узнал собственный голос и затряс головой. Бред какой-то!

- Что за фокусы? – каркнул Глеб, но закончить дознание ему не дали.

Артур отреагировал молниеносно. Говорили они минут двадцать назад, а под окнами уже стоял, заслоня тусклый свет, милицейский «Хаммер». Дверь содрогнулась и с грохотом распахнулась; в проеме стоял Крынкин с кувалдой наперевес.

- Оружие на пол!

Из-за солдатского бронежилета выглядывал жидкий чуб и любопытный нос прапорщика Скидоренко.

– Опять ты?! Ну, хана тебе, сталкер, теперь не отвертишься... Тьфу, мерзость!

В дверной проем волной потекли крысы, спасаясь из тонущего «Харчо»... Или Вешек?

Гадать не осталось времени. Рамзес смотрел прапорщику за спину и не верил глазам.

- Пригнись! – выкрикнул он.

Огромный ворон снарядом пролетел над головой Скипидара и с лету врезался в стену. Птичья тушка лопнула кровавыми брызгами. Участковый заверещал, пузом втолкнул солдата в помещение и навалился телом на дверь.

- Мужики, это что?

- Птицы взбесились! – заорал дурным голосом Мамаев; он прошел черным ходом.

Черные точки, почти неразличимые на фоне неба, быстро собирались в неряшливую кучу, и острый край этой кучи жадно тянулся к земле. К бару, к людям.

- Ложись! – хрипло начал Глеб и закончил воплем. - Живо!

Сталкер упал под стойку. Рядом, сжавшись в комок, беззвучно плакал бармен. Слезы

быстро катились по неподвижному лицу.

Птицы ударили в стены, в окна, в дверь. Мерзкий хруст бьющихся в железо тел напоминал барабанную дробь. Потом стая выдавила стекла и ворвалась, оставив на осколках многочисленные тушки.

Сталкер вспомнил старый фильм, но наяву было страшнее, чем в кино. Птицы летели в лицо, как пули, слепо таранили мебель, людей и стены, заполняя воздух гомоном. Глеб не видел других, не до того стало. Он как цепом молотил перед собой обрезом, круша хрупкие крылья и шеи, а за спиной подвывал бармен Вадик. Жутко болела голова и будто в песок утекали силы. Кто-то закричал и нажал на спусковой крючок. Пули редко встречали птицу, зато стена напротив брызнула штукатуркой, деревом и бутылочным стеклом.

- Кто стреляет? Своих побьешь, сволочь! – захрипел Глеб, и неожиданно все закончилось.

Как отхлынувшая волна слегка утихла головная боль. Птицы на мгновение поперхнулись, и тут же озадаченно заголосили снова. Затрепыхались кто у окон, кто под потолком.

- ...в бога мать! – пожаловался рыдающим голосом Скипидар. – Что же это творится, люди?!

Рамзес поднял голову над стойкой. Перемазанный кровью и пометом участковый сидел спина к спине с рядовым Крынкиным. У солдата по бронежилету размазался птичий труп, и парень, открыв от удивления рот, пытался скосырнуть его пальцем. Напарник пострадал сильнее; он оказался на пути ворвавшейся в окно стаи, и его побило до крови. На руку Мамаева, которой он защищал глаза, смотреть было страшно.

Бармен лежал под стойкой и поводил вокруг бессмысленным взглядом. Глеб щелкнул пальцами перед его лицом, но бармен не отреагировал.

- Тронулся, – присвистнул из-за плеча Крынкин. – Слава богу, не пальнул.

- Зато ты отличился! – рявкнул Глеб, досадуя, что не удастся расспросить бармена о фокусе с рацией.

Птицы большей частью улетели, и звуки внешнего мира поползли через выбитые окна. Вдали будто сваи забивали. Самоходка?! Шваниц воет – значит, волна! Звериное сумасшествие, головная боль...

«Что же ты молчишь, Цент? – отчаянно подумал Глеб и вспомнил.

«Уходи немедленно!»

4

- Витя, нужно связаться с РОВД, – высказался дельно Мамаев.

Рамзес глянул на экран навигатора, сначала таясь, потом открыто, когда понял, что до него никому нет дела. Уровень сигнала опустился до нулевого, сеть упала. Цент, если захочет, прорвется по спутниковому каналу, но Скипидар приказы от начальства сможет получить только по проводам или по рации. Которая, естественно, в отделении. Хотя...

Глеб повертел кругляшом настройки – так и есть! Артур, не мучаясь излишне совестью, разжился милицейским декодером. Сквозь помехи в эфире прорвался задорный мат. Некий «двенадцатый» распекал, хвалил, командовал и собирал раскинутые по десятку населенных пунктов силы.

Скипидар, возмущенно сопя, оттер Глеба от рации, забубнил в микрофон:

- Я двести четвертый! Двенадцатый, ответь двести четвертому!

- Двести четвертый... мать... не слышу!.. готовы. Идет... волна! Повторяю, волна... Зоны!.. По обстановке...

«Двенадцатый» регулярно пропадал в приливах радишума, но главное Глеб понял. Разом накатила усталость. Все зря! Драка, бестолковый обыск, допрос – зря. Зона опередила и привела всех к общему знаменателю.

- Волна, говорят, в семи-десяти километрах, - повторил Скипидар вслед за «двенадцатым». - Собаки и еще какая-то дрянь, с телекамер не видать. На всей территории это... магнитное возмущение, мобильная и радиосвязь, значится, работают с перебоями.

Они не понимали. Глеб видел на лицах участкового и солдат только растерянность. А ведь семь километров волна пройдет часов за пять, хотя Зона и не любит скорых перемещений. Последние же километры здесь, за проволокой. Здесь волна пойдет гораздо быстрее.

- Все отменяется. Сейчас дуем в управу, - объявил Скипидар. – Включаем сирену и оповещаем людей по громкой связи. Засядем в отделении, пулемет, слава господи, при нас!

Он говорил непривычно жестко, его толстые щеки втянулись, взгляд посуровел. Глеб же вспомнил, что пулемет привезли только утром, и он не пристрелян. Огневых точек нет. И вообще не факт, что участковый и его усиление из внутренних войск сладят с этой непростой машиной. Очень уж обленились на деревенских харчах.

- Гы... А с этим что?

Крынкин мотнул на Глеба головой.

«Несанкционированное проникновение, - подумал Глеб, - и нанесение легких телесных. Это как минимум».

Скипидар мазнул по Глебу отсутствующим взглядом и разъяснил в двух словах, где и в какой обуви предпочитает видеть задержанного. Потом. После волны. Глеб облегченно вздохнул.

Вышли на улицу, богато усеянную тушками пернатых камикадзе. Рамзес отстал на пару шагов и держал обрез за спиной, но Скипидар и впрямь думать забыл о сталкере.

Тучи над Зоной напоминали горы и цветом, и почти ощутимой неатмосферной тяжестью. Часто вспыхивали яркие жгуты молний, чаще вниз, но некоторые вверх. Мутно-серое оконце над Вешками быстро затягивалось чернотой. Из него как черт из коробочки выпрыгнул камуфлированный вертолет, хищно клюнул носом и уронил с направляющих огненные струи. Гулко ахнуло. Из-за леса встала дымная стена и тут же опала. Вертолет пошел над дымом, помавая задранным хвостом. Под вертолетным брюхом бешено вращались стволы крупнокалиберного гатлинга, веером летели стреляные гильзы.

По улице бродили люди, смотрели в небо с боязливым любопытством и перекликались, негромко, будто страшась вновь разбудить стихию. Вертолет провожали недоумением, птичье сумасшествие – недоверием. Такого не может быть, потому что... не может! У Рамзеса засосало под ложечкой: растерянность – опасная состояние. Моментально обернется паникой.

Людей в форме селяне встретили с облегчением. К Скипидару подкатила разбитная селянка.

- Витек! Это что же, опять, как в запрошлом месяце?

- Хуже! Ховай детей, Наталья, - распорядился прапорщик, ступая на подножку джипа. – Нечисть прет.

Селянка заохала.

- Участковый! – крикнул Глеб, когда Скипидар завел «Хаммер». – Бармена забыл!

- Нехай сдохнет! – обрисовал свою позицию Скипидар. – Нехрен с бандитами вожжаться.

«Хаммер» сорвался с места, подняв тучу пыли.

Рамзес догнал говорливую Наталью.

- Женщина, не оставьте убогого, пропадет ведь!

Он показал на раззявленную, словно беззубая пасть, дверь бара «Харчо», достал бумажник и начал отсчитывать купюры.

- Дурак ты, сталкер! – зло сказала женщина. – Деньги прими. Со своими мы сами управимся, без посторонних.

Рамзес крикнул, скорее от неожиданности, чем от стыда. Покраснеть бы, да разучился давно.

Сталкер достал смарт посмотреть время. Зона отпустила ему пару часов на размышления, терзания и действия. Потом будет поздно, останется сидеть и ждать смерти. Найти Артура за это время не получится, а после волны это и вовсе невозможно. После волны начинается новая жизнь, в которой, возможно, не найдется места ни Князю, ни Рамзесу. А значит, ПДА ушел, окончательно и бесповоротно, вместе с трассированным маршрутом к Оку Зоны.

Раскатистые звуки – Скипидар завел сирену – напомнили, что Князь теперь не самая острая проблема. Чтобы искать Око, нужно, по крайней мере, пережить ближайшие сутки. Будь в запасе часов шесть-семь, Глеб мог бы двинуть навстречу волне. Из циничного расчета, что шансов спрятаться от мутантов в Зоне намного больше. Такая вот нелинейная арифметика.

Но шести часов Зона не распорядила. Сталкер запустил пальцы в жесткий ежик на голове. Что делать?!

«Что делать? Для начала вытащить ту задиристую девчонку!»

Это было неоптимальное, может быть, неправильное, но понятное и осуществимое решение. И главное, оно нравилось Глебу, в этом сталкер не стал хитрить.

У Анны Павловны его не ждали, дом стоял окнами нараспашку. Глеб решил, что Инга снялась вместе с другими сталкерами, но услышал голоса и перемахнул через забор.

- ...посмотри – не дура и не уродина, – выговаривали кому-то в доме; в ответ вздыхали.

Глеб остановился под окном, чтобы дослушать фразу. Инга! И эта, вторая, дочь хозяйки. Девушки секретничали, и в другое время Глеб ретировался бы, но не сейчас. Он коротко стукнул в стекло, чем всполошил подружек, и полез через подоконник. Не то, чтобы дверь не для него рубили, а просто лишние секунды быстро складывались в совершенно не лишние минуты.

С экономией Рамзес прогадал. Он уперся грудью в ствол и понял, что придется объясняться.

- Ты?!

Инга подняла оружие, и Глеб мимолетно удивился. Машинка подобрана со вкусом! Карабин «Тигр-9», модифицированный по спецзаказу, если судить по некоторым характерным деталям. На ствол для защиты от грязи натянут презерватив, что есть практика известная и во всех армиях мира одобряемая. Но здесь и сейчас презерватив смотрится забавно.

- Ой, как в романе... - вторую девицу Глеб сначала опознал по голосу; невзрачная и простодушная хозяйкина дочь. Теперь вспомнил и как зовут - Леночка.

Роман действительно присутствовал, девица прикрывалась им по самые уши; с обложки скучающе смотрел на мир красавец-мачо, неловко срисованный с актера Бандераса. Приглядевшись к девушке внимательнее, сталкер понял, что ошибся на ее счет. Леночка не выглядела глупой, просто в присутствии мужчин у нее случался мозговой коллапс. Бывает.

- Вы что, сирену не слышите? – рявкнул Глеб, еще не понимая, на что сердит – на Ингину беспечность или на свое неуклюжее вторжение. Или на откровенную неприязнь во взгляде девушки.

- Слышим. Кстати, здравствуй. Тебя уже отпустили?

Глеб смолчал, прикидывая, сможет ли договориться, или придется применять силу в той или иной форме. Решил договариваться.

- Отпустили. Сирена, потому что идет волна из Зоны. Я помогу найти безопасное место.

А есть ли оно, безопасное место?

- Как в романе, - восхитиласьмышь и стремительно покраснела. – Ой, да что я про роман этот...

Глеб покопался в памяти и выдал, чтобы немного разрядить обстановку:

- Это ничего. Все девушки или читают любовные романы, или пишут их. Безразличных не бывает.

- Что же, эти категории сильно различаются? – полюбопытствовала Леночка. – С мужской точки зрения.

- Ну... первых любить можно, вторых... тоже можно.

- Его баба роман писала, - сделала неожиданный вывод Инга. – И он не нашел себя среди главных героев. Кошмар!

Глеб едва язык не прикусил, так захотелось ответить какой-нибудь многозначительной колкостью.

- Ой, я тоже писала, в школе еще, - расстроилась пунцовая мышь. – Неужели меня не нужно любить, гражданин сталкер?

- Вас, Леночка, нельзя не любить, - сказал Глеб с натушной галантностью; он раздражался ее зажатости и совершенно не представлял, как с ней разговаривать.

- Ты вот что, герой-любовник, - оборвала его Инга, - мозги... как это?.. не положи девочке! Кавалер, надо же! Напомнить, где эти ваши... боевые подруги пасутся?

Глеб выдержал яростный взгляд.

- Зачем так? Мы знакомы всего пару дней. Говорили в другом тоне. Что случилось?

- Зачем мальчишку избил? Вчера, в баре.

Вон что! Глеб усмехнулся:

- Если скажу, что защищался, поверишь?

- Кулаком в висок? Нет! – отрезала Инга. – Я же там была, видела. У него сотрясение и гематома в половину лица. Он ушел пешком, в таком состоянии, потому что боится. Казнит себя, что связался с...

Ну?! Глеб пристально смотрел ей в глаза, ожидая, когда девушка решится.

- ... оборотнем! – с вызовом закончила Инга.

Рамзес не принял вызова.

- Не говори так, - спокойно попросил он. – Ты судишь о вещах, которых не понимаешь.

Девушка сморгнула.

- Я бы мог спасти свою шкуру, - продолжил Глеб. – А я здесь стою и глотаю оскорбления. Какого, спрашивается, черта?

- Какого же?

- Ты мне помогла, а Рамзес долгов не забывает.

- Боже, сколько пафоса! – съязвила девушка и протянула, словно пробуя на вкус. – Рамзес... Почему не Цезарь? У тебя, сталкер, часом не мания величия?

У меня, часом, фамилия похожа, подумал Глеб.

- Если не пойдешь, я тебя участковому сдам, - обещал он. - Ничего больше сделать не могу, извини. В обезьяннике, пожалуй, сейчас единственное безопасное место.

Обещать-то обещал, но готов был душу прозакладывать, что Скипидар из отделения ни ногой пока волна не схлынет. Но девице знать об этом совсем не обязательно.

- За что? – ахнула мышь.

- Меня не за что арестовывать, - сказала Инга с едва заметной ноткой неуверенности.

Она задумалась, начала кусать губу. Как всякого в общем-то законопослушного человека, ее нервировала угроза ареста. Страшную в своей наивной откровенности максиму: от суммы и тюрьмы не зарекайся, девушка еще не усвоила. В силу долгой оторванности от ридны ненки.

- Какая разница за что? - отмахнулся Глеб. – За кустарную модификацию оружия, к примеру.

Рамзес к лишению свободы относился философски. В Приштинской тюрьме он сидел за то, за что в Белграде ему обещали орден. Не дали, правда, зато помогли выбраться.

Девушка начала колебаться.

- Волна – это очень опасно! - Глеб зашел с другой стороны.

- Что ты предлагаешь? – буркнула девушка, сдавая позиции. – Только учти, доверия тебе нет!

- Для начала пойти к управе. У властей должен быть план на случай волны.

«Если такого плана нет, даже мне дожить до утра будет непросто», - признался себе Рамзес.

Инга не стала спорить, только предупредила:

- Оружие не дам! Не знаю, как у властей, а это мой план.

Она положила руку на карабин. Красивые пальцы смотрелись на цевье неубедительно. На теннисной рукоятке они были бы к месту, но не здесь. Из этого оружия еще не стреляли, понял Глеб, разве что по мишеням. Они друг другу чужие – металл и пальцы, им еще предстоит сработаться в нелегком деле уничтожения живого. А, значит, немногого стоит твой план, красавица.

- Вы тоже собирайтесь, - велел Глеб Леночке; не собакам же ее оставлять, подумал. – Анна Павловна где?

- У Пасенков.

Мышь не казалась взволнованной. Она, похоже, не признавала масштабов катастрофы.

- Далеко?

- С того краю деревни.

«Не успеть... Ну, господи спаси Анну Павловну! Чудесная старуха», - Глеб поймал себя на том, что думает о ней, как о покойной...

Кудлатый пес, помесь московской сторожевой и местного дворянина, провожал квартирантов мутным взглядом. Еще вчера истошно гавкал и норовил ухватить за лодыжку, потом ластился и кланялся сахар, а теперь не издал ни звука, только дернул лобастой башкой и уронил на землю струйку тягучей слюны. Собаки в Вешках молча умирали.

Рамзес не пожалел минуты, вспорол ножом брезентовую петлю-ошейник и дал собаке увесистого пинка. Извини, друг человека! Псина неохотно оскалилась, но поднялась. Глеб толкнул ее в сторону калитки.

- Зачем вы так? – возмутилась Леночка. – Пират хороший!

- Прогуляется, - не стал вдаваться в подробности Глеб. – Ему полезно.

«Гавкнуть твой Пират не успеет!»

За калиткой Глеб погнал девушек едва ли не бегом. Он торопился. Опять начинала болеть голова; поднялся ветер, крутил мусор и пыль, сильно бил в лицо.

Инга несла плотно упакованный рюкзак, явно приготовленный заранее. Возможно, девушка все же имела собственный план, бестолковый, конечно, ведь Зону она представляла по чужим рассказам. Но и Глеб, при таком раскладе, выглядел со своей непрошенной помощью тупым солдафоном, а вовсе не искренним спасителем, которому многое простится.

На улицах к этому времени стало пусто, как надеялся Глеб из-за объявленной Скипидаром тревоги. Волна, конечно, может пройти стороной - что там, в действительности, рассмотрели миротворцы со слепых телекамер? За семь километров волна может рассеяться, может отхлынуть от забора. Все возможно, но Глеб не любил быть оптимистом. Он верил в удобные дороги, по которым двинутся монстры. Они пройдут по Вешкам как цунами и возьмут в осаду глухие короба домов со струящимся из щелей запахом страха. И кого-нибудь достанут, пока Шваниц найдет штыки организовать сюда поход.

Сталкер выругался шепотом и поймал едкий взгляд Инги.

«Да и черт с тобой, гусар-девица! - подумал он. – Ишь ты, доверия мне нет...»

Когда вышли на площадь у сельской управы, Глеб понял, что никакого плана у властей нет. Властей тоже нет.

ГЛАВА 4

Люди не могли оставаться дома, испуганные жесточайшей головной болью, ураганом, перебоями с электричеством и связью. Никто пока не понял, что происходит, никто не пытался бежать или прятаться. Наоборот, гнали от себя страшные мысли.

- Учения, учения, учения... – слышал Глеб растерянные заклинания.

И никого, облеченного властью! Поселковая администрация стояла запертой наглухо, стальная дверь напоминала задраенный люк на подлодке. Жизнь теплилась лишь в цокольном этаже, под жовто-блакитной вывеской «Милиция». Там горел свет, и мелькали тени. «Хаммер» стоял в переулке, выглядывая на площадь хищной мордой-капотом, и солдаты часто сновали из отделения до машины и обратно.

Рамзеса и его запыхавшихся спутниц встретили неодобрительно. Деревенские не привыкли к суете, их бытие не располагало к торопливости, зато располагало к пустословию. Глеб догадывался, какие нелепые слухи бурлят и размножаются в этом бульоне насчет вооруженного мужика в камуфляже и двух баб при нем. И связи означенного мужика с природными катаклизмами, обрушившимися на Вешки.

Да какие бы они не были, слухи, правда окажется страшнее. Что видели Вешки? Как десяток слепых собак зарезали Нюркину корову? Рамзес наглядно представил, что здесь будет через пару часов, и ему стало жутко.

- По домам! Все по домам, - закричал Глеб, но его не слушали. Неизвестность и одиночество в четырех стенах пугали больше.

- Разрешите поинтересоваться...

- Начальник, не ори!..

- Что там, служивые?..

- Это волна из зоны отчуждения, - Глеб старался говорить уверенно. – В основном собаки. Они не опасны, если правильно подготовиться. Закройтесь дома, все окна и двери - на замок. Забаррикадируйтесь.

- От, мать!..

Глеб, рассекая толпу, налетел вдруг на человека, который не отступил с дороги. Рамзес удивился: перед ним стоял с растерянным видом вчерашний совьеглазый ходок из бара «Харчо».

- Этого может оказаться мало, - сказал ходок, и Глеб не сразу понял, что он говорит о «забаррикадируйтесь». – Там могут быть... впрочем, неважно. Одна надежда, оружие есть буквально в каждом доме.

- Оружие?

- Здесь у всех припрятано. У иных еще с войны – такие раритеты, знаете ли!

Сталкер деловито зашагал рядом.

- Стой! – Глеб схватил его за локоть. – Ты кто будешь, человеке?

- Моя фамилия Нестеренко, Олег Нестеренко. Здесь меня зовут Вараном.

- Почему не ушел? Артур не предупредил?

- Мне Артур не указ, - отрезал Варан. – У меня с ним дела разовые, поконтачили и разошлись как в море корабли.

- Какие дела? – не удержался Глеб. – Может, это ты позавчера ходил за Периметр?

- Дело у нас сейчас одно – выжить. Но вам, легенда, скажу: позавчера нет, не ходил.

Глеб пропустил шпильку мимо ушей.

- А кто ходил?

- Мне не докладывали, - усмехнулся Варан. – Так, слышал кое-что...

Ходок поперхнулся, схватился за виски. Приступ головной боли скрутил не его одного. Люди заохали и заголосили. Небо над Вешками почернело окончательно, будто гнильем покрылось, отяжелело близким ливнем. Ветер резко стих, и на площадь опустилась тишина. Природные звуки разом пропали, и жалкий человеческий гомон никак не мог заполнить липкую пустоту, какая только и бывает перед бурей.

Ахнула Леночка. Американка, бледная и очень злая, поддерживала подругу.

- Где твой план, сталкер? – спросила Инга, едва шевеля губами.

Рамзес постеснялся сказать где. Не любил ругаться при женщинах.

- Если вы о властях, то все, кто мог, смылись, - Варан массировал виски и говорил невнятно. – Если не врут, предупреждение было еще утром.

- Вам нужно срочно где-то укрыться, - Глеб взял Ингу за локоть виноватым движением.

- Свежая мысль! – съязвила американка и судорожно переглотнула.

- У нас дома подвал, - обморочно прошептала Леночка. – Давайте вернемся... Меня тошнит...

Любое убежище – западня, говорил мудрый Ворон, причем защищенность – бабка надвое гадала, а западня настоящая.

Глеб кивнул на милицейскую дверь.

- Лучше к ним. У них пулемет, а это какой-никакой шанс.

Инга не ответила. Глеб проследил за ее взглядом.

На площадь слепо вкатил рейсовый автобус из Ясенево, и толпа разделилась на две половины. Первые в ужасе шарахнулись от разбитых стекол и окровавленных бортов, вторые решили, что транспорт – это шанс. В автобус ринулись, давя друг друга. В дверях и салоне мгновенно завязалась драка, в которую втягивались, как в омут, все новые и новые люди. Только что индифферентная, толпа в животном пароксизме – они бегут, а мы? - двинулась на потрепанный «МАН» со всех сторон.

Глеб закаменел, понимая, что случится через считанные минуты и что потом, когда самые наглые попытаются бежать навстречу волне.

Громко завизжала женщина, заплакали дети, числом небольшим, ибо детей в Вешках было много меньше домашней скотины. А детский плач будит самые глубинные инстинкты.

- Что вы делаете, люди? – заверещали голосом уже неразличимым, мужским или женским, и Рамзес кинулся в толпу.

Острый локоть скользнул по скуле, чьи-то цепкие пальцы ухватили за дробовик и едва не вырвали. Глеб с разворота ударил туда ногой; попал, не попал и в кого попал – не понял, да и не время разбираться. Он ввинчивался в толпу все глубже, и с каждым шагом, с каждым тычком понимал – не прорваться! Тогда сдернул с плеча дробовик и высадил в воздух оба выстрела; быстро перезарядил. Позади с секундной задержкой увесисто жажнул «Тигр».

- Охренел!.. – матерились вокруг без особого испуга.

Толпа все же схлынула, и, не дожидаясь естественного прилива, Рамзес пробежал вперед, пока не уперся стволом в решетку автобусного двигателя. Очень удачно! Сталкер отскочил вбок, чувствуя затылком животные взгляды людей, и выстрелом в упор вскрыл радиатор. Ручей красного, почти кровавого на вид антифриза брызнул на асфальт, а рядом заголосили те, кому рикошетом досталось картечи.

- Уби-и-ли! – завизжал кто-то дурным голосом, и толпа задвигалась хаотично, готовая и давить Глеба и бежать от него.

Но сталкер уже ворвался в автобус, не щадя чужих ребер и голов.

- Вон отсюда! – Глеб сам не узнал своего голоса.

И выкинул на землю тощего мужичка, который остервенело бил водителя по голове.

- Я не еду, я не еду, - повторял как заевшая пластинка избитый в кровь шофер дядя Саня. – Птицы же... я не еду...

Громкоговоритель на фонарном столбе засипел, заскрежетал и прокашлялся Скипидаровым баритоном.

- Кто стрелял?!

Глеба хватили сзади. Сталкер рывком стряхнул чужие руки, но немного опомнился.

«Охолонись, Рамзес! - проявился на границах сознания голос разума. – Досчитай до десяти. Сколько глупостей ты уже натворил в горячке?»

Считать можно было и до десяти, и до ста. Но когда на него прыгнул вооруженный монтировкой парень, с остатками рубахи на татуированной груди, Рамзес закусил удила. Татуированный задавал тон в драке. Таких Глеб насчитал троих, кто бил смертным боем всех попавших под руку. Парень тонко завизжал, открыв в оскале серые как асфальт зубы, когда

сталкер сломал ему руку. Монтировка полетела в окно, а Рамзес, перехватив обрез, как дубину, в несколько движений положил разрисованную троицу на пол.

От его вмешательства стало только хуже. Женщина, только что закрывавшаяся от бандитских кулаков, посмотрела на сталкера из-под локтя и заверещала так пронзительно, что Глеб едва не оглох. Его схватили за шею, Рамзес двинул назад локтем; рванулся. Комбинезон затрещал в чужих пальцах, и Глеб споткнулся. Падать нельзя, затопчут! Рамзес чудом удержался на ногах, всем весом наступив на мягкое – человек лежал в проходе, не то мертвый, не то без сознания.

Драка не утихала. На смену одним драчунам в автобус прибывали другие, а свалка, выплеснувшись наружу, обретала катастрофические масштабы.

Сквозь шум Рамзес услышал выстрел, а следом яростный вопль. Стреляли из «Тигра», а кричала, наверное, Инга, и кричала страшно. Глеб сунулся в оконный проем, увидел людей, цепляющихся пальцами за стеклянное крошево, и ногой выпихнул их обратно. Сломанный нос лучше песьих зубов, ребята! Но в окно снова лезли.

Глеб заревел в перекошенные лица:

- Назад! – готовый стрелять, и прикусил язык от удара в затылок.

Из-за дикой боли во рту Рамзес не потерял сознания, хотя били насмерть, чем-то тяжелым. Глеб уклонился от следующего удара и упал на колени, закрывая голову руками.

Только потом сообразил, зачем.

Мир вокруг взорвался и перестал существовать. На площади зажглось солнце, по барабанным перепонкам ахнул звуковой удар, разом оглушив и заставив кричать от боли десятки людей. Глеб лежал, не двигаясь, и точно – по другому борту взорвалась еще одна световомовая граната, а по салону потек ядовитый дух «Черемухи».

Драчуны, кто оставался в сознании, задыхаясь, посыпали на воздух. Глеб вывалился из автобусных дверей последним и едва увернулся от приклада. Мамаев, страшный в противогазовой маске, размахивал автоматом, будто траву косил, а Крынкин стоял с зажатой в руке гранатой. Не иначе, выдернул чеку и не знал, куда пристроить опасный груз. Все же решился и забросил тяжелый цилиндр в автобус; тут же отскочил. Граната с резким хлопком взорвалась, белесое облако поползло наружу.

Люди отхлынули от автобуса. Теперь, по прошествии считанных минут, толпа кинулась в другую крайность, готовая линчевать драчунов. Глеб снова изготовил дробовик, но на плечах у него повис Варан и что-то неразборчиво закричал.

Динамики по всей деревне заверещали Скипидаровым голосом:

- Люди-ы! На нас прет нечисть из Зоны! Как представитель власти, убедительно всех прошу не гуртоваться у отделения, а проваливать до хаты и все запереть. Силы обороны, значит, работают, бьют гадов, об чем вы сами можете удостовериться, вон он – вертолет... Короче, жопу рвать рано, а когти – поздно. Сидеть всем в подполе, авось отсидимся!

- Твои-то, небось, уже в Киеве! – кричали в ответ.

- По домам, граждане, по домам, - бухтел успокаивающе Скипидар с каждого столба. – Дома, оно спокойнее. Запереться хорошенько.

Ай да толстяк! Ведь послушались, с изумлением понял Глеб, когда толпа с краев стала понемногу рассасываться.

И как кульминация всего, под аккомпанемент громовых раскатов, упали сверху воды небесные, назвать которые дождем мог бы только записной оптимист. Люди побежали, и, слава богу, никто не остался лежать на асфальте.

Площадь очистилась. Глебу стало пусто и стыдно. Слезились глаза, от газа и криков першило в горле. Дрожали пальцы, сбитые в костяшках до мяса. Ливень разом вымочил сталкера до нитки, даже под хваленым комбинезоном побежали ручьи.

- Вы спасли людей, - сказал Варан с едва заметной уважительной ноткой в голосе. – Если бы автобус завели...

Он стоял рядом, не обращая внимания на непогоду.

Рамзес только рукой махнул.

- Май и Кувалда, - продолжил Варан.

Глеб посмотрел непонимающе.

- Вы спрашивали, кто ходил позавчера. Отвечаю: по слухам, Артур мобилизовал всех, но лично я знаю про двоих, Мая и Кувалду. Ушли порознь, а уж где они были и когда вернулись... - Варан пожал плечами.

- Кувалду видел, а Май – это?..

- Это тот парнишка, которому вы... приказали убираться из Вешек.

Рамзес кивнул и решил посмотреть на Ингу. Девушке досталось крепко: штормовка в грязи, на лице потеки воды пополам с кровью из разбитого носа.

- Ты зверь, - сказала Инга и шмыгнула. - Правду говорят, оборотень!

Глеб опустил глаза, не зная, что ответить. Возможно, он спас жизни паникерам, что собирались бежать в автобусе навстречу волне. Возможно, что не спас, а наоборот, погубил. Кто же знает доподлинно?

Его терзания прервал Скипидар. Участковый подошел незаметно, скрываясь от дождя под раскидистым зонтом.

- Мамаев! - крикнул он, и солдат высунулся из автобусных дверей, задрал противогаз на лоб. - Что там?

- Сильно побитые, Вить. Шофер, пассажиры. Бабу чуть не оприходовали - я запомнил кто. Этот вот, - Мамаев показал на Глеба, - стрелял и дрался.

- Оружие изъять и в камеру его, - буднично приказал Скипидар, даже не взглянув на сталкера. - Раненых по домам. Скажете, я велел.

Рамзес невесело усмехнулся. Третий раз за сутки! Не иначе, Зона шутит.

- Она тоже стреляла, - Глеб кивнул на Ингу. - Ее тоже в камеру. И ее, - он показал на Леночку.

- И я тоже... некоторым образом, - обозначился Варан.

Прапорщик слегка опешил.

- Карабин не отдам, - выдавила Инга. - Идите... как это?.. к матери, сейчас монстры повалят.

- Отдаст! - быстро опроверг ее Рамзес. - Участковый, решайся, тебе благодарность от начальства будет.

Прапорщик ухмыльнулся:

- Что, сталкер, жить хочешь?

Если б ты знал, как я хочу жить, подумал Глеб. Чтобы жена ласковая, дети сопливые и проблемы скучные. Чтобы пиво и футбол, выборы и рыбалка.

- Да, - честно ответил он.

Скипидар довольно хехекнул. Не то посмеялся чужой беде, не то порадовался своей власти.

- И командовать любишь, - поставил он диагноз. - Что ж, вот ключ от камеры. Своих... хм... друзей запрешь сам. Оружие мне на стол. Если не справишься, отберу ружье и выкину на улицу. Всех!

Ключ, длинный и тяжелый как бандитская заточка, звякнул об асфальт у Глебовых ног.

«Сволочь! - с известной долей восхищения подумал Рамзес. - Пузатая хитрая сволочь!»

Милиция располагалась в цокольном этаже деревенской управы. Этот факт Рамзеса расстраивал, потому что окна, хотя и забранные решетками, оставались на уровне земли. Обзор из них получался отвратительный, а доступность - великолепной. Сектора обстрела дробились мертвыми зонами, за каждым столбом, урной или деревом образовывалось непростреливаемый пятачок, достаточный чтобы укрыть залегшую псину. Вкупе с неопытными пулеметчиками, это лишало шансов пережить даже первую атаку.

Назначенный тюремщиком, Глеб никого уговаривать не стал, пошел за черным зонтом участкового. Остальные потянулись следом: деловитый Варан, шмыгающая американка. С трудом переставляла ноги мышка Леночка.

В милиции Скипидар устроился за конторским столом и принялся демонстративно разглядывать потолок. Происходящее его, очевидно, забавляло. А Рамзес зафиксировал быстрым взглядом, что мебель стоит на местах, закрывая доступ к окнам, патронные цинки сложены в углу и не вскрыты. Главное, пулемет, немецкий MG-3, оставался в чехле. Скипидар, видимо, считал, что изготовить его к стрельбе не сложнее, чем выхватить кольт из кобуры. Хоть из оружейного шкафа достал, и на том спасибо. Рядом с пулеметом участковый свалил вперемешку аксессуары: и ненужный фонарь, и крайне необходимый запасной ствол, и асбестовые рукавицы.

«Господи! - тоскливо подумал Глеб. - За какие грехи ты сводишь меня с идиотами?! Волна, небось, уже забор штурмует... Как сказать участковому, чтобы проникся, а не отправил по известному адресу? Тем паче, что дипломат из меня известно какой. Как из раввина балерина из меня дипломат».

Камера стояла нараспашку. Варан, оставляя за собой лужи, прошагал внутрь и там рухнул на заплеванную скамью. Сжал виски, прищурил от боли круглые глаза.

- Всегда бы так! – похвалил его Скипидар.

Следом шла Инга. Мокрая с ног до головы, она напоминала Глебу обиженного воробья – ровно до тех пор, пока он не перехватил ее взгляд. Взглядом можно было кипятить воду или, что более актуально, сушить одежду.

- Карабин! – потребовал Глеб. – Ну, же!

Девушка колебалась. В конце концов, у нее сертифицированное и легальное охотничье оружие! Самостоятельно переступить порог – о, ужас! – полицейской камеры, не чувствуя за собой и тени вины, ей претило.

- Надеюсь, ты знаешь, что делаешь?

- Знаю, - кивнул Глеб. – Другого выхода нет.

Инга зябко передернула плечами и шагнула за решетку. Глеб потянул «Тигра» за приклад, и девушка отпустила цевье.

За ней сунулась Леночка:

- Мне тоже сюда?

- Сюда! – участковый показал на продавленный диван у стены. – Мама где?

- У Пасенков... - Леночка упала на диван и закрыла глаза.

Глеб аккуратно, но без подобострастия положил участковому на стол Ингину винтовку, и рядом свой обрез, резко пахнувший кислым порохом. Высыпал из кармана с десятков патронов, выложил пачку картечных выстрелов – все, что успел схватить под стойкой в баре.

- Куда? – прикрикнул Скипидар, когда Глеб взялся за решетку. – Я запомню: тебя как звать, сталкер?

- Глеб, - сумрачно напомнил Рамзес.

- А меня пан участковый. Камеру запри, Глеб, друг сердешный. С этой стороны запри, с той она не запирается.

Глеб, стараясь не заглядывать в лица Инге и Варану, дважды повернул в замке ключ.

- Теперь марш на улицу, - велел Скипидар. - Буянил в автобусе? Буянил! Кто за тобой убирать будет? Тарас Шевченко? Или представители, понимаешь, миротворческого контингента?

- Ты, участковый... пан, лучше бы пулемет развернул, - зло сказал Глеб. – Позицию оборудовал, а лучше две или три.

Скипидар зарозовел щеками.

- Ленты хотя бы набей, - безнадежно посоветовал Глеб. – Есть у тебя ленты, участковый?

Скипидар грохнул по столу кулаком.

- Геть! – заорал он, и Глеб отправился глотать слезоточивый дым.

Убитых в автобусе не оказалось. Раненых и обморочных носили в ближайшие дома и сдавали с рук на руки хозяевам.

Вернулись минут за двадцать-тридцать до отмеренного Рамзесом срока. Волна,

очевидно, уже бурлила у Периметра и должна была вот-вот вырваться на оперативный простор. Сталкер глянул на часы, на участкового и застонал. Скипидар развернул таки пулемет, откинул крышку ствольной коробки и теперь с опаской заглядывал внутрь. С таким лицом, будто смотрел с обрыва в пропасть.

Глеб не успел сосчитать до десяти. Он увидел пальцы Скипидара, испачканные в заводской смазке, и его понесло. Чувствуя в организме легкость необычайную, Глеб широким движением смел с милицейского стола копившийся годами мусор: карандаши, бумаги, засохшие бутерброды. Выхватил у Скипидара из-под носа тяжелый как гарпун MG и с размаха, чтобы лязгу побольше, грохнул на освободившееся место.

Скипидар подскочил от неожиданности.

Немецкий MG3 опирался на разлапистые сошки и хищным профилем напоминал своего прародителя, недоброй памяти «машинен ган» модели сорок два, простой как швейная машинка механизм, забравший в войну миллионы жизней. Смерть с тех пор, наверное, ходит не с косой, а с пулеметом MG...

Эмгэшку до сего момента Глеб в руках не держал, но во времена оны близко познакомился с ее югославским клоном и теперь рассчитывал, что судьба не выдаст, а свинья не съест. Рамзес откинул крышку ствольной коробки и отвел затвор, чтобы проверить патронник. Патронник оказался пуст и забит комковатой смазкой, зарядить пулемет участковый не пытался. И слава богу! Глеб придавил защелку, повернул приклад на девяносто градусов и отделил его. Достал гибкую амортизационную пружину. Потянул за рукоятку перезарядки и вынул из стальных потрохов затвор – тоже в смазке, и возвратную пружину. Отжал фиксатор и вытянул ствол из дырчатого кожуха. Глянул на свет. Грязный ствол!

- Гы-гы, - одобрил Крынкин; Мамаев присвистнул.

Масло и специнструмент прилагались к пулемету. Рамзес сунул в руки опешившему Мамаеву снятый с пулемета ствол, Крынкину второй, запасной.

- Вычистить! Чтоб как яйца у кота!

Сам разобрал затвор с ловкостью фокусника. Они, затворы, почти одинаковы; у американцев, сербов или испанцев, у всех, кто позаимствовал конструкцию германского шедевра.

- Нужна протирка, - потребовал Глеб, и ему вручили относительно чистую фланельку.

Вскоре MG3 был готов к черной работе. Глеб захлопнул со стальным лязгом крышку лентоприемника и хозяйским жестом оперся на приклад.

- Йес! – восхитился Мамаев. – Тебе бы в цирке выступать, сталкер.

Рамзес глянул Скипидару в глаза.

- Вот так, Витя. Сам-то жить хочешь?

Если б ты знал, как хочу, смотрел красноречиво Скипидар.

- Назначаю тебя вторым номером, - приказал Глеб, не давая опомниться. – Слушай курс молодого бойца, повторять не буду. Лента набивается так...

2

О том, что пришли монстры, объявил Скипидар по громкой связи. На всю деревню объявил, буднично, как о завозе гуманитарной помощи. Из всех собравшихся в отделении он выглядел самым спокойным. Будто каждую неделю встречал из Зоны такую вот многочисленную делегацию. Глеб, который последние минуты боролся с рвотными позывами – так болела голова, сначала смотрел на него с недоумением, потом вспомнил об артефакте, с которым «никакой виагры не нужно». «Корвалол», вычерпанный почти до доньшка, если память Глебу не изменяла. Имелась у этого артефакта одно неприятное свойство: он отдавал гигантское количество энергии, способствуя восстановлению организма, а разрядившись, уходил на повторную зарядку. Высасывал отданное и брал сверх того, убивая неразумного владельца. В Зоне «корвалол» не любили. Немногие могли с

уверенностью определить степень его заряда.

Все разом задвигались, заговорили. Крынкин рассмеялся и не мог остановиться, пока напарник не двинул его кулаком в спину.

- Приготовились! – скомандовал прапорщик тяжелым голосом и замолчал.

Демонстрировать неуверенность не следовало.

- Чтобы никакой войны! – вмешался Глеб. - Огонь только по команде! Если кто начнет рыпаться, лично буду чистить наружность. Ваше дело маленькое – не пустить тварей внутрь помещения. Ясно?

- Так точно, - ответил Мамаев, назначенный над Крынкиным старшим.

Глеб понял по его лихорадочным глазам, что парень боится, но еще больше боится показать страх.

Проверили связь: в милиции нашлись компактные радиостанции ближнего действия. Помехи забивали канал, даже когда рации находились в пределах прямой видимости, но ничего лучшего все равно не было.

- Рамзес! - сталкер Варан вцепился белыми пальцами в решетку. – Скажите участковому, чтобы открыл дверь. Это вопрос жизни. В конце концов, мы тоже умеем стрелять.

Пот катился градом по серому, как у покойника, лицу.

Инга сидела в дальнем углу камеры, демонстративно повернувшись спиной. Девушка не просила, но Глеб заметил, что она прислушивается, стараясь не упустить ни слова. Нашла время демонстрировать характер!

- Нет! – отрезал Рамзес.

Своевольная девица в бою стала бы фактором непредсказуемым, а выпустить только Варана значило смертельно ее оскорбить. Нет уж, только в крайнем случае. Глеб взял со стола связку ключей и бросил на колени мышке Леночке. Девушка сидела, утонув в проваленном диване, и старалась казаться незаметной.

- Задание вам, - приказал Глеб. - В случае опасности отопрете.

Рамзес не стал уточнять, что нет особой разницы, где умирать, за решеткой или перед ней. Но пусть девица будет при деле, а то смотреть страшно, того гляди в обморок опрокинется.

- Ага, - вяло согласилась девушка. – Можно у вас водички попросить, гражданин Рамзес?..

Глеб уже не слушал. Вместе со Скипидаром они поднялись на чердак, где час назад оборудовали единственную огневую точку. Мелькнула и пропала мысль связаться с Центом. Последний час связь отсутствовала как явление, телефоны молчали, эфир забило шумом.

На чердаке устроились у небольшого оконца, и Глеб осторожно выглянул, целясь биноклем в сплошную дождевую завесу.

- Где?

Скипидар шумно дышал над ухом:

- Через Макаренков огород бежали, три или четыре собаки.

Глеб до рези в глазах осматривал каждый сантиметр открытого пространства, пока не разглядел с краю дороги некое шевеление. Слепцы? Или дождь наводит морок?

Рамзес нажал клавишу «передача» компактной рации:

- Подвал, видите что-нибудь?

Сквозь гулкий скрежет эфира прорвался слабый голос Мамаева:

- Двигается что-то. Не могу опознать.

- Не стрелять без команды! – еще раз напомнил Глеб.

Он протянул Скипидару бинокль и осекся. Смущенный прапорщик запихивал в рот толстый бутерброд с салом и малосольными огурчиками. На цинке с патронами, на расстеленной газетке Скипидар имел чекушку местного разлива и скромную, но изобильную количеством закуску.

- Для храбрости, - объяснил чекушку Скипидар и покраснел. – Давай что ли, ходок,

уроним по маленькой. Пока не набежали.

Глеб едва сдержал тошноту, представив на языке вкус соленого сала.

- Участковый, ты анекдот слышал? Еврей часами хвастает, вот, мол, папа мне перед смертью продал.

Скипидар неуверенно гоготнул, потом спросил:

- Это ты к чему?

- Кому конец света, а тебе обед по расписанию.

Скипидар вконец засмутился и полез к окну наблюдать.

Глеб скинул с пулемета брезентовый чехол. Примерился к прикладу, двинул ползунок на прицельной рамке. Проверил запасной ствол, прикинув на месте, как будет менять. Потом вытянул из патронного короба ленту, порадовался, что набить успели, не то встречали бы волну кулаками.

Закончив эти, в общем-то, необязательные занятия, Глеб сел у стены и закрыл глаза. Сколько можно ждать смерти? Всю жизнь. А сколько можно ждать боя? Если через час, бывало, самые надежные бойцы срывались кто в истерику, кто в драку. Глеб знал одного невозмутимого, кто говорил, что ему нипочем. Пальцы показывал – не дрожали пальцы. А когда Глеб за его спиной уронил котелок, у невозмутимого страшно задергалось лицо. Он визгливо заорал, и попер на Глеба драться.

Глеб охватил себя за плечи, спрятал голову в кольцо рук и сделал вид, что дремлет. Он заметил, что если сильно давить на виски, голова болит чуть меньше. Может, отнять у Скипидара бинокль? Какое-никакое занятие.

- Кажись, зашевелились, - неуверенно сказал от окна Скипидар. – Посмотри... Глеб.

Глеб увидел приземистые собачьи силуэты, возникающие из дождя десятками, и у него мерзко заглодело в животе. Прошла разведка, прошел авангард, теперь в Вешки втягивались основные силы, усталые – Глеб разглядел вываленные наружу языки – и голодные.

- Не стрелять! – зашипел Глеб в рацию. – И молчать, сидеть тихо.

Мамаев что-то неразборчиво ответил.

- Даст бог, пройдут, - невнятно сказал из-за спины участковый. – Пусть их немцы потом ловят.

Глеб оглянулся. Помощник жрал, запихивая в рот ломтями и судорожно глотая. Лишь бы не подавился, успел подумать Глеб, когда неподалеку бухнул первый выстрел.

- Не пройдут, - огорчился Скипидар, и Глеб высунулся смотреть.

Собаки заволновались, подняв безглазые морды, и слаженно ринулись на звук. В переулке за домами что-то происходило, страшное людям и интересное тварям.

- Какой идиот?! – взвыл Глеб и выдвинул пулемет в окно. – Найду – морду набыю. Если живой будет.

«И если мы будем», - пришла незваная мыслишка.

Глеб поймал на мушку группу собак и строго по науке, между ударами сердца вдавил спусковой крючок. Пулемет басисто загрохотал, оглушил, заторкал чувствительно в плечо, и собак разметало, будто горным потоком. Ай да немец, восхитился Глеб, сняв палец со спуска. Вот оружие!

Неподалеку разгорался нешуточный бой, гулкие выстрелы из охотничьего ружья следовали один за другим. Собаки теперь не бежали гуртом на звуки. Они опасливо растащили и пожрали убитых и раненых Глебом сородичей, а потом стали обтекать площадь вдоль заборов. Пулемет их не пугал, наоборот, как маяк в ночи обозначил добычу. Но от Зоны по дороге шли и шли новые стаи, некоторые уже на пределе сил, окровавленные, дерущиеся на ходу. Как мутный сель они сломали устроенную Глебом запруду и снова выплеснули на площадь.

- Господи! – ахнул над плечом Скипидар. – Сколько же их?!

Собаки шли так густо, что многих соседи выдавливали наверх. Такие, стервенея, бежали по головам, откусывая сородичам уши, пока их не валили на землю и не разрывали.

В водовороте бесновался и не мог выбраться молодой и, очевидно, неопытный псевдопес – иначе как бы угораздило такую хитрую тварь попасть в ловушку.

Псевдопса Глеб свалил короткой очередью. Этот монстр проходил у него номером первым в списке «встретил - убей». После смерти вожака стая заметалась, ее растащило потоком, и на каждого нашелся острый клык.

Глеб дождался, когда собаки забьют площадь и длинной очередью отсек их от вожака переулка. Там еще стреляли, но уже редко и неуверенно.

- Ох, не отобьется, - вынес приговор Скипидар. – Говорил же, сидеть тихо. Вот народ!

- Не каркай! – оборвал его Глеб. – Если не дурак, успеет спрятаться.

И снова выпустил очередь, рассекая поток. Псы отхлынули от центра площади, оставив там конвульсивно дергающиеся тела. У заборов моментально вспыхнуло побоище, собаки рвали друг друга в борьбе за место. Глеб еще проутюжил главную улицу; там образовалась запруда, а за ней куча-мала из приносимых волной тварей.

Внизу застучали автоматы. Глеб схватил рацию.

- Жмутся к стенам, пытаются ворваться через окна! – доложил Мамаев.

- В окнах решетки!

- Выдавливают!

Глеб, услышав панические нотки, высадил по тварям остатки ленты.

- Схлынули! – обрадовался Скипидар.

- Патроны! – заорал на него Глеб. – Живее, твою мать!

Прапорщик суетливо начал заряжать пулемет – откинул крышку ствольной коробки, сунул в приемный лоток свежую ленту.

Первая, короткая лента ушла. Оставалось еще две длинных, на двести пятьдесят, и одна короткая, на полсотни выстрелов. Плюс цинки с боеприпасом россыпью, его предстояло еще снаряжать. На войну, конечно, никто не рассчитывал.

Глеб снова приник к ложу. Собаки сустились внизу, прямо на линии огня, но стрелять сейчас – только боезапас переводить.

- Витя, будь готов, - приказал Глеб. – Сейчас такое начнется...

Началось.

То ли спонтанно, то ли по приказу волна хлынула под пулемет спринтерским галопом. Глеб открыл стрельбу, выписывая стволом зигзаги, но псы теперь не отвлекались на свежее мясо. Они тупо бежали на смерть, оскалив пасти, роняя клочья пены. Каждая пуля, а их пулемет выплевывал больше десятка за секунду, кромсала мягкое собачье мясо, ухватывая иногда по несколько тварей, легко отрывала лапы и срезала головы. Ничуть не обессилев, раскаленный комок свинца отскакивал от асфальта, полосую новые жертвы, и останавливался, наконец, остывая от трудов смертных в прохладном теле. Промаяхнуться было сложно, убежать от свинцового дождя почти невозможно. Все же несколько десятков счастливых ушли в переулки и вниз по улице, прежде чем запруда из трупов образовалась сама собой.

Волна спала. Рамзес секунду оцепенело смотрел, как испаряются дождевые капли, не долетая до раскаленного ствола, и закричал:

– Ствол!

Скипидар, оскальзываясь коленями в груде стреляных гильз, сунулся к пулемету, откинул фиксатор и сгоряча ухватил ствол руками. Тонко завизжал и отпрянул.

Глеб огляделся в поисках рукавиц. Рукавиц не было. Полчаса назад они лежали на цинках с патронами, а теперь... Внизу снова открыли суматошный огонь. Глеб, рыча от бешенства, схватил горячий ствол через натянутый на ладонь рукав.

Пулемет снова заработал, прикрывая нижний этаж. Собаки порснули, заметались, но в мертвой зоне под оконцем их собралось достаточно, чтобы ломиться в каждую щель. Оттуда слышался остервенелый лай, визг и автоматные очереди, все длиннее и длиннее.

Глеб дернул пулемет внутрь чердака и высунулся. Под ним бурлил водоворот. Несколько окон цокольного этажа, где держали оборону Мамаев и Крынкин, собаки

атаковали с упорством смертников. Оконные решетки дрожали, когда их таранили огромные кобели или пытались выдавить всей стаей, размазывая передовых в кровавый фарш. Предсмертный хрип стоял в воздухе. Самые мелкие протискивались, оставляя на штырях клочья шкуры. Таких добивали уже внутри. Окон было много, но солдаты пока справлялись. Вопрос стоял теперь: что закончится раньше, патроны или собачье мясо.

Насчет патронов Глеб не был особо уверен. Внизу, конечно, имелась оружейная комната, и сюда, на чердак, натаскали достаточно железа, но и собак прибывало нескончаемым потоком.

Глеб влез обратно и достал рацию.

- Мамаев!.. Крынкин!..

- Это я, - ответила рация дрожащим голосом.

- Кто я? – растерялся Глеб.

- Лена. Ребята стреляют, гражданин Рамзес.

- А ты?

- Я патроны ношу и вам отвечаю.

- Скажи им, Лена, пусть уйдут от окон. И сама спрячься.

- Ага. А зачем?

Глеб достал гранаты, две осколочные Ф-1, приготовился, и, когда выстрелы смолкли, уронил одну за другой в окно. После томительных секунд внизу грохнуло, взвизгнули осколки.

Глеб выглянул. Асфальт внизу напоминал свалку при скотобойне. Сталкер взял рацию:

- Как у вас?

Ему долго не отвечали, потом Мамаев заорал, что все зашибись, собак как ветром сдуло, Крынкин получил осколок в жо... в ляжку, и всех контузило. Но не сильно.

- Клоуны! – поставил диагноз Скипидар, торопливо забивая патроны в ленту.

Глеб немного перевел дух и осмотрел поле уоя. Собаки прятались среди деревьев, за трупами, у забора, временами хаотично перемещались. Словно по команде. Хотя почему «словно»? Вожаки! Где вожаки?!

С дороги больше не лился безостановочный поток, там, в устье неширокой улицы, происходило какое-то бурление. Глеб, предчувствуя недоброе, прикрикнул на Скипидара, но собаки уже начали самый настоящий штурм. Сначала издали послышался недовольный визг, который, усиливаясь, миновал порог слышимости и начал ощутимо давить на психику.

А потом на площадь выкатилась многопудовая туша, окруженная собаками. Псевдоплоть, мутировавшая свинья, отъевшаяся на нетронутых черныбыльских хлебах, неслась рысью на сухих ногах-ходулях прямо к зданию милиции. Собаки гнали ее, хватая за бабки, когда она пыталась отвернуть, вырывая куски шкуры и сала с крутых боков, чтобы привести в неистовство. Плоть обливалась кровью и безумно визжала, сбивая на бегу препятствия.

Глеб сообразил, что собаки пригнали ее, как живой таран, и сейчас эта туша пробьет дверь или вывернет решетку из хлипкой цементной стяжки. Он повернул пулемет, чтобы сбить тушу с ног или хотя бы с маршрута, и совершил ошибку.

Краем глаза Глеб заметил на крыше соседнего дома характерный силуэт, и автоматически перенес огонь туда. Тупорылый псевдопес, словно издеваясь, нырнул под веер пуль и вальяжно прыгнул с крыши. Чтобы достать его, нужно было разбросать слепцов, залегших в траве. Рамзес даже начал думать, как это сделать, когда визжащий снаряд, полтонны костей, мяса и жира, врезался в узкое оконце, вывернул с грохотом решетку и застрял. В ее, плоти, головную часть слаженно ударили из автоматов, и мутант, не желая умирать, возопил совсем уже непереносимо. Его филейную половину неистово терзали собаки, жадно насыщаясь и убирая ненужную преграду.

Глеб бессильно выругался, увидев, как со всех сторон к проделанной бреши ринулись как по команде слепые псы. Он выкосил самую большую стаю, потрепал еще одну, но остальные уже рвали обезумевшую свинью. Глеб бросил пулемет и начал выбивать собак в

мертвой зоне из Скипидарова автомата. Тридцать выстрелов – десяток выбивших из атаки псов, остальные, похоже, и внимания не обратили в горячке штурма. Глеб убрался из окна перезарядить автомат и вовремя. Кто-то из солдат бросил гранату. Завизжали осколки, один ударил в оконную раму и расколол ее.

Захлебнулась визгом издохшая плоть, а собаки вновь порскнули по флангам, некоторые волочили лапы. Раненная псина неуклюже ковыляла, переступая через вывалившиеся кишки. Упала, и ее сердобольно придушили, но рвать не стали. Глеб с изумлением наблюдал, как старый и облезлый пес, не таясь, обходит поле боя и добивает покалеченных. Санитар?! Наваждение...

- Сколько у нас гранат? - спросил Рамзес.

Скипидар ответил, не отвлекаясь от ленты:

- У меня не склад. Две моих были, у пацанов по одной видел.

- Значит – одна.

- Ни одной! Последняя не взорвалась или этот ваш Крынкин напутал! – сказали из чердачного люка.

Наверх влетел пожарный топор, а потом по-кошачьи ловко взобралась Инга с карабином за плечами. Протянула руки и втащила мышь Леночку.

- Какого черта?!

- Я их выпустила, как вы велели, - призналась мышь обморочным голосом. - Там такое сейчас!

- Варан остался внизу, на подхвате. И на замену, если кого-то убьют, - объяснила Инга. – А ну-ка!

Она с размаху всадила топор в оконную раму, и трухлявая конструкция не выдержала. Вниз посыпались обломки дерева и осколки стекла.

- Вот теперь обзор!

Девушка по хозяйски присела сбоку от пулемета, разложила вокруг снайперские причиндалы: бинокль, патронную коробку с маркировкой «9,3x64 Dynamite Nobel», магазины, помеченные – Глеб присмотрелся – разноцветным лаком для ногтей.

- Я выбиваю псевдопсов и самых опасных, - объявила девушка. Она осматривала через прицел местность и говорила вбок, очень небрежно.

- Разумно, - вынужден был согласиться немного ошалевший Глеб.

- Еще я бы присматривала за тылами. Или вы думаете, собаки не догадаются нас обойти?

- На цокольном этаже с трех сторон глухая стена. Первый этаж высоко и в окнах решетки, собаки выбить не смогут. Но разведка, конечно, не помешает.

Он бы посадил к дальнему окну мышь Леночку, но Скипидар, естественно, принял это на свой счет.

- Она теперь командует?! – спросил прапорщик, оскорбленный до самой глубины пищеварительного тракта.

- Командуешь ты! – не повышая голоса, разъяснил ситуацию Глеб. – Это не обсуждается.

Инга тихо фыркнула, Глеб сделал вид, что не услышал.

- Скажите, как долго это будет? - неожиданно спросила Лена. – Эти вот собаки, неужели они не уйдут, пока не доберутся до нас?

Глеб помедлил, раздумывая как ответить, и его опередил злой и прямой как линия партии Скипидар:

- Инстинкт у них, деточка. Они нас почуяли, значит должны достать. Только, я думаю, когда они нажрут, резонов у них будет меньше...

- Не в этом дело! - перебил Глеб. – Нам нужно отвлечь на себя как можно больше собак, понимаете? Тогда у других людей будет шанс выжить. У них же нет пулемета.

- Инстинкт, инстинкт! – передразнила участкового Инга. – Да эти твари поумнее некоторых! Представляете, ведь там, - она кивнула в окно головой, - сейчас командует

какой-нибудь... псевдо-Наполеон. Планирует окружение. Строит планы психологической атаки.

- Какие планы он строит? – ехидно уточнил Скипидар.

- Взгляни-ка, Глеб!

Глеб уже и сам видел, как, трусливо пригибаясь, слепая собака крадется к управе, волоча за собой непонятный предмет. Вот она дошла до свободного от трупов пятачка и мотнула тяжелой башкой, выбрасывая из пасти...

У Глеба резко закололо в груди. Младенец?! Слух обострился, шум дождя и плач умирающих собак утонули в тишине.

- Мама! – сказал младенец неживым голосом. – Ма... ма...

На асфальте лежала разорванная кукла и звала маму. Залитый настоящей кровью игрушечный ребенок.

Грохнул над ухом выстрел. Тяжелая пуля швырнула собачье тело в воздух. Следующей пулей Инга разбила заевший синтезатор. Кукла замолчала и замолчали люди. Враг наглядно обозначил свои намерения. Действительно, не уйдет, пока не доберется.

- Тихо как, – шепотом сказала Леночка. – Будто и нет этого всего. Только дождь.

- Сейчас будет шумно, - процедил Глеб, разглядывая брошенный автобус. – Что встали, как... цветок на морозе? Марш по местам!

Металлический остов с выбитыми стеклами и разорванными шинами прятал за собой изрядное пространство, не простреливаемое Глебовым пулеметом. Собаки, только что суетившиеся по краям площади, уже собирались за автобусом. Стекались туда, как ручейки стекаются в реку, и вскоре их стало так много, что собачьи ряды начали выпирать из мертвой зоны как перестоявшее тесто.

- Опять пойдут в лоб? – удивилась девушка. - Третий раз уже!

- Дай карабин! Ну же!

Глеб, не дожидаясь ответа, выхватил у Инги «Тигра» и отщелкнул магазин. Вывалил патроны из коробки, выбрал несколько с черно-желтой маркировкой и зарядил.

- Сейчас я их...

Глеб нашел перекрестьем борт автобуса, нижний его срез и, придержав дыхание, выстрелил. Бронебойно-зажигательная пуля прошла бензобак насквозь, зацепив на излете слепого пса. Мутная струйка брызнула на землю, но не воспламенилась. Под истошный собачий визг Глеб загнал вслед первой еще одну пулю, и автобус полыхнул как свеча. Псы огненными шарами бросились врассыпную, началась паника. Горящие твари метались, пугая и разгоняя собранные для атаки ряды. Над воплями заживо сгорающих вознесся свирепый рык. Давешний псевдопес опять стоял на крыше и ревел на стаю. Теперь Глеб целился аккуратно. Монстр, казалось, смотрел прямо в глаза, и в его зрачках Глеб видел почти человеческую ненависть. Сталкер подвел маркер прицела к собачьей голове и...

- Дай! – Инга вырвала карабин. – Что за манеры, из рук выхватывать? Достаточно было попросить!

Рамзес закрыл глаза и досчитал до десяти.

- Приготовьтесь, - сказал он почти спокойно. – Сейчас пойдут. Участковый, покажи Лене, как набивать ленту.

Собаки пошли в атаку со всех сторон. Видимо, накапливались по огородам и за заборами и теперь десятками выпрыгивали и бежали с пугающим воем. Глеб взялся за пулемет, и весь мир для него сузился до перекрестья прицела и мелькающих перед стволом силуэтов. Теперь он стрелял короткими экономными очередями, не давая перегреваться стволу. Он целился, хотя можно было обойтись, каждая пуля находила жертву, и, как правило, не одну.

- Глеб, что они делают?! – закричала ему в ухо Инга. – Они же!..

Псы не стали штурмовать окна и не попытались вытащить псевдоплоть. Первая собака, добравшись до туши, запрыгнула на жирную холку, и тут же на нее, распластав по свиному загрызку, стали прыгать другие, пытаясь с этого импровизированного трамплина достать

чердачное окно. Инга отпрянула, дернулся назад Скипидар.

- Держать позицию! – заорал на них Глеб. – Меня прикрывайте!

Девушка вернулась, стреляя прямо в оскаленные пасти, а Глеб чертил и чертил пулеметными очередями по морю собачьих голов, пока перед стволом не стало пусто. Сверху на плечи оперся, почти упал потный Скипидар:

- Схлынули! Неужели еще пойдут?

Глеб с трудом разжал кулак и отпустил пулеметную рукоять. Пошевелил белыми, нечувствительными пальцами и поймал взгляд мышки Леночки. Девушка смотрела на него с выражением, давно Глебом забытым в нынешней жизни. Как самка может смотреть на самца, отстоявшего ее в бою: с покорным желанием пойти за ним на край света. Чувство больше похожее на страх, чем на любовь.

- Не расслабляться! – скомандовал Глеб, отводя взгляд. – Ничего еще не закончилось.

- Глеб, они больше не идут. Может, все?

- Нет, Витя, такого счастья не бывает.

- Скорее всего, они изменили маршрут, - встряла Инга. - Как и следовало ожидать.

- А ну вас к псам! Я жрать хочу!

Скипидар достал из темного угла пятилитровый термос и скрутил крышку. По чердаку, перебивая запах пороховой гари, потек сладкий дух настоящего украинского борща.

- Сам иди к псам! – не очень искренне возмутилась Инга.

Глеба, который еще утром не мог думать о еде без желудочного содрогания, сразил приступ нечеловеческого голода. И впрямь, процесс убийства будит множество инстинктов, первый из которых – потребить добытое.

- Витя, не смей есть... один.

- Да я что же? Я же говорю – присоединяйтесь! – засуетился Скипидар.

3

Сытный борщ разморил. Девушки заснули сразу же, укрывшись найденным на чердаке дырявым пледом. Глеб погнал Скипидара вниз, кормить бойцов, а сам боролся со сном у чердачного окна. Собаки появлялись часто, но небольшими стаями, и быстро исчезали в переулках и за заборами. Заваленная трупами площадь их, наконец-то, стала пугать.

Рамзес тоже чувствовал, что вокруг что-то изменилось. Пропала напряженность, жесткий обруч, стягивающий голову, незаметно рассосался, и стало легко и почти хорошо.

Глеб сидел, привалившись к покатой железной крыше, и откровенно любовался Ингиным сном. Лицо девушки разгладилось, губы сложились в слабую полуулыбку, и даже твердый подбородок, казалось, округлился. Да, симпатичная девушка могла бы быть. Зачем ей эта напряженная морщинка между глаз? Еще несколько лет, и она останется навсегда. Даже сон ее не прогонит.

Глеб вскочил и начал вымерять чердак шагами, стараясь задавить расслабляющие мысли. Зона и женщины сочетаются не больше, чем женщины и война. Ему ли не знать!

Закашляла рация, сквозь помехи пробился тревожный Скипидар.

- Сталкер, тут что-то непонятное.

Ну, собственно, и вот! Любовь любовью, а теперь по расписанию война.

Глеб подхватил оставленный прапорщиком АКМ и прыгнул в чердачный люк. Здесь, над цокольным милицейским этажом, размещалась поселковая администрация. Стояла казенная мебель, двери серого цвета распахивались в унылые конторские помещения. Окна в каждой комнате забраны толстой решеткой, и этот фронт не вызывал у Глеба особого беспокойства. Даже самый удачливый пес не сможет в прыжке выдавить решетку, разве что...

Глеб почти дошел до лестницы и споткнулся, услышав за дверью посторонний звук.

Словно уронили со стола что-то не очень тяжелое. Или, будем реалистами, прыгнули из окна, стараясь не шуметь. Глеб попятился, снимая с плеча автомат. Стукнуло и за другой дверью, совсем рядом. Недолго стояла мертвая тишина - Рамзес прислушивался до боли в ушах, а потом быстро-быстро зацокали коготки. В щель под дверью сунулась длинная морда с розовым шевелящимся пятком, и Глеб выстрелил, не раздумывая.

Жах! Пуля выбила из двери длинную щепу и развалила крысиное тело на лоскуты. За дверью раздался торжествующий крик, напоминающий больше мяв небольшого, но опасного хищника, и в прореху сунулись уже несколько тварей. Заработали цепкими лапками и зубами.

- Болван! – похвалил себя Глеб и начал пятиться к чердачной лестнице, нащупывая рацию.

- Скидоренко, на этаже крысы!

- Глеб, их здесь навалом!

Рамзес лихорадочно соображал. Крысы, очевидно, пришли вслед за собаками. Что делать?! Их, крыс, сила в количестве. Стрелять из пушки по воробьям умнее, чем из пулемета по крысам.

- Витя, уходите оттуда немедленно!

Глеб понял, что думать поздно, когда увидел торопливый крысиный поток в конце коридора. Глебу ответили. Он услышал, как внизу грянули вразнобой автоматы, и сам начал стрелять, разбивая крысиные ряды. Крысы брызнули в стороны, но потом слаженно атаковали Глеба. Передовой эшелон подпирался с тыла девятым валом; Глеб даже в кошмарном сне представить не мог такого количества тварей. Он выпустил над полом длинную очередь. Пули, выбивая целые шеренги грызунов, с глухим стуком застревали в стенах, разбрасывали щепу и цементную пыль вперемешку с кровью.

Глеб побежал. Десять метров до металлической лестницы сдались ему за считанные мгновения, хоть за сборную выступай, но в крысиный поток вливались новые и новые подкрепления из комнат, двери которых оказались приоткрыты хотя бы на сантиметр. Последние шаги он делал, оскальзываясь на крысиных хвостах, ожидая, когда первые твари вопьются ему в ноги выше ботинок.

Это будет началом конца.

Схватившись за перекладину вспотевшими ладонями – ох, забраться бы, не поскользнувшись! – сталкер едва успел пригнуться. Баллон огнетушителя, обдав ржавым запахом, просвистел у лица, с чавкающим звуком размазал по паркету десяток грызунов и тяжело покатился, сопровождаемый истошным писком. Из чердачного люка свесилась Инга, но тут же, охнув, убралась обратно.

Глеб повис на перекладине, ногами сбивая с лестницы самых прытких акробатов.

- Скидоренко! – закричал он в рацию.

Прапорщик отозвался, и Глеб не узнал жесткого голоса:

- Хана, сталкер! Их тут миллион!

Глеб огляделся с отчаянием: мутанты бежали из трех распахнутых дверей и, судя по звукам, интенсивно подтачивали оставшиеся. Перемазанный крысиной смертью баллон лежал у лестницы, и грызуны облепили его живым покрывалом.

- Витя, у выхода лежит огнетушитель! Понял меня?!

Одна из дверей со скрипом дрогнула. В образовавшуюся щель просочилась самая тощая крыса и за ней полезли другие, раздвигая по миллиметру проход.

- Скидоренко, выходите немедленно! Еще успеете.

Автоматная стрекотня вдруг оборвалась и возобновилась жиже, одного ствола не хватало. Глебу показалось, что он слышит между выстрелами жуткий вой. Может, собака на улице, а может... Сталкер начал стрелять в дверную щель. Крысы забурлили в узком проходе и подарили еще пару секунд.

- Ски-до-рен-ко-о! – заорал Глеб благим матом и его услышали без рации.

В крысиной свалке у лестницы произошло быстрое шевеление, а потом с гулким

хлопком разорвался огнетушитель и залил все вокруг клочковатой пеной. Стрельба захлебнулась. Первым в коридор выпрыгнул Мамаев. С перекошенным в немом крике ртом, он не бежал – летел вопреки законам гравитации, редко, как балетный танцовщик, касаясь пола. С его окровавленных ботинок, с искусанных рук и лица веером летели капли крови.

Крысы взбесились. Вокруг солдата мгновенно образовался движущийся курган из крысиных тел; мутанты лезли по ногам человека все выше и выше. Глеб протянул руку, и Мамаев должен был успеть, но поскользнулся и упал. У Глеба ухнуло сердце. Он спрыгнул на крысиные головы, когда в коридоре появился Варан. Мгновенно оценив ситуацию, он в гигантском прыжке настиг поднявшегося на четвереньки Мамаева и облил его из термоса. Сколько их там бултыхалось, остатков сладкого борща, наготовленного Скипидарихой? Но этого хватило, чтобы хором заверещали и порскнули в стороны ошпаренные крысы. Сталкер подхватил солдата под мышки и потащил, кривясь от боли – его левую руку перехватывал бинт с проступающими темными пятнами. Подоспел на помощь Глеб, и они вдвоем стали толкать бьющееся в панике тело вверх по чердачной лестнице.

Крысы посыпались с тела солдата, гонимые инстинктом. Из воротника камуфляжной куртки выскользнула ужом тварь, за которую Глеб помимо воли зацепился взглядом. Чуть крупнее других, светлая крыса бежала по солдатской голове, жала кожу под волосами быстрыми укусами. С клыков-кинжалов летели вязкие желтые капли. Глеб прикладом сломал твари хребет. От удара Мамаев захрипел и потерял сознание, но его уже втягивали девушки, слаженно вскрикивая при каждом рывке.

- Ты! - приказал сталкер Варану, и тот, не раздумывая, взлетел по перекладинам.

Глеб отсчитал секунды – одна, две – и только потом в коридоре появился Скипидар.

«Твою мать!»

Рамзес прыгнул вверх, подтянулся и его втащили. Вовремя! В коридоре жахнуло. По стенам и полу хлестко стегнуло дробью. Секунду после выстрела стояла ватная тишина, а потом Скипидар выстрелил еще раз, не давая тварям времени на маневры. Лязгнул, переламяваясь, обрез, блямкнули об пол стреляные гильзы. Еще выстрел, и прапорщик, шумно сопя, взобрался на чердак.

- Чего ждете? – удивился он. – Закрывайте!

В шесть рук опрокинули железную крышку, и на чердаке образовалась растерянная тишина, скоро прервавшаяся мелким царапаньем снаружи.

- Кончился Крынкин, - объявил Скипидар и перекрестился. – Медленно бегал, земля ему пухом.

Всхлипнула Леночка. Она суежилась подле Мамаева: стягивала с него ботинки, воевала с тяжелым бронежилетом.

- Мы есть собирались, - рассказывал прапорщик. – Крынкин дежурил у окна. Крыс он просмотрел, на беду. Сначала бросились несколько, мы их побили, а уж когда пошла волна...

Скипидар махнул рукой.

- Слава богу, обрез был. Против мелочи дробью – самое оно. Что доктор прописал.

Тяжело замолчали, невольно прислушиваясь к быстрому топоту по ту сторону люка.

- Надо же что-то делать. Мужчины, придумайте что-нибудь! – Леночка не выдержала, завела старую песню, которая заканчивается известно чем, кондовой бабской истерикой.

Инга влепила подруге несильную пощечину, и Леночка поперхнулась.

– У меня там мама осталась, - обиженно прошептала она.

- Прости! – Инга не смутилась. – У нас есть еще дробовики?

- Дробовиков нет, - качнул головой Глеб. – Этот обрез я спер в «Харчо». Что с патронами?

Скипидар положил ружье на пол, вынул из одного кармана нетронутую пачку, вывернул из другого несколько патронов.

- И за то спасибо.

Подбирать обрез прапорщик не стал, и вообще в герои не рвался. Дробовик лежал на полу как маршальский жезл, в ожидании, когда его поднимет и получит право отдавать

приказы настоящий командир. После секундной заминки сталкер взял оружие. Выбор одобрили: Варан промолчал, Инга кивнула, прапорщик отвел глаза. Леночка просто ничего не поняла.

Потом началась работа. Чердак проверяли, сдвигая мебель и выбрасывая наружу разный хлам, искали и заделывали щели. Инга, назначенная Глебом в дозор, ходила от одного чердачного окна к другому и раздражала всех советами. Пару раз она стреляла, утверждая, что заметила псевдопса или крысиного волка. Тихая Леночка сидела подле Мамаева и иногда протирала ему лоб влажными салфетками. Использованные шприцы усыпали пол, как гильзы. Солдату вкатили слоновью дозу антидота, но он не просыпался и дышал тяжело.

- Гражданин... Глеб!

Рамзес оглянулся.

- Посмотрите, - едва не плача, попросила Леночка.

Голова солдата распухла, быстро превращаясь в синюшный шар. Отек расползлся от цепочки почерневших ранок, оттуда, где давешняя крыса впрыскивала яд быстрыми уколами.

- Нос и рот прикройте чем-нибудь, - велел сталкер девушке.

Глебу приходилось видеть действие крысиного яда. Всего одна капля упала в пакет с кровью для переливания. Яд не растворился; капля очень быстро свернула кровь, превратив ее в липкий сгусток-тромб, плавающий в белесой жидкости.

За Мамаева оставалось только молиться. Антидот закончился. Аптечный шкаф есть в подвале, но до утра путь туда заказан, слишком опасно. Циничная логика войны: жизнь одного человека не стоит жизни другого. Погибай, но выручай – это подвиг, когда рискуешь своей жизнью, и преступление, когда чужой. Одиночку назовут героем, про командира скажут «в крови купался».

Сталкер отвернулся.

Площадь перед управой была пуста – и забита собачьими трупами. Глеб разглядел только суетливое шевеление у забора, где крысы облепили умирающую собаку. Рамзес прислушался, но ничего не услышал, Вешки будто вымерли. В этой мертвой тишине, подчеркнутой песьими стонами и далекой канонадой, Глеб сначала задремал – накатило после бессонной ночи и чудовищного дня, а потом заснул.

4

И снилось-то черт-те что, но пробуждение оказалось еще хуже.

- ...умер, - горько сказали рядом, и Рамзес очнулся.

Инга вздрогнула, поймав его взгляд:

- Ты что, притворялся?

- Спал. Мамаев?

Инга кивнула на тело с накрытым лицом. Сталкер присмотрелся: бандана, высший дембельский шик. Бандана Глеба проняла. Эх, Мамаев, Мамаев... Рамзес сделал каменное лицо и оглядел чердак.

Инга сидела в окне, свесив наружу ноги, и наблюдала окрестности в ночной прицел «Тигра». Глеб скривился – службы не знает девчонка, но промолчал. Скипидар жалобно храпел, привалившись к ящикам и откинув голову так далеко, что в распахнутый рот можно было заглянуть не нагибаясь. Мышка Леночка сжалась в комок в самом темном уголке, и, судя по красному носу, редела не переставая. Руки с сорванными ногтями она неловко держала на весу, и Глеб смягчился, хотя паникеров люто ненавидел. Варан сидел у дальнего оконца, баюкая перевязанную руку; автомат Мамаева лежал у него на коленях.

Глеб хлопнул по карманам. Выпрошенная у Скипидара аптечка оказалась на месте, и сталкер кинул Варану пенал с красным крестом.

- Номер шесть, специально от укуса псевдособаки. Вколи, - посоветовал он насколько смог дружелюбно.

Варан сухо кивнул. А он самолюбивый, понял Глеб. С таким нельзя в разведку.

- Кошелек обронили, Рамзес, - показал на пол Варан.

Вместе с аптечкой из кармана выпал бумажник.

«Откуда?» - удивился Глеб и тут же вспомнил: Зона, Фокс, ПДА и бумажник с его, Рамзеса, деньгами.

Глеб поднял отощавшее за день портмоне и по привычке раскрыл. В прозрачном файле Фокс держал фотографию некрасивой женщины, не то моложавой матери, не то старой жены, и такой же некрасивой девочки. В закутке для кредиток скучала одинокая карточка на чужое имя и с надписью «Хрен тебе» на месте «Autorised Signature». Веселый он был парень, Фокс, мир праху его. Хотя и бандит.

- Все на месте? – спросил Варан с едва уловимой иронией.

Глеб собирался уже спрятать трофей, когда пальцы что-то нащупали за фотографией. Сталкер отогнул пластик ногтем. На свет божий вылетела и запорхала сложенная вчетверо бумажка, Глеб едва успел поймать ее.

- Если склероз мне не изменяет, – прокомментировал из-за спины Варан, – я видел фото из этого портмоне в руках у Кости Фоксина. Значит, не врал? Нашли тело?

Глеб смял листок в кулаке.

- Не стой за спиной! Или правил не знаешь? Второй раз предупреждать не буду!

- Ладно, ладно! – поднял руки Варан. – Не кипятитесь, мы не в Зоне. Давайте посмотрим.

Глеб разгладил листок, вырванный в спешке из старой (бумага совсем пожелтела) записной книжки.

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны...

Стихи, мимолетно удивился, но больше огорчился Глеб. Писаны аккуратно, явно в чистовик, хорошей перьевой ручкой. Ай да Фокс! Романтик, как, впрочем, многие в Зоне.

И вот еще интересно: за последним четверостишием карандашом записаны многозначные числа.

- А ничего! – заметил Варан с апломбом. – Мог бы печататься.

Глеб посмотрел с подозрением, но Варан, кажется, говорил серьезно. Нет, не все в Зоне романтики!

- Он печатался, - усмехнулся Глеб. – Известный поэт, культовый, можно сказать. А ты не знал?

- Фокс?! - теперь уже Варан смотрел подозрительно.

- Эй, спорщики! – крикнул от окна Инга. – Кончайте... как это?.. базар. Светает, нужно решать с вылазкой.

- Я решу, - отрезал Глеб. – И поставлю в известность.

Инга покраснела.

- Пойдем только при свете, - без вызова, но твердо сказал Рамзес. – Поспи час-другой, я подежурю. Если кому нужно в туалет, - Глеб мельком глянул на мышь Леночку, - то придется терпеть.

Инга без слов протянула ему оружие и присела рядом с подругой. Девушки о чем-то начали говорить, негромко, почти шепотом. Намерения спать Инга не выказывала, Глеб решил, что ему в пику. Детсад, ей-богу!

Сталкер присел в окне и вскинул карабин. Ночной прицел на «Тигре» стоял хороший: зеленовато-серая, как через запущенный аквариум картинка давала неплохое представление, даже с деталями, и кое-что Глеб разглядел. Как в обозе любой армии влачатся бандиты, потаскухи и сумасшедшие, вслед за волной в деревню пришло многой всякой твари. Суета

между собачьими телами напоминала брожение закваски. Шарахались по углам тощие тени, дрались трусливо и бесшумно. Глеб дотошно изучал копошение, идти через которое придется не через час, так через два.

- Рамзес, - деликатно кашлянул Варан. – Что вы собираетесь делать?

- Сделаем вылазку и свяжемся с Ясенево, если получится, - ответил Глеб, не отрываясь от прицела; сделал вид, что не понял вопроса.

- Ну, я и так вам скажу, что в Вешках десятки трупов, а Ясенево... слышите?

За лесом бухало и трещало, словно рвали плотную ткань. Ясенево находилось дальше от Зоны, и волна только-только докатилась туда.

- В Ясенево трупов будет еще больше.

Глеб разозлился. Провидец ты хренов!

- Что ты хочешь, гражданин Нестеренко?

Варан не смутился под пристальным взглядом сталкера.

- Я хочу завязать с ходками и вернуться к нормальной жизни.

- Похвально, - хмыкнул Глеб и не поверил.

- Давайте договоримся, Рамзес. В обмен на небольшую услугу я вам рассказываю все, что знаю, сдаю все наработки. То есть вообще все! И сваливаю из Зоны.

Чего-то подобного Глеб ожидал. Иначе как объяснить, зачем себеумный Варан крутится рядом с ним, оборотнем.

- Допустим, я соглашусь, - ответил Рамзес после осторожной паузы. – Где гарантия, что твои знания стоят моей услуги?

- Такие вопросы решаются на доверии.

- Варан, я тебе не верю, - усмехнулся Глеб. – Извини, если что. Да, я видел, как ты действуешь в бою, но денег тебе не дам, не проси. Потому что ты хитрый. Слишком хитрый для Зоны.

- Я не хитрый, я разумный, - обиделся Варан. – И ваши деньги мне не нужны... Хорошо, я отвечу на вопросы, а потом вы решите.

Глеб сделал вид, что думает:

- Расскажи-ка для начала об Артуре.

Варан начал говорить. Глеб слушал без особого интереса, наблюдая окрестности сначала в прицел, а когда достаточно рассвело, в бинокль. Иногда подкидывал наводящие вопросы. Ничего нового он не узнал, да и спрашивал не для этого: хотел проверить насколько откровенным будет ходок. К удивлению и даже некоторому Глебову смущению, тот вытряхнул целую кучу грязного белья. Варан и есть Варан. Пресмыкающееся.

- У него четверо в команде, - интимно тараторил Варан. – Не считая покойного Фокса и его отмычек. Остальные, кроме этих четверых, на побегушках.

- Сколько?

- Хватает... Артур со многими имел дела, смотрел, выбирал. Потом кому предлагал тесное сотрудничество, а кого заворачивал с богом. Кто и сам не хотел, как я, к примеру. Но близких у него четверо.

- Кто?

- Крот – он после Фокса лучший. Беня и Кувалда – мясо, но полезное. Кувалда сильный как буйвол, гвозди узлом вяжет. Беня – прирожденный мокрушник, хвастал, что на большой земле человека заделал. Ну и Кнопка. Этот бестолковый, но удачливый. Его Крот отмычкой берет.

- А для чего Артур команду держит?

Варан замялся. Глеб его не торопил, боясь спугнуть.

- Не знаю, - соврал Варан, и Глеб ему немного помог.

- А сам как думаешь? Слышал ведь что-нибудь, замечал.

- Слышал, конечно, - сморщился Варан. – Только байки это. Крот хвастал по пьяни, будто Артур нашел...

- Ну?

- Око! Век воли не видать – Око Зоны! Верите?

- Нет, - солгал Глеб. – Не верю.

Варан приободрился.

- И я говорю - байка! Старая и глупая, но иногда всплывает. Будто есть такое место... - он умолк.

- Где исполняются желания? – подначил Глеб.

- Нет! Место, откуда Зона произошла. Будто взрывы на станции, Хозяева - это все для отвода глаз или случайно, а Зона сама по себе. Неизвестно отчего и зачем она.

- М-да... - протянул Глеб. – Такого бреда я еще не слышал.

- Я же не утверждаю, что это правда, - заторопился Варан. – За что купил – за то продал.

- Сам подумай, зачем Артуру Око?

Глеб попал в точку, меркантильный вопрос нашел у Варана живейший отклик.

- Не скажите, Рамзес! У этой байки есть продолжение. Будто бы Око питает Зону... энергией или бесовской силой – это уж кому как нравится. Этой силы там столько, что одни вещи превращаются в другие. Не знаю, как это называется: был, к примеру, нож стальной, а стал золотой.

«Философский камень это называется, бестолочь ты неграмотная! Цент еще говорил: трансмутация».

- Допустим. Почему же Артур до сих пор не взял Ока?

- Вот! – Варан прищелкнул пальцами. – Я и говорю, вычислить мало, нужен точный маршрут. Фокс должен был протоптать...

Варан поперхнулся. Он явно не планировал заходить так далеко в своей откровенности.

- Ясно! – Глеб понял, что больше ничего не добьется, и перевел разговор. – Где сейчас Артур?

- Этого никто не знает, - криво усмехнулся Варан.

Замолчали, рассматривая в посветлевшее оконце мертвые Вешки. Глеб почувствовал затылком взгляд и резко обернулся. Инга смотрела на них со смесью брезгливости и жадного любопытства.

«Интересно, кому что? Кому брезгливость? Мне или Варану?»

- Теперь моя очередь ставить условия, Рамзес. Если вы нашли тело Фокса, его ПДА должен быть у вас. Я хотел бы его выкупить.

- На что тебе? Ты же в Око не веришь.

- Просто интересно, мы с Фоксом, можно сказать, дружили.

- У меня нет ПДА, - ответил Глеб.

Варан поверил его искреннему огорчению. Или сделал вид, что поверил.

- Можно хотя бы посмотреть листок со стихами.

Глеб покопался в карманах, нашел скомканную бумагу:

- Вот.

Варан сложил листок вдвое, так, что стихи оказались на обратной стороне, и уткнулся в карандашные записи. Нахмурился. Потом спросил небрежным тоном:

- Можно оставить себе?

- Зачем?

- А вам зачем?

Глеб потянул бумагу из его пальцев:

- Значит, не договорились!

ГЛАВА 5

Вынужденное безделье убивает вернее бесполезного труда, эту максиму Глеб усвоил накрепко и взял себе за правило всегда что-то делать. Если делать нечего, то чистить оружие. Если оружие вычищено, смотри пункт первый, а там, глядишь, и помирать скоро.

Рамзес давал себе отчет, что вылазка не особо нужна. Огромный риск против небольшой вероятности найти кого-нибудь, кто никак не обойдется без их помощи. Да и расхотелось умирать, если честно. В плюсе Рамзес числил возможность разведать обстановку, но это был слабый плюс, не перевешивающий опасности.

Инга же кипела от нетерпения, и Рамзес, как ему казалось, понимал девушку. Жизнь в Штатах заразила ее вирусом не шибко осмысленной активности. По принятым там, за океаном, правилам игры пассивный всегда проигрывает. Лежачий камень, так сказать. Делай хоть что-нибудь, но делай!

Страна непуганых, сказал как-то старина Ворон, когда Зона свела его с белозубым недоумком, желавшим сфотографировать кровососа. Вроде и не дурак, а именно непуганый. Не осознающий, что здесь не игра, ни честная, ни даже грязная. Здесь жизнь, реальная наша житуха, где выход стерегут крысы с ядовитыми зубами, и ведро в углу вместо туалета. Где правила не писаны, потому что их нет. Где цель не победить, а выжить. И тем самым победить. Тот непуганый, к слову, выжил и даже ходил пару месяцев. Потом исчез. Видимо, надоело, здесь же нет ничего интересного. Что может быть интересного в кровососе?

И все же Рамзес решился на вылазку. Крысы и собаки в массе своей ушли, а за неимением видимой опасности в их разношерстной команде обязательно начнутся трения. Скипидар вспомнит, что он здесь власть, а Инга - что Скипидар для нее совсем не власть.

Глеб начал будить участкового. Скипидар не хотел просыпаться, ворочался, чмокал мясистыми губами, и во сне занимаясь пищепотреблением. Когда очнулся, повел из стороны в сторону соловым взглядом.

- Уже утро? Монстры ушли?

- Ушли, - обнадежил его Глеб.

Скипидар перекрестился, истово ударяя щепотью в лоб, грудь и плечи.

- Ну, слава тебе господи! Вы куда?

- Попробуем дойти до телефона. Если удастся, то и на улицу вылазку сделаем.

- Несет вас нечистый, - буркнул злой со сна прапорщик. - Нет бы дождаться немцев с огнеметами.

Инга язвительно хмыкнула.

- У Шваница свои проблемы, Вить, - быстро вмешался Глеб.

Со стороны Ясенева все еще долетали звуки разнокалиберной стрельбы.

Участковый равнодушно пожал плечами. Хотите идти? Ваше дело. Его, прапорщика Скидоренко, не поднимет с места и приказ министра. Насчет министра Глеб, конечно, поспорил бы, но решил не обострять ситуацию. Скипидар нужен лояльный и находящийся у пулемета.

Смарт показывал нулевой уровень сигнала, и на скорое восстановление сети Глеб не рассчитывал. Надеялся только на радиосвязь; судя по звенящей легкости в голове, возмущение, наведенное Зоной, слабело. Вот только к рации нужно спускаться вниз, что равносильно той же вылазке.

Рамзес посветил в темный чердачный лаз фонарем, каковой аксессуар прилагался к пулемету. Убедился, что в круге света живность отсутствует, и осторожно спустился. Только потом махнул Инге.

Люк над головой опустился с могильным грохотом.

- Не хотел при всех, - сказал Рамзес вполголоса. - Напомню сейчас: команду я. Мы ведь не будем меряться... э-э... авторитетами?

Девушка быстро и неглубоко дышала.

- Звал бы Варана, сталкер! - вспыхнула она. - Или этого... участкового пельменя. Что ты меня цепляешь?

«Разве цепляю?!»

- Я бы взял Варана, - признался Глеб, - но у него рука. Так что придется нам вдвоем как-нибудь.

- Кондовый мужской шовинизм, - усмехнулась девица. – Не трусь, прикрою.

- Надеюсь, - в тон ответил Глеб, приматывая фонарь к стволу медицинским пластырем.
– Я иду первым.

В свете фонаря проявился разгромленный коридор. Искромсанные пулями стены, кровь и немногочисленные крысиные тушки. Не то свои пожрали – но не без следа ведь! – не то вчерашние боевые успехи оказались не столь значительными.

Глеб шел к лестнице, перебрасывая ствол от одного дверного проема к другому. Крысы рвали бумагу, дерево и пластмассу; пол усеивали обломки разбитой офисной техники. Декоративную пальму обглодали до желтой сердцевины. На пороге одной из комнат Глеб наткнулся на окровавленную женскую туфлю, напрягся, но увидел только поле битвы грызунов за поношенную обувь. Он шагнул через клубок крысиных тушек, и снял трубку настенного телефона. Глухая тишина, чего и следовало ожидать.

Нескоро управа начнет свою работу, ох нескоро!

- Осторожно! – предупредила Инга.

Желтоватые брызги бликовали в свете фонаря на полу и стенах. Яд!

- Вижу! Постарайся не дышать!

Проскочили опасное место и остановились у лестницы в цокольный этаж, в отделение милиции.

- Туда? – Инга кивнула вниз. – Или наружу выйдем?

Глеб оглянулся на близкую дверь управы, забранную железом и потому не поддавшуюся монстрам.

- Вниз, - решил он. – Искать передатчик.

- Внизу совсем темно.

- Там и днем всегда свет жгли, - резонно заметил Глеб. – Подвал же.

Он сделал шаг в темноту. За световым кругом стояла мгла, что называется, глаз выколи. Глеб выключил фонарь и дождался, когда глаза привыкнут. Утер с лица пот. Вроде и не жарко, но... беспокойно. И солдат где-то здесь лежит.

Дверь в милицию держалась на честном слове; в пробоины от пуль сочился утренний свет. Рамзес толкнул створку, вызвав в помещении суетливый переполох. Вывернув из косяка уцелевшую петлю, рухнула дверь; из-под нее с быстрым цокотом коготков порскнули грызуны.

Большая старая крыса стояла посреди длинного коридора и грустно смотрела на Глеба. Так казалось из-за седой шерсти и нагноившихся глаз. Выстрелом навскидку Глеб снес твари голову; даже рассмотреть толком не успел, и это спасло их. Крысы бросились из углов, незаметных щелей и даже откуда-то сверху, но неслаженно, лишенные общего руководства и страха перед вожакom.

- Пригнись! – завизжала Инга.

Глеб выстрелил еще раз, от бедра, и только потом шагнул в сторону. Быстро переломил обрез. Гильзы выпали, обдав резким кислым запахом.

Инга открыла огонь из «Тигра». Над плечом жажнуло так, что Рамзес мгновенно оглох. Пуля, которой опытные стрелки валят лося с ног, вжикнула по полу, разрубив крысиную тушку, ударилась в стену и рикошетом улетела вверх вдоль перил. Обдала Глеба потоком горячего воздуха.

- Не стреляй! – взмолился сталкер.

Он представил, как сей бронебойный снаряд пробивает дощатый чердачный настил и на излете жалит, к примеру, Скидоренко. В задницу. Это ж какой разбор полетов будет! Страшнее волны!

Глеб снова нырнул в дверной проем. Крысы бежали прочь, рассыпаясь веером по темным углам. На них яростно хрюкал еще один крысиный волк, огромный и злой, а оттого

смелый, и Глеб убил его, не растрчивая ценный боеприпас на мелочь.

- У тебя кровь, – Инга стояла за спиной. – Как ты?

Глеб сунул руку за воротник, вспомнив, что секунды назад крыса упала ему на голову, а он ее смахнул и, наверное, не убил. На шее стремительно припухла ранка от крысиных зубов. Не яд, слава богу. Иначе уже корчился бы в муках.

- Приемлемо, - ответил Глеб и увидел Крынкина.

Точнее то, что от него осталось.

«Рядом с тобой погибают, оборотень!» – вспомнилось не к месту.

Солдат лежал на спине, отбросив руку с конвульсивно сжатым «Калашниковым». Крысы обглодали кулак, и автомат легко выскользнул из красномясых пальцев. Стараясь не смотреть в то место, где у живого человека бывает лицо, Глеб нагнулся снять с бронежилета запасные магазины и вздрогнул. Из-под сбившейся вбок кевларовой пластины, прямо из человеческой утробы, злобно сверкали красные глазки. Мутанты повалили обезумевшего от боли человека и вскрыли ему брюшную полость, пожирая теплое и вкусное человеческое нутро. Глеб выстрелил в эти злобные глаза, зарядил и снова выстрелил. Из-под бронежилета, из штанин и рукавов брызнули, отчаянно пища, несколько мелких тварей.

Инга закашляла, сжав ладонью рот, и Глеб встал рядом, готовый прийти на помощь. Дождался, когда она успокоится, и протянул автомат.

- Возьми! Из твоего мушкета только слонов бить.

Девушка приняла оружие, без малейшей брезгливости стерла рукавом кровь с ложа, и от этого у Глеба случился приступ теплого чувства к напарнице. Показывать его Рамзес не стал, памятуя старую армейскую заповедь: командир, которого солдаты не считают мудаком - не командир, а размазня в погонах.

Сначала передатчик. Глеб свернул в большую комнату у входа, где, собственно, и размещалась вся милиция, оставив Ингу в дверях контролировать обстановку.

К передатчику Глеб подходил с трепетом. Не то, чтобы связь была крайне необходима, как раз при отсутствии оной миротворцы зашевелились скорее. Но – оперативная обстановка, но – состояние Зоны. Без этой информации жить становилось безумно скучно, и милицейские переговоры могли развеселить. Или наоборот, расстроить.

- Рамзес! Крысы! – сорвала его с места Инга.

Глеб выпрыгнул в коридор. Крысы жидкими струйками бежали со всех сторон, сливались во внушительный поток, который разбивался о непрístupную милицейскую дверь.

Волк, сообразил Рамзес. Их зовут крысиный волк! Сталкер выстрелом навскидку разметал стаю. Твари, пронзительно крича, рассыпались по углам и щелям.

- Пусти! – девушка рванулась, и Глеб не успел ее остановить.

Инга ногой сдвинула неподъемный засов, выставила в распахнутую дверь «Тигра»; расставив локти, быстро повела стволом и выстрелила. По мгновенно расслабившимся плечам Глеб понял – не промахнулась.

- Это был волк, - объяснила девушка.

- Молодец! – похвалил Глеб и уточнил. – Что не промахнулась - молодец. Если бы промахнулась... дисбат тебе за самостоятельность.

«А в Зоне и убить могут за такие фортели!»

- Дисбат? - фыркнула девица. – Что не в солдатский бордель?

Глеб подавил улыбку.

- Стой там, раз уж вылезла. Прикроешь.

Передатчик грызуны не тронули, им, очевидно, этот железный ящик представлялся таким же чудным артефактом, как Глебу родные для крыс «карусель» или «трамплин». Сталкер щелкнул тумблером. Зажглась подсветка, засветился микродисплей, но кроме шума в динамиках Глеб ничего не слышал. Он проследил взглядом за антенным кабелем и со вздохом перекинул тумблер обратно. Крысы измочалили кабель по всей длине, от полки с радиостанцией до отверстия в потолке, куда он нырял, чтобы соединиться с антенной на

крыше.

Связи не будет, понял Глеб. Есть несанкционированный передатчик в баре, но вряд ли в лучшем состоянии. Бар же никто не защищал; Глеб высадил заднюю дверь, Крынкин переднюю. Кувалда убежал, скрылся, а бармена, дай бог, чтобы спасли местные.

- Связи не будет, - объявил Рамзес. – Другого кабеля у Скипидара нет, готов спорить. Теперь - или когда сотовую сеть поднимут, или ехать в Ясенево.

- Лучше сразу застрелиться, - логично заметила Инга. – Пойдем наружу?

Ее глаза сверкнули авантюрной искрой.

2

Они ходили по двум Вешкинским улицам и многочисленным дворам, отстреливая заплутавших собак и крыс. Стучали в задраенные ставни и забаррикадированные двери. Записывали, где отзывались, просили не выходить, если люди казались адекватными, а таких было меньшинство. Выходить никто и не осмеливался, волна монстров повергла людей в безмерный шок. Такой кошмар в моем доме? В моем селе, на моем огороде?!

Сталкер гадал, где теперь граница. Неужели здесь, в когда-то мирных Вешках, уже Зона? И через пару дней прикатят БТРы с черными крестами и автобусы с красными, чтобы эвакуировать оставшихся в живых? Глеб был уверен, что на автобусах или на своих двоих, но жители побегут отсюда, как только осмелятся.

Потому что волна убила Вешки. Глеб это понял не сразу, только спустя время осознав, что тех чистеньких и сонных Вешек уже нет. Конечно, слепцы и крысы, составившие костяк волны, не могли разрушить дома. Но как в них жить, обгаженных, залитых бешеной слюной и человеческой кровью, Глеб не представлял. Деревня навсегда останется душам растерзанных.

Даже в разоренных домах многие спаслись, отсидевшись, кто в погребе, кто на крыше. Но вот уже нашелся дом, где семья заснула без воздуха в тесном подвале; у отдушины сидели по очереди, пока не выхлебали весь кислород, а сверху воздушную трубу закупорило крысиной тушкой. И в другом доме задохнулись, и в третьем, везде, где подвалы не приспособили для долгой отсидки. Дверей, из-за которых не отзывались на стук и крики, становилось все больше.

Вот пришлось снимать с дерева подростка, без остановки плевавшего густой слюной. Глеб только глаза прикрывал рукой, и потом долго умывался у колодца. Твари вырезали всю семью, только парень спасся чудом. Он успел запрыгнуть на дерево и не истек кровью – пальцы на правой руке ему отрезала собака. Будто скальпелем, ровно и чисто. Паренек не понимал своей утраты и все порывался чесать голову или тереть нос распухшей культей.

В соседнем дворе мужчина бегал с тлеющей паклей вокруг сарая и старался подпалить деревянные стены. Глеб уронил пиромана на землю, прижал сверху, но тот с нечеловеческой силой выкручивался из захвата и кричал, кричал, кричал сорванным голосом. Надрывался: «там монстры! нужно сжечь!», пока Инга не ударила его прикладом в затылок. Человек упал лицом в землю; с его головы в грязь потекла кровь. Глеб связал помешанного, и тут же заметил еще одну струйку дыма в дальнем конце деревни...

Иногда в них стреляли, сопровождая выстрелы дикими воплями. Эти побьют друг друга сами, понял Глеб. Ирония, мать ее, Зоны – пережить волну и быть застреленным сошедшим с ума соседом. Глеб сначала отвечал выстрелом в воздух, для остротки, потом начал экономить патроны.

На дальней окраине Вешек наткнулись на сильные разрушения. Глеб решил, что здесь прошла стая кабанов – волна собирала вместе и не таких строптивых существ. Кабаны словно танки валили деревья, легкие постройки, а иногда и на домах оставляли отметины. Глеб постоял возле железной двери, вмятой, очевидно, ударом кабаньей башки, и велел Инге расчехлить карабин.

Кабан-переросток нашелся в соседнем дворе. Инга ахнула, оценив пропорции монстра,

и перезарядила «Тигра» магазином с красной отметкой. Бегемот! Он снес будочку деревенского туалета и провалился мордой в выгребную яму. Смерть его стоила жизни: такая же страшная, вонючая и бессмысленная. Тушу уже поглотили собаки и крысы, размотали сизые кишки по огороду.

В следующем дворе на крики отозвались из колодца. Глеб откинул ржавую плиту, надвинутую на колодезный зев. Молодой мужчина висел в узкой трубе, упершись в бетонные стены, и смотрел вверх белыми глазами. Его, обессиленного, вытащили, обвязав веревкой. Мужчина упал здесь же, уронил голову в траву. Не то заплакал, не то засмеялся, и Глеб похлопал его по плечу. Только потом случайно заглянул в колодец.

- Стой! – велел подавшейся вперед Инге и наспех придумал поручение. – Найди ему что-нибудь, брезент или одеяло.

- Что там? - остро глянула Инга.

- Не нужно тебе этого видеть. Я сам.

- Я не... как это?.. кисейная барышня! Запомни, наконец!

Девушка разозлилась, но заглядывать не стала. У нее дрожали губы.

Глеб обвязался веревкой и нырнул в узкий колодезный круг. Поднялся, вытянул за собой тело мертвой девочки. Потом мальчика. Потом, с усилием, труп молодой женщины с прокушенным и вываленным наружу языком.

Мужчина смотрел, но не на тела, а в колодец. Столько тоски читалось в его взгляде, что Инга перешла на шепот.

- Он их утопил?

Глеб кивнул.

- Там слишком мало места на четверых.

Сталкер накрыл тела брезентом, и пошел к воротам, хлюпая водой в ботинках. Инга, помедлив, двинулась следом. За спиной раздался глухой всплеск. Глеб ухватил девушку за плечо.

- Не ходи! Он сам так решил.

И подумал, что мужчина вряд ли утопится. Трус всегда до конца трус, до самого глубокого донышка. Но попытаться – его право.

Самое страшное начиналось там, где люди не могли ни прятаться, ни сопротивляться. Обглоданные тела еще как-то можно было объяснить звериным голодом и охотничьим инстинктом. Но здесь твари игрались, загоняя и убивая беззащитных людей.

Возле круга из человеческих голов Инга не сдержалась и громко всхлипнула. Собаки мало, что выложили правильную окружность, они еще методично обгадили каждую голову.

- Псевдопес, его повадки, - объяснил Глеб мертвым голосом; говорить отчетливо не получалось.

Псевдопсы обязательно метили добычу, отгоняли запахом конкурентов. В свежих песьих экскрементах даже мухи не выживали.

- Не-на-ви-жу! – выдавила по слогам девушка. – Убивать, убивать и убивать!

Ее колотила дрожь.

- Заткнись или я тебе пощечину влеплю! – рявкнул Глеб. – Тебя сюда не гнали, ты сама приехала... зачем-то.

Девушка протяжно застонала, давая истерику.

Но и на Глеба понемногу накатывала черная неотходчивая злоба. И, как ни странно, вина. Сталкер понимал, что это бессмысленно, что он появился здесь всего пару дней как, что в Вешках хватает начальства. Только где оно? А трупы – вот! Истерзанные, расчлененные. И он, Рамзес, везунчик и почти легенда, один из лучших ходоков и знатоков Зоны, не сделал ровным счетом ничего. Действительно, оборотень...

Глеб спохватился и приказал себе унять эмоции. Девчонке нужна поддержка, а не выволочка.

- Это Зона, - он старался говорить по возможности спокойно. – Все начинается с азарта, продолжается ненавистью, а заканчивается...

- Чем?

Рамзес сделал вид, что не услышал вопроса.

За Ингой и Глебом потянулись немногие смельчаки, начали помогать. Первым человеком, которого они встретили, оказался сердитый дед в дряхлой шинели с отметинами споротых погон. Старик живо шаркал в пыли огромными кирзачами и, с закинутым за плечо автоматом, вид имел воинственный. Глеб присмотрелся - МП-40, в просторечье «Шмайссер», раритет! Улыбнулся против воли. Не обманул Варан, и впрямь с войны припрятано.

- Дед! – крикнул сталкер. – Не шали оружием!

- Я сорок годов!.. – услышал в ответ. – У меня попляшут!..

- Боевой дедок, - восхитился Глеб.

Когда стало окончательно ясно, что твари ушли, Рамзес предложил участковому сниматься с поста и организовать в отделении что-нибудь на предмет кормежки и неотложной медпомощи. С прапорщиком спустились Варан и мышка Леночка. Сталкер тут же пропал, а мышь к удивлению Глеба засуетилась среди пострадавших и вообще, взяла все на себя, отстранив важного, но бестолкового Скипидара. Хотя и плакала не переставая – и откуда в ней столько жидкости? – но не истерично, а грустно, как по родному человеку.

- Дурак! – сказала Инга в сердцах. – Золото-девка, чтоб ты знал!

Они теперь действовали слаженно, превращаясь в весьма опасную машину для убийства. Начали чувствовать друг друга, угадывать действия напарника и даже разговаривали без прежних колких наскоков. Если, конечно, разговор не заходил о чем-то личном.

В следующую вылазку дошли и до участка Пасенков, вместе с которыми встречала монстров Анна Павловна.

- Не прощу себе, если она погибла, - сказала Инга. - Уж ее-то, безобидную, грех было не спасти! А что я Ленке скажу? Крысы сожрали твою маму?

Но оказалось более или менее в порядке. Пасенки сидели в погребе, вместе с Анной Павловной, и выходить категорически отказались – «ты уж, Глебушка, сперва перебей собак».

- Ан Пална, - завопила Инга в продушину, - это я! Лена жива-здоровая, не беспокойтесь!

В ответ начали плакать, и Глеб закатил глаза. Ну, семейка!

Зато Анны Павловны дом оказался разорен, твари отодрали фанерку, которой прикрывался кошачий лаз. От кота остались только клочья рыжей шерсти... Или? Инга услышала горестный вопль из печки и стукнула в заслонку прикладом.

- Хозяин! – закричала девушка громче кота. – Выходи, если жив!

Четвероногий хозяин голосил и выходить отказывался. Инга вытащила его, обмотав руку полотенцем, и ошалевший кот заметался по хате, не находя привычных укрытий. Все порушено и провоняло чужими запахами. Он взобрался, царапаясь сквозь одежду, на плечо ласковой постоялицы и начал жаловаться на жизнь.

- Ах ты, скотина толстая, - умилилась Инга. – Жив ведь! И не похудел даже!

Она засмеялась облегченно, будто спасение кота было сейчас важнее всего на свете, обняла его, зарывшись носом в густую шерсть.

Пуля высадила стекло в окошке, пробила кошачье тело и ударила девушку в лицо.

Выстрела не было. Глеб только увидел, как взорвалась кровью Ингина голова. Он заревел, вскидывая к плечу обрез, но не нашел в кого выстрелить.

3

«Рядом с тобой погибают, сталкер!..»

- Жива она, слышите?

Мышь Леночка тормозила Глеба, смеясь и плача одновременно. Глеб стряхнул остатки мутного полузабытья, куда провалился в надежде не думать, что Ингу убили.

- Жива, - кисло подтвердил случившийся рядом участковый. – Заговоренная что ли?

Где, впрочем, было случиться Скипидару, как не здесь, в милицейском отделении, где под его охраной размещались теперь госпиталь, полевая кухня и центр власти Вешек и округи?

Глеб поднялся с пола - он сидел в коридоре у стены, и зашел в комнату для «тяжелых». Инга, в брюках и майке, но босая, сидела на койке, сложенной из дверного полотна, и ощупывала бестолково забинтованное лицо. Майка открывала спортивные плечи, слишком широкие для вечернего платья, но в самый раз для Зоны, таскать рюкзак и оружие. Карабин оставил на плече бордовый синяк. Можно сказать, повезло, отдача этого слонобоя могла и ключицу сломать.

Глеб долгую секунду не мог оторвать взгляда от крепкой Ингиной груди, и только потом рассмотрел остальное: синяк, бинт.

- Кто тебя так?! – возмутился он. – Ну-ка, разматывай!

Сталкер помог ей снять повязку и открыл плохо обработанную рану. Пуля, ударив по касательной, разорвала девушке левую щеку и раздробила несколько зубов. Толстый Леночкин кот, уберегшийся от монстров и так обидно погибший, спас ей жизнь, отклонив телом пулю.

- Что? – прошепелявила Инга, глядя исподлобья. – Такой не нравлюсь?

- Нравишься, - признался Глеб. – Очень нравишься. И вообще, и сейчас.

Инга отвернулась.

- Уйди...

Ну уж нет! Глеб нашел армейскую аптечку, какие аптечки массово завезли в предзоне, и стерильные перчатки в ней.

– Будет больно. Потерпишь?

Инга небрежно дернула плечом. Глеб вкатил ей в челюсть целый шприц анестетика, но она все равно орала благим матом, пока сталкер чистил рану.

- Терпи!

Глеб рвал из пачки чистые салфетки и промокал обильно хлынувшую кровь. Когда закончил - остановил кровотечение, наложил швы и залил рану герметиком, усмехнулся:

- Я и не знал таких слов.

- Я тоже... Так больно было, а лица теперь не чувствую.

Инга говорила невнятно, анестетик обездвижил губы и язык.

- Извини, врач из меня тот еще, - смутился Глеб. - В рамках ускоренного армейского курса.

- Заметно!

Девушка легла. Глеб сел рядом, не зная, можно ли спрашивать или дать ей отдохнуть.

- Что мнешься как девочка? - развеяла его сомнения Инга. – Нашел, кто стрелял?

- Нет. Били издалека через глушитель. Лучше ты скажи, кто стрелял.

Инга помолчала.

- Кто стрелял – не знаю. Знаю, кто приказал. Найду и убью.

- Три статьи УК, - поставил ее в известность помрачневший Глеб. – Угрозы, месть, покушение на убийство. Давай обойдемся без бандитизма, ладно? Просто скажи мне.

- Я скажу, - решила Инга. – Но... как это?.. откровенность за откровенность – и ты мне ответишь на вопрос.

- Не хотелось бы торговаться...

- Меня приказал убить Артур Сароян. Могу сказать за что. А кто ты, Глеб? Зачем здесь?

Рамзес не знал, что ответить.

- Я опытный сталкер, который оттоптал любимые мозоли половине ходоков, - осторожно сказал он. - За это меня не любят. А здесь я случайно. Ты же помнишь автобус?

Инга кивнула с задумчивым видом.

- Ты сказал, что я не понимаю, о чем говорю, - напомнила она. – Насчет... ну, оборотня.

Объяснишь?

Глеб невесело усмехнулся.

- Когда-то я пришел в Зону, молодой и наглый как... В общем, судьба у меня и до того случилась богатая, и я считал, что все в этой жизни понимаю. Зона меня обломала на первой же ходке. Меня послал на смерть человек, которому я доверял безусловно. Здесь это называется отмычка... С тех пор даже слово это ненавижу! Никогда не хожу с отмычками, принципиально.

- И никому не веришь?

- Это была моя вторая ошибка. Одиночки в Зоне не выживают... как правило. На счастье, мне повстречался хороший человек, Мишка Ворон...

Глеб замолчал. Всякий раз, когда он говорил о Мишке, начинало жечь где-то между носом и глазами. Слезы, настоянные до концентрации соляной кислоты, рвались сквозь броню Глебова равнодушия.

- Он тебя спас?

- Сначала я хотел его убить. Потом он набил мне морду... Да, можно сказать, он меня спас. Я ходил с ним больше года.

«А потом Мишка погиб, и я не смог ничего сделать».

- А дальше? – негромко спросила девушка.

- Ворон погиб. Я стал ходить один, просто потому, что другого Мишки уже не будет, - не очень ловко соврал Глеб. – Все ждут, когда же Зона приберет меня, и называют оборотнем.

Оборотнем его называли потому, что кандидаты на Мишкино место умирали чаще положенного. Иные даже, пройдя семь кругов Зоны, удачно разбогатеи и удалившись на покой, давились насмерть черешней. А Глеб не вылезал из ходок, будто заговоренный. Его удачливость вошла в легенды. Выносливость казалась нечеловеческой. Его раны заживали так быстро, что собаки могли только позавидовать. Он не топил стресс в водке, а усталость - в женщинах. Этого многие не могли простить.

И он не мог простить того же Зоне.

Глеб поспешил увести разговор в сторону.

- Тот, кто отправил меня на смерть, оказался полным дерьмом. Использовал и бросил, думал, сдохну. Встретил его потом, в глаза смотрю и вижу - трусит! Но понимает, ничего я ему не сделаю.

- А ты?

- Ну... сказал, тихо так, доходчиво, что гулять ему чуть-чуть осталось. Бывает такое – загляну человеку в глаза, а он прогибается...

- И я? - посмотрела с вызовом Инга.

- Ты? Нет. Ты сильная, только очень... напряженная. Как натянутый лук. Так нельзя долго.

Девушка отвела взгляд.

- А дальше?

- Сгинул он. Сам, это доподлинно известно. Но получается, что я его... приговорил, что ли.

После этого Глеб впервые услышал за спиной: «оборотень»!

Девушка задумалась. Чувствует, что недоговариваю, понял Глеб.

- За что Артур хочет тебя убить? – торопливо спросил он.

- У Артура завелся крот. Он считает, что я имею к этому какое-то отношение, - призналась Инга, и Глеб напрягся. – Когда ты... как это?... отшил меня, я пошла в «Харчо» и стала набиваться в компанию. Артур переполошился. Посчитал меня связной или что-то в этом роде. Из-за этого наша с ним дружба не состоялась.

- Обосновано посчитал?

- Нет, - отрезала Инга и сплюнула в пластиковую миску кровью. – А вообще, не твое дело! Иди к черту, провокатор хренов, у меня опять кровь пошла.

Глеб, не удержав нежности, положил руку на ежик темных волос. Ладонь приятно зашепотало, будто Глеб и впрямь гладил молодого ежа с мягкой щетиной вместо иголок.

- Выздоровливай!

Думал, сбросит его руку, но девушка замерла, ее круглые розовые уши начали стремительно краснеть.

На пороге Глеб оглянулся. Инга смотрела вслед.

«Убивать-то зачем? Если бы каждого связанного убивали... Нет, девочка, что-то ты темнишь!»

Смарт завибрировал, когда Рамзес стоял на крыльце, собираясь закурить. Глеб так удивился, что уронил сигарету и начал судорожно искать смарт по карманам. Глянул на индикатор сети – полный даун – и принял вызов. Цент пробился по спутниковому каналу.

- Хай, Рамзес!

- Почему молчал, толстяк?

- Ты хотел услышать мой голос? – рассмеялся Цент. – Я польщен... Ладно, извини, я боялся помешать. Знаю, что у вас творилось. Наблюдал волну со спутника – такая, знаешь, серая тонкая линия.

- Сволочь ты, Цент, - в сердцах рубанул Глеб. – Я думал, тебя взяли, а ты просто драпанул. Мог бы предупредить!

Цент, как всегда, не обиделся.

- Я предупреждал! А что без подробностей, были на то причины.

- А сейчас причины закончились?

- Сейчас картина прояснилась.

«Ни хрена она не прояснилась», - подумал Глеб, но спросил о другом:

- Где волна?

Цент радостно заржал.

- Не межуй, сталкер! Обстановка в норме, волна рассыпалась. Сейчас они большей частью под Ясенево, в округе крупных скоплений не заметно.

- Что под Ясенево?

- Воюют! Там все сложно, Рамзес. На тебя шел ручеек, по сравнению с ними. Ты, считай, только размялся.

- Я чуть не сдох, Цент! – возмутился сталкер. – Здесь десятки трупов!

- «Чуть» не считается, Рамзес. Ты не убиваемый.

Глеб смолчал, хотя имел что сказать. Но лучше при встрече. Если она состоится.

- У меня новости, Рамзес.

По виноватому тону стало ясно, что новости не самые радостные.

- Не тяни!

- Зато мы получили двенадцать Оскаров... Прости, глупая шутка. Артур ушел в Зону. Еще вчера.

Так! Глеб присел на ступени.

- Давай отчетливо, Мить.

- Куда уж отчетливее?! Говорю – картина прояснилась, Артур ушел вчера ночью со всей командой. Лично. Не в Ясенево драпанул, не в Киев – в Зону! Мне опять ребята шепнули, из сталкерской сетки.

После нашего разговора ушел, сделал вывод Глеб. Ох, Рамзес, не быть тебе дипломатом. Все испортил!

- Пошли навстречу волне?

- Что им волна? – хмыкнул Цент. – Артуру пробиться через волну, как два пальца. У него схронов по Зоне - мама не горюй, есть где отсидеться.

Глеб согласился. С трудом, но одолели бандиты волну. Для опытных ходоков - ничего невозможного. Тут, главное, сидеть тихо, желательно рассредоточившись, и не дразнить гусей. То бишь крыс и псов.

- Что еще прояснилось?

- Как что? – удивился Цент. – У Артура маршрут, это точно. Что тебе еще нужно? Чтобы он расписку написал?

- Здесь все странно, Цент. Я не понимаю... Со Шваницем канал прежний?

- Шваниц? Это немец, который в Ясенево? Какой еще с ним канал?

- Прежний, - усмехнулся Глеб и рассказал об освобождении.

- Давай-ка мне по вешенским все, что знаешь, Мить.

- Только в общих чертах, - озадачился Цент, и Глеб услышал быстрый, словно горох просыпали, стук по клавишам. – Глубоко я не копал. Вот: Шваниц из старой армейской семьи, в молодости попался на пьянке за рулем. Скидоренко твой – и смех, и грех. Прошлым летом сбрасывал вес в санатории МВД, был пойман со шматом сала, других правонарушений не зафиксировано. Артура ты знаешь. Тут еще из администрации народ. Рассказывать?

- Не нужно. Пробей-ка лучше: Нестеренко Олег, кличка Варан. Сейчас сброшу фото. Крот, Бенья, Кнопка - это команда Артура. Кувалда – этого особенно, - Глеб на секунду запнулся, но продолжил. – Еще Инга Рив, она же Инга Порывай, гражданка США, прибыла, судя по всему, недавно.

- Понял, Рамзес, сделаю.

- Копай, Цент, авось что зацепим!

- Постараемся! Думаешь, Фокс работал на Шваница?

- Кто еще? Не Артур же?

- Вариантов, в действительности, много... - задумался Цент.

- Вот и обмозгуй на досуге.

- Скажи лучше, как Шваниц тебя опознал? По какому-то предмету? Не по твоей же синей роже.

Глеб добросовестно перечислил содержимое карманов: бумажник с кредиткой и фото, визитка Фонда экстремальной природы, зажигалка с эмблемой Харчо. Смарт и нож, но они не считаются. Тем паче, что ножа Шваниц и не видел.

- Н-да, - протянул озадаченно Цент. – Маловероятно, что это визитка или зажигалка. Скорее уж кредитка или фотография.

- Значит – Фокс?

- Можно принять за рабочую версию, - вальяжно согласился Цент. - А ментам тебя Артур сдал, это к бабке не ходи. Артур ментов дружит. Сдал тебя и ушел. Логично? На кой ляд ему конкуренты?

- Логично, - признался Глеб. – Но неуютно мне. Чего-то я в корне не понимаю.

- Нет у тебя, сталкер, опыта кризис-менеджмента, - с апломбом заявил Цент. – Я вот так всю жизнь: ни информации, ни черта, одни потемки вокруг. А такие операции проворачивали, вах!

Глеб не ответил.

- Вот так, сталкер, - сказал, усмехаясь, Цент. – Возвращаясь к главному: просить тебя не могу, сам понимаешь, но буду! Нужно идти, Рамзес!

Глеб чертыхнулся.

- Я подумаю. У него четыре или пять стволов и сутки форы.

- Может, и к лучшему? Сам подумай, пройдешь следом без шума и пыли, как по Крещатику. Кому еще Князь отмычкой сработает, как не тебе?

- А если все не так? Если он идет по кривому маршруту? Вот, к примеру...

Глеб нашел записку Фокса и сфотографировал камерой на смарте.

- Прочти внимательно, Цент. Это писал Фокс. Думаю, здесь зашифрован настоящий маршрут, а в ПДА – мусор или деза.

Цент молчал долго, очень долго. Глеб даже решил, что связь оборвалась, но нет, Цент все же ответил странным голосом:

- «...дикарский напев зурны»? Какая зурна в степях Украины, Глеб? А числа? Это что – черная бухгалтерия?

- Не знаю! Мозги уже вывихнул, – признался сталкер. – Но эту бумажку у меня

пытались купить.

- Ладно, это тоже обмозгую. Но идти все равно нужно.

«У меня раненая девчонка на руках», - подумал Глеб.

И еще сотня – раненых, сумасшедших и просто до смерти перепуганных. Где теперь заканчивается Зона, кто знает? Забора уже нет, и, появившись завтра кровосос, волну будут вспоминать, как невинную шалость Зоны.

Цент словно подслушивал.

- Рамзес, толку в деревне от тебя никакого. Всем не поможешь. Точнее поможешь, если найдешь Око. Да что я тебя уговариваю? Ты же сам все понимаешь! Нужно – значит нужно!

Чем больше Глеб думал о возможном походе, вот так с бухты-барахты, с вечного русского авось начатом, тем отчетливее понимал, что шансов у него немного. Очень мало шансов, практически и нет. Понимал не разумом, а шестым чувством, которым Зона наделила его в полной мере и даже сверх того.

- Цент, - сказал Глеб, не умея объяснить своего состояния. – Это будет провал. Я не дойду. Или дойду, но не туда. Или туда, но опоздаю. Все равно что-то случится. Ты меня знаешь, я просто так не скажу. Я селезенкой чую.

Он говорил, уже чувствуя Центово нежелание понять.

- Глебушка, - начал Цент, и Глеб мгновенно разозлился от его ласкового тона. – Я тебе скажу, что случится, если ты не пойдешь. Мы упустим Око, и Князь его приберет. Он станет богатым человеком, может быть, самым богатым в мире, а богатый и влиятельный Князь – это очень страшно, уж поверь мне.

Цент прерывисто вздохнул.

- А ты навсегда останешься легендой, - заговорил он беспощадно. - Везунчиком, который никакой не везунчик, а просто «чуёт селезенкой». Сколько ты можешь обходиться без Зоны, Рамзес? День? Два? Неделью? Спорим - ногти грызешь через пару часов? Еще через полгода тебя можно будет отпевать, потому что Глеб Ремизов умрет, а останется навсегда Рамзес. И не важно, что твоей могилы никто не увидит, что тебе придется топтать одни и те же маршруты год за годом. Все равно ты будешь мертв! Даже выходя к ночным кострам, пугая честных бродяг разговорами – тебе же захочется поговорить! – ты будешь мертв, как самый распоследний мертвяк!

- Цент, лучше заткнись, - выдавил Рамзес.

- Может быть, тебя назовут «вечным», придумают красивую и глупую легенду, - закончил Цент. – Ты этого хочешь?

- Цент...

- Так пойдешь и найди Око, Рамзес! Это твой шанс, понимаешь? Не мой, не Князя – твой!..

- Ты не хочешь меня понять, Цент, - оборвал его Рамзес. – Какая разница, чей это шанс. Факт в том, что я не дойду...

Сталкер замолчал, поняв, что его слушают чужие, и механически нажал «отбой связи».

На крыльцо жизнерадостным колом выкатился Скипидар.

- Работает мобильная? – обрадовался участковый. – Сейчас в район позвоним!

- Нет связи! Опять пропала, - мрачно отрубил Глеб, не трудясь выдумать что-нибудь правдоподобное.

- Эх! – огорчился участковый и мазнул по Глебу острым взглядом. – Телефон у тебя, вижу, заработал?

Глеб отвернулся.

«Бабка надвое гадала, - подумал он, - будет ли мне толк от Ока. Никому это доподлинно не известно. Об Оке вообще никто ничего не знает, даже Цент-всезнайка, как бы он не пыжился».

Смарт завибрировал и сочно клацнул, словно патрон защелкнули в магазин. Глеб открыл пришедшую со спутника реплику. Цент снова угадал его настроение: «Ты дойдешь, я знаю! Удачи тебе, Рамзес! Мы за тебя кулаки держим».

Войти Глеб не успел. Явление свалило его на крыльце, едва только сталкер взялся за дверную ручку. Хекнул удивленно Скипидар – это Глеб еще расслышал. Пальцы, сжавшие дверную скобу, неудачно вывернулись – эту боль Глеб еще почувствовал.

Потом окружающий мир отдалился и расплылся, будто краски, которыми он был нарисован, окатили горячей водой. Расплывшийся мир оказался грязно-бурого цвета, и через некоторое время в нем проступила некоторая упорядоченность. Образовалась бесконечная плоскость, условная земля. Бурое сместилось вверх и образовало условное небо. По ногам потек условный туман. В небе проявилось тускло-золотое пятно условного солнца.

Глеб стоял, боясь двинуться, и провожал взглядом удаляющихся людей. Некоторых он знал: вот эта спина в пестром камуфляже – Артур Князь, а люди рядом, очевидно, его команда. Другая спина – Варан; искривленный позвоночник и съездившиеся плечи буквально кричат о хитрости и предательстве. Почему этого никто не видит? Эта спина незнакома, Глеб никогда не видел ее владельца с тыла. Зато с фронта познакомился близко – мышцы, жир, пугающая мощь... Кувалда! Прямая как офицерский стек спина принадлежит Шваницу. Хороша выправка, ничего не скажешь. А рядом... что-то непонятное рядом, но опасное! Смертельно опасное! Леночка с Анной Павловной бредут, обнявшись, а поодаль шаркает сапожищами дедок с автоматом.

Люди шли на солнце, не оборачиваясь, не обращая внимания ни на Глеба, ни друг на друга. Солнце здесь было неправильное, Глеб мог смотреть на него, не щурясь. Да и не солнце это вовсе. Око?

- Стойте! – крикнул Глеб и не услышал себя. – Куда вы идете?

Звуки в бурой среде не распространялись, или Глеба разбил голосовой паралич. Сталкер с великим трудом оторвал от земли одну ногу, шагнул. Оторвал другую и шагнул еще раз. Казалось, сил на это ушло больше, чем на иной марш-бросок. Ноги вязли, словно в патоке. Паника затопила сознание, как в детском ночном кошмаре, когда убегаешь, убегаешь, убегаешь и не можешь убежать. Глеб только усилием воли заставлял ноги двигаться, но все равно остановился без сил через несколько метров. Его начали обгонять, теперь это были сплошь незнакомые люди.

«Среди них должен быть Митька Цент, - подумалось Глебу. - Ирония судьбы, я опознал бандита Кувалду, а человека, от которого зависит моя жизнь, в глаза не видел».

И не факт, что тогда на экране был Цент, а не компьютерная модель, синтезированная прихотливой фантазией. Вот этот толстяк, едва переставляющий ноги – Цент? Или этот лилипут со смышленными недобрыми глазами? А этот и вовсе прозрачный!

Глеб заметил сквозь призрачный силуэт знакомую фигуру, и ноги сами сделали первый шаг.

- Инга! – закричал Глеб.

После мучительной погони Глеб смог дотянуться до девушки. Осторожно взял ее за руку:

- Инга...

Девушка остановилась. Она плакала. Слезы быстро катились по щекам, скапливались на страшном, едва зажившем шраме.

- Не хочу, ну, пожалуйста, - прочитал Глеб по ее губам и обнял за дрожащие плечи.

Инга не отреагировала, может быть, не поняла. Глеб держал ее, не давая шагнуть или упасть. Чувствовал, как нежность, в общем-то, совершенно лишняя здесь и сейчас, вытесняет и привычную озлобленность, и непривычную панику.

- Уходи! – закричал Глеб, но девушка не услышала.

Глеб прижался лицом к ее лицу и повторил:

- Уходи, пока не поздно!

- Поздно, - шевельнулись губы в ответ, но Глеб понял.

- Ты зверь? – во взгляде девушки читались надежда и враждебность.

«Хуже, - подумал Глеб, - я сталкер!»

- Я человек! Слышишь?

- Ты зверь?! – Инга его не понимала.

- Я тебя не пущу туда!

Глеб сжал ее плечи, и девушка начала вырываться.

Не успела. Небесное пятно цвета грязного золота вдруг стало ярким и обжигающе горячим. Кто-то дошел до Ока, осознал Глеб, прежде чем начал биться в конвульсиях.

- ...припадочный? – спросил с надеждой Скипидар.

- Сами вы припадочный! - звенящим голосом ответила, кажется, Леночка. Голос определенно принадлежал ей, но такой экспрессии в ее словах Глеб представить не мог.

Сталкер рывком сел, и его повело в сторону. Мышцы, как всегда после явления, не слушались.

- Участковый... - захрипел он, потому что язык и гортань тоже работали плохо. – Участковый, это не просто волна...

- Гляди, очухался! – восхитился Скипидар. – Никак приснилось чего?

- Участковый, здесь теперь Зона. Нужно сказать людям, чтобы прятались.

У Глеба случались помрачения, только когда он уходил за Периметр, и никогда по эту сторону. Нет, определенно здесь уже Зона. Новорожденная и оттого особо жестокая и опасная.

- Эвон! – хмыкнул Скипидар. – Как сказать-то? Электричество забрали, связи нет. Ничего не работает, все крысы сожрали.

«Совесть твою тоже крысы сожрали?» - хотел спросить Глеб, но смолчал, потому что почуял неподалеку кое-что очень знакомое.

Где-то рядом образовалась и интенсивно разгоралась «жарка». Хорошо бы на открытом месте разгоралась, понадеялся Глеб, вставая. Леночка помогла ему, а прапорщик сел на крыльцо ступенькой выше и смотрел с любопытством.

Рамзес огляделся. Невдалеке, буквально на глазах потянулся вверх столб жирного дыма. Начинался пожар, который некому было тушить. Глеб вздохнул: уж не повезло, так не повезло.

Леночка охнула, Скипидар забеспокоился.

- Витя, собирай народ, - посоветовал Глеб.

- А ты?

- Я ухожу, - твердо ответил Рамзес. – У меня есть еще дела.

ГЛАВА 6

1

Рассветный холодок заползал под одежду и заставлял зябко ежиться. Глеб лежал в придорожном кустарнике и боролся с искушением: фляжка грешно булькала во внутреннем кармане, напротив сердца. Глеб ругал себя за барство. Черт возьми, совсем недавно Рамзес замечал холод, только когда спирт переставал вытекать из горлышка! Быстро ты разнежился, сталкер. Зона этого не прощает.

Начав ругать себя за малое, Глеб не сумел вовремя остановиться: всплыло в памяти Никино лицо. Жену, как Глеб называл Веронику по привычке, он когда-то любил до безумия и даже в последние годы, целиком и полностью отданные Зоне, тосковал о ней. А если совсем начистоту, с каждым годом тосковал все больше, понимая отчетливо, что потерял. Первые месяцы их знакомства – это был ураган, тайфун, такой, что впору было давать

предупреждения в метеосводках. Глеб отчаянно воевал за Нику – с Никой же, легионом ее ухажеров и незавидными обстоятельствами, а она, чертовка, умело доводила его до нужной кондиции. Когда Глеб не знал уже как жить: то ли топиться, то ли бросать все и первым же самолетом в Воркуту, Магадан, лишь бы подальше. Когда не понимал где лево, где право, ведь жизнь встала на дыбы и грозила окончательно перевернуться, вот в этот момент Ника взяла его шкирку и потащила венчаться.

«Теперь моя!» - решил Глеб, не в силах радоваться.

Ника не сказала почему выбрала его, а он так и не понял. Списал на собственные особые достоинства, каких достоинств любой мужик готов найти у себя немало. Ника оказалась мудрой женой, и до поры до времени Глебовы амбиции и, что греха таить, авантюризм знали свое место. Наперекор жене Глеб пошел единственный и последний раз, когда уехал воевать.

Тогда снова запылали Балканы. Случайное застолье с друзьями, показанные в новостях трупы женщин и детей, тяжелое признание «убивал бы гадов», поддержанное компанией - все это вдруг закончилось в Белградском аэропорту. Растерянные и смущенные попутчики (давно уже Глеб не называл их друзьями) вернулись ближайшим рейсом. Глеб остался. Из упрямства и необъяснимой уверенности, что не простит себе трусости.

Мужская работа, так он это называл, не решаясь признаться, что не приспособлен жить размеренной жизнью городского обывателя. Не перебесился, ставила диагноз Ника, не догадываясь, что и не перебесится. Она не верила в серьезность Глебова решения, и подружки ее поддержали: «А денег много взял?.. Всего-то?! Ой, Верка, вернется, куда он денется! Жрать захочет – приползет, солдат удачи, хи-хи...»

В действительности, катастрофа случилась еще тогда, но Глеб предпочитал не думать о плохом, пока деньги, регулярно отправляемые на адрес жены, не вернулись. Сразу все, за несколько лет скопленные. Ника не взяла ни копейки – ни балканских, заляпанных кровью, ни этих, из Зоны, страшных. В переводе Ника написала: «пойми меня, пожалуйста».

Конечно, теперь это была другая любовь, горькая, тоскливая, униженная болезненно страстными романами и свиданиями на одну ночь - так, между ходками, для здоровья. Но она была! Глеб берег ее, потому что иначе делать по внешнюю сторону забора ему было абсолютно нечего. Она, эта эфемерная любовь, сопротивлялась, когда Зона тянула Глеба, за сколько бы тысяч километров он не уехал. Она не давала выть на луну и стреляться, когда Глеб, сдаваясь, раз за разом возвращался за Периметр.

А вместе с любовью оставалась надежда. Та, что умирает последней – немного спустя после крайнего удара сердца.

Надежда остаться человеком.

Спохватившись, Глеб беспощадно задавил воспоминания, но с Ники мысли перескочили на Цента. Он появился в поле зрения примерно тогда же, когда из него, поля, окончательно исчезла Ника.

«Око!» - сказал Цент по телефону, и Глеб рассмеялся.

Потешный парень, этот Цент. Что ходил в Зону – врет, конечно; всех живых стариков Глеб знал в лицо, а мертвых по кличкам. Кроме самых первых, вестимо, но из первых жить не остался никто. Разве что в легендах – о черном сталкере, например, и тому подобной художественной литературе. Но в реальной жизни шансов у первопроходцев не было: с каждого «трамплина» приходилось прыгать самостоятельно, каждую «мясорубку» испытывать собственным ливером.

Ладно, пусть врет. Но об Оке нельзя говорить серьезно. Этой байке в обед больше лет, чем мертвому черному сталкеру с откушенной рукой.

Глеб тогда посмеялся и бросил трубку. И ушел в загул, из которого вернулся без денег, изрядно потрепанный и с кровавой дырой в душе. Да, так и думал тогда – «кровавая дыра в душе», там, где раньше, уютно свернувшись клубочком, жила дорогая женушка.

- Оформляться будем, - говорил милицейский лейтенант и стучал ладонью по стопке бумаги. – Пойдешь по хулиганке, на тебя шесть заявлений со справками.

Глеб постарался вернуться в сознание, смутно понимая, что речь идет о чем-то важном. Желудок содрогнулся и заболел сосущей болью. В милиции невыносимо воняло хлоркой, сапогами и недавним мордобоем.

- Эй, служивый, - выдавил Глеб чуть слышно.

Каждое слово отдавалось в голове набатным звоном. Милиционер хищно улыбнулся, но сталкер не заметил улыбки, занятый своим нелегким состоянием.

- Позвонить дай...

Милиционер протянул трубку древнего аппарата:

- Имеешь право на звонок.

Глеб набрал трясущимися пальцами номер, откашлялся, прежде чем говорить.

- Это я.

- Что надо? – спросил далекий собеседник.

Если бы у Глеба не болела смертно голова, он бы насторожился. Подобным тоном абонент с ним не разговаривал.

- Вытащи меня.

На дальнем конце провода долго молчали, прежде чем ответить.

- Значит так. Во-первых, ты гудишь целый месяц. Это уже третья ментовка.

Глеб вяло удивился и не поверил.

- Во-вторых, тебя ищут в нескольких городах. За хулиганку, легкие телесные и сопротивление властям. Это уже не шутки, это лет на пять, а если докажут ходки в Зону – на все десять.

Глеб удивился больше.

- В-третьих, ты промотал все деньги. То есть вообще все! Как снял ресторан и поил всю округу, помнишь?

- Не может быть! - ужаснулся Глеб.

- Может! В общем, никакого Рамзеса я не знаю. Вы ошиблись номером.

Глеб тупо слушал гудки, когда лейтенант потянул у него из пальцев трубку.

- Поговорил?

Глеб кивнул, и лейтенант коротко, без замаха двинул его трубкой в переносицу. Глеб, теряя с таким трудом обретенное сознание, разглядел, наконец, заклеенную пластырем бровь участливого милиционера.

В следующие, неинтересные дни Глеб лихорадочно соображал, где он мог спустить целую кучу денег. Не очень много, ровно столько, сколько оставалось на неприкосновенном счете, но на благодарность родной милиции уже не хватало. Вытащил его Цент, чем обязал по гроб жизни; очень уж пугала Глеба расписанная женой перспектива: «Зона-хабар-госпиталь-зона».

Глеба выдернули из камеры среди ночи, как в недоброй памяти иные времена. Бросили в автозак и долго везли. Глеб проспал всю дорогу, окостенев к утру от наручников, неудобной позы и липкого металла, которым были обшиты стены «воронка». Что наступило утро, Глеб узнал, когда открылась дверь в милицейской части кузова. В тусклом свете проявился силуэт борца-тяжеловеса.

- Он, – подтвердил человек густым баритоном, и решетка перед Глебовым лицом сдвинулась.

- Выходи, - велел конвойный простым, не милицейским голосом.

Черт, больно-то как! Глеб выпрыгнул из машины и закашлялся. После вонии казенного дома лесной воздух, чистый и тягучий как спирт из морозильника, сбивал с ног. Глеб шумно задыхался, пьянея, но оглядеться не забыл. Это уже въелось в подкорку, где-то рядом с инстинктом самосохранения – мгновенным взглядом намечать пути отхода. Вокруг стоял лес, частью еще летний, но уже тронутый осенней желтизной. Тропинка отвечивалась от изъезженной в грязь колеи и ныряла под створки железных ворот.

- Лови!

Ключ от наручников упал к ногам. Дверь гулко хлопнула, и автозак тронулся.

- Боятся... - густо хохотнули за спиной.

Человек говорил, резко обрывая фразы. Будто не договаривая последнее слово.

Глеб обернулся. На лице обладателя завидного баритона сидела маска, обычная лыжная шапочка с прорезями, глаза скрывались за чернильными очками-светофильтрами. Глеба маскировка не обманула, он мог бы поклясться, что где-то видел этого человека.

- Не дергайся.

Человек уловил движение Глеба и миролюбиво показал руки ладонями вверх.

- Я не дергаюсь. Ты кто?

- Сталкер, как и ты.

- Никогда не слышал о сталкерах, - постарался изобразить удивление Глеб.

- Ты Рамзес, - сказал незнакомец, отмыкая наручники. – Я Казак.

Глеб поразмыслил, стоит ли отпираться, и решил, что не стоит.

- Казак погиб! Практически у меня на руках умер.

Человек секунду колебался, а затем снял очки и поднял маску. Глеб сглотнул. Лица под маской не было. Скроенный из лоскутов кожи овал, резиновая нашивка на месте носа и оптоэлектронные протезы в глазницах, даже не прикрытые косметической пластиковой обманкой.

- Тебе спасибо... - небрежно поблагодарил Казак. – Живой...

Было дело, вытащил Рамзес одного сталкера с позывным Казак. Долго нес, полумертвого, а не, оказывается! Выжил медведь!

Казак вернул на место шапочку и зашагал по тропинке вглубь леса. Даже не оглянулся, уверенный, что Глеб пойдет следом. Рамзес прочитал надпись на табличке, до того закрытую мощным торсом человека без лица: «Турбаза «Огонек» и решил ничему не удивляться. Он демонстративно отсчитал минуту и шагнул за ворота.

Глеба ждали. Проводили в летний домик с вывеской «Администрация», где нашелся мелкий человечек неопределенного возраста. Человечек кивнул, на миг оторвавшись от толстой папки, в которой Глеб узнал собственное уголовное дело.

Интересно девки пляшут! Глеб присел на скрипучий табурет и осмотрелся, не скрывая любопытства. Бедно обставленная конторской мебелью комната, а в углу огромный плоский телевизор, Глеб и не знал, что такие уже делают. На стене зеркало; Глеб поймал собственный взгляд. Свое отражение он видел больше месяца назад, когда собирался на свидание к жене... бывшей жене. С тех пор оно, отражение, сильно сдало. Еще больше ввалились щеки, посерело выдубленное сотней ветров лицо. Прическа, сделанная у дорогого мастера, расплзлась на короткие пряди, щетина грозила превратиться в неряшливую бороду. Шрамы и шрамики на лице и густая седина в волосах. В неполные-то тридцать лет!

Только синие глаза сверкают исподлобья. Немудрено, что принимают за бандита, вздохнул Глеб и встрепенулся. За окном начали стрелять.

- Ребята тренируются! – объяснил человечек, не поднимая взгляда.

Глеб закинул ногу на ногу и стал ждать развития событий. Впервые за много лет ему некуда было спешить. События начались, когда телевизор в углу включился, и Глеб увидел Митьку Баранова по прозвищу Цент.

- Привет! – улыбнулся Митька. – Я тебе звонил, если помнишь. Меня зовут Цент. Не потому что я жадный, а потому что раньше меня звали Доцент, а потом сократили. Любят в Зоне короткие позывные, верно? Много слышал о тебе, Рамзес. Как здоровье?

Глеб, слегка ошарашенный, не успел ответить.

- Плохо! – проскрипел человечек. – Парень совсем не берег себя.

- Стоп! – Глеб выставил перед собой ладони. – Давайте-ка с начала. Кто вы такие и чего от меня хотите?

Цент грозно посмотрел на человечка.

- Тебя ждали, - развел тот руками, ничуть не смутившись.

- Мы – организация сталкеров, - объяснил Цент самое главное и начал рассказывать.

Глеб с немалым изумлением разглядывал жизнерадостную ряшку Митьки Баранова –

никак его пухлощекость, кудри и моложавость не ассоциировались с образом главы подпольной организации. Да он же едва не моложе Глеба! А Цент говорил. Он извинился, что не может встретиться лично – оперативный центр глубоко засекречен, и он, Цент, его никогда не покидает в интересах конспирации. Он объяснил, что сам «был сталкером» и хорошо понимает проблемы адаптации. Он уверил Глеба в полной к нему лояльности.

- Думай, что это профсоюз. Все наши ходили в Зону, а многие и сейчас ходят. Еще мы поддерживаем ребят, которые попали в переплет.

- Никогда не слышал о профсоюзе, - признался растерянный Глеб. – А я давно хожу.

- Ну, мы же работаем неофициально.

- От меня-то что требуется?

- Пока отдыхать. Потом обсудим твою работу.

Глеб подумал.

- Мне это не нравится, - твердо сказал он. – Я никогда ни под кем не ходил.

Цент шумно выдохнул, человек фыркнул.

- Заставлять не буду, - голос Цента тоже стал жестким. – Но выкупить тебя стоило двадцать тысяч евро. Пойми, тебя никто не насилует. Тебе предлагают. Не хочешь? Найди другой способ вернуть долг.

Настала очередь Глеба вздыхать.

- Брось, Рамзес! – вкрадчиво нашептывал Цент. – Ты наш человек, тебя рекомендовали серьезные люди. Ты же искал, кто тебя вытащит. Что тебя смущает?

- Я завязал с ходками, - нехотя признался Глеб, не чувствуя никакой уверенности. Предыдущие попытки заканчивались плачевно, но в тот момент он еще надеялся.

Цент помолчал.

- Ну... это святое. Ты все же подумай!

Глеб еще неделю отдыхал на заброшенной турбазе в компании молчаливых парней, тоже бывших сталкеров. Тоже бывших, ха! Бывших не бывает, это Глеб знал доподлинно. Сталкеры интенсивно готовились, и Глеб волей-неволей начал помогать. Спустя время состоялся еще один разговор с Центом и снова по видеосвязи.

- Я всегда отдаю долги, - сказал тогда Глеб. - Допустим, я соглашусь на одну ходку. Что от меня требуется?

- Провешить Око Зоны, - ответил Цент, и Глеб вновь рассмеялся. Байка об Оке не казалась глупой, скорее затертой до невозможности.

- Ты послушай! - Митя начинал горячиться всякий раз, когда речь заходила об Оке. - В том-то и заковыка, никто не относится серьезно к тому, о чем слышал еще в сталкерских пеленках. Это как бы само собой разумеется: есть Черный Сталкер, он приходит к непослушным первоходкам. Есть Око Зоны, там ждет банка с вареньем и корзина с печеньем. А оно в самом деле есть! Я знаю!

- Откуда?

- Если я скажу, что факт его существования проверен четырьмя разными способами, ты согласишься?

- Честно? Нет.

- Хорошо. Вот смотри...

- Видел тысячу раз. Среднемасштабная карта Зоны.

- А это провешенные маршруты за четыре последних года.

Зеленая клякса начала беспорядочно заполняться линиями, оставляя свободным небольшое пятно.

- Спроси, почему сюда никто не ходит? – Цент лучился самоуверенностью.

Глеб усмехнулся:

- Спроси лучше, почему самые ценные маршруты тебе не показывают.

- Мне не нужно ничего показывать, - обиделся Митька. - Я могу контролировать обстановку собственными средствами!

Спорили до хрипоты. Закончил разговор Цент:

- Не буду давить. Подумай еще. Скажу только: несколько человек – опытных сталкеров и замечательных парней – ходили туда. По моей просьбе и обоюдному согласию.

- Не вернулся ни один? – сделал логичный вывод Глеб.

- Да, но я точно знаю, что некоторые дошли. Это белое пятно, - Цент сунул пальцем в карту, - оттого, что все, кто вешил туда маршрут, или погибли, или...

Он замолчал.

- Или? – заинтересовался Глеб.

- «Или» тоже есть! Но об этом позже. Если сойдемся, конечно.

2

А ведь с тех пор миновало полгода! От того уютного кресла перед экраном к этим вот кустам, засыпанным каплями росы. Глеб чертыхнулся и достал таки фляжку. Тут же спрятал обратно - в лесу хрустнула ветка и на дорожку вышла Инга.

Ну, собственно, и вот. Не будете же вы, госпожа Порывай, утверждать, что вышли прогуляться вдоль забора? Даже версия экстремального туризма никак не объясняет вашего желания любой ценой проникнуть за Периметр.

Глеб одним взглядом оценил снаряжение девушки и решил, что в Вешки она не вернется. Может быть, и захочет, но к тому моменту деревню эвакуируют. Инга основательно собралась: ботинки на толстой подошве, камуфляж, широкополая панاما с противомоскитной сеткой. Рюкзак тяжел даже на вид, на неделю рюкзак или больше. И нож размером с мачете рядом с револьверной кобурой вызывает ряд вопросов. Не траву же им косить!

Инга не пряталась, но двигалась осторожно, стараясь не шуметь. Оставила в зарослях вещи и вышла на дорожное полотно. С невысокого пригорка открывался замечательный обзор, за что Рамзес его, пригорок, и выбрал для засады. Форсировать Периметр, впрочем, не составляло труда, волна прорвала ограждение в десятке мест, оставив на проволоке сотни разлагающихся трупов. Глеб догадывался, какое там творится пиршество плоти, и почему-то думал, что Инга этим путем не пойдет. Слишком пакостно.

Он не угадал. Инга решительно закинула на плечо рюкзак и сошла с дороги на контрольную полосу, расхлестанную тысячами копыт, лап и лапок в подобие марсианского ландшафта. Глеб усмехнулся: и какой сушеный ботаник утверждал, что женская душа – суть нежность, доведенная до состояния эфира?

Девушка равнодушно перешагивала через тушки монстров, когда механический голос приказал остановиться.

- Халт! Стой, запретная зона!

Голос доносился из громкоговорителя, смонтированного на покосившемся как пизанская башня столбе, рядом с расколотой телекамерой и пулеметным кожухом. Монстрам башня не понравилась, и они оставили под ней много трупов, пока добрались до содержимого. Американка остановилась только на секунду. Она не догадывалась о назначении тронутого ржавчиной короба, потому и шагала, не обращая внимания на глас небесный.

Глеб подскочил в укрытии, не зная как остановить Ингу, но тут началась стрельба, и девушка побежала назад, петляя и пригибаясь. Остановилась уже на дороге, переводя дух. Пулемет на столбе, утробно воя электромотором, пытался повернуть до цели, но поворотный механизм заклинило, и он только издавал щелчки, не двигаясь с места. Ствол конвульсивно дергался, готовый в любой момент плевать свинцом.

Инга заозиралась в поисках бреши поспокойнее. Глеб решил, что тянуть не стоит, и вылез из засады.

- Ай-яй-яй, мисс Рив, - пожурил он, и теперь Инга подпрыгнула от неожиданности. – Нельзя же так неосмотрительно лезть на изгородь.

- Ты?!

- Я.
- Следил?!
- Почему следил? Ждал.
- «И, как видишь, не прогадал, дождался».
- Зачем?

Инга смотрела требовательно, не стесняясь повязки на лице.

Интересный вопрос. Как бы на него ответить, чтобы не оттолкнуть вспыльчивую девицу.

- Мне твоя затея с преследованием Артура Сарояна не нравится.

Инга улыбнулась здоровой половиной лица и тут же скривилась от боли.

- А мне, представляешь, нравится! Зато очень не нравится, когда посторонние лезут в мои дела.

Ха! С этим Глеб поспорил бы. За показной независимостью скрывался вполне себе человеческий человек, со своими мелкими слабостями и потаенными желаниями. Вовсе не против была Инга, чтобы Глеб интересовался ее делами.

- Какой же я посторонний? – простодушно улыбнулся Рамзес. – Ты же мне... спину прикрывала, можно сказать – жизнь спасла. Неужели забыла?

Инга, конечно, не забыла, и грубоватая лесть пришлась ей по душе.

- Имею я право спросить у интересной девушки, не нужна ли ей помощь?

- Нашел время... как это?... клинья забивать, - усмехнулась интересная девушка.

Глеб подавил улыбку. Момент, конечно, неподходящий, но другого не будет.

- Так я спрошу еще раз: с какой целью ты преследуешь Артура Сарояна?

- Я никого не преследую, - заупрямилась Инга. – Что за фантазии?

- Черт возьми! – не выдержал Рамзес. – Ты сама говорила!

Инга пожала плечами - мало ли что я говорила.

- Я никого не преследую, - стояла она на своем, - я спасаю шкуру в чрезвычайной ситуации. Вот ты, сталкер, можешь спасти мою шкуру?

Ответ подразумевался – нет, с последующим выводом – ну и проваливай.

- Могу, - парировал Рамзес и перешел в наступление. – Откуда знаешь, что Артур в Зоне?

Инга подумала.

- Я действительно хочу найти Сарояна, - призналась она, но на вопрос не ответила. – Что пристал? Убивать не буду, просто поговорю.

- Охотно верю, но насчет Артура сомневаюсь. Вдруг он не захочет с тобой разговаривать?

- Тогда моя совесть будет чиста. Пристрелю, не задумываясь.

«Ой ли, мадемуазель?!» - вздохнул про себя Глеб.

Что это? Бахвальство, самоуверенность или небрежение собственной жизнью? В любом случае, такого Зона не прощает, карает беспощадно. Не зря ли ты затеял это, Рамзес? Спору нет, девица интересная, и жаль будет, если судьба ей сгинуть в Зоне. Но безопаснее рядом с тобой, оборотнем-легендой, ей точно не станет, а ее самоуверенность может погубить и тебя тоже. Вопрос лишь: стоит ли этот риск тайны, которую она так лелеет?

- Ты не сможешь. Ни найти, ни догнать, ни убить. Выжить, пожалуй, тоже не сможешь.

- Посмотрим!

- Не хочу я на это смотреть! Давай так: я помогу тебе найти Артура, но при одном условии...

Глеб замолчал, ожидая реакции, и она последовала. Рот девушки удивленно распахнулся. Инга поморщилась и тронула повязку.

«В таком состоянии лезть в Зону?! Сумасшедшая...»

Рамзес прислушался и толкнул Ингу в придорожные кусты.

- Ложись!

- Это предложение? – с достоинством спросила Инга, машинально поправляя панаму.

- Это вертолет, дура!

Девушка упала, как подстреленная.

Над дорогой покатылся упругий гул, а следом, в туче пыли пролетел вертолет, обвешанный баками, ракетами и бомбовыми кассетами.

- Лежи!

Второй летающий танк с черными крестами прошел в стороне, но достаточно близко, чтобы оператор мог их заметить.

- Шваниц перешел в наступление, - сделал вывод Глеб. – Баки видела? Напалм!

- Сам дурак! – девушка села, отряхивая куртку от лесного мусора. – Ну-ка, рассказывай. Тебе-то зачем понадобился Артур?

- Мне-то как раз поговорить, - Глеб сунул в рот травинку, разглядывая девушку снизу. – Потолковать кое о чем.

Он не стал уточнять, что это желание из прошлой, до волны еще жизни, и теперь, скорее всего, неактуально.

- Ясно, - недоверчиво протянула девушка. – Один пойдешь?

Глеб отмахнулся: не в первый раз, и, Зона даст, не последний.

- С ума сошел! Здесь стреляют, а потом позывной спрашивают...

Инга запнулась, вспомнив, кого поучает. И что сама идет одна. И что собирается всего лишь говорить с Сарояном... или, по крайней мере, начать с разговора.

- Байки, - проворчал Глеб. – Стреляют-спрашивают... Здесь все как в жизни, то есть по-разному.

Инга поднялась и начала вышагивать от дерева к дереву. Глеб не мешал ей думать.

- Глеб, ты надежный парень. Я все понимаю, но...

Девушка замолчала, не зная, очевидно, что сказать.

- Ничего ты не понимаешь, - подвел итог Глеб и поднялся.

Мимолетно удивился своему огорчению. Американка пришла за своим интересом, сталкер - за своим. С чего он решил, что их дороги пересекаются? Только потому, что она ищет Князя?

- Да заткнись ты! – прикрикнула Инга. – Психолог хренов. У меня серьезные счета к Артуру. Зачем тебе в это лезть?

Ага, счета... Ну, счетов-то, положим, у тебя к Артуру быть не может, одни фантазии. Ты его увидела три дня назад. Но даже ложь - это ценная информация к размышлению.

У Глеба потеплело на душе.

- Я не буду лезть в твои счета, - с легкой душой солгал он.

- А условие?

- Командую я! Отчетливо?

Мужики всегда думают, что командуют, явно читалось на лице девушки.

- Хорошо. У меня тоже условие, - Инга многозначительно поправила кобуру на поясе. – Давай договоримся, что девочек-мальчиков в Зоне не бывает. Только сталкеры. Все эмоции потом, когда вернемся.

- Ладно.

Инга почувствовала его глубоко запрятанную иронию.

- Полезешь – яйца отстрелю, - объяснила она доходчиво.

3

Через Периметр они не пошли. Глеб так решил, а Инга демонстративно согласилась.

- Вот смотри, - Глеб притоптал траву и выложил на ней мелкими веточками схему Зоны. – Со стороны Вешек ходят, как правило, здесь, - он обозначил не очень большой участок Периметра. – Потому что близко, удобно и патрулей мало. Артур пошел этим путем?

- Откуда я знаю?! – вспылила Инга.

И мне интересно, откуда ты столько знаешь, усмехнулся про себя Глеб.

– Я даже не знаю, куда он идет. Я только знаю, что вот здесь и здесь он будет обязательно, – девушка показала. – Объекты двести девятнадцать и двести двадцать один на армейских картах.

– Дом лесника и поселок строителей, – согласился Рамзес. – Нора и Стройбат по-нашему. Нора – это узловая точка, мимо нее идти... можно, но крайне опасно, Артуру лишний риск ни к чему. А в Стройбат он пойдет за припасами. Когда идут глубоко, всегда там берут, больше нигде. Что еще знаешь о Сарояне и его команде?

– Знаю, что ушли позавчера ночью, часов за восемь до прорыва. Спонтанно ушли, может быть, не подготовились как надо.

«Сорвал я его, – с досадой подумал Глеб, – разговором и расспросами сорвал».

– Откуда знаешь?

– Варан сказал.

– Куда идут?

– Говорю же, не знаю!

– Ладно, кто с ним? Крот, Бенья, Кувалда, Кнопка?

– Других Артур не возьмет, – проговорила девушка, – но кто из этих пошел – не знаю.

– Значится, что мы имеем? Мы имеем отставание в сутки. Мы не знаем точно, куда он идет. Мы не знаем точно, с кем он идет. Мы думаем, что сможем перехватить его в двух точках. Так?

– Примерно.

– Вот здесь что, знаешь? – Глеб показал на схеме обходной маневр.

– Видела на карте, – с интересом глянула Инга. – Здесь официальный маршрут в Зону. Для ученых и других бластных.

– Соображаешь? Здесь короче в разы и, главное, почти безопасно большую часть пути.

– Там солдат до хрена.

– Ну, с солдатами мы договоримся, – отмахнулся Глеб.

– После волны? Оптимист!

– И все-таки это вариант. Смотри, мы входим в Зону здесь, движемся по дороге до этой развилки. От нее на восток будет исследовательский лагерь, так называемый пункт Бор, туда путь провешен для грузовиков. Примерно с полпути мы соскакиваем и движемся на юго-юго-восток. Опасно будет на этом участке: несколько километров девственного леса. Зато выходим точно к Норе. Если повезет, даже обгоним Артура.

– Точно оптимист!

– Что ты предлагаешь? Легкий галоп с ночи до ночи, пока нас не заметят и не устроят засаду.

– Да, именно так. Как это?... не хочу в кутузку.

– Предложение отклоняется.

– Ты командуешь!

Глеба почему-то рассердила показная сговорчивость.

– И не забудь, в тебя стреляли!

– Я постараюсь не забыть, – Инга улыбнулась здоровой стороной лица.

Хотела язвительно, но получилась жалко.

– Извини, я имел в виду, что кто-то из сарояновцев остался у нас за спиной. Он может пойти за нами.

Глеб подумал, что остался Кувалда, он же, скорее всего, и стрелял.

– Он что, псих?

– А если псих? – Глеб поднялся и движением ботинка разрушил схему. – Это Зона, девушка, здесь нормальных не очень много. Пойдем, доставлю тебя прямо к месту.

Он пошел в глубь леса, и девица, недовольно ворча, последовала за ним. За первыми же деревьями она едва не ткнулась лицом в радиатор замаскированного «Хаммера» и разозлилась от собственной невнимательности, каковая внимательность для сталкера есть залог выживания.

- Ты собрался в Зону на этом?

- Да. Чем не нравится? Хорошая машина!

Глеб хлопнул ладонью по крутому автомобильному боку.

- Господи! – Инга дурашливо закатила глаза. – Ты еще и угонщик!

Вскоре хорошая машина, завывая дизелем, брала крутой подъем из кювета на дорогу.

Глеб повернул на восток, подальше от разоренных Вешек и пугающе тихого Ясенево. Через некоторое время заметил далеко в небе неподвижную точку беспилотного наблюдателя. Наверняка засек их «Хаммер» как неопознанную цель. Ну, Зона помощи, чтоб не разбомбили сгоряча.

Инга молчала, без интереса глядя в окно. Иногда автоматически касалась пальцами серого от пыли тампона на щеке.

- Болит?

- Щекочет!

Глеб помолчал и осторожно спросил:

- Почему ты все время срываешься? Я не читаю нотации, я интересуюсь. Нам в Зону идти, а слишком нервные там быстро погибают.

- Я... не буду срываться.

Она старалась говорить спокойно, но Глеба понимал, как растеряна девушка от его предложения, как недоумевает и как раздражена. Глебово понимание или даже сопереживание было мгновенным как вспышка, и тут же пропало, Инга замкнулась. Опять скривилась от боли, и Глеб представил с тревогой, как напарница начнет умирать от сепсиса и недостатка простейших лекарств посреди Зоны. Что будешь делать, Рамзес? Не смог уйти от жесткого ответа: нести до ближайшего жилья и, наверняка, похоронить в середине пути.

- Ты, кстати, тоже не образец хладнокровия, - тут же подначила его девица.

- Это здесь. В Зоне все по-другому. Куда только девается все... - человеческое, хотел добавить Глеб, но передумал.

- Ну, и у меня отрежет!

Помолчали. Глеб держал разрешенные сорок километров в час на пустынной дороге. Ездить быстрее миротворцам не рекомендовалось, а Глеб не собирался привлекать к себе внимания.

- Расскажи об Артуре, - попросил он. – Как считаешь, куда он идет?

Инга долго не отвечала, «Хаммер» успел отмотать на спидометре пару километров.

- Артур, по слухам, выкупил этот участок Зоны у одного барыги. Давно, больше трех лет назад, и сейчас у него уже все схвачено и налажено. Он постоянно менял людей, кто-то уходил, кто-то погибал, но команда у него всегда имелаась. Своим платил хорошо, остальным... ну, никто не жаловался. Потом поползли слухи, что все это не просто так, а Сароян что-то ищет.

- Что ищет-то?

- Сложно сказать... Ты знаешь, да? Что есть белое пятно посреди Зоны?

- Око, - подсказал Глеб.

- Око Зоны – это байка.

- Ты интересовалась?

- Конечно, интересовалась!.. Так вот, рассказывают везде разное, а значит, что такое Око Зоны не знает никто. Артур же нацелился на пятно. С юга к пятну подойти практически невозможно, с востока-запада – очень сложно, но можно. Здесь Зона бедная, но проход к пятну, судя по всему, временами открывается. Думаю, что Артур хочет основательно там покопаться.

- Лавры первооткрывателя Ока?

- Тьфу, упертый! Да плевать ему на Око! Он хочет прибрать к рукам нехоженое место. Представляешь, сколько там всего?

- А если нет? Если Око действительно существует?

Инга поперхнулась.

- Ты правда в Зону ходил? Не врешь? Какие-то у тебя фантазии детские. Рассказать тебе про Чернобыль?

- Я знаю историю Зоны, - насупился Глеб. – И об Оке часто слышал и сам рассказывал. Иногда, по нетрезвому делу, сочинял немного. Как все. Но у разных баек есть общее место. Зона там – сама по себе, понимаешь? Неизвестно как образовалась, неизвестно зачем существует.

- Ага. А Чернобыльский взрыв – роковая случайность, и отношения к Зоне не имеет?

- Может и так. Зона действует на людей. Не всегда заметно, но очень эффективно. Помнишь, как мы с ума сходили от головной боли? Рассуждая здраво, вокруг такого места должно быть много разных случайностей и нелепых аварий. А Чернобыль – это очень нелепая авария.

- Вилами по воде писано, - буркнула Инга, но спорить не стала.

Некогда стало спорить, подъезжали к блокпосту охранителей Зоны.

Транзитный блокпост миротворцев нельзя было не заметить: яркие указатели, грозные транспаранты «Стой!» на четырех языках (на русском добавили «Стрельба без предупреждения!») и прочие атрибуты режимной территории. Рамзес, ходивший через импровизированную линию фронта не один десяток раз, знал, что настоящий блокпост - несколько оборудованных огневых точек, находится чуть в стороне и хорошо замаскирован. Его обитатели прятались в бункере, под бронированным колпаком и за стенами метровой толщины.

Глеб не собирался таранить дистанционно управляемый шлагбаум и лавировать в «змейке» бетонных надолбов. Чистой воды авантюра, невозможно прорваться сквозь пулеметный огонь плотностью не менее двух стволов на градус.

Сталкер предупредил напарницу, как только за поворотом открылось разноцветье указателей, плакатов и знаков:

- Попробуем пройти миром, - не уточняя, что других вариантов попросту не существует.

Рамзес притормозил, давая наблюдателям рассмотреть камуфляж и опознавательные знаки на бортах «Хаммера».

- Что от меня требуется? – деловито осведомилась девушка.

- Сидеть тихо и строить миротворцам глазки. Твоя легенда старая – экстремальный фонд чего-то там.

- Угу, только это не легенда... Зачем столько укреплений, Глеб? Они что, воевать собирались?

- Стандартный блокпост, - пожал плечами Глеб.

Сколько он перевидал их, блокпостов! Этот, транзитный, всего лишь контролировал участок рокадной трассы, что петляет вдоль Периметра. Укрепления на ключевых постах, где дорога ныряет вглубь Зоны, на порядок мощнее, и гарнизон там поболе числом и вооружением.

Хотя все не так просто. Чем дольше Глеб ходил в Зону, тем меньше оставалось уверенности, что он хоть что-то понимает. Разве что мелкие тактические вещи - как выжить среди мутантов и аномалий, как найти хабар погуще, а приключений наоборот поуже. Глобально, Зона оставалась для него загадкой. Единственное, что он знал достоверно – что ничего не знает достоверно, и в каждый поход нужно собираться как в самый первый.

Не исключено, что таки да, собирались воевать! И остовы инженерных танков, изглоданных жгучей травой, неспроста оказались почти у самых стен Саркофага, в местах, куда не каждый мастер доползет. Кто были те танкисты, чьи истлевшие тела Глеб разглядел через пробоину в броне? Сталкерский фольклор не сохранил их имен – да и не знал их, а награды, врученные посмертно, давно осели в секретных архивах.

Покопаться бы в этих архивах, мечтал когда-то Цент. По сути, как мало мы знаем, Рамзес!

- Может, и собирались воевать, - нехотя признался Глеб. – Кто сейчас помнит, что здесь

было двадцать лет назад? Из тех, кто начинал ходить, никто не выжил.

- С кем воевать? С крысами?

- А вдруг тогда было с кем?

- Дурная... как это?.. конспирология!

- Всего лишь смутные опасения.

Инга сердито хмыкнула, собираясь что-то сказать, но Глеб схватил ее за руку:

- Тихо!

В позвоночнике засвербело нещадно, даже ноги схватило короткой судорогой. За кормой «Хаммера» происходило что-то смертельно опасное. Глеб убрал скорость до пешеходной и распахнул дверцу, готовый выпрыгнуть. Инга, чуть помедлив, сделала то же самое. Потянулись неторопливые секунды.

- Слышишь?

- Что? Ничего не слышу...

Грохот проявился почти мгновенно. Не было его, а вот уже пылит над землей, сильно просев хвостом, давешний летающий танк, хваленый еврокоптер «Тигр».

Вертолет прошел над головой, заваливаясь то влево, то вправо. Казалось, он вот-вот рухнет, не пролетит и ста ближайших метров. Инга ойкнула. От вертолета тянулся шлейф прозрачного, но ощутимо горячего дыма. Двигатели ревели предсмертно, на последнем издыхании пытаясь вытянуть машину за пределы Зоны. Раненный «Тигр» убежал. Это было так непредставимо, что Инга глупо захихикала и тут же подавилась смешком.

- Будь готова! – Глеб едва докричался сквозь лязг вертолетных турбин.

За вертолетом в струях горячего дыма парили скаты.

Инга видела их впервые, и как всякий новичок удивилась – скат при взгляде снизу напоминал огромную неправильную бабочку, пестрый ковер-самолет, что угодно, но никак не опасного хищника. В конце концов, известно, из кого мутировали снарки и кровососы, но ничего подобного скатам в земной природе не встречалось. Сталкеры терялись, медлили, не зная как реагировать. В эту ловушку попала не одна Инга: скаты объявились в Зоне совсем недавно, и первыми их жертвами стали новички и вовсе уж невнимательные ходоки.

Скаты загоняли вертолет, неспешно помавая крыльями. Неспешность была обманчивой; пилот выжимал из подбитого «Тигра» не меньше двухсот километров в час, но погоня не отставала. Глеб насчитал четырех тварей, хотя и одного ската за глаза хватило бы сбить вертолет и поджарить на обратном пути хрупкую скорлупку «Хаммера».

- Почему он не стреляет? – выкрикнула Инга.

Она конвульсивно сжимала винтовку.

- Поздно!

Вертолетчикам не повезло. Они вовремя не распознали скатов, а когда напоролись на смертельные разряды, пришлось бежать. Один уже отбежался, если это были те вертолеты, что прошли над головой час назад. И второй падал, уходя к земле по широкой дуге, в этом Глеб не сомневался. Имел опыт.

Еврокоптер и впрямь строили с огромным запасом живучести. Он еще летел, с вышедшим из строя оружием и сожженными в прах электроцепями. Но надежность – вещь относительная, с каждым разрядом очередная резервная цепь выгорала.

Глеб остановил машину.

- Посмотри назад!

Едва девушка отвернулась, Рамзес точным движением пережал ей сонную артерию. Инга потеряла сознание и с удивленным стоном повисла на ремне безопасности.

В этот момент скат разрядился по вертолету.

Сначала по пестрому телу побежали отблески внутренних разрядов, а потом ветвистая молния образовалась между вытянутым рогом-антенной и вертолетным хвостом.

Молния выглядела красиво на фоне ярко-голубого неба. Вертолет же взорвался страшно.

Конструкция не выдержала запредельной температуры. Хвост отвалился, разбрасывая

вокруг металл со скоростью гранатных осколков. Хвостовой винт соскочил с оси, и центробежные силы тут же разорвали его. Лопасты, вращаясь как в замедленной съемке, полетели в стороны. Глеб охнуть не успел, как из разорванной топливной магистрали брызнула керосиновая взвесь и тут же сдетонировала.

Глеб нырнул под руль и потянул к себе девушку. Обломок винта пролетел чуть выше «Хаммера», звонко ударив в крышу. Слава Зоне, вскользь; крыша, армированная несколькими слоями кевлара и бронелистом, прогнулась, но выдержала. Зато лобовое стекло лопнуло с хрустом, и в салон ворвался обжигающий ураган.

Глеб перестал дышать.

Под ногами дрогнуло, «Тигр» вернулся на землю-матушку.

Мучительно закашлялась Инга, но в сознание не вернулась. Глеб сорвал с нее панаму и прикрыл девушке лицо, успев заметить, что брови и ресницы уже сгорели. Не простит, решил Глеб, удивляясь, что еще способен иронизировать.

Когда волна спАла, сталкер решился выглянуть. Скаты кружили над головой – почуяли! - и он поспешно выбрался наружу, на случай, если кто-то из монстров ударит. При таком раскладе шансов выжить у Инги оставалось больше.

Мир вокруг разительно переменялся. По правую руку, перед близкой изгородью и за ней, бушевала разноцветная весна, почти лето, по левую – поднималась стена чернильного дыма.

Глеб стоял между двумя мирами, вытянув руки по швам, и гадал, предстоит ли ему сейчас умереть. Его интуиция, отточенная Зоной, молчала, но это не значило ровным счетом ничего. Гарантий Рамзесу никто не давал. Его удачливость, ставшая притчей во многих языцах, могла предать его прямо здесь и сейчас. Или через полчаса и сто метров. А могла и вывезти.

Глеб смотрел вверх, не отрываясь. Что вы видите, твари? Наверное, не больше, чем я – глаза у вас самые обычные, почти человеческие. Тогда как вы меня чувствуете? Как опасного чужака? Как легкую добычу? Или как несчастного собрата, которому не дано парить, но все равно своего, родного.

Спроси Глеба, и он не знал бы что ответить. Возможно, выбрал бы погибнуть человеком, но скаты решили за него. Они покружили и потянулись на юг, постепенно расходясь в стороны.

Глеб вернулся за руль в самом пакостном настроении.

4

Инга очнулась и некоторое время не могла вспомнить где и зачем находится. Увязла в пограничном состоянии, не то сне, не то яви. Так Инга просыпалась только в беззаботном детстве и грезилась о самых разных предметах и событиях. Правда, в детстве никогда так не болело лицо и, почему-то, шея.

Девушка закашлялась и проснулась.

- Что?.. – прохрипела она, увидев, что усыпана стеклянным крошевом, а потолок опасно просел и норовит ударить по макушке.

- Вертолет, - напомнил Глеб, избегая ее взгляда. – Вертолет разбился и нам досталось.

- Где?.. – оружие, спросила Инга, потому что ни карабина, ни револьвера не находила.

- Ты беситься не будешь? – виновато спросил Глеб, и тут-то Инга вспомнила все.

Глеб отстранился, поймав взгляд округлившихся глаз.

- Я!.. – заскрежетала Инга, поперхнулась и выставила перед собой ладони, мол, подожди.

- Ты!.. – попробовала еще раз, опять неудачно, и вдруг метко врезала Глебу кулаком в скулу.

Сталкер едва успел отвести лицо.

- Убью!.. - обещала американка и попыталась навязать ближний бой.

Глеб, пропустив увесистую оплеуху, тоже разозлился и скрутил напарницу.

«Хаммер» слепо ткнулся в высокую обочину и заглох. Глеб впервые обнимал взбесившуюся тигрицу и думал, черт, вовсе не о Зоне, Оке и прочих неинтересных вещах. Он почувствовал запах девушки, настоящий, не заглушенный косметическими ароматами, и у него закружилась голова. Желание накатило так, что Рамзес засомневался, сможет ли удержаться. Сама ли Инга поняла, или Глеб сжал ее плечи слишком властно для банальной самозащиты, но девушка уперлась кулаками сталкеру в грудь и потребовала:

- Пусти!..

- Так нужно было, понимаешь? – перехваченным голосом попытался объяснить Глеб.

Руки, словно чужие, слушаться отказывались, держали гибкое и сильное женское тело, и было им на теле страсть как хорошо.

Инга боднула его и освободилась.

- Доигрался?.. – прошипела она.

На мгновение Глеб испугался, что ударит в ответ, и, только представив это наглядно, понял – черта с два! Ярость и страсть так похожи, но тело не обманешь. Кулаки разожмутся сами, чтобы обнять и притянуть...

Глеб резко отодвинулся, пытаясь отвлечься от опасных эмоций. Желание понемногу утекало. Вместе с кровью из носа. Сталкер ощупал переносицу - не сломана ли - и сказал, пряча растерянность за жестким тоном:

- Еще раз поднимешь руку, выброшу из машины к чертовой матери! Здесь не федеральный округ Колумбия. Отчетливо?

В этот момент Рамзес почему-то ненавидел и ее, и себя лютой ненавистью.

Девушка потирала лоб с наливающимся на месте удара синяком.

- Если полезешь, убью! - в тон ему, но шепотом ответила она. – Если начнешь душить меня или еще что-нибудь... Не знаю что сделаю! Но тебе не понравится, обещаю!

У нее открылась рана, кровь струйкой бежала из-под пластыря.

Глеб, прикрыв глаза, досчитал до десяти.

- Скат на людей в бессознательном состоянии не реагирует. Это во-первых.

Девушка, помедлив, кивнула.

- Во-вторых, при необходимости я тебя снова отключу или дам команду, и это сделаешь ты. Самостоятельно. Ясно?

- Ясно...

- В-третьих и в-главных, единственный твой шанс вернуться за Периметр – это прекратить дешевые истерики. Осознала?

- Да, - прошептала Инга неожиданно спокойно. – Я не идиотка. Я прошу только объяснять мне то, чего я не понимаю. Неужели это трудно?

Глебу с некоторых пор это действительно стало трудно - понимать людей и общаться с ними.

Рамзес завел двигатель, но трогать не торопился. Подозрительность и обида, перемешанные с неожиданно острым желанием обладать этой женщиной, интерес к ней и ее тайне, все это сплывалось в одно сложное и непонятное чувство. Глеб готов был и рискнуть за нее жизнью, и убить, если Инга окажется из чужого окопа.

- Долго я?..

- Нет, - ответил Рамзес, глядя в сторону. - Мы прошли один блокпост... ну, где вертолет.

- Что с вертолетом?

- Взорвался, - Глеб постучал по вогнутому потолку. - Удивительно, как он дотянул до забора.

- А блокпост?

- Повезло. Им было не до нас: волна, скаты, вертолет. Я показал в камеру документы, они подняли шлагбаум.

- Документы?

- Не очень надежные, - признался Глеб. – Явная липа, если честно. Надежда только на суматоху и на деньги, но это в крайнем случае.

Впереди ждал еще один блокпост, и Глеб подозревал, что лимит везения исчерпан.

Они проехали несколько километров, не повстречав ни одного патруля, хотя в обычные дни броневики миротворцев ходили по этой дороге с интервалом в пять-шесть минут. Даже надоедливые шпионы-беспилотники больше не гудели в небе. Глеба это волновало едва ли не больше, чем возможность ареста, ибо безлюдье есть главный признак опасности. Жители, казалось, навсегда ушли отсюда, и одинокий «Хаммер» так и будет накручивать спидометр по бесконечной дороге.

- Никого нет... - прошептала Инга.

Глеб, чтобы ее успокоить, солгал:

- Есть. Прячутся.

И сам обрадовался, когда навстречу «Хаммеру» поднялись с обочины несколько бесформенных фигур.

- Але, земляки-камады! Закурить не угостите? – в кабину заглянул сержант в камуфляже разведчика-следопыта.

Глеб, уже привыкший, что его принимают за военного из-за бундесверовского комбинезона, протянул сигареты.

- Благодарю, - разведчик степенно принял пачку и начал ее открывать.

Упаковка не поддавалась неловким толстым пальцам. Товарищи стояли вокруг и безучастно смотрели, как сержант воюет с пачкой. Молчали. От этого молчания Глебу стало неуютно, да еще Инга больно пнула его в голень.

- Рамзес! – прошептала она, кося глазом на солдат.

Острый холодок пополз от копчика вверх. Что за дьявол?! Сталкер присмотрелся к солдатам: люди как люди, усталые аки псы и оттого молчаливые. Царапнуло по душе только смутное воспоминание, мелкий факт, тут же ускользнувший от попытки его проанализировать. Глеб добросовестно подумал и вспомнил: камуфляж на солдатах оказался точь-в-точь как на тех зомби, что повстречались им со Скипидаром.

Сержант воевал с сигаретами. Никак не мог открыть распечатанную пачку крепких армейских «Коммандос». На лице разведчика застыло очень странное выражение: сосредоточенное внимание и ни следа злости или досады.

«Он их что, в первый раз видит?» – удивился Глеб, когда сигареты выпали из неловких солдатских рук. Сержант повернулся к Рамзесу.

- Подвезешь, браток? – спросил он.

Рамзес медленно покачал головой и поставил ногу на педаль акселератора.

Сержант вдруг улыбнулся.

- Благодарю. Але, земляки-камады! Закурить не угостите? – спросил он приветливо, и Глеб надавил на газ.

«Хаммер» сноровисто прыгнул, будто кегли разбросав камуфлированные фигуры. Разведчики закричали слаженным хором, однако выстрелов не последовало. Видимо, солдатские пальцы разучились обращаться не только с сигаретами, но и со спусковыми крючками.

- Рамзес... - страшно захрипела Инга.

В кабину втягивался через выбитое стекло давешний сержант. С приветливой улыбкой на слегка поврежденном лице.

Разведчика чем-то задело – не то огромным боковым зеркалом, не то толстой антенной - и сорвало армейские очки. Из пустых глазниц вырвался поток насекомых. Они суетились, вились над головой сержанта, ныряли под волосы.

Глеб перебросил руль и ударил по тормозам. «Хаммер» понесло боком, едва не опрокинув. Сержант в туче мошкеры слетел с капота и, несколько раз перевернувшись, упал на дорогу. От такого кульбита обычное человеческое тело ломалось, трещало лопнувшими костями, как древесина на морозе. Сержант же встал на колени, поводя головой из стороны в

сторону, и Глеб бросил «Хаммер» ему в лицо.

Многотонный грузовик протаранил нечто мягкое и рассыпчатое, по крайней мере колеса не встретили ничего твердого, а спустя секунды в салон из всех щелей поползли насекомые.

Закричала прорезавшимся голосом Инга, и Глеб вдавил акселератор в пол. В зеркало он видел, как основная часть тучи, оставшейся от сержанта, безнадежно отстаёт, но в кабине хватало непрошенных гостей. Крылатые твари кружили перед лицом, закрывая обзор, ползали по рулю и приборам и жалили, жалили, жалили мелкими противными укусами. Набивались в одежду и волосы, рот и глаза.

- Остановись! – завопила Инга, дергая ручку вовремя заклинившей двери.

- Не смей! Уйдем!

Инга замычала и принялась остервенело бить насекомых панамой.

Глеб давил на газ, не разбирая дороги. Оставалось надеяться только на везение, на то, что случайный пешеход-беженец не кинется сторяча под колеса. Двигатель ревел на максимальных оборотах, когда в днище глухо ударило. Глеб запоздало понял, что вот она, Зона! Уже здесь! Уже расставила «трамплины» на дороге. «Хаммер» встал на капот, словно игрушечный автомобильчик, и взлетел. Подарил как в детском сне ощущение свободного полета.

А-а-ах... Джип ударился в асфальт хищной мордой, фары брызнули стеклянными крошечками. Мгновенье «Хаммер» балансировал, выбирая, куда же падать – вперед или, как положено, на заднюю ось, и тяжело рухнул на дорогу кормой.

- Тьфу... - Инга выплюнула крылатого муравья. – Господи, что это было?

- «Трамплин»!

Слава Зоне, не сильный. Успели проскочить.

Глеб вынул локоть из пальцев девушки и распахнул дверь. Насекомые потекли наружу, собираясь в компактный шар над дорогой. Инга ловила заблудившихся панамой и безжалостно давила.

Глеб заглянул под днище. Их спасла защита. Когда-то, во времена иракской войны беспомощные «Хаммеры» укрепили бронелистами – борта и крышу от снайперских пуль, днище от мин. Броня приняла на себя аномальный удар и, на первый взгляд, ходовая пострадала не фатально.

- Ехать сможем, - не очень уверенно сказал Глеб. – Еще бы километров десять протянуть.

- Поехали, - заволновалась Инга. – Не могу смотреть на этих тварей.

Шар клубился над асфальтом и угрожающе гудел.

Глеб повернул тумблер зажигания. Стартер провернулся с нехорошим скрежетом и встал. Глеб шумно выдохнул и вытер о камуфляж вспотевшие ладони.

- Глеб, они гудят, - предупредила Инга далеким от спокойствия голосом.

- Они зовут рой. В малых количествах они неопасны, если нет аллергии... У тебя нет аллергии?

- У меня аллергия на болтовню! Заводи!

Глеб повернул тумблер. Мотор кашлянул и заглох.

- Я их вижу, - твердо сказала девушка.

Глеб уже понял, что в минуты опасности напарница становится хладнокровной. Полезное качество для ходока.

Сталкер тоже заметил темное марево над дорогой, там, откуда их нагонял рой насекомых-мутантов.

С богом! Рамзес повернул тумблер в третий раз, и двигатель, прокашлявшись, затарахтел чуть громче обычного.

- Ура! – шепотом закричала Инга.

Глеб осторожно тронул джип с места. Заскрежетало металлом о металл где-то в районе задних колес. «Хаммер» двигался рывками, но достаточно быстро, чтобы рой постепенно

начал отставать.

- У тебя случайно нет детектора аномалий? – спросил Глеб.

- Есть. И совершенно не случайно.

Инга достала прибор незнакомой конструкции. А уж Глеб навидался в Зоне всякого, и эксклюзивного оборудования, и примитивных самоделок.

- А где твои вещи? – удивилась девушка.

- У меня есть нож, автомат и хорошие отношения со всеми спекулянтами в округе, - усмехнулся Рамзес. – Что еще нужно настоящему сталкеру?

- Детектор аномалий, например! И вообще, когда ты начинаешь выпендриваться, мне хочется дать тебе в глаз.

- Следи за аномалиями, - рассмеялся Глеб, чувствуя немалое облегчение. - И будь наготове, подъезжаем к блокпосту.

Признание Инги его совсем не разозлило.

5

Штурманом Инга оказалась толковым. Въедливым. Рамзес, обычно распознававший аномалии без приборов, на вид, слух и запах, только зубами скрипел, притормаживая перед каждой подозрительной кочкой, а то и выходя посмотреть что там, на дороге. И возразить не мог.

- «Трамплин»... как это?... проворонил? – сварливо напоминала Инга. – Теперь смотри... Ш-шит! Опять мигает!

Сканер аномалий возбуждался на любой камень, фонащий чуть выше нормы, и вообще имел склонность к паранойе. То бишь к высокой чувствительности, низкому порогу срабатывания и прочим мудреным вещичкам, о коих Инга трещала без умолку.

- Если ты хочешь его продать, - буркнул Глеб, - то я не куплю. Не старайся.

«Хаммер» умирал. Лязгал задний мост, на который пришелся основной удар. Колеса временами подклинивало, и тогда джип конвульсивно дергался, грозя выбросить пассажиров через лобовой проем. К прочему, в салоне отчетливо пахло горелым маслом, но снизить скорость Глеб не решался. Исходил из худшего, считал, что рой преследует их по пятам.

- Глеб! Детектор зашкаливает! - предупредила девушка. - Впереди что-то серьезное,

- Впереди «Фрейдорф». Самая опасная аномалия, - почти серьезно объяснил Глеб, и они увидели за деревьями людей, машины и бетонные коробки долговременных укреплений.

- «Фрейдорф»?

- Опорный блокпост, охраняет проход через Периметр. Если повезет, здесь мы уйдем с рокады на маршрут вглубь Зоны...

Сталкер замолчал, пораженный.

- Глеб, ты видишь?! – ахнула Инга и схватила его за руку.

Здесь тоже прошла волна. Сталкер, конечно, замечал результаты прорыва и раньше, в основном разрушенную изгородь, но здесь монстры постарались особо. Что их привлекло? Терпкий запах человеческого страха? Или и впрямь волна – нечто более сложное, чем массовое помешательство, и блокпост штурмовали осознанно?

В любом случае штурм провалился.

Танк уже сгребал бульдозерным ножом трупы монстров в большие, выше человеческого роста курганы, а огнеметчики в стрекозиных очках поливали мертвечину огневыми струями. До одурения пахло жженой органикой и приторно – разложением.

- Боже мой! Я-то думала – это на нас шла волна! - севшим голосом призналась Инга.

Танк развернутой башней навевал ассоциации с легкомысленным тинэйджером в бейсболке задом наперед. Он и двигался суетливыми рывками, словно за рычагами сидел испуганный подросток. Возможно, так и было. Возможно, этим пацанам с черными после боя лицами восемнадцать исполнилось совсем недавно, и вал озверелых мутантов – самое

страшное, что они видели и что когда-нибудь увидят. Кто-то из них сломался, кто-то ожесточился, и все они разом перестали быть прежними, уж Глеб это понимал отчетливо.

Джип миновал сгоревший БТР, тот лежал кормой в кювете, высоко задрал носовую часть с чадящими колесами. В бронированной утробе гулко рвались боеприпасы, и что-то гудело, как трансформатор под напряжением. Еще один рой?! Огнемечики стояли наготове, и один из них прогнал «Хаммер» нетерпеливыми взмахами руки.

Ближе к блокпосту земля пошла оспинами, следами минометного обстрела. Среди них встретился еще один «трамплин». Саперы предусмотрительно оградили его, и Глеб, опасно прижавшись к обочине, обогнул деревянный заборчик. К скрежету подвески добавился звон выкатывающихся из-под колес гильз. В некоторых местах они покрывали асфальт сплошным ковром.

Шлагбаум, самый первый из нескольких, лежал, расколотый в щепы. Здесь уже собирались люди. Десятки человек, в форме и гражданском, лежали, сидели, нервно ходили. Билась в истерике женщина, звала Лешу. Ее хватали, пытались удержать, и санитар неумело тыкал в нее пневматическим шприцем.

Стоящий на дороге часовой тоже замахал руками, когда Глеб притормозил. Проезжай, мол, не нервнирай людей!

- Может быть, проскочим? – с надеждой спросила Инга. – Может, им тоже не до нас?

Навстречу двинулась колонна армейских грузовиков, забитых беженцами под завязку. Солдаты лежали на крыльях, выставив автоматы, до боли напоминая кадры вековой кинохроники. Грузовики выворачивали на шоссе один за другим, вслед оцетинившемуся стволами БТРу, и Глеб уступил им дорогу. В середине конвоя шел туристический микроавтобус, за его тонированными стеклами едва различались вытянувшиеся физиономии экстремалов.

Конвой выползал из-под задранного к небесам шлагбаума, сразу за которым стояли офицеры в формах разных армий, но с одинаковыми обескураженными лицами.

- Будь готова, - напрягся Глеб. – Легенда прежняя: ты шишка из экстремального природного мозгоблудия, я тебя сопровождаю. Главное, улыбайся!

Их не остановили. Глеб дисциплинированно затормозил перед знаком «STOP», переждал и миновал второй шлагбаум. Офицеры смотрели на «Хаммер» равнодушно, битой техники вокруг хватало, да и сложно было вообразить ту запредельную наглость, с которой сталкер лез в мышеловку.

Глеб и сам уже начал думать, что повезет нырнуть в Зону без проверки, когда «Хаммер» резко встал, будто якорь сбросил. Мгновенно задохнулся двигатель. Инга с размаху ударилась лицом о ствол «Тигра» и зашипела от боли.

- Заднее левое заклинило! – каменным голосом объяснил Глеб, вспомнив проблемное колесо. – Не суетись, увидят - докопаются!

Сталкер повернул тумблер зажигания, и двигатель затарахтел. Рамзес осторожно двинул тяжелый джип задним ходом и услышал, как хрустят, размалываясь, остатки подшипника в ступице заднего левого колеса. Огромная крышка нехотя провернулась на один оборот, на другой, и Глеб решил двинуться вперед. Не подведи, спаситель, умолял он автомобильного бога, который есть главная власть на дороге, и девушка рядом тоже шевелила губами. Наверное, молилась.

На них уже смотрели заинтересованно, кто-то из офицеров поднес к лицу черный кирпичик радиостанции.

Джип покатился по бетонной змейке к третьему шлагбауму, за которым официально начиналась Зона. И сразу же, очевидно вызванный офицером, перед капотом возник пузатый сержант в нашивках какого-то спецотряда. То ли «Барс», то ли «Перс» - Глеб никогда толком не разбирался в кошачьих.

- Ты в бога веришь? – хрипло спросил Глеб.

- Нет.

- Поверишь! – обещал Глеб, плавно нажимая на тормоз.

- Прочь с дороги! – рывкнул сержант тоном, каким прапорщик из анекдота останавливал поезд.

Пот ручьями заливал его красное лицо, проступал подмышками и на груди. От сержанта пахло страхом – он отчаянно трусил, до нервного тика, до тремора в конечностях и истерических взвизгов в голосе. Этот сломался, сделал вывод Глеб и притворился, что не услышал приказа. Он остановился, только упершись бампером в шлагбаум. Закрыл дорогу, но оставил себе иллюзорный шанс протаранить заграждение и прорваться через завесу пулеметного огня.

- Кто такие?

- Свои, пан сержант!

Сержант платком утирал лоб и смотрел подозрительно. Глеб сунул ему удостоверение и паспорт Инги.

- Рядовой Мамаев?

- Так точно! – отчеканил Глеб. - Прикомандирован к опорному пункту в поселке Вешки. Следую в зону отчуждения до объекта Бор, имею приказ сопровождать инспектора Фонда экстремальной природы госпожу Рив.

- Командировочное предписание давай, - крикнул петухом сержант, мельком заглядывая в Ингин паспорт. – Почему одет не по форме?

Глеб мысленно застонал. Покойный Мамаев, на его взгляд, одет был куда хуже, одна бандана чего стоила. Фото на его удостоверении Глеб переклеил, надеясь, что придираются не будут. А вот командировочное, сляпанное ночью на скорую руку и завизированное личной прапорщика Скидоренко печатью, выглядело откровенной липой. Не того полета птицей родился участковый Скидоренко, чтобы командировать подчиненных в Зону.

- Виноват, пан сержант! Волна потрепала.

Сержант хихикнул и покрутил потной башкой.

Глупость я сморозил, подумалось Глебу. Посчитал себя умнее всех, а зря! Они тут собаку съели на документах, подделку чуют за версту. Кого я хотел обмануть слепой фотографией со смартфона, распечатанной на принтере в милицеском автомобиле? Смешно, честное слово.

- Командировочное Скипидар подписал? Писучий какой, делать ему нехрен. Зажрался в своих Вешках!

Сержант шумно вздохнул, сложил Глебовы бумаги вдвое и небрежно хлопнул о ладонь. Будто муху бил. Придется благодарить, понял этот жест Рамзес.

За спиной по-носорожьи взревела сирена. «Хаммеру» в корму уперся щучьим носом германский бронетранспортер, дверца-люк отвалилась в сторону и из темных недр заорали на ломаном русском:

- Рьябина, лубитьтвоюмуттер! Дорогу освободи!

Сержант даже подпрыгнул от неожиданности.

- Встань туда, - он показал Глебу на огороженный для машин закуток.

Стоянка просматривалась и простреливалась от края до края. Придется благодарить щедро, сделал вывод Глеб и в закуток не поехал, а переставил машину на обочину.

- Улыбайся! – приказал он, выбираясь из машины и стараясь не упустить сержанта Рябину из виду. – И не дрейфь, прорвемся. Не в первый раз.

Вокруг БТРа роились солдаты, таскали ящики с боеприпасами и лекарствами. Наконец, броневи́к ушел в Зону, издав на прощание еще один гудок. Красно-белый шлагбаум как нож гильотины отсек БТР от людей и жизни.

- К Бору гансы пошли,- сообщил, отдуваясь, сержант. – На разведку.

- Там, небось, сейчас несладко, - поддакнул Глеб, поддержал разговор. – Такая силища перла!

- Тебе-то что на месте не сидится?

- Да вот... - Рамзес махнул рукой в сторону «Хаммера». – Свалилась фря на мою голову. Скипидар говорил, что блатная. Изучает монстров, ей волна - самое то, что нужно.

Инга улыбалась приклеенной улыбкой а-ла Барби на выданье.

- Блатная? – заинтересовался Рябина. – Что у нее с рожей?

- Известно что. Природа-то экстремальная, ну и...

Дверь в караулке распахнулась от пинка.

- Рябина, - закричали изнутри, и сержант опять встрепенулся. – Грех ты кошмарный, сотых грузи!

Сержант побежал, забыв о Рамзесе. Оборвался налаженный было контакт, предполагавший благосклонность к просившему и благодарность решавшему. Глеб оглянулся на шлагбаум, оценивая шансы прорваться, и пришел к выводу, что шансы хороши только у стрелков. Тот же Рябина вскроет «Хаммер» из пулемета как консервную банку. И с таким же удовольствием. К тому же, Ингин паспорт убежал вместе с сержантом.

Рябина тем временем подогнал к караулке автобус с красными крестами и зачерненными стеклами, солдаты начали грузить раненых в салон. «Сотых» набралось много, Глеб сбился со счета на втором десятке, увидев распухшего от крысиного яда солдата. Парень умирал, и капельница, похожая на сморщенное козье вымя, помочь ему не могла. Глеб решил. Не то по наитию, не то стало жалко парнишку, но Глеб сбежал к «Хаммеру» за антидотом.

- Пан сержант!

Глеб протянул Рябине упаковки.

- Антидот?! – снова заорали из караулки, и в дверях появился врач в операционном балахоне, похожий больше на мясника, чем на офицера. – Как фамилия?.. Рябина, запиши его фамилию. Мы представим его к награде.

«Спасибо, не нужно, - подумал Рамзес, - у меня уже есть. Лучше пропустите!»

- Слушаюсь!

Сержант принял у Глеба упаковки в сложенные перед грудью руки и прижал сверху подбородком. Бумаги Глеба остались зажатыми в толстых пальцах и мешали. Держать Рябина мог только одно, или бумаги, или лекарства.

- Мы можем ехать? – спросил осторожно Глеб.

Рябина подумал и с сожалением констатировал:

- Проваливай! Не до тебя. Скипидару привет передавай... если вернешься.

Глеб потянул бумаги, улыбаясь в этот раз искренне, но долго радоваться ему не пришлось.

- Мамаев! – выкрикнула Инга, и по голосу Рамзес все понял.

Знать, не судьба. Глеб оглянулся. «Хаммер» окружили солдаты, и один из них тащил из кузова что-то тяжелое.

- Пан сержант, у них тут человек. Кажись мертвый... Нет! Еще дышит!

ГЛАВА 7

1

Проверить выход из схрона пустили Кнопку. Артур подмигнул Кроту и тот распорядился:

- Кнопарь, ступай, понюхай!

Кнопка, долговязый парень с лицом откровенного дебила, шмыгнул крошечным – на лошадиной физиономии – носом и забубнил, что, мол, опять Кнопка, всегда Кнопка.

- Давай, давай, - подбодрил убогого аристократ Бенья. – Шевелись.

Кнопка осторожно приподнял стволом автомата тяжелый люк и зыркнул наружу. Засопел, будто и впрямь принюхивался. Скорее всего, просто дышал сладким воздухом,

потому что в схроне, в подвале когда-то богатого, а сейчас развалившегося дома, воняло непереносимо. Казармой воняло и солдатской уборной.

Несколько часов, проведенных в убежище, показались Князю вдесятеро длиннее. Отвык он в последние годы от бродячей жизни, расслабился. Отрастил пузо, отучил задницу от шершавой как наждак дешевой туалетной бумаги - рулончик хозяйственный Крот положил на крышку биотуалета, как только спустились под землю.

- Потерпишь часок-другой, деревня, - вякнул Бенья. – Нюхать еще за тобой.

Бенья Крота не любил, и Князь всячески поддерживал его антипатию. Пока шестерки заняты грызней, меньше шансов, что сговорятся.

- Сидеть будем долго, - ответил Крот, не реагируя на подначки. – Успеешь обоссаться, а волна придет - и обосраться.

Сидели и впрямь долго. Играли в карты, спали. Когда поверху шли мутанты, приняли по чуть-чуть от нервов. Бенья все пилился в свой ПДА, транслировал сводки. Иногда, похохатывая, сообщал кого убило из знакомых, а Крот ему вторил. Одно их объединяло: не любили они людей, имели такое достоинство.

- На Вешки пошли, родимые, - сказал Крот про мутантов и улыбнулся смущенно. – А Натаха там осталась. Сожрут, поди.

Бабы только и держали на плаву таких чокнутых, как Крот или Рамзес. Князь это давно заметил, еще когда сам ходил. Кроту на все и вся плевать, кроме хабара, а Натаху, бабенку разбитную и сладкую, гляди-ка пожалел. Хотя и смутился своей жалости.

Кротова Натаха не одному Кроту нравилась, вон и Бенья ехидно ряззявил пасть. Дабы предотвратить ненужные эксцессы, Князь расшугал всех по углам и сел думать.

Подумать было о чем, Князь уходил из Вешек в сомнениях. Корил себя за необдуманность решения, но не знал как поступить иначе. Все пошло наперекосяк, и гибель Фокса, давно Артуром прогнозируемая, ибо Фокс в последнее время непозволительно высоко о себе думал, в перечне неправильностей стояла не на первом месте. Даже поганый волчара с царской кликухой, залаявший не с того ни с сего об Оке, не сдержнул бы Князя с места, не заставил путать давно лелеемые планы.

Князя доконала бритая девка, чьи глаза цвета корабельного сурика Артур Сароян где-то и когда-то видел, но вспомнить так и не сумел - вот она, старость! Когда ему позвонил нужный человечек с большой земли и шепнул о незваной гостье, Князь не обратил внимания. Мало ли недоумков слетается в Зону? Но когда девка обмолвилась об Оке, не называя, впрочем, вещей своими именами, Артур запаниковал, чего давно с ним не случалось. Таких совпадений не бывает! Об Оке знают слишком многие, этого уже не переиначишь, но когда разные люди сходятся в одном месте и в одно время... Князь даже поперхнулся от прилива острой ненависти.

Око принадлежит ему!

Это он целенаправленно искал его несколько трудных лет, спустил прорву денег и положил немало буйных голов. Это его шанс на спокойную жизнь и достойную старость. Сколько нужно отвалить, чтобы с него сняли приговор? Миллион? Сто? Я дам вам миллиард, зарекался Артур, чтобы вы захлебнулись, правилы, купаясь в шампанском!

Ненависть ушла так же быстро, как накатила. Князь дожил до своих лет потому что никогда не поддавался эмоциям, ни своим, ни чужим. Утвердился: Око нужно срочно брать, волчару следует валить, как и девку, если она сунется в Зону. Это, впрочем, дело Кувалды.

Князь, делавший вид, что дремлет, приоткрыл глаз. Крот дрых, его карманный дурачок Кнопка сидел, глядя в одну точку. Время от времени сглатывал готовую выкатиться из приоткрытого рта слюну. Говорят, что только такие в Зоне и выживают. Черт их бережет что ли?

Князь закрыл один глаз, приоткрыл другой. Бенья возился у параши, примериваясь незаметно справить нужду. Глядя на его мучения, Князь презрительно скривился. Сколько понтов! Бенья Крик, натурально. Один галстук под кожаным плащом чего стоит. А штиблеты на тонких как спички ногах? На деле же Бенья – пшик, убогий разумом почище Кнопки.

Когда Артур напоил его и допросил, Бенья признался, что девственник и оргазм имеет только от вида смерти. Артур тогда взвесил плюсы-минусы и велел хлипкого Бенью откачать. Авось сгодится.

Вот теперь и сгодится, если Кувалда напорточил. Мало ли как там, в Вешках, сложилось. Волна есть волна, Рамзес – удачливая тварь, да и девка наверняка кусается. Если что, валить их придется Бене, не Кнопке же и не Кроту, который после Фокса у Артура единственный ходок. Можно сказать единственный шанс.

Но лучше бы Кувалда не подвел! За это ему многое обещано, даже бизнес Артур посулил оставить, когда найдет Око. Кувалду Артур уважал, насколько умел это делать. Несведущие принимали Кувалду за банального мясника-разделочника на сдельном окладе и сильно, ох как сильно ошибались! Личность Кувалды, глубоко спрятанная под бычьей маской, даже Князя пугала черными, как отравленный колодец глубинами. Один дьявол ведаёт, кто из этой бездны выскочит, какая грязь выплеснется. Это было то, в чем Князь признавался себе с неохотой: Кувалду он опасался и в решительный момент предпочел держать подальше от Ока.

Князь украдкой нащупал в рюкзаке телефонный аппарат, но звонить не стал. По понятиям, на связь должен выйти Кувалда, а он молчал. Хотя волна схлынула несколько часов назад и наверняка прошла уже и Вешки. Не потому молчал, что связь не восстановилась – с Кувалдой имелся канал во всех смыслах эксклюзивный, а потому что обмишурился. Никакие другие объяснения не подходили. Людорез не справился, оборотень вошел в Зону, и девка, наверное, тоже. От этого понимания под ложечкой у Артура разливалась сосущая боль, а разум опять тонул в холодной ненависти.

При любом раскладе следует поспешить.

Князь прикрыл глаза, давая Бене опростаться, и сделал вид, что очнулся от полудремы. Пихнул Крота ногой.

- А?... – проснулся ходок.

Князь мотнул головой вверх, на люк.

- Ночь же... - начал было Крот, но тут же поперхнулся. - Кнопарь, ступай, понюхай!

...Кнопка грохотал над головой сапогами, нюхая обстоятельно, как только и умел по скудомыслию. Или не делал вообще, или делал превосходно, как не всякий нормальный сделает.

Наконец, приоткрыл люк и капнул вниз слюной.

- Эта... - доложил убогий. – Крот, здесь чисто.

Крот утерся без брезгливости и полез вверх.

- Жди команды, - приказал он и тоже долго топал над головой.

Труха сыпалась с потолка, отчего Бенья виртуозно матерился вполголоса.

- Князь, выходи, - скомандовал Крот, по привычке забыв о Бене.

Князь, вспомнив молодость, легко взлетел по ступеням.

- А ночь темная была! - пропел козлом Бенья. – Князь, я чисто интересуюсь, какого рожна мы поперлись в ночь?

Артур открыл рот рывкнуть, что пошли когда он решил, а у Бени решалка еще не выросла командовать, и не успел. В тишине звонко пропел телефонный звонок.

- Оба-на! - удивился такому приключению Кнопка.

Артур достал из личного, самого легкого рюкзака дешевый проводной аппарат с десятком кнопок прямо на трубке, отсчитал три гудка и нажал кнопку приема.

- Князь, - сказал Кувалда, - он ушел.

Слышимость была отличная, Кувалда словно на ухо шептал.

- Рассказывай, - велел Артур.

- Князь, этот ферт как заколдованный, я его в упор бил из стреломета...

- А девка?

- Повезло сучке! Наличность ей попортил, но, говорят, оклемалась. Ненадолго. И этот терпила далеко не уйдет. Достану!

- Сиди на месте, придурок! – охолонул шестерку Князь. – Я тебе велел идти за ними? Я тебе велел их закрыть!

- Князь, я таких дел не бросаю, - мертвым голосом ответил Кувалда.

- А это бросишь. Я тебе сказал! Когда он ушел?

Кувалда ответил не сразу.

- Только что.

Артур едва сдержал матерную тираду. На Око нацелился, ушлепок!

- Что еще?

- Машину, говорят, взял, ментовский «Хаммер», оружие. Я так соображаю, в Зону намылился.

«Куда ж еще!» - едва не брякнул Князь, но вовремя осекся.

«Хаммер»? Он в Зоне не нужнее, чем верблюду акваланг. Разве что...

- Кувалда, - напористо скомандовал Князь. – Сиди на месте, не дергайся. Твое дело – шестое, бизнес сберечь. Чей он теперь, помнишь? Не подведи, братан!

«Нахрен ты мне здесь не скрючился!»

- Ладно, - после заминки согласился Кувалда, но уверенности в его словах Князь не услышал.

Артур нажал «Отбой связи».

- Князь, это как?.. – спросил Бенья, сгорая от любопытства. – А провода где?

Крот улыбался. Он знал, что дело в «пустышке». У обычного артефакта пластины висели друг против друга, связанные бесовской силой, и даже многотонным домкратом их не удавалось раздвинуть. Крот же нашел «пустышку», которую удалось разделить. Связь половинки сохранили, электрический заряд, наведенный в первой, появлялся и во второй. Сделать из этого уникама совершеннейший прибор для связи, оказалось делом несложной техники. А использовать это чудо природы, чтобы договориться об убийстве ближнего своего, придумали люди. Как говорил старый Князев знакомец Ворон, доморощенный философ и босьяк по жизни, главная аномалия находится здесь. И стучал себя по лбу.

Артур крепко задумался. Кнопка даже успел прошвырнуться по кустам и притащил дурно пахнущий комок «выверта».

- Вот что, фартовые, через Нору мы не пойдем.

Крот удивленно хекнул, Бенья присвистнул и тут же сплюнул через плечо, дабы не отпугнуть денег.

- Есть разумение, что нас там будут ждать, - объяснил Князь.

- Кто? «Долг»? Пиндосы? – заинтересовался Бенья. – А если кто другой, то нам не похрен ли? Сделаем, как девочек.

Артур усмехнулся.

- Пойдем сразу на Стройбат, - приказал он, и поднял руку, пресекая возражения. – Знаю, что опасно! Поэтому разделимся – Крот с Кнопкой, я с Беней.

Как разделение поможет безопасности, Князь внятно объяснить не сумел бы, но к счастью шестерки не задумывались. Разделиться, так разделиться. Меньше рыл, больше нарыл, как говорится.

- В Стройбате встречаемся через сутки. Кто приходит первый, ждет. Контрольный срок – двадцать четыре часа.

- Князь, я ничего не хочу сказать, - затянул Крот. – Но если ты не придешь, что делать-то?

- Тогда гуляй, Крот, - разрешил Артур. – Стреляться не нужно.

- Я не об этом толкую, Князь. Мы как бы договаривались. А если ты не придешь, маршрут как бы пропадет. Так выходит?

«Око тебе, крысеныш? – подумал Артур. – А хрена моего тебе не надо?»

- Дай маршрут, Князь, - потребовал шестерка, и Артур схватил его за горло.

- Дождись меня, Крот! - прошипел он в выпученные бельма.

За шлагбаумом Рамзес погнал «Хаммер» нещадно. Только гравий летел из-под колес – официальную трассу обустроили, не жалея средств, дорогу вот насыпали.

Заднее левое колесо размеренно взвизгивало, готовое встать уже окончательно. Глеб не обращал на скрежет внимания, стараясь быстрее уйти вглубь Зоны, подальше от блокпоста, пулеметов и мокрых подмышек сержанта Рябины. Возвращаться «Хаммеру» не придется, а не все ли равно, в каком виде он останется гнить среди аномалий?

Инга сидела, глядя перед собой взглядом каменной горгульи. Бережно уложенный на заднем сиденье, икал, храпел и временами портил воздух прапорщик Скидоренко, пьяный до состояния клинической олигофрении. Иногда он распахивал мутные глаза, помавал руками и что-то невнятно бормотал. Глеб не понимал ни слова.

- Стой! – у девушки, наконец, прорезался голос. – Останови немедленно!

Глеб затормозил и осмотрелся. Лесополоса вокруг стала гуще, деревья склонялись к насыпи. Между камнями лезла упрямая трава. Под кронами было темно, день перевалил за половину, но ничего опасного Глеб не чувствовал. Так, общий недобрый фон. Все-таки отсюда до настоящей, не формальной Зоны еще полтора-два километра.

- Мальчики влево, девочки вправо, - Инга мгновенно исчезла в зарослях.

Глеб вышел на дорогу.

«Девочки вправо? – усмехнулся он. - Об этой проблеме я не подумал».

Смех смехом, а сколько ходоков отправились в мир иной со спущенными штанами! Нужно дать ей гранату, вот что. Глеб вспомнил, что гранаты у него нет, и вообще, с припасами и оружием полный швах, зато есть теперь Скипидар, Зона его прибере! Свалился на голову, незванный.

Инга вышла на дорогу, вытирая руки дезинфицирующей салфеткой.

- Я все понимаю, - сказала она. – Но объясни мне, как можно угнать машину с телом в багажнике?! Чем ты думал?

- Я не заглядывал в кузов! – ответил Глеб, стараясь не скатиться до оправданий. – Я же не угонщик, ей-богу. Откуда мне знать, куда заглядывать?

- Ладно, допустим!

Инга окинула местность цепким взглядом.

- Дай сигарету, Рамзес, - попросила она и, когда Глеб поднес огонек зажигалки (той самой, из «Харчо»), призналась. – Я чуть не обделалась, когда они тело нашли.

Девушка затянулась, раскашлялась и заискала куда бросить окуроч, но ближайшая пепельница осталась на блокпосту. Рамзес отобрал у нее сигарету, потушил и вложил в пачку.

- Все к лучшему, - успокоил он напарницу. – Если бы не Скипидар, нас, может, и не пустили бы. Или содрали втрое, документы у нас ни к черту. Но продолжай...

- Да... допустим, ты не посмотрел. Но как этот оказался в кузове?

Она распахнула дверь, и Скипидар упал ей на руки, блаженно улыбаясь. Один ус торчал в сторону, второй присох к щеке, вымазанный чем-то неаппетитным. Девушка отвесила прапорщику брезгливую пощечину, чем привела его в состояние детской обиды. Скипидар задрожал лицом, готовый разрыдаться, и снова забылся.

- Очнись, животное!

Инга ухватила его за плечи и затрясла. Один погон с треском оторвался, жалко поник на длинной нитке.

- За уши нужно драть, - посоветовал Глеб. – Но не сейчас, позже. Сейчас положи его, пусть спит... Боком клади, захлебнется!

- Он на сиденье... как это?... натошнил! - возмутилась американка.

«Ты еще в кузов не заглядывала», - подумал Глеб и запихал прапорщика обратно в «Хаммер».

- Очень даже понятно как оказался, - разъяснил сталкер. – Вешенские мужики вчера

разобрали дом, где образовалась «жарка», и начали горилку жрать без продыха. Зачем его в «Хаммер» занесло – не спрашивай, не знаю. Кажется, они договаривались в Ясенево ехать, с мутантами воевать.

- Как это?.. дурдом! – подвела итог девушка. – Что теперь делать?

- Впереди пункт Бор - база голованов...

- Кого?!

- Так здесь ученых называют, - улыбнулся Глеб. – Участкового можно оставить там. Или ты предлагаешь бросить?

- А ты что предлагаешь?

- Я ничего не предлагаю, - сказал Глеб. – Я решаю. Садись в машину.

Инга опустила глаза, но Глеб успел заметить, что она повеселела. И в кабине вела себя на удивление смирно.

- Вообще-то, среди ходоков бросать своих в Зоне не принято, - нарушил молчание Глеб. – Но обо всех судят по отморозам, типа Князя. Так?

- Примерно так. За Периметром думают, что здесь... как это?.. волчьи законы. Зачем ты гонишь?

- Благородство – это хорошо. Но мы планировали уйти с трассы задолго до Бора. Теперь придется делать крюк.

- Глеб, а если мы... не успеем?

- Нужно успеть! – отрезал Глеб и увеличил скорость.

С каждым метром, отмотанным вглубь Зоны, Глебу становилось все хуже, психологически и даже физически. Затекали размятые волшебными упражнениями мышцы, немели пальцы рук и ног. Снова начала гудеть как перегретый трансформатор голова. Впрочем, голова у Рамзеса болела всегда, реагировала на аномалии, на опасность, просто на Зону.

«Бывает! – философски отвечал Ворон на осторожные вопросы напарника. - У всех что-то болит, у тебя вот голова».

Зона приближалась, и переход, всегда дававшийся большими мучениями, в этот раз обещал запомниться особо. К прочему, опять появилось четкое ощущение неправильности, начали мучить неясные страхи, пустяковые, но изматывающие.

Инга включила сканер, но тревогу поднимала редко, с таким виноватым лицом, будто сама расставляла ловушки. Судя по бледному виду, девушка тоже чувствовала приближение Зоны, но, как и всякий новичок, отчета в этом не отдавала. Списывала на волнение.

За очередным поворотом – дорога начала сильно петлять - Глеб остановил машину.

- Что? – забеспокоилась Инга.

- Здесь начинается Зона.

Глеб резко побледнел, даже остатки желтых гематом, делавшие сталкера похожим на китайца, пропали.

- Здесь? – тихо спросила Инга. – Откуда ты?..

А Глеб просто знал! Все, что осталось позади, с тысячами монстров и сотнями аномалий, еще не окончательно стало Зоной, там еще боролись две реальности. Настоящая Зона начиналась здесь. Секунду назад щекотная волна пробежала по телу сталкера. Горло перехватило, засосало в желудке. Мир вокруг на секунду истончился, а потом вновь стал отчетливым как никогда раньше. В голове зашумело, и осталось только хлопнуться в обморок, чтобы посмотреть очередной сон-явление.

Глеб стремительно вживался в Зону. Он никому не рассказывал об этом процессе, и не сумел бы объяснить его. Не знал Рамзес таких слов, чтобы выразить свое состояние. Он словно проваливался в бездонную пропасть, сначала замирая от ужаса, потом находя в этом извращенное удовольствие. Он стремительно отрывался от человеческой сущности, примитивной рядом с грандиозным... нечто. Оно находилось рядом и, одновременно, в нем, Глебе. Равнодушное, пугающее, великое. И, если уж быть до конца откровенным, завораживающее. Я никогда уже не стану прежним, признавал Рамзес именно в этот момент

инфернального совокупления. Его попытки бороться начинались потом, когда он более или менее приходил в себя. Или когда выходил из Зоны, и первые часы и сутки радовался возврату к человеческому естеству.

Глеб знал по опыту, что Зона распознает и примет его, включит в собственную инфосферу, что-то вроде подпольной сталкерской сети, но на порядок сложнее. Настолько сложнее, что человеческим разумом невозможно не только понять, но даже осознать происходящее. Как жук, ползущий по футбольному мячу, не в состоянии понять почему мир перевернулся вверх тормашками и в чем смысл этого полета.

- ...Глеб!

Рамзес поймал себя на том, что уже несколько минут сидит, вцепившись в руль белыми пальцами.

Инга закричала в ухо:

- Глеб, что с тобой?

- Не Глеб. Рамзес! – поправил ее сталкер. – В Зоне принято использовать позывной. Отчетливо?

- Да... Рамзес.

- Твой позывной?

- Ну... - девушка провела ладонью по волосам, слабо улыбнулась. – Допустим, Стриж. Пойдет?

«Стриж, огонь!..» - вспомнил Глеб.

- Пойдет. Главное, не больше двух слогов, иначе сократят до какой-нибудь похабени. У тебя есть ПДА со сталкерским модулем?

- Есть. Включить?

- Убью! Его сразу же засекут и поставят на учет в сети. Включать ПДА могу только я.

Отчетливо?

- Что ты заладил? – вспылила Инга-Стриж. – Все мне с тобой уже... отчетливо!

- Не злись, - Рамзес накрыл ее ладонь своей грубой лапищей. – Эмоции остались на большой земле. Теперь нам главное – выжить. Отчетливо?

Инга вздохнула, вынимая руку из Рамзесова захвата.

- Эх! – обозначил свое присутствие Скипидар. – Собачки-пулеметы... Просрали, сволочи!

Он потряс кулаком и уронил его себе на голову. Расстроился и немного всплакнул.

- Поехали, - с отвращением попросила Инга. – Иначе я его и впрямь выкину.

Рамзес тронул, стараясь держать машину строго по центру разъезженной гравийки, и некоторое время они двигались, огибая аномалии. Слава богу, пока редкие.

- В Зоне есть несколько правил, которые следует соблюдать неукоснительно. Запоминай, повторять не буду.

У Рамзеса всегда были сложности с новичками. В Зону приходили тертые жизнью люди. Нотации они выслушивали с изрядной долей скепсиса, у одних тщательно скрытого, у других показного. Рамзес никогда не умел объяснять ненавязчиво, как это получалось, к примеру, у Ворона. Глеб долбил первоходку: сделать так или поступить этак, иногда закрепляя теорию ударом кулака. Или не закрепляя, но такие новички обычно погибали раньше времени.

Инга кивнула. Рамзес покосился, но увидел только подчеркнутое внимание в ее глазах.

- Во-первых, в Зоне нужно пить только проверенную воду, - сказал Глеб самое главное, – и много есть. Очень много! Держи в кармане сахар на крайний случай. Зона выжимает силы намного быстрее, чем ты можешь представить.

Инга опять кивнула, но Глеб решил, что не осознала. Он даже подумал, не стоит ли закрепить пройденный материал.

- Я знал людей, погибших от голода в сотне метров от базы, - попытался напугать сталкер.

- Я поняла, - нетерпеливо ответила Стриж. – Дальше.

- Во-вторых, в Зоне нельзя стрелять.
- Это почему?
«Зона не любит, когда убивают», - мог бы сказать Рамзес, если бы девушка понимала чуть больше.
- Стрелять, конечно, приходится, но делать это нужно в самом крайнем случае. Мы в Зоне незваные гости, запомни это.
- Ладно, - кисло согласилась девушка.
- В-третьих, Зоны нужно бояться. Страх – лучший компас. Если самая невинная кочка вызывает у тебя малейшее беспокойство, ее нужно обойти. Возможно, сделать крюк в десять километров.
Глеб вспомнил, как стоял когда-то перед солнечной полянкой, зная, что умрет, если сделает всего один шаг.
- Научить тебя ходить я не смогу. Это можно сделать только самостоятельно. Если повезет.
- Я постараюсь, - усмехнулась девушка.
- В-четвертых, - Рамзес глянул на красивые руки спутницы, - первое, что отрывает Зона – пальцы. Очень прошу, не лезь руками в подозрительные места!
- Не буду, - обещала Стриж.
- Сними кольца, браслет, часы, цепочки, серьги – все, что есть. Если носишь крест, повесь его на нитку.
- Зачем? – Инга покрутила на пальце тонкое серебряное кольцо с едва заметной вязью по окружности.
- Затем, что если Зона попытается тебя повесить, нитка оборвется. Цепочка, возможно, нет.
- Ага...
- В-пятых, нужно освоить сленг. Он несложный.
- Я освоила, - похвасталась девушка. – Специально для поездки. Судя по разговорнику – казарменный мат пополам с... как это?.. фней.
- Не совсем. Хотя принцип армейский: максимум информации - минимум слов.
- Это все?
«Это даже не начало!» – подумал Рамзес.
- Пока все. Остальное по ходу дела.
- Тогда я есть хочу!
Обедали на ходу. Инга предложила не возиться с украденными в «Харчо» консервами и достала из рюкзака две жестянки со стандартным НАТОвским пайком. Разогрела, выдернув тонкий страховочный тросик, передала одну порцию Глебу. Рамзес, убрав скорость, с некоторым изумлением потребил безвкусный, но, как обещала Инга, питательный обед. Остался голоден и недоволен, мечтая как навернет в Норе миску янки-хаш, картошки пополам с тушенкой.
За этими мечтаниями он сначала почувствовал, а потом увидел припаркованный на обочине автобус и остановился.
- Добро пожаловать в Зону!
Глеб подхватил АКМ покойного Крынкина и приоткрыл дверь.
- Аномалий нет, все чисто, - доложила Инга; глянула непонимающе. – Зачем ты идешь? Пусть себе стоит, нам же не мешает.
- Не боишься, что мы встанем рядом?

Мелочей в Зоне не бывает, говорил когда-то Ворон. Мелочь – это видимая часть чего-то серьезного. Ходоки погибают, когда пренебрегают мелочами. Даже в Зоне не бывает так, чтобы беда пришла совсем неожиданно. Зона обязательно намекнет.

Сталкер обошел автобус с тыла по широкой дуге, внимательно приглядываясь. Гигантский полуторазтажный «Мерседес» класса экстрим-туристик, с защитными ставнями на окнах, усиленной подвеской и кевларовой броней. Его аккуратно припарковали на обочине, а потом опустили ставни и заперли двери. Двигатель не работал.

Рядом с автобусом стояла тишина, нарушаемая только осторожными шагами Стрижа – Рамзес двигался бесшумно. Поэтому когда Инга запнулась на долю секунды и зачатила, Рамзес всполошился.

- Что? – посмотрел он вопросительно.

Лицо Инги стало пепельно-серым, под цвет глаз.

- Ничего!

«Ничего? Ну-ну...»

Рамзес показал на центр дороги – встань там, подстрахуешь. Стриж попятилась, не отводя глаз от автобуса.

Рамзес пошел вдоль борта, буквально в метре от зарешеченных тонированных стекол. Кожу на лице свело будто морозом. Из окна за ним наблюдали! Или морок, кто знает? Рамзес ускорил шаг, подняв над плечом ладонь. Надеюсь, что Инга поймет приказ быть предельно внимательной.

У переднего колеса Глеб опустился на колено, готовый и кувырнуться вперед, и упасть назад, и, при необходимости, бежать с низкого старта.

- Рамзес, внутри кто-то есть! – глухо сказала Инга. – Я вижу тень за стеклами. Может быть, они ждут помощи?

- Патруль! – напомнил Рамзес.

Немцы действительно прошли здесь не более часа назад. Автобус с гражданскими они бы не бросили ни при каких обстоятельствах; в нынешних рафинированных армиях это почитается едва ли не главным долгом. Служба спасения, ей-богу.

Патруль осмотрел автобус...

«Должен был осмотреть, - поправился Рамзес. - И если «Мерседес» остался на дороге, значит, немцы забрали с собой всех живых».

Вот только запирать дверь Рамзес не стал бы. Впрочем, гансы – нация педантов. Могли и запереть.

Рамзес махнул Стрижу рукой и, когда та переместилась ближе, нырнул вперед и вбок. Прямо под массивный бампер автобуса.

Ничего!

Перед автобусом оказалось так же пусто, как и позади. Рамзес ящерицей прополз под высоким свесом от одного колеса к другому. Дверь оказалась где-то над головой.

Следом за ним переместилась Инга, держа под прицелом борта. Окна закончились, она должна была увидеть лобовое стекло и за ним кусочек внутреннего пространства. Хотя бы водительское место.

Рамзес почуял неладное, когда девушка сдавленно охнула и вскинула оружие. Он выкатился ей в ноги, и едва успел прошипеть:

- Не стреляй!

- Там!..

Человеческая фигура распласталась по лобовому стеклу. Головы у человека не было, плечи заканчивались уродливым обрубком.

- Ну-ка, спокойно! - скрежетнул Глеб. – Прекрати истерику! Это спецкостюм.

Инга нервно хихикнула. За стеклом и впрямь лежал спецкостюм, используемый военными, и, если подфартит, сталкерами.

«Черт, все не так!» – ругнулся Глеб.

С одной стороны, заглохший двигатель – это возможно, Зона не любит моторов. И костюм логичен, при туристах наверняка состояли охранники с опытом ходок. Когда появился патруль, надобность в дешевой самодеятельности отпала. Но с другой стороны, что же получается: миротворцы взяли на броню экстремалов, и возвращаться не стали? А БТР –

не автобус, всех пассажиров не вместит, даже если спешить бойцов.

- Там кто-то есть! – упрямо повторила Инга.

Там никого не может быть! Но Рамзес был абсолютно согласен, в автобусе кто-то есть. Глебу становилось физически плохо от мысли, что «кто-то» останется за спиной.

- Я попробую забраться внутрь.

- Да, – бесцветным голосом согласилась Инга.

- Стриж, очнись! Что случилось?

- Я должна была ехать этим рейсом, – призналась девушка. – По документам от турфирмы. Номер автобуса 4646, я случайно запомнила.

- Прекрати! – рассвирепел Рамзес. – Дешевая мелодрама, мамзелькины сопли! Соберись!

Он рычал на нее как пес и, хотя Стриж постаралась мобилизоваться, не верил. Случись что, и она промажет, опоздает на долю секунды.

Бронестекло полуторадюймовой толщины, клеенное в лобовой проем, наверное можно было взять очередью в упор, но поднимать стрельбу Рамзес посчитал опасным. Шуметь не хотелось, гневить Зону бестолковой стрельбой тем паче. Сталкер проверил дверь. Тяжелая и широкая, сдвигаемая изнутри рычагами пневмосистемы, она выглядела неприступно, как крепостные ворота. Замок-секретка, открываемый потайным рычажком, не работал, слишком тонкие зазоры между створкой и корпусом не оставляли надежды отжать дверь подсобным инструментом.

Рамзес пошел вдоль борта и опять почувствовал на лице чужой взгляд. С водительской стороны обнаружил не до конца закрытое окно: между срезом тонированного бронестекла и обрешеченным проемом оставалась узкая щель. Сантиметр, не больше, прикрытый снаружи стальной крупноячеистой решеткой, какие решетки ставят только на полицейские автомобили и еще здесь, в Зоне, на туристические автобусы.

- Стриж! – скомандовал Рамзес. – Подстрахуй меня.

Он попытался сдвинуть бронестекло вниз, сунув пальцы в ячейки стальной решетки.

- Оптимист, – хмыкнула за спиной Инга и прерывисто вздохнула.

«Бойтся девчонка, – со смесью жалости и удовлетворения подумал Рамзес. – Это хорошо, значит, глупостей не наделает, остережется».

Он сосредоточился на стекле, перестав даже следить за обстановкой. Ирония Зоны: учил не соваться в опасные места, а сам рисковал лишиться сразу обеих рук. Стекло не двигалось. Просунуть в щель ладони – и оно поддастся, Рамзес был уверен. Но решетка позволяла ухватиться за срез только кончиками пальцев.

Однажды Рамзес вот так же, на пальцах, висел несколько часов над потоком мутной жижи. Возможно, поток был не опаснее компостной кучи, он и пах соответствующе, но проверять Глеб не собирался. Когда руки онемели, он начал, по наитию, представлять, как там все устроено. Вот карниз, еще прочный, но уже тронутый временем и Зоной. Края скруглились, и цепляться за них трудно. Вот пальцы с напрочь сорванными ногтями. Мышцы кистей, запястий, предплечий напряжены как канаты, и кровавый поток совершенно недостаточно питает их. Рамзес начал представлять, как нужно перераспределить ресурсы, и спустя невозможные пять минут уставшие мышцы закаменели, цементируя суставы, превращая скрюченные пальцы в подобие стальной кошки...

Рамзес затряс кистями, разгоняя кровь и разминая мускулы.

«Где слабое звено?» – размышлял он.

Стекло упирается основанием в продольный металлический желоб. Желоб движется вверх-вниз по направляющим, зубчатым рейкам. Сейчас он застыл практически в крайнем положении, сорвать его вниз можно, лишь сокрушив хрупкие металлические зубья. Хрупкие ли? Это «Мерседес», это автобус, это спецпроект. Рейка сделана из лучшего металла.

Рамзес запустил пальцы в сетку, уложил их на срезе. Наглядно представил систему и надавил, прикусив губу до крови. Стекло не сдвинулось, два миллиметровых уступчика приняли на себя усилие. Рамзес представил, как кровь, бурля, насыщает мышцы, и снова

налег на стекло. Послал сигнал зубчикам сломаться. Едва ли не почувствовал, как накалился металл, стал чуть мягче и податливее. От напряжения Рамзес застонал, и стекло поползло вниз, сопровождаемое размеренным скрежетом неподатливых зубьев.

- Вау! – удивилась Стриж, когда сталкер отжал стекло достаточно, чтобы пролезть. – Дальше что? Ты умеешь просачиваться сквозь решетки?

Рамзес не ответил. Через проем хорошо просматривалось водительское место и пространство перед дверью. Сталкерский костюм, фактически полужесткий скафандр с элементами бронезащиты, стоял, уткнувшись в лобовое стекло шейным креплением. Шлем с забралом из зеркального стекла лежал на сиденье.

- Кто-то плачет, - прошептал Рамзес неуверенно.

- Не слышу!

Стриж придвинулась слишком близко, чего в Зоне категорически не приветствовалось; ее дыхание щекотало Рамзесу затылок.

Глеб с неохотой отстранился.

- Оставайся здесь!

Через минуту сталкер вернулся с корявой жердью, вырубленной в ближайших зарослях.

- А ну-ка...

Рамзес пропустил жердь сквозь решетку, примерился и осторожно двинул рычажок на пульте. Ничего не произошло. Сталкер перещелкнул еще один рычаг и сноровисто пихнул жердь внутрь салона. Решетки с едва слышным воем электромоторов поползли вверх.

- Силь ву пле... Дуй к двери, быстро!

Стриж без пререканий метнулась к другому борту «Мерседеса». Мелькнул ежик за лобовым стеклом, и негромкий стук в дверь показал, что напарница на месте. Рамзес, просунувшись внутрь чуть не до пояса, поставил снятый с предохранителя автомат у водительского сиденья, и только затем втянулся в салон целиком, представляя собой в этот момент прекрасную мишень.

Если в автобусе кто-то и оставался, подаренной секундой он не воспользовался. Сталкер перевел дух и осмотрел в панорамное зеркало темный и, на первый взгляд, пустой салон.

В дверь опять стукнули, уже нетерпеливо.

«Куда ж ты так торопишься?!» – удивился Глеб, но тут Стриж забарабанила совсем отчаянно.

Черт! Рамзес лихорадочно зашарил по кнопкам. Зашипела пневмосистема, дверь поползла вбок. Стриж не дождалась, рванула створку и запрыгнула в салон.

- Где? – крикнула она и растерянно встала.

Рамзес с автоматом наготове поднялся навстречу.

- Ребенок плакал, - объяснила девушка. – Теперь не плачет...

- Ничего не трогать – помнишь?

Сталкер толкнул ногой скафандр и тот завалился вбок. Странно завалился, Глеб перешагнул его, кося взглядом. Как бы не встал костюмчик, не пошел размахивать армированными руками-ногами... Тьфу, паранойя!

Рамзес шагнул в салон. От водителя следов не осталось, а туристы, казалось, вышли на минуту. Очки, фотоаппараты, бутылки... Глеб взял одну, открыл и брезгливо поставил обратно. Гнилая вода, стоялая. Где они набрали такой?

Рамзес медленно шел по проходу, стараясь не упустить ни одной мелочи. Свободных мест нет. Это значит, что патрульный БТР не мог забрать всех туристов. Что же случилось? Заглох мотор, и люди двинулись своим ходом? Почему тогда не встретились по дороге? Не к Бору же пошли... Сталкер увидел на сиденье автомат, капризный американский М4. Вот и ответ: никуда они не пошли. Иначе оружие взяли бы с собой.

- Глеб, ребенок плачет!

Голос Инги дрогнул. Сталкер ничего не слышал, хотя минуту назад и ему почудился

младенческий писк.

Половина салона осталась позади, и Глеб напрягся. На заднем сиденье лежал целый ворох амуниции и еще один М4 с подствольным гранатометом. А в самом конце прохода ощущалось что-то живое. Лишь бы не младенец...

Рамзес остановился. Вокруг происходило нечто опасное и непонятное, но это «нечто» казалось размазанным, не концентрировалось в одном месте или на одном предмете. Общий угрожающий фон, ощущение разложения и опустошения.

- Выйди из автобуса!

Стриж не послушалась, и Глеб дал зарок сделать ей выволочку.

- Живо!

Девушка не ушла далеко, осталась у входа. Рамзес, оглянувшись, увидел в дверном проеме ствол «Тигра», затянутый в свежий презерватив.

Рамзес осторожно зашагал к задним сиденьям. Живое находилось здесь, скорее всего в тоннеле аварийного выхода, больше просто негде. Глеб негромко свистнул, и возле аварийной двери зашевелились. Сталкер с некоторым облегчением – засада бы не обнаружила себя так глупо – сунул в тоннель автоматным стволом и резко выбросился сам. Упал на заднее сиденье, ударившись о коробки с припасами.

В узком и глубоком тоннеле лежал, сжавшись в комок, пес сторожевой породы. Огромная злобная псина в ошейнике со встроенными приборами, с клипсой радиоприемника в проколоте ухе. Ростом повыше Рамзеса и во всяком случае сильнее.

Сталкер растерянно осмотрелся: пустой автобус, тихий как могила, если не считать общего угрожающего фона.

- Тебя как звать, служивый? – хрипло спросил Глеб. – Тебя бросили что ли?

Прижавший уши пес не издавал ни звука, только выкатывал на Рамзеса вишневые зрачки. По вздыбленной шерсти волной прокатывались конвульсии. Глеб осторожно вытянул руку, и собака задрожала, распахнула пасть, но заскулить не сумела. Она вжалась в угол, и в нос ударил терпкий запах собачьей мочи.

- Ах, ты, псина, - проворчал сталкер, - занесло тебя.

Он схватил пса за ошейник, потянул и только охнул. Собака обмякла, закатив глаза. Из ее носа побежала и тут же иссякла струйка черной крови.

Рамзес отпрыгнул, инстинктивно подняв руку, которой касался животного.

За спиной захныкал ребенок, отчего у Рамзеса зашлись в судороге мышцы. Ребенка там быть не могло! Сталкер умел чувствовать живое, но за спиной у него не было никого крупнее клеща в обивке сиденья.

- Па! – всхлипнул ребенок. – Собаська умелла?

«Не оборачиваться!» – приказал себе Рамзес, делая первый, самый трудный шаг в сторону выхода.

Ноги приходилось вытягивать, словно из трясины.

- Па! – закричал отчаянно мальчик, и Рамзес побежал.

Салон перед глазами вытянулся. Потолок начал стремительно падать, борта съезжаться друг к другу, причудливо корежа пассажирские кресла, а близкий выход - удаляться. Чем быстрее двигался Рамзес, тем быстрее убегал от него выход. Ужас, который Глеб давил усилием воли, прорвал плотину. Ноги разом отказались подчиняться, рассудок заскользил в черный омут, отказываясь понимать, как можно протиснуться через игольное ушко прохода...

Сталкера отпустило у самых дверей, когда он повис на поручнях. У Стрижа от его вида глаза сделались еще больше.

- Что?!

- Ни... чего, - выдохнул Рамзес и оглянулся.

Грязный, запущенный, мрачный салон...

Почему вещи туристов выглядят так, будто их купили много лет назад и с тех пор не вынимали из шкафа? Ведь это так очевидно, новая вещь разительно отличается от лежалой.

«Почему я этого не видел? Зачем вообще полез в автобус?!»

- Уходим, - скомандовал Рамзес и шагнул наружу.

Из салона едва слышно раздался детский стон.

- Рамзес, там автомат, - Стриж наоборот взялась за поручень. - Нужно заменить твоё оружие, М4 намного лучше и...

Глеб перехватил её неподвижный взгляд и хоккейным приемом оттер девушку от двери.

- Иди к машине, - приказал он. – Иначе сам убью. Отчетливо?

Угроза подействовала, в глазах Инги сверкнул яростный огонек.

- Что ты?... - начала девушка и замолчала, упершись грудью в ствол.

Окончательно пришла в себя, затрясла головой, изгоняя морок.

Глеб потянул её к «Хаммеру», стараясь не касаться пораженной рукой. Бежать пришлось вдоль автобусного борта, и опять какая-то тень мелькнула за темными стеклами. Опять недобрый взгляд заставил ежиться.

Рамзес выскочил, наконец, из-за громады «Мерседеса» на дорогу и споткнулся. Инга судорожно ухватила за его плечи.

«Хаммер» исчез.

4

- Давай будем реалистами, - в который раз повторила Инга. – Участковый проснулся, сел за руль и поехал.

- Давай будем реалистами, - соглашался Рамзес, – и не будем строить дурацких... хм... необоснованных предположений.

Они шагали друг за другом по обочине, выдерживая дистанцию и меняясь каждые двести метров. Рамзес оставался начеку, даже когда шел ведомым. Особых иллюзий насчет сканера аномалий он не питал, железка она и есть железка, а Стриж выглядела подавленной, как ни храбрилась, и думала совсем не о дороге.

Рамзеса тоже выбило из колеи приключение в автобусе. Так Зона еще не встречала сталкера. Обычно все начиналось с не шибко опасного марш-броска, а вовсе не с inferнальных детских рыданий.

Ходоков обгоняли длинные тени, солнце за их плечами стремительно падало на горизонт. Наступали сумерки, самое опасное время суток, когда Зона еще не притаилась на ночь, но уже куталась в темноту, как в маскхалат. Придорожные заросли растворились на фоне неба; кто там, что там - одному богу известно.

- Тогда зачем мы идем? – спросила Инга. – «Хаммер» пропал, участкового Зона сожрала. Жалко... как это?... с общечеловеческой точки зрения, но ничего не попишешь. Давай вернемся к нашему плану и свернем к Норе.

Рамзес не ответил. Что тут скажешь? Рюкзак ты, красавица, бросила в машине. Там же остались аптечки, консервы, и, главное, вода. Или ты из лужи пить собираешься?

- Трудно, конечно, без воды и продуктов, - явила проницательность Инга. – Но до Норы идти несколько часов. Неужели умрем от жажды?

«Задачки решаем, километры считаем? – усмехнулся Глеб. - Первый сталкер вышел из пункта А со скоростью два километра в день. Из пункта Б – второй, со скоростью... Неважно какой, хоть реактивного самолета! Вопрос, смогут ли они вернуться, однозначного ответа не имеет».

- Не подходит, - охладил её пыл Рамзес. – Представь, что Нора разорена волной. Что тогда?

- Тогда мы отнимем у кого-нибудь еду или умрем. Предлагаю решать это на месте.

- Я уже решил. Если через час, максимум два, мы не найдем «Хаммер», ты поворачиваешь обратно на блокпост.

- Я? А ты?!

- На смерть я тебя не поведу, - отрезал Рамзес. – Что я? Я давно умер, как сказала... один человек. Мне второй раз умереть не страшно.

- Хорошая у тебя подруга, чуткая! – съязвила девушка. – С ума сойти! Так и ляпнула – умер?

- Замолчи!

Инга, она шла впереди, мельком обернулась и попросила:

- Прости! Я не хотела тебя обидеть.

- Дорогу смотри!

- Я смотрю, - кротко ответила Стриж. – Не кричи, пожалуйста.

- Я не кричу.

- Кричишь!

Сталкер только зубами скрипнул, нагоняя.

- Меняемся, - приказал он.

И следующие три сотни метров шел ведущим, не обращая внимания на виноватое сопенье за спиной. Придет в себя и спросит об автобусе, решил Глеб. Не сможет не спросить.

- Рамзес, - прервала молчание Инга. – Как ты думаешь?..

- Головой, - неловко съязвил Рамзес. – Отвечаю: Зона его знает, что это было. Я не знаю.

- И что теперь? – рассердилась Стриж.

- Ничего. Прими к сведению, что в тылу осталось нечто смертельно опасное.

Стриж некоторое время молчала.

- У тебя дети есть? – спросила она неожиданно.

- При чем здесь?..

- Не могу слышать как ребенок плачет, - призналась Инга. – Сразу... как это?.. вылетаю с катушек. У меня сложилось впечатление, что это была атака на слабые места в нашей психике.

- Это неправильное впечатление.

- Почему?

- Потому что правильных впечатлений о Зоне не бывает. Правильные – значит по правилам. А правил никто не знает.

- И ты?

- Я тем более.

Стриж опять помолчала.

- Про детей так и не ответил...

- Нет у меня детей! – рявкнул Глеб и подумал:

«Надеюсь. Страшно представить, какие у меня могут быть дети!»

- Опять кричишь...

Рамзес остановился. Стриж продолжала опасливо шагать, пока не оказалась в трех шагах.

- «Хаммер» впереди, - сказал Глеб. – Видишь?

Стриж, как ни всматривалась, ничего не видела в густых сумерках.

- Почему мы стоим?

- Он не один, - Рамзес излучал могильное спокойствие. – На обочине автобус.

Инга перехватила висящий на груди «Тигр», взяла наизготовку.

- Если там тоже будет чертовщина, я стреляю!

Рамзес не стал говорить, что по его ощущениям это тот самый автобус. То ли обогнал их чудным образом, то ли они сами, замороженные, ходят по кругу.

Сталкер беззвучно двинулся вперед. Инга старалась не отставать, с досадой понимая, что выдает себя шагами. Она увидела громаду автобуса на обочине. Черная гора без единого огня, освещенная только последними отблесками солнца. Рядом с ней проявился «Хаммер», почти незаметный из-за камуфляжа. Он стоял капотом вровень автобусному бамперу, с погашенными огнями и заглушенным двигателем.

Этого Рамзес и опасался: Зона не одобряла моторов! Мертвый автобус на обочине, «Хаммер», дотянувший до того же рубежа, и тоже заглохший...

- Баста! – сказал досадливо Рамзес. – Дальше придется ногами. Он не заведется, видал я такие фокусы.

Он побежал, не таясь. Инга безнадежно отставала, хотя когда-то выступала за сборную колледжа по легкой атлетике. Стриж поравнялась с «Хаммером», когда Рамзес уже выбрасывал припасы на дорогу. Консервные банки катились по асфальту, упаковки с красными крестами звякали стеклянными. Грузно упал капроновый бурдюк с водой. Инга, не говоря ни слова, распахивала все по рюкзакам, своему, фирменному, и Рамзесову, стянутому в милиции.

- Скипидара нет.

Рамзес выбрался из салона с обрезом в руках. Под нижним стволом дробовика, закрепленный пластырем, торчал уродливой опухолью фонарь.

- Что будем делать? – спросила Инга, и услышала от черного автобуса смешок.

Страх, обычно пасующий перед Ингиным характером, вдруг пополз по телу липкой волной. Задрожали ноги, задрожали руки. Задрожал палец на спусковом крючке.

Рамзес схватил девушку за плечи и встряхнул:

- Не смей! Стрелять – не смей!

Стриж справилась с паникой титаническим усилием воли.

- Я пойду туда, - сказал Глеб, задышавшись, потому что и ему горло перехватывало иррациональным ужасом. – Если участковый там, постараюсь его вытащить. Ты ждешь десять минут, потом уходишь к блокпосту. Отчетливо?

Инга заторможено кивнула, и, когда Глеб побежал в темноту, выкрикнула:

- Рамзес, не ходи!..

«Ты бы не одобрил, Цент, - думал сталкер. - С твоей точки зрения наша цель оправдывает смерть обжоры и клоуна Скипидара. Но я так не считаю...»

Сталкер включил фонарь, добежав до водительского места. Пятно света размазалось на лобовом стекле, покрытом таким слоем грязи, будто автобус в болоте тонул. Разглядеть салон не получалось, но Рамзес готов был присягнуть, что это тот самый автобус, только невероятно грязный, тронутый ржавчиной по бортам.

Зона шутит, говорил Ворон о вещах, которые не мог объяснить даже приблизительно. Оцинкованный мерседесовский корпус проржавел до рыжих струпьев буквально за час.

Зона шутит! Дверь, оставленная распахнутой, обросла гнилым мхом. Глеб посветил внутрь, прямо на давешний скафандр без головы – тоже в разводах лишайника, и крикнул в черный провал:

- Скидоренко!

Прислушался – ничего, и сделал первый шаг в салон. Резко заныла рука, которой Рамзес тянул пса за ошейник. Будто обнажились нервные волокна и кто-то щекотал их легкими прикосновениями.

- Скидоренко, ты здесь? – захрипел Рамзес, суматошно чертя лучом по салону.

Плесень, «ржавые волосы». Что-то гибкое и быстрое юркнуло под сиденье. Сталкер зашагал по проходу, мучительно передвигая непослушные ноги. В корме, в районе аварийного выхода опять возились, как и в прошлый раз. Рамзес пошел туда, хотя ничего живого не ощущал. В середине пути начал гаснуть фонарь, а батарейный отсек – как раз под рукой – ощутимо нагрелся. Сталкер ускорил шаг, пытаясь добраться до цели, пока фонарь не умер окончательно. Побежал бы, но пол, заполненный по щиколотку мхом, оказался скользким как каток.

Когда Рамзес дошел до задних сидений, фонарь едва мерцал предсмертным светом. Глеб поспешно ткнул стволом в провал запасного выхода и отшатнулся. Оскаленный череп в ошметках гнилой плоти скалил на него клыки.

- Собаська умелла, - сообщил ребенок и обиженно всхлипнул.

Глеб повел вокруг обрезом, но рассмотреть ничего не успел. Фонарь погас.

- Скипидар! – заорал Глеб. – Отзовись, если живой!

Что-то зашевелилось в центре салона, в районе тех сидений, которые Глеб проскочил второпях. Темно! Слишком темно! Сталкер зашарил в карманах и достал зажигалку. Бледный огонек обжигал пальцы и освещал лицо, превращая его в прекрасную мишень. Вокруг все тонуло в абсолютной, без единого проблеска тьме.

Автобус засмеялся детским голоском, и Рамзес опустился без сил на одно колено; ноги его не держали. Автобусный салон вновь начал сужаться, правда не так споро, как в прошлый раз.

«Сто один...»

- Па! – весело позвали сталкера.

«Сто два...»

На полу зашуршало.

- Смотри, змейка!

На «сто три» Рамзес – была не была! - жажнул по проходу картечью. Яркая вспышка осветила салон, и Рамзес увидел человеческую фигуру у окна. Как раз в центральном ряду сидений.

- Змейка умелла! – расстроено.

«Сто четыре...»

Рамзес поднял непослушное тело с колен и сделал первый шаг.

- Есе змейка! – уже радостно.

«Сто пять...»

Еще шаг, и еще.

- Змейка ам! – с непосредственной детской жестокостью.

«Сто шесть...»

Рамзес почувствовал что-то живое впереди и ступил в него всем весом. Перед смертью змея ударил в лодыжку, но керамическая пластина, вшитая в ботинок, приняла укус на себя.

Ребенок горько заплакал.

«Сто семь...»

- Па, ты плохой! – прозвучало как приговор, и змеи полезли из всех щелей.

- Скипидар, очнись! - забулькал горлом Рамзес.

«Сто восемь...»

Он схватил человека за ворот и потянул. Тот замычал и начал отпихиваться.

«Сто девять...»

Рамзес двинул участкового в ухо и рванул на себя. Они упали в проход. Змеи шуршали вокруг, готовые жалить.

На «сто десять» история жизни Рамзеса, которой он не чаял уже продолжения, сделала очередной кульбит. Как в замедленной съемке в окнах появились лучистые отверстия от автоматных пуль. Ближайшее стекло лопнуло и засыпало людей мелким крошевом. После секундной заминки пули зацокали по ржавым бортам, иногда не пробивая, а разрывая их с противным скрежетом.

Детский лепет прервался. В салоне образовался однотонный звук, едва напоминающий многократно усиленный младенческий визг.

- Па-а-а-а!..

Рамзес, у которого глаза вылезали из орбит, разрядил по проходу в сторону двери второй ствол. Теперь оставалось только бежать, молясь, чтобы автоматчик отвлекся на другую часть автобуса. Рамзес, кряхтя от натуги, пытался на корточках и тянул за собой Скипидара. Немного пришедший в себя участковый старательно помогал, елозил ногами и размахивал короткими руками, норовя попасть Рамзесу в глаз.

Они вывалились в ночь, на свежий лесной воздух, и пару секунд лежали, приходя в себя.

«Только бы не пристрелила сгоряча!» - думал сталкер с холодной яростью, рассматривая лучи трассеров в черном небе.

Звук из двери усилился, начал ощутимо давить на перепонки, и участковый захрипел, пытаясь встать на ноги. Рамзес безжалостно потянул его прочь от автобуса. Дело постепенно шло на лад: к «Хаммеру» Скипидар ковылял уже своим ходом, раскачиваясь от последствий звукового удара и от запредельной дозы алкоголя в крови.

Инга стояла против автобуса и кромсала его из АКМ короткими очередями. Рамзеса она будто и не замечала. Сталкер перехватил автомат за ствол и задрал к небу; обжегся, но руку не убрал.

- Я тебе приказывал стрелять? – спросил он мертвым голосом, потому что и впрямь был готов убить.

- Ты... - всхлипнула девушка. – Зачем ты туда?.. Я теперь сама себе командир, ясно?!

За такие слова первоходку следовало врезать от души. Желательно выбить зубы, чтобы дух надолго запомнил собственную неправоту.

Рамзес поднял кулак к плечу... и рубанул воздух. Тонкий писк из автобуса поменял тональность и обрел новую силу. Рамзес заорал, сатанея:

- Рюкзак подними! И бегом! Живо!

«Если не подчинится, ударю, - холодно решил он. - Не простит, конечно, но когда-нибудь поймет. Если воспользуется шансом выжить».

Инга подчинилась. Она побежала в темноту, и Рамзес толкнул ей вслед Скипидара. Участковый бегать не любил, факт, но ультразвуковой визг погнал и его. Рамзес трусил последним, на бегу перезаряжая обрез и срывая с него бесполезный фонарь.

Звук оборвался, когда дорога сделала крутой поворот.

- Стой, - скомандовал Рамзес, потому что бегать в темноте умел только он, оборотень.

За первоходов у Рамзеса сердце кровью обливалось. Бегать по минному полю им, первоходкам, безопаснее, чем ночью в Зоне.

- Все ко мне!

Инга вынырнула из темноты, держа автомат за цевье.

- Вот, - она протянула оружие. – Если хочешь прогнать, гони.

Глеб молчал. В его четко распланированном сознании образовалось некоторое томление, которое с натяжкой можно было бы назвать жалостью. За невыполнение приказа духа следует карать, гласил неписанный кодекс. В некоторых случаях бить, в некоторых - убивать, расплачиваясь с Зоной одной никчемной жизнью взамен нескольких других. Что делать со Стрижом Рамзес не знал. Простить нельзя. Наказать рука не поднимается. Отправить обратно, пока недалеко ушли от блокпоста? Она не пойдет, ей в Зоне что-то очень нужно.

- Возможно, ты спасла нам жизнь, - признал Рамзес. – Но, скорее всего, погубила. Я не знаю... пока. Но вообще-то в Зоне за нарушение приказа могут убить.

Он говорил медленно, с трудом подбирая слова.

- Я не нарушила приказа. Ты сам сказал: через десять минут свободна. Прошло два часа, Рамзес!

Глеб рывком выдернул из кармана смартфон. По его часам с момента, когда он посветил в распахнутую дверь и до момента, когда в нее вывалился в обнимку с участковым, прошло секунд девяносто.

Зона шутит!

Рамзес посветил на девушку встроенным в смарт миниатюрным фонариком. Инга не опустила глаз. Злые слезы текли по ее щекам, часто капали с обожженных ресниц. Промочили серую от пыли повязку на щеке.

- Ты ждала?

- Я... - Стриж запнулась, вспоминая слова похлеще, - Я, мать твою, крестиком вышивала! У нас, знаешь ли, тоже правило – своих не бросать!

- У кого, у вас? – быстро переспросил Рамзес.

Инга промолчала, только глазами сверкнула. От вопроса с пристрастием ее спас участковый. Скипидар мучительно прокряхтел:

- Эй, мужики... Где мы, а? – и начал без остановки икать.

5

Рамзес шел первым, подсвечивая дорогу фонарем с выкрученным до минимума регулятором яркости. В затылок сталкеру дышал Скипидар, и отогнать его хотя бы на пару шагов у Глеба не хватало ни сил, ни терпения. Испуганный и заискивающий, Скипидар жался к нему вопреки всякой логике, хотя не мог не знать, что рядом с Рамзесом часто погибают. Замыкала колонну Инга, осунувшаяся после второго автобусного кошмара. Она сторонилась мужчин - держалась метрах в десяти сзади, молча переживая новые ощущения. Рамзес даже обернулся проверить ее, хотя в Зоне придерживался принципа не отрывать глаз от дороги.

- Пойдем ночью, - сказал напарнице Рамзес перед выходом. – Иначе опоздаем.

Уже опоздали, мог бы добавить, но как всякий опытный ходок не зарекался. Он знал, что Зона распорядится по-своему. Может Князя придержать, и тогда не все потеряно, а может наоборот, ускорить. Тогда Князя придется брать на обратном пути - знать бы только, как он пойдет. Впрочем, если Цент не врет и не ошибается, Око в руках Князя особой ценности не имеет, ибо бандит не ведает, что творит. Ни к чему оно уже не будет годно, кроме как осыпать золотом удачливого бандюгу.

Прапорщик споткнулся на ровном месте и слезливо выматерился, сбив Глеба с мысли.

- Рамзес, - подала голос Инга. – Нужно сделать привал.

- Нет! Отдыхать будем у голованов.

- Сил нет... - взмолился и Скипидар.

- Силы есть!

Рамзес не обманывал, духи просто не знали, что это такое, полный упадок сил.

Глеб спешил уйти от заглохшего навеки «Хаммера» в надежде выбраться из области глухого радиомолчания. Цент пытался достучаться до него, посылая через спутниковый канал сообщения, одно за другим. Они приходили безнадежно испорченными, а попытки Рамзеса ответить закончились ничем. Такое в Зоне бывало: словно в глухую яму проваливаешься, ни дозвониться, ни докричаться. Даже ПДА пропадал из сталкерской сети.

- Рамзес! – голос Инги раздался совсем рядом. – Мы опоздали?

Глеб остановился, и остановились первоходки, тяжело переводя дух. Что-то рано они, подумал Рамзес. Впрочем, их можно понять. В своем первом походе Рамзес тоже выглядел отнюдь не орлом. И даже не орленком.

- Не знаю, - ответил Глеб, поймав себя на том, что слишком часто расписывается в собственном незнании; первоходки могут черт те что подумать. – Я даже не знаю сколько сейчас времени.

- На моих два восемнадцать, - сообщила Инга.

- На моих... а где часы?! – закричал Скипидар, затряс возмущенно щеками.

В его голосе зазвенели привычные милицейские нотки.

- Пить меньше надо! – Инга ожгла его взглядом.

- Ты тоже была в автобусе, - напомнил ей Рамзес. – Твои часы тоже отстали.

- Что теперь?

- План остается прежним – дойти до базы голованов.

- Какой в этом смысл? Я предлагаю свернуть к Норе. В конце концов, там я могу нанять проводника для... господина Скидоренко.

- Мы уже не можем сойти или вернуться, - признался Рамзес, и новички хором выдохнули-ахнули.

- Почему? – жестко спросила Стриж.

«Зона хочет, чтобы мы шли вперед».

- Ты сумеешь пройти мимо автобуса еще раз?

Инга молчала.

- Выход с трассы только там. Если повернуть сейчас, придется идти по целине, а это опасно и крайне медленно. Вы просто не представляете, что такое нехоженная Зона!

- То есть мы упустили Сарояна? – задала Инга прямой вопрос.

Участковый превратился в слуховой аппарат в сто десять кило весом.

- Шансы есть, - обнадежил Глеб. – Я слышал, ученые из Бора регулярно появляются в Норе под личные гарантии хозяина. Как – не знаю. Молитесь, чтобы волна не разорила Бор, и мы уговорили голованов показать дорогу.

- Не может быть! - несмело поспорил участковый. – Как это – разорила? Бор защищен как крепость, мне рассказывали. Шесть уровней под землей, наверху только бронированный капонир. Говорят, броню сняли с линкора «Миссури»...

- Не сглазь! – оборвал его Глеб.

В действительности, Рамзеса беспокоил вовсе не Бор. До Бора еще следует дойти, то есть дожить. А вот где немецкий БТР с разведчиками? Почему не возвращается? Глеба все больше охватывало неприятное чувство, что они шагают напрямик на плаху. Напряжение, разлитое вокруг, постепенно достигало опасной концентрации и обращалось прямой угрозой.

- Мне броневику не дает покоя, – Стриж, оказалось, думала о том же. - Куда он подевался?

- Найдется, - успокоил Глеб напарницу. – Здесь одна дорога.

Сталкер посмотрел в низкое, затянутое тучами небо с темно-серой проплешиной на месте луны. Поймал ртом несколько капель; оказывается, шел мелкий незаметный дождь. Известный факт: в Зоне почти всегда пасмурно и редкий дождь, зимой разбавленный снегом. Такой вот каприз аномальный природы.

Спустя два часа небо оставалось таким же черным, тучи – плотными, а дождь усилился. Глеб решил сделать короткую остановку, потому что Скипидар едва переставлял ноги, хотя нес только автомат. Стриж выглядела грозно из-за сведенных бровей и сердитой морщины на переносице. Но голос выдал ее растерянность:

- Четыре тридцать...

И нет даже намека на рассвет.

Скипидар, ни сказав ни слова, лег там, где шел. Инга тоже присела на дорогу.

- Это какая-то гигантская аномалия, - объяснил Рамзес. – Время будто останавливается, пространство искажается. Я однажды побывал в такой.

Первоходки не ответили, им было неинтересно. Плохой симптом.

- Мне кажется, мы так и будем шагать от аномалии к аномалии. В темноте. Пока ноги не отнимутся, - глухо сказала Инга. – И это Зона?!

- Это Зона, – усмехнулся Рамзес. - А ты чего ждала?

- Ничего я не ждала... Мне другое рассказывали.

- Кто рассказывал?

- Не твое дело, - Инга даже ругалась теперь без огонька. – У тебя связь с землей есть?

Рамзес достал смарт. В течение последнего часа сообщения от Цента не приходили. Толстяк устал их посылать без толку, или, что более вероятно, ходоки углубились в зону глухого радиомолчания, куда не мог пробиться даже сигнал со спутника.

- Связи нет.

- Воды дай, - злобно каркнул Скипидар. – Почему пить не даешь?

Рамзес протянул ему полную до краев фляжную крышку и на всякий случай отобрал автомат.

Еще через три часа изнурительного марш-броска Скипидар отказался идти. Он лег на асфальт и не отреагировал, даже когда Рамзес двинул его прикладом в спину.

- Ну что, Рамзес, - Стриж криво улыбнулась. – Эта ночь... как это?... будет длиться вечно?

- Нет, - Рамзес тоже начал уставать, больше от изматывающего чувства опасности, чем от ходьбы. - Если сидеть на месте, то совсем недолго. Сутки, может быть, двое. Потом

сдохнете.

- Я не сдохну! - пообещала Инга. – Но привал все равно нужен.

Костерок развели в кювете. Стриж покружила, уткнувшись носом в сканер аномалий, и начала кромсать ножом плотный дерн. Скипидар помогал, рискуя лишиться пальцев. В ямке запалили огонь, поверх кинули корягу потолще, на корягу пристроили вскрытые консервные банки.

Есть хотелось до спазмов в желудке, но Рамзес стоял посреди шоссе, пытаясь сладить с новым для себя чувством бессилия. Зона показывала характер, да такой, что сталкер немного растерялся. Она словно знала, на что нацелился Рамзес, и пыталась сбить его с маршрута.

- Сталкер! – негромко крикнул от костра Скипидар. – Что стоишь? В ногах правды нет. Присаживайся, каши поешь, горячей.

Рамзес шагнул к огню. Горячая каша с мясом и вправду оказалась чудо как хороша. Глеб жевал и с иронией поглядывал на несчастную девушку, в момент очистившую натовскую кормушку. Инга жалась к огню. Нет, красавица, сухпай у тебя, может, и нажористый, но в Зоне лучше костра и раскаленной в нем жестянки с мясом ничего не придумали.

- Что скажешь? – покончив с едой, спросил прапорщик. – Долго нам еще?

«Тьфу, идиот! Кто же в Зоне спрашивает «как долго»?!»

Рамзес задумался. Они шли три часа, прежде чем смартфон отказался принимать сообщения, и около шести часов после. Других ориентиров не было, сталкер просто надеялся, что зона радиомолчания когда-нибудь закончится.

- Недолго, - ответил он и встал. – Поднимайтесь.

Скипидар что-то проворчал неразборчиво, но подчинился.

- На случай, если автобус будет еще раз, - сталкер подержал значительную паузу, - я тут подумал... давайте договоримся, что никто из нас в него не полезет.

- Пока у нас плохо получается, - напомнила Стриж. – Причины находятся сами собой.

- Вот вам причина, чтобы держаться от него подальше: я больше не смогу вас спасти. Могу только попытаться застрелить.

Первоходки слушали понуро. У Рамзеса заскребло на душе, потому что стрелять в спину ему еще не приходилось, это было за пределами его понимания. Но сталкер давал себе отчет, что в третий раз выбраться из заколдованного автобуса у него крайне мало шансов. Эта уверенность не подтверждалась фактами, а только интуицией и трезвой оценкой собственных сил. Клятый автобус отнимал их столько, что хватило бы на самый напряженный поход.

- Может, все-таки назад? – тоскливо спросил прапорщик.

- Эх вы, сталкеры, мать вашу! - усмехнулся Рамзес. - Все бы вам назад...

Стриж подняла на плечо винтовку и, не говоря ни слова, полезла из кювета. Рамзес потерял ее из виду в чернильной темноте, велел Скипидару:

- Костер потуши! – и торопливо полез следом.

Инга пошла впереди, задавая темп. Ходить она, естественно, не умела, то почти бежала, растрачивая силы, то едва ползла, когда сканер начинал дурно верещать. Скипидар плелся следом, не разбирая уже пути; если бы не Рамзес, наверняка угодил бы в аномалию.

БТР заметила девушка, через тепловизор. Позвала тревожно:

- Рамзес!

Вскоре и Рамзес рассмотрел невооруженным глазом силуэт чего-то пышного, округлого, похожего больше на сугроб, чем на рубленых форм броневику. В сугробе бурлила жизнь, некая экосистема, агрессивная и наверняка опасная.

- Обойдем? – спросила Стриж, изготовив «Тигра».

БТР перекрывал гравийку от обочины до обочины, словно пытался развернуться или преградить кому-то дорогу.

- Оставайтесь на местах!

Глеб выставил фонарь на максимум – бог с ним, топливные элементы есть в запасе, и

посветил вперед.

Пушистая субстанция непонятного в ослепительном свете оттенка, запорошила броневик, укрыла его с крышей и башней. «Ржавые волосы» свисали с пулеметного ствола и только; лишайника и черной жгучей плесени Рамзес вообще не заметил. Однако! Победить «волосы» на их территории... Этот пух, должно быть, опасная штука.

Только я ее никогда не видел и не знаю, чего от нее ждать, признался себе Рамзес. Он осторожно шагнул вперед и под ногами глухо звякнуло: десятки зелено-черных от окисла и плесени гильз россыпью лежали на дороге. Гильзы длинные, наверняка БТР отстреливался из пулемета. Когда-то очень давно.

- Рамзес! – сказал Инга напряженным голосом. – Помни, мы договаривались не лезть внутрь.

Сталкер, не отвечая, сделал еще пару шагов и склонился, высматривая что-то перед собой.

- Здесь тело! – сообщил он напарнице. – Старый мертвец, весь зарос этой дрянью.

Бесформенный куль на дороге ничем не напоминал человека, и, вообще, отличался только густым пухом вокруг. Видимо, на питательном человеческом теле пух паразитировал с особым удовольствием. На ржавом корпусе с давно выветрившейся краской его было намного меньше.

Рамзес сделал еще два шага вперед.

- Здесь можно пройти! – крикнул он и посветил на узкую тропинку перед щучьим носом броневика. – Стриж, ты первая! Смотри там, не зевай!

«Тропинка – это хорошо, – подумал сталкер. – Значит, здесь кто-то есть, кто перемещается на своих двоих... или четырех».

Стриж обошла БТР кюветом, рискуя вляпаться в аномалию, каковых аномалий в низине скопилось много больше, чем на дороге. Рамзес потерял ее из виду, чертыхнулся про себя, потому что согласованностью действий в их команде и не пахло. Мишку Ворона, например, Глеб понимал спинным мозгом; знал, что тот сделает в следующий момент. Уж Ворон бы не полез в непросматриваемый кювет.

- Ты следующий, – скомандовал Рамзес участковому. – Тропинкой иди, чтобы я видел.

Скипидар почти дошел. Поравнялся с носом БТР и начал протискиваться бочком, втянув живот, хотя места вполне хватало, когда Стриж выкрикнула:

- Рамзес, здесь люди!

Никаких людей там и в помине не было, Глеб знал бы. Он прыжком настиг Скипидара и выпихнул его на простор. Участковый канул вперед с заячьим воплем. Глеб перепрыгнул через его упитанную тушку.

Люди здесь и впрямь были, только очень давно. Рамзес услышал, как громко лязгнула зубами Инга, как растеряно матюкнулся и тут же попросил у бога прощения Скипидар.

Прямо на дороге сидели двумя рядами, спина к спине, солдаты миротворческого контингента. Смотрели из-под касок провалами на месте глаз. Густой пух лез через глазницы наружу, стекая кошмарным подобием водопада по иссохшим пергаментным лицам. Ниже груди пух окутывал тела полностью, только стволы винтовок торчали в стороны; пух и «ржавые волосы» лениво колыхались в свете Рамзесова фонаря.

Глеб повел лучом влево и вправо, силясь рассмотреть что-нибудь в сплошном мохнатом покрывале. Только по наитию можно было догадаться, что в последний момент бойцы сгруппировались, прикрывая друг друга, и умерли одновременно. Никто не успел вырваться из строя.

- Глеб... – позвала Инга слишком уж хладнокровно.

У Рамзеса засосало под ложечкой. Он уже чувствовал то, что Стриж увидела через тепловизор.

- Впереди автобус.

Логично: командир бронетранспортера заметил туристический «Мерседес», как только прошли слепой поворот. А может и раньше, если получил снимок местности с беспилотного

шпиона. Командира что-то насторожило, потому что броневи́к встал метрах в шестидесяти от припаркованного «Мерседеса» и высадил десант.

- Десант не дошел... - негромко сказал Рамзес.

Десант не дошел. Погиб, едва выбравшись из-под защиты тевтонской брони; отшагал всего десять метров.

«А сколько мы пройдем?» – спросил себя Рамзес и не смог ответить.

Может быть, до Бора, а может быть, до смерти...

- Что?

Стриж придвинулась слишком близко и услышала.

- Дистанцию держи! - не сдержался Глеб.

В другое время он не рискнул бы, вернулся. Но теперь выбирать не приходилось, и Глеб разозлился.

На Ингу его окрик не произвел впечатления. Она сделала шаг в сторону и доложила, всматриваясь в ночь:

- Рамзес, я вижу указатель! Пункт Бор, триста метров... или восемьсот, не разобрать.

«Значит идем, - решил Глеб. - Однозначно!»

- Я первый. Стриж, ты следом, дистанция шесть метров, - командовал он. - Витя, ты замыкаешь. Главное – не психовать, что бы не случилось.

Глеб хотел посмотреть девушке в глаза, но наткнулся взглядом на окуляры тепловизора.

- Если что, меня вытаскивать осторожно. С умом и без стрельбы.

- Окей, - хрипло ответила Инга. – Без стрельбы, договорились.

Глеб помедлил.

- Сними очки, - попросил он, и Стриж задрала на лоб прибор ночного видения.

В свете фонаря ее взгляд казался глубоким, утонуть можно. Смертельную усталость прочитал в нем Глеб и едва оформившееся понимание, которого не было всего несколько часов назад. И вызов, отчаянный вызов.

- Одна смерть всегда лучше двух, верно? – спросил негромко Глеб.

- Когда как, - еще тише ответила девушка, упрямо наморщив лоб. – И вообще... как это?... не каркай и не накаркаешь!

«Жаль, - подумал Глеб, - ох как жаль, что не то место и не то время».

Сталкер отвернулся и шагнул в сторону жуткой скульптурной композиции, слепленной Зоной из десятка человеческих мумий.

Ощущение непреодолимой опасности подобно водопаду рухнуло на Рамзеса. Сильно фонил давешний пух, мертвечиной и тухлым склепом несло от бронетранспортера, а впереди проявился черным омутом автобусный силуэт. Третий за последние часы.

«И последний, - понял Глеб. - Либо он затащит нас внутрь, либо мы дойдем до Бора.

Автобус вызывал у сталкера физический страх. Что-то непонятное ощупывало пространство вокруг невидимыми усиками. Усики колко лезли в сознание через нос, глазницы и барабанные перепонки, отчего Рамзеса колотил адреналиновый ураган. Идешь на смерть, говорил ему инстинкт, которого Рамзес привык слушаться безоговорочно.

Сталкер глухо зарычал, давя ужас в зародыше. Господи, сто, от силы двести метров! Автобус будет позади, а там и до голованов рукой подать. Ногой шагнуть, как говаривал в таких случаях Ворон.

- Рамзес! – встревожилась Инга, и сталкер повелительно махнул рукой.

Вперед!

Стриж двинулась следом, выдерживая приказанную дистанцию. Сразу же задрожала крупной дрожью, Рамзес ощущал как вибрирует воздух у ее тела.

Глеб обогнул трупы по широкой дуге. Пуха здесь было немного, видимо, гравий не пришелся ему по вкусу. Автобус надвигался из темноты. Огромный, давящий... Теперь Рамзес забирал в сторону противоположной обочины, но некоторое время автобус оставался в пределах досягаемости фонаря, и Рамзес быстро мазнул лучом по борту. «Мерседес»

распадался на части. Каверны в бортах открывали разложившуюся машинную требуху, крыша провалилась в нескольких местах, а оконные проемы щерились черными зубами-осколками. Словно акулы пасти.

Через эти проемы Глеб увидел людей – мумии, закутанные в покрывала серого пуха.

Отвести взгляда сталкер не смог.

- Па! – едва слышный, прилетел детский голосок, каким, наверное, и должен шептать умирающий ребенок. – Все умелли...

В следующий момент Рамзес понял, что падает лицом в землю и ничего не может с этим поделать.

ГЛАВА 8

1

Беня взбунтовался сразу же. Сказал, едва только Кнопка и Крот скрылись в зарослях, имея курсом далекий Стройбат:

- Князь! Я отмычкой ходить не люблю, ты же знаешь.

Беня вообще Зону не любил. Ее, впрочем, никто не любил, но Беня и здесь выделялся. На него, убогого, у Князя имелись особые планы, в которые работа отмычкой как раз не входила, но бунт следовало давить без жалости. Шестерка пытался что-то говорить - Князь не слушал. Он без спешки примерился и впечатал кулак в Бенину бровь. Хорошее место, бровь, мясистое, богатое кровью. Для пушего эффекта Князь ударил резко, с последующим оттягом, как во времена оны рвал с пола неподъемную штангу. Беня брызнул сразу и кровью, обильно, и слюнями-соплями из раззявленной пасти. Неправильные слова умерли на поганом языке, шестерка только хекал, прикрывая лицо, пока Князь учил его уму-разуму.

Через пару минут Князь притормозил. Беня осторожно выглянул из-под локтя.

- Хоть убей! – взрыднул он, размазывая по роже кровь. – Все лучше, чем в аномалии загнуться.

«Ай как разобрало бродягу», - восхитился Князь, но бить не перестал.

Наконец, Беня глухо завыл из-под локтя, и Артур остановился. Не хотел переусердствовать, имел на Беню серьезный расчет. Слишком серьезный, чтобы рисковать испортить предмет.

- Ну? – спросил Князь ласково.

Беня молчал.

Будем считать, что бунт подавлен, решил Князь. Время раздавать пряники. Бунтарь убедился, что неправ, теперь должен почувствовать благодарность. Если не за науку, так хотя бы за оставленные жизнь-здоровье.

- Выпей.

Артур протянул флягу с настоящим армянским коньяком. Беня, шмыгнув, клацнул зубами о горлышко. Присосался надолго, любил это дело.

- Все равно не догоняю, - несмело признался он, отвалившись от живительного источника. – К чему это все, Князь?

«К тому, что мешать Крота в дела суровые не стоит, - подумал Князь. - У него свое дело, поважнее твоего, мокрого. К тому же Крот – мужик с характером. Его, когда заартачится, разбитой мордой не убедишь».

- Крот – пацан ненадежный. Пусть себе шагает в Стройбат.

Князь говорил внушительно и с ноткой интимности, мол, только тебе доверяю.

- А мы?

- А мы в Нору.

- Оборотень? – догадался Беня (великий ум!) и засиял щербатой улыбкой.
- Только ша! – Князь показал Бене увесистый кулак. – Чтобы без шума. Срисовали-положили-слиняли.

Беня добросовестно помозговал.

- Какой шум? Никто ж не знает, что мы в Зоне!

- Наши ПДА засекали, - снисходительно объяснил Князь.

Хотя свой «комок» он отключил, едва потянуло жареным. Но совсем без связи в Зоне ходить не получалось - оперативные сводки, информация о движении аномалий и облавах миротворцев, все это требовало хотя бы одного устройства. Князь пошел на компромисс: в сети остался Бенин ПДА, в расчете, что на мелкую шавку любопытный глаз не ляжет.

Спровадив Крота с отмычкой, Князь повернул на прежний маршрут, которым шли, пока на ПДА не упали алармы о всеобщем шухере и волне. Маршрут был натоптанный, тысячами ног исхоженный, и даже Беня решался высунуть остренький нос чуть дальше, чем ему велела осторожность. Ближе к Норе Князь велел ПДА отключить, и пошли совсем вслепую. Крот, наверное, еще разменивал первый километр по непролазной чащобе, а Князь с шестеркой уже видели слабый дымок.

В Норе готовили пожрать. Саян готовил, неведомо каким ветром занесенный в Зону с Байкала корчмарь, романтик и авантюрист. Князь подозревал, что на чернобыльских шашлыках Саянчик имел немногим меньше, чем он, Князь, на своей нервной и опасной работе.

- Шашлычок! – облизнулся Беня. – Сейчас бы порцию под водочку и девочку.

- Бодливой корове... - усмехнулся Князь, но Беня его не понял.

Последний километр шли осторожно, иногда короткими перебежками. Саянчик Нору сторожил крепко, не чета другим. У Князя имелся один расчет, и тот ненадежный, что после волны звероватые Саяновы буряты заволнуются и станут нюхать вокруг не так дотошно.

Князь ходил здесь когда-то, местность помнил и со слов шестерок знал, где сделать засаду. Волчара, наверняка, идет один. Негде ему, голому и босому, взять отмычку. Продукты и оружие - может быть, если пошустрил в Вешках после волны. А вот желающих прогуляться вместе от забора и до гроба, таких простаков у Рамзеса дефицит.

- Заляжем по-тихому, - объяснил Князь во время крайнего перед Норой привала, – чтобы Саянчик не вонял. Оборотень пойдет от блокпоста.

- Это как? – удивился Беня и поцыкал расшатанным об Артуров кулак зубом.

«Это так, дубина, - скривился про себя Князь, - что иначе – зачем ему машина? Только нахрапом рваться через блокпосты. По уму, других вариантов-то и нет. Догнать меня на маршруте, имея отставание в сутки? Ха!»

- Оттуда пойдет, - припечатал Князь, не вдаваясь в подробности. – Дежурить будем по очереди, чтобы глаза не замылить. Когда появится, подпускаем, но не близко, иначе почует. Будешь валить его метров с трехсот, а лучше с четырехсот. И смотри у меня, чтоб как в аптеке! Дырку в лоб – и валим.

Не хотелось только вони до времени. Саянчик, конечно, киска, все время лыбится, глазки добро щурит, но киска не простая. Камышовый, его степную мать, кот – вот кто Саянчик! Любого пса загрызет, и волчаре, если засаду приметит, обязательно мяукнет. Это к бабке не ходи, у них с волчарой старый шахер-махер.

- Обижаешь, Князь! – нервничал Беня. – Я его с километра возьму!

Он поглаживал цыплячьей ладошкой чехол со снайперским «Штейром».

- Сплюнь, мудила, - рявкнул шепотом Князь, и сам начал отплеиваться. - Если он на тебя живой выйдет, подышать ты будешь страшно. Таких как ты он за людей не держит!

- Па-асмотрим!

Беня щерился в ответ мелкими темными зубками, и в этот момент даже Князю становилось немного не по себе.

Они выбрались на удобный пригорок, прикрытый от Норы зарослями. Ближе Князь не решился, хотя прогалина, по которой из леса должен был выйти Рамзес, просматривалась не

очень хорошо, имела много слепых участков и только один – как на ладони. Хоженный маршрут открывался лучше, но от него, наоборот, приходилось маскироваться. Черт его знает, кого принесет в нелегкий момент. И не упредишь, не включишь ПДА с удобным сканером контактов.

- Все! – скомандовал Князь. – Дальше не пойдем, встанем здесь.

Беня сделал лежки, подле своей разложил снаряжение: винтовку, магазины, бинокль. Залегли, и некоторое время переговаривались о разном, пока разговор не потух сам собой. Беня, о чем ни говорил, всегда сворачивал на баб и стрельбу. Князю, имевшему во времена оны университетское образование, быстро надоело выслушивать Бенины унылые рассуждения.

К обеду Князь занервничал.

К двум часам обложил затейливым матом Беню с его нытьем по поводу холодной тушенки и выпавшего зуба.

В три понял, что просчитался, но не еще не сообразил к пользе или ко вреду.

Рамзес уже должен был выйти к Норе. При условии, конечно, что его не перехватили солдаты и не сожрала Зона, но на это надежды мало. Он не вышел, следовательно...

«Следовательно, время работает не на меня!»

Это значит, что пока Рамзес пытается договориться с миротворцами и считает минуты, он, Князь, эти драгоценные минуты ему дарит, хотя мог бы уже подходить к Стройбату. Хотя не исключен и другой вариант: машина угонялась для отвода глаз, и Рамзес бежит сейчас по безопасной трассе. С него, хорька многоумного, станется. Князь даже выглянул из укрытия и прощупал взглядом дорогу, по которой они с Беней пришли несколько часов назад. Чисто, слава Зоне! И долго еще будет чисто, до утра, а может и дольше, пока ходоки не очухаются после волны.

Ждем до сумерек, решил Князь.

2

В забытии Рамзес бежал по коридору, плотно заставленному мебелью, коробками и всяческим хламом и поэтому невероятно узкому. Бежал, едва отрывая ноги от вязкого как патока линолеума, отталкиваясь от стен руками и подвывая от страха не добраться до спасительного выхода. Пока некто, тяжело шагающий за спиной, не минует поворот и не выстрелит.

Выстрелит? Первобытный ужас выжимал из Рамзеса волю к сопротивлению. Стрелять не нужно, понял сталкер. Достаточно того, что он посмотрит мне в спину, и мое сердце лопнет, как воздушный шарик, наполненный кровью.

До двери оставалось всего ничего, шагов семь-восемь, но как Рамзес не старался, преследователь двигался быстрее. В последний момент Глеб рванул как подстреленный заяц, но споткнулся о тело, скрюченное на полу. Упал ладонями в лужу загустевшей крови, поскользнулся, заелозил коленями – и не успел.

Некто вышел из-за поворота, поскрипывая тяжелыми даже на звук башмаками, шурша кожаными полами длинного плаща. Посмотрел, словно выстрелил. Рамзес умер.

И очнулся в чернильной темноте, лицом в гравийной крошке.

- Сталкер! – кто-то истерично шептал в ухо и тряс за плечи. – Сталкер, проснись, черт тебя...

Рамзес пошевелился, на большее ему не хватило сил.

- Сталкер! – заверещал Скипидар, уже радостно. – Живой?!

Глеб приходил в себя, а прапорщик не унимался, все бубнил, размахивал руками и остро пах страхом.

- Где она? – прохрипел Рамзес, заранее зная, каким будет ответ.

- Она в автобус поперлась, дура, - задыхался Скипидар. – Я уж думал кранты – ты упал, а она прямиком туда...

Рамзес приподнялся на кулаках, передохнул и выбросил тело вверх. Пошатнулся на подламывающихся ногах. Теперь дожидаться, пока острые мурашки пробегут по непослушным мышцам, пока туман в голове немного рассеется.

- Ты куда?! – зашипел участковый. – Сам же говорил – не лезть!

«Да пошел ты! – отчаянно подумал Рамзес, сбрасывая с плеча дрожащую руку. – Она, может, еще жива!»

Покачиваясь, он зашагал к провалу в борту «Мерседеса», который, провал, всего несколько часов назад был входом в комфортабельный автобус. Теперь вход потерял четкость очертаний, за ним открывалась абсолютная тьма, которую не мог разогнать даже луч мощного фонаря.

На дороге появились клочья серого пуха, и Рамзес бестрепетно – чего уж терять! – шагнул в них. Пух захрустел под ногами; оказался немного другой природы нежели представлялся на вид. Не было ощущения мягкости, скорее – хрупких стеклянных нитей, крошащихся под ногами.

- Сталкер! – горестно завопил Скипидар. – А я?!

Вопль немного отрезвил Рамзеса. Тем более, что с каждым шагом в хрустящее серое поле все сильнее ныла рука. Даже не ныла, а болела тупой изматывающей болью, и, как подозревал Рамзес, могла отказать в любой момент. Сталкер перехватил фонарь другой рукой, а обрез забросил за спину. Свет был сейчас важнее оружия.

- Жди! – приказал Глеб участковому, и перестал обращать на него внимание.

И впрямь, что тут скажешь? Переиграла Зона, перехитрила. Нашла для Глеба вескую причину заглянуть в автобус. Ни за кем другим не пошел бы – и за Скипидаром второй раз тоже; разве что за Вороном, но Мишка есть Мишка. А за Ингой ноги сами понесли.

Зачем она туда пошла? Рамзес торопливо перебирал варианты, потому что до провала оставались считанные метры. Думать в салоне будет поздно, метаться наугад – смерти подобно, Зона мгновенно сожрет. Сталкер понял, зачем Инга поднялась в автобус, только когда поставил ногу на ступеньку. Металл с жалобным скрежетом подломился под его весом, и Глеб сообразил. Он помедлил секунду, оценивая задумку, и решился. Сорвал с плеча обрез, проигнорировав вспышку боли в руке, отцепил ремень с одной стороны и распустил его на всю длину. Не густо, чуть больше двух метров. Хватит ли? Глеб, не раздумывая больше, сунул дробовик стволом в отверстие в обод автобусного колеса и дернул за ремень. Кованая сталь сопротивлялась Зоне и коррозии, уже и крышка раскисла, и ось надломилась, а обод каким-то чудом держался и держал обрез.

Глеб зажал в зубах фонарь, подхватил ремень за свободный конец и ступил в салон. Движением головы посветил вдоль рядов кресел, стараясь не заглядывать в мумифицированные лица. Ему повезло, он сразу нашел Ингу, еще до того, как фонарь начал гаснуть. Девушка стояла далеко от входа. Слишком далеко...

- Все умелли, - отчетливо сказала Зона.

Теперь голос не казался живым. Так могла говорить игрушечная обезьянка со встроенным дешевым синтезатором.

И ты умрешь, подразумевалось, но в этом Глеб с Зоной был категорически не согласен. Умереть? Нет уж, меня придется убить. И толкнуть, иначе я не упаду. И убить еще раз, по всем правилам, а то ведь я и подняться могу. Как Мишка...

Рамзес без колебаний отпустил ремень, выбрав его на всю длину, и шагнул в проход, заросший пухом по колено. Девушка стояла буквально в паре метров, и жадный пух уже полз по ее бедрам.

Инга смотрела, если это слово подходило к ее остановившемуся взгляду, на мумию в крайнем у прохода кресле. Смотрела в упор, словно изучая каждую складку на пергаментном лице, каждый темный потек из рваной дыры в груди. Очень немногие люди видели в Зоне собственное мертвое тело, и только некоторые из них сохранили после этого душевное здоровье. Инге довелось. Войдя в Зону первый раз, она угодила в переплет, которого избегали всеми силами опытные сталкеры.

Рамзес взял ее за локоть и потянул. Теперь могло случиться всякое, но того, что произошло, Глеб не ожидал. Инга могла говорить и, наверное, думать.

Девушка обернулась:

- Ты? - и послушно двинулась следом.

Пух со стеклянным хрустом начал сползать с ее ног.

Но все только начиналось. Выход исчез – и исчезли пустые глазницы выбитых окон. Салон автобуса представлял в гаснущем свете фонаря страшную в своей нелепости картинку; Глеб будто заглянул в калейдоскоп, сложенный из осколков грязного стекла. Ремень, специально протянутый сталкером, чтобы выбраться, если ноги откажут, истончился, стал невероятно длинен и уходил куда-то вверх и вбок, теряясь в мешанине причудливой оптической иллюзии. Рамзес судорожно шарил в полутьме. Вот калейдоскоп снова тряхнули, и картинка разъехалась. Ремень ушел куда-то вниз, и Глеб не мог ухватить его, как ни старался.

Фонарь погас мгновенно. Светодиоды вычерпали весь метанол топливного элемента, которого обычно хватало на несколько суток. Глеб быстро, как автомат в бою, перезарядил фонарь, включил. Картинка вновь поменялась, ремень исчез совсем.

- Мы умрем... – сказала Инга; не спросила, а именно сказала, ничуть не сомневаясь в этом почти свершившемся факте. – Я знаю как мы умрем... Как жаль, если бы ты знал – как мне жаль!

Рамзес выругался сквозь зубы.

- Инга, - попросил он, заглядывая напарнице в глаза. – Если ты видишь ремень, попытайся взять его.

Несколько секунд девушка размышляла.

- Не вижу.

Тогда Рамзес поволок ее вперед, как он надеялся по проходу, ставшему вдруг бесконечно длинным. Ноги болели, начиная от щиколоток и выше. Болели сильнее чем рука, а ступней Глеб и вовсе не чувствовал. Неужели это конец?! Сколько раз Глеб представлял собственную гибель в Зоне! Как ни контролируй сознание, а гнилые мыслишки сами лезут в голову. Страшнее не было сценария, чем умирать с парализованными ногами.

Проход закончился неожиданно. Перед лицом встала бурая стена – лобовое стекло, непрозрачное от грязи, настолько толстое, что и Зона не смогла его взять.

- Ты видишь выход?

Девушка только повела головой. Нет выхода. Глеб вспомнил еще о стекле, опущенном со стороны мертвого шофера, когда Инга сделала судорожное движение.

Рамзес обомлел: в первый момент ему показалось, что спецкостюм, полностью утонувший в пухе, ожил и тянется к нему. Только почувствовав за непрозрачным шлемом человека, Глеб разрешил себе ухватиться за протянутую руку.

На груди у человека зашипело – там находился ударопрочный динамик, и раздался искаженный голос:

- Держитесь за мной!

В другой руке спаситель держал неуловимый ремень, и Глеб без размышлений двинулся следом. Через несколько минут люди упали из разъявленной пасти автобусного выхода.

- Не стоим! Уходим! – распоряжался человек. – Эта субстанция очень опасна.

В десятке метров бесновался Скипидар, рыдал в голос:

- Живые! Живые, чтоб вы сдохли!

Инга упала, не сделав и шага. Рамзес подхватил ее безвольное тело.

- Рамзес, - прошептала Инга едва слышно. – Рамзес... Рамзес... - повторяла раз за разом, но не жалобно, а сквозь зубы, видимо пытаясь объяснить или предупредить.

Глеб взвалил ее на плечо, с холодящим ужасом осознавая, что едва чувствует ноги.

- Сюда!

Человек в спецкостюме потянул его в сторону; прямо по курсу помавала воздухом

«жарка». Глеб увидел альпинистский шнур, прикрепленный карабином за пояс спасителя, увидел икающего от страха прапорщика, вцепившегося в шнур как в соломинку, и побежал за ними, переваливаясь с одной непослушной ноги на другую.

Автобус остался позади, и разом смолк давящий вой на грани слышимости. Зона не тратила времени и энергии на ускользнувшую добычу. Рамзес перевел дух и попытался сконцентрироваться на ногах, потому что ниже колен это были не ноги, а протезы. Скосил глазами вниз, но в суматошном мелькании фонаря ничего особенного не заметил: плотная ткань комбинезона, запятнанная грязью и пиксельным камуфляжем, высокие ботинки. Бежать, слава Зоне, пока удавалось.

- Еще немного, - одышливо крикнул человек.

Не ходок! Голован или солдат из тыловых, но не сталкер.

Они запетляли в лабиринте строительных блоков и, наконец, встали у широких – для габаритной техники - ворот, покрытых черным губчатым материалом поверх брони. С линкора «Миссури», если байка не врет.

- Бор! - выдохнул спаситель.

В черепе у Рамзеса словно пузырь со жгучей кислотой лопнул. Заболела сосущей болью голова, самый уязвимый орган сталкера-ветерана.

За воротами творилось неведомое что. Хрупкая структура Зоны рвалась как шелк под напором примитивного, но мощнейшего поля непонятной природы. Поле это, шарообразный сгусток энергии, как ядерный гриб вздымалось, невидимое, из недр базы. Оттуда, где работал на предельном режиме компактный атомный реактор. Сталкер ощущал его, как микроскопическое солнце, яркое и злое.

Рамзес едва не взвыл от бешенства: голованы пытались активно воздействовать на Зону, не понимая, что творят. Или понимая? Нетрудно догадаться, что раненная Зона предпримет ответную атаку. Наверняка, если в чем-нибудь можно быть уверенным наверняка, круговерть времени и пространства вокруг Бора есть прямое следствие вмешательства людей.

Кое-что у голованов получалось. Пространство стало проницаемым для радиоволн, и на смарт Рамзеса одно за другим, быстрой очередью, стали приходить сообщения. Только вот до Центовых сообщений Глебу в его нынешнем положении не было никакого дела.

Цент подождет.

Рамзес осторожно положил Ингу на землю и отобрал у Скипидара автомат с единственным неполным магазином.

- Подними маску! – приказал сталкер, уперев ствол в серебристый шар на плечах спасителя.

3

Прошли сумерки, пришла ночь, но Князь так и не решился сняться с места. Уговаривал себя, что еще час, еще полчаса, и Рамзес появится. Рамзес не появлялся, и Князь все больше свирепел от неопределенности. Никогда еще решение не давалось ему таким трудом и терзаниями. Было с чего терзаться, эти дни обещали быть самыми важными в богатой жизни Артура Сарояна.

Беня притих на лежаке, боясь напомнить о себе неловким звуком. Князь, сука, высадил ему зуб, и еще два танцевали джигу, едва Беня касался их языком. Оставшиеся двадцать Беня рассчитывал сберечь.

В полночь Князь вынужден был признать, что время потрачено зря и свое преимущество он растерял. Запасной план имелся, но очень уж рискованный, и реализовать его Артур собирался только в самом крайнем случае. Но, похоже, крайний случай как раз имел место.

Князь поймал себя на том, что размышляет вслух, когда Беня несмело подал голос:

- Князь, может он другой дорогой пошел?

Сталкерские маршруты напоминали схему метро - четкие линии провешенных трасс. За много лет сталкеры проторили дороги по местам, где Зона проявляла минимальную активность. Здесь тоже вскакивали аномалии, иногда частые как прыщи, но дорога находилась всегда. На памяти Князя ни одна трасса не стала непроходимой. Вокруг нее – сколько угодно; проходы открываются и закрываются. А здесь... Сразу после выброса сюрпризы отмечаются на картах и на местности. Сойти с трассы можно, но опасно и, как правило, никому не нужно, кроме самых упертых романтиков. Опять же проблема с припасами.

- Нет, - снизошел до ответа Князь. – Мимо Норы он не пройдет. Сечешь?

Беня, конечно, не сек.

- Пойдем, Саянчика навестим, - ухмыльнулся Князь.

Беня мелко зарычал именно в этот момент. Он всегда рычал как злобный мопс, когда в его поле зрения появлялась добыча. Князь напрягся. Он в темноте не видел ни зги, а Беня поднял винтовку и разглядывал что-то на провешенной трассе через ночной прицел. В другой, по сути, стороне от блокпоста.

- Идет!

Беня завозился, перенацеливая свой агрегат на боковой сектор.

Князь суетливо – и злясь на свою суетливость – зашарил по сталкерской тропе ночным биноклем, но ничего не увидел. Бенина оптика брала намного дальше.

- Это не он! – зашептал Князь, потому что это не должен быть Рамзес, с той стороны, но зашептал не очень убедительно.

Беня же, прильнув к прицелу, становился другим человеком, а точнее жадным до крови шакалом. Койотом с дальнобойными челюстями. Остановить его могла разве что мгновенная кастрация, то бишь принудительное разоружение.

- Он! – хрипел Беня, и на его губах пузырилась ненависть вперемешку со слюной. – За нами полз, гнида. Сейчас я его...

Бенин «Штейр» брал цели на расстоянии до километра и мог пробить даже легкую броню, но Князь все равно перекатился ближе и дернул Беню за рукав:

- Подпусти ближе!

Беня уже изготовился получить удовольствие и даже краткая отсрочка его нервировала – но и возбуждала.

- Ладно, - согласился он. – Еще метров сто пусть живет.

Князь щурился в бинокль, стараясь распознать ходока в мельтешении светлых пятен на темно-сером фоне. Наконец, удалось. Размытая в инфракрасном свете фигура перемещалась отработанным сталкерским шагом, какой мог быть только у ходока опытного, намотавшего по Зоне немало километров. Он? Зона его знает, может и он. Вдруг Кувалда напутал насчет машины, а оборотень и впрямь пошел по их следам. Князь покосился на раструб Бениного прицела, но отнять не решился, побоялся сбить наводку. Да если и не он, невелика беда! Одним бродягой меньше...

«Штейр» сделал «в-вух-х» и клацнул затвором, сплюнув дымящуюся гильзу. Глушитель сработал отменно, затвор показался громче пули.

«Ну, упокой господи! – подумал Князь. - Хорошо ушел, мирно. Поди, и не сообразил, дурилка, за полкилометра-то!»

- Точно он? – спросил Артур на всякий случай.

Беня лежал, прижавшись щекой к прикладу, и мечтательно улыбался.

- Какая разница? – промурлыкал людобой. – Он, больше некому!

«Дебил! - скривился Князь. – Есть разница!»

- А ну-ка, включи машинку! – потребовал он, и Беня, простая душа, достал ПДА, включил и отмотал список контактов.

- Еханный бабай! Нету!

- Чего нету? – процедил Князь, и Беня начал приходить в себя после выстрела.

- О-о-отметки нету... Ни мертвого, ни живого. Он втихаря шел, Князь!

- Так ты его снял? Или промазал?

Князь не сводил глаз с мелкого Бениного личика.

Беня сморгнул.

- Обижаешь!

Князь разглядывал его еще секунду и решился. Да, это самый крайний случай. Не рыскать же впотьмах в поисках безымянного трупа или, того хуже, раненного и обозленного ходока.

- Винтовку и рюкзак оставь, мы к Саянчику на минуту, и сразу обратно.

- Шашлычок? – обрадовался Беня, и Князь усмехнулся.

- Шашлычок, шашлычок...

Он достал из рюкзака плоский вороненый брусок, похожий на огромный складной нож, и разъял его на части. Рукоятка компактного пистолета-пулемета отошла вниз и зафиксировалась со щелчком. В рукоятку Князь вогнал длинный магазин. На ствол прикрутил глушитель чудовищных размеров - самоделку из автомобильного амортизатора, неудобную, но долговечную. Глушители Артуру делал механик из гаража, мастер золотые руки и свинцовые мозги. Князь прикинул автомат на вес и скривился. Не для Бениных куриных лапок агрегат. Впрочем, жить захочет – удержит.

- Примерь на руку, - он сунул автомат Бене. – Будешь за шашлычок расплачиваться.

Беня расцвел щербатой улыбкой.

Князь же приладил глушитель на «Беретту», с которой в Зоне не расставался. Другого оружия Артур не носил, масть не позволяла. Согласно его табели о рангах железом занимались людишки помельче.

- Так что, Беня, придется Саянчика мочить, - поставил задачу Артур. – Ему не страшно, он в воробья переселится. У него вера такая, в переселение душ... Ладно, скажу проще: кого ты там завалил - неведомо. Может оборотня, а может еще кого. На тот случай, если волчара живой: ни жрачки, ни патронов, ни отдыха у него быть не должно. Для этого Нору нужно разорить. Тактика выжженной земли, слышал?

- Князь, - мимолетно забеспокоился Беня, оглаживая чудовищно толстый ствол. – Нас сталкеры на ножи не поставят?

Поставят, к бабке не ходи! Разорить опорный пункт в Зоне – это за гранью добра и зла.

- Волна все спишет, - Князь похлопал Беню по плечу, не уточняя, что, включив ПДА возле Норы, шестерка подписал себе приговор.

Поднялись. Рюкзак Артур закинул за плечи, не любил оставлять вещи без присмотра.

Бандиты вышли с точки и сделали большой крюк, чтобы попасть к дальним воротам, которые по разумению Князя охранялись поплотнее.

- У Саянчика буряты, - инструктировал Князь. – Дети степей, глотки режут ювелирно.

В действительности, о бурятах Князь не знал ничего, кроме того, что на рожу бандиты. Может, они не глотки резали, а животы, и не в степях родились, а в глухих урочищах. А то и в университетских городках. Но пусть шестерка не расслабляется. Чем больше он набьет, тем меньше Князю за ним доделывать. Не любил Князь убивать, имел слабость. По молодости, бывало, слезу пускал.

- Пять рыл, - продолжал бандит, – и Саянчик, всего шесть боеспособных. Еще, может, кто из ходоков застрял. Валить будешь всех без разбору, не то потом опознают. Главное, Беня, не очкуй! Саянчик зажрался на тихом месте, налета не ждет.

Дальше пошли детали, потому что дело предстояло трудноподъемное, и Бениных мозгов на него не хватало.

Беня шел Князю вслед – сделал Артур ему такую привилегию – и урчал как сытый кот. Готовился. Он и впрямь на глазах становился другим человеком. Трусость и хлипкость души моментально испарялись, стоило оружию попасть в руки прирожденного садиста. Сладкое ощущение всевластия напрочь отключало в мелкой Бениной башке инстинкт самосохранения. Вздрыгнутый недавним выстрелом до кондиции, Беня превращался в идеального убийцу.

К воротам он пошел один, как и договаривались. Князь схоронился в кустах до времени. Он знал о камерах слежения, и понимал, что один включенный ПДА на двоих вызовет оправданные подозрения. А Бенья пер, ему, раскумаренному кровью, уже все было нипочем. Он даже автомат не прятал, обнимал его как женщину.

Бенья стукнул в ворота ботинком. Ворота зазвенели колокольным басом, и навстречу палачу распахнулась дверца.

«Живы», - понял Князь, отводивший некоторый процент вероятности на то, что волна захлестнула Нору.

Следующие десять секунд он прислушивался, и, слава Зоне, услышал только один звонкий удар, когда случайная Бенина пуля ткнулась в железо. Со стороны казалось, что хлопнули калиткой.

Князь достал часы из внутреннего кармана – привычка надевать их на запястье так и не вернулась, и начал отсчитывать время.

Плюс десять. Бенья в упор застрелил часового на входе и побежал по двору. Это просто.

Плюс двадцать. Он вошел в здание и двинулся по левому коридору, внутрь. Обычно там отсвечивал узкоглазый из особо приближенных. Накинем Бене пять на потомка Чингисхана и десять, чтобы найти кухню.

Плюс тридцать пять. Бенья в кухне. Кто у Саянчика в кухне? Говорили, две бабы, из тех, что польстились на рекламу непыльной работенки в далекой загранице. Саянчик их, вестимо, пользует по всей программе: смена в койке, смена у плиты. Ну, эти дешевки только рады будут! Бене на них, допустим, еще пять секунд.

Князь еще мгновенье слушал гробовую тишину, затем поднялся и побежал к воротам. Сорок секунд - пора! Оповещение уже наверняка сработало. Если пост у ближних ворот почует неладное, Бене придется ох как несладко. У парадного входа Саянчик обычно ставит двоих в полном вооружении.

Плюс сорок – плюс шестьдесят. Бенья идет по коридору – не очень-то он и большой этот коридор - и убивает все живое. Саянчикова лежка там, больше нигде! Не царские, поди, хоромы.

Дальше как подфартит. В худшем случае Саянчик Бенью положит, и убирать придется ему, Князю. В лучшем, Бенья окончательно слетит с катушек и пойдет месить в зале. Там уж, как карта ляжет. Чужих отметок на Бенином ПДА Князь насчитал всего три. Значит, как минимум три хода. Как максимум... Зона их знает! Вот случится в Норе кто-нибудь из ветеранов и сделает из курячьей Бениной тушки цыпленка табака.

Князь мягко скользнул за ворота. Двор темен и невелик, в инфраочки просматривается полностью. Главные ворота находятся по ту сторону приземистого здания, большую часть окон которого Саян заделал кирпичом, меньшую спрятал за чудовищно толстыми ставнями. Артур прислушался. Изнутри не доносилось ни звука.

Князь перешагнул через тело с развороченной в капусту головой. Не умеет Бенья стрелять иначе! И оружие подходящее, не понтовый «Штейр», а эксклюзивная копия старого доброго «Ингрема», оружия гангстеров и киноактеров, собранная вручную в подпольной мастерской. Скорострельность позволяет не думать о прицельности. Просто укажи на цель стволом, и спусти курок, чтобы нашинковать ее или порезать. В зависимости от кулинарных предпочтений.

Князь бежал в сторону главных ворот, когда в доме грохотнул автомат, а от трупа раздался встревоженный крик. Долю секунды Князь соображал, не мертвяк ли встает за спиной, но это рация квохотала тарабарским наречием. Бандит успел упасть за поленницу и приготовиться к стрельбе, прежде чем два ярких пятна, так Саяновы бойцы выглядели через инфраочки, метнулись от караулки в сторону дома.

«Лапочки мои, где ж вас учили?» – умилился Князь, срезая обе фигуры в упор. Глушитель превращал выстрелы в негромкое «чуф-чуф-чуф», так паровозы в старых фильмах торопливо плюются паром.

В доме ухнуло, зазвенели стекла. Граната? С Бени станется. Он, небось, свято уверен,

что свои осколки не тронут.

Князь побежал в дом, отложив в памяти, что караулку неплохо бы осмотреть. Мало ли какие посты Саянчик выставил после волны.

В доме стоял кислый пороховой дух и терпко, до одурения, пахло кровью и дерьмом. Обычный запах смерти. Князь отпихнул ногой тело бурята-телохранителя и свернул вправо, в сторону общих помещений. Беня действительно бросил гранату – дверь в зал лежала расколотой в щепы, по потолку тек едкий дым. Князь осторожно заглянул внутрь.

Осколки посекали стены и мебель нещадно, но один стол оставался стоять посреди зала. За столом сидел Саянчик, мертвый, судя по неловкой позе, но мертвый первой смертью, после которой, бывало, и вставали. Потом Князь увидел рваные отверстия на месте Саянчиковых глаз и немного успокоился. Все же Беня не первый день в Зоне, подстраховался.

Беня сидел против трактирщика, спиной к Князю, и жрал шашлык, чавкая и капая на грудь свинячьим жиром. Плоская головенка склонялась к тарелке, утопая в широченных кожаных плечах с картонными вставками. Уши торопливо двигались в такт челюстям.

- Заходи, Князь! – пробубнил убийца, не трудясь обернуться. – Шашлычок – пальчики оближешь! Когда еще такой пожрем?

Да... Ни пули, ни осколки не тронули убогого.

Князь шагнул, одновременно поднимая «Беретту». Ствол еще не коснулся Бениного затылка, когда киллер обернулся. Его автомат валялся под столом, зато в левом кулаке убийцы, в белых до прозрачности пальцах лежала граната с сорванным кольцом.

- Всех положил, - хвастал Беня, не обращая на «Беретту» внимания. – Саянчика вот не хотел, да он что-то рассердился. А зачем сердиться? Я ему говорю: жизнь такая – у тебя своя работа, у меня своя. Тьфу!

Князь почувствовал себя глупо, глупее некуда, но руку с пистолетом будто свело. Не хотела рука опускаться, а хотела надавить на спуск. Беня смотрел масляными тупенькими глазками, какие глазки только и бывают, что у конченных наркоманов, и разглагольствовал.

- Там две девки, еще теплые, - сообщил он деловито. – По комнатам были трое народу, я их во сне завалил, - смаковал подробности.

- Брось гранату! - велел Князь, имея в виду – выбрось куда-нибудь в безопасное место. – Или мне отдай.

- Зачем? – картинно удивился Беня, отправляя в рот свободной рукой кусок псевдоплоти.

«Чтобы я тебя пристрелил, крысеныш!»

Князь, наконец, сумел опустить пистолет.

- Как выйдем, обязательно брошу, - заартачился Беня, недобро сверкнув глазками.

Они пожирали друг друга взглядами, Князь изучающе, Беня с отчаянным вызовом. Артур отвел глаза первым. Беня, конечно, возликовал этой маленькой победе, купился на дешевую заманку, какая заманка числилась у Артура в излюбленных приемах.

Непрост оказался людобой! Пустил рискованный Князев план насмарку, а план состоял в том, чтобы подкинуть ходокам в развалинах Норы обгоревшее Бенино тело. Свое скромное участие Князь афишировать не собирался, его ПДА не появлялся рядом с Норой в обозримом прошлом. Но что теперь? Неужели этот ублюдок все просчитал с самого начала? Нет, не может быть! Но факт – списать разгром на Беню, если он выйдет из Норы живым, будет ох как непросто. А убивать его на пути в Стройбат и вовсе смысла никакого. Нет, все же расчет! Хладнокровный расчет!

«Ладно, еще не вечер! Еще даже не утро...»

Князь прошел в кухню через развороченный дверной проем и склонился над плитой. Пули не тронули газовых баллонов.

Человек снял шлем.

Голован!

Лицо круглое и сытое, взгляд отстраненный, не цепкий. И староват для ходока, тут все сорок, а то и сорок пять.

- Убедились? – человек скривил губы в нервной ухмылке. – К тому же, система защиты станции фильтрует чужих.

Они стояли в узком шлюзе-отстойнике, что начинался сразу за воротами, и заканчивался двумя не менее мощными дверями во внутренние помещения станции. Двери были выкрашены в разные цвета - левая в белый, правая в голубой.

- Мы белые, - объяснил человек, - то есть грязные. Если мы пройдем адаптацию и дезинфекцию, будем, пардон, голубыми. Прошу вас...

Рамзес отпихнул его в сторону и вперевалку побежал к белой двери. Инга в его руках не подавала признаков жизни и, похоже, теряла последние силы.

- ...к белой двери, пожалуйста, - растерянно договорил человек.

Прошу, пожалуйста... Точно голован! Никогда не говори «пожалуйста», учил Мишка Ворон. Пока ты выговариваешь это слово, пуля пролетает километр.

- А что будет, когда мы станем голубыми? Накормят хотя бы? - шумно отдуваясь, спросил Скипидар.

За бронированными стенами он приободрился и вернул себе часть былой самоуверенности.

- Голубые – это гости, самый низкий уровень доступа. Гости могут ходить по коридорам, отмеченным голубыми линиями, и входить в голубые двери. Другие просто не будут открываться.

Рамзес изловчился и толкнул ногой рычаг запираания. Дверь пискнула и начала распахиваться, урча электромотором. Сталкер, не дожидаясь, протиснулся внутрь, стараясь не задевать жесткий металл разбросанными руками напарницы.

- Человек! – позвал он из глубины ярко освещенного помещения. – Как тебя?..

- Меня зовут Вадимом Михайловичем.

Голован поспешил за сталкером.

- А я Рамзес. Вадим, что у тебя есть от этого чертового пуха?

За белой дверью рядами стояли кабины для дезинфекции и дезактивации, больше всего похожие на душевые. Рамзес на кабины не обратил внимания, справедливо рассудив, что умирать им не от радиации, и встал подле огромного саркофага в центре помещения.

- Сюда кладите, - распорядился Вадим, отпирая саркофаг нажатием кнопки. – Сейчас загрузится...

- Пусть он быстрее грузится, - процедил Рамзес, укладывая напарницу внутрь саркофага.

Он снял с нее рюкзак, забрал винтовку, револьвер и нож. Устроил поудобнее, стараясь не заглядывать в бледное до синевы лицо.

Голован отстранился, глянул на сталкера с опаской.

- С оружием здесь не принято ходить, - заметил он, хотя сам оставался с пистолетной кобурой на поясе.

Но развивать тему не стал, перехватив взгляд сталкера.

- Что это? Плесень? - Рамзес кивнул на волокна серого пуха, густо облепившего ноги девушки.

- Нет, это вообще не живое, как мы считаем. Проекция многомерных пространственно-временных искажений... если это о чем-то вам говорит.

- Мне это говорит, - нехорошо усмехнулся Рамзес, – что кое-кто в Зоне сильно напакостил.

- Искажения всегда проявляются в пограничных пространствах, - смутился голован. – Мы умеем с этим бороться... на ранних стадиях.

Он опустил тяжелую крышку, вызвав у Рамзеса неприятные ассоциации с похоронами,

и осторожно потянул сталкера к двери:

- Здесь нельзя оставаться. По инструкции и вообще.

Глеб, вопреки всем законам природы, увидел это «вообще», когда саркофаг, выйдя на полную мощность, закрутил вокруг себя хоровод сильнейших магнитных полей. Рамзес сморгнул, и наваждение пропало. Сталкер затряс головой.

- Болит? – сочувственно осведомился голован, запирая дверь и отсекая Глеба от наваждения и от Инги.

Рамзес не ответил.

- Процедура занимает от получаса до целого дня, - помявшись, зачастил голован. – В зависимости от степени поражения. Думаю, через час мы проведем экспресс-анализ состояния вашей... э-э... девушки и будет ясно, сколько ее держать в боксе.

Но гарантий, естественно, никаких, понял Рамзес. Устало подумал, не набить ли головану морду. Хотя не он придумал глушить Зону, это уж точно. Тот, кто придумал, сидит в теплом кабинете отсюда далече. Но как ни крути, Стриж умирает и по его вине тоже.

На стене шлюза висели массивные часы с циферблатом, разбитым на двадцать четыре деления. Стрелки показывали половину четвертого утра, и Рамзес, приободрившись, оставил мысль о мордобое. Половина четвертого? Неплохо, очень неплохо!

Шлюз обустроили для долгого времяпровождения, поставили шкафы с амуницией, припасами и оружием. В дальнем углу нашлась туалетная кабинка, на мягких лавках вдоль стен можно было спать, а за пластиковым столиком, как в обычной летней кафешке, обедать.

Участковый сидел за столом и давился тушенкой. Рамзес задумался, и его остановившийся взгляд Скипидар принял на свой счет. Пробубнил с набитым ртом:

- Не могу я! Когда волнуюсь, жрать хочу - сил нет!

- Вы заедаете стресс, - покивал Вадим, он тоже присел за стол и откровенно набивался на разговор. – Можно было разогреть, здесь есть микроволновка.

«Разговор? – подумал Рамзес. – Будет тебе разговор».

- Как ты оказался снаружи?

Голован помедлил.

- Это был плановый выход. Я не понимаю вашей агрессии, уважаемый... Рамзес. В конце концов, я оказал вам посильную помощь.

Он говорил с известным достоинством, хотя явно опасался звероватого сталкера.

- И правда, Глеб, какая муха тебя укусила? – поддержал голована прапорщик, глянул удивленно. – Человек тебе жизнь спас!

Человек? В иных обстоятельствах этого человека Рамзес обошел бы за километр. Потому что странный и непонятный.

- Эту карусель тоже он устроил, - отрубил Глеб, но все же взял на полтона ниже. – И в плановый выход верится с трудом.

- Мы вышли вслед волне. Волна бывает не так часто, чтобы ее упускать.

- Мы?

- Нас было двое. Мой напарник погиб.

- То есть ты для них, - Глеб кивнул на голубую дверь, - такой же прокаженный как и мы?

- Мы не прокаженные! – неуверенно возмутился голован. – Мы можем связаться с персоналом станции по телефону.

- И все?

- И все! Таковы правила: внутрь нас пустят после стандартной процедуры адаптации.

- Сколько она длится? Час? Два?

- День. Как минимум.

Рамзес ощупал ноги.

- А если сократить процедуру? Ограничится этим... боксом от пространственных искажений?

- Это исключено! Вас не допустят во внутренние помещения.

«Мне туда и не нужно, - подумал Рамзес. - Меня там ждут наручники, в лучшем случае».

Он сосредоточился на своих ощущениях. Ноги по-прежнему чувствовались как нечто чуждое организму, едва реагировали на щипки слабой болью. Рамзес представил, как кровь бежит по резиновым артериям, как разливается по сети узких капилляров... Вот! Сюда проник «пух», «плесень», «искажения» - называй это как хочешь. Ступая в него полчаса назад, Рамзес слышал стеклянный хруст, но оказывается, не все крошилось подошвами сталкерских ботинок. Тонкие, неразличимые глазом нити рассекали живые ткани, а организм не знал как бороться с этой напастью.

- Вадим, - Рамзес придвинулся к головану. - Меня не интересуют внутренние помещения. Меня интересуют собственные ноги. Здесь есть еще один бокс от этой дряни?

- Есть во втором шлюзе, - промямлил голован. - Но туда далеко, не меньше километра по периметру.

И я туда не пойду, говорил его взгляд. Рамзес машинально положил руку на автомат и тут же убрал. Насилие не выход! У отмычки всегда найдется миллион способов подставить ходока.

- Ладно, - сказал Глеб мягко. - С этой дрянью я сам решу. Скажи мне, каким маршрутом вы ходите в Нору?

Вадим смотрел непонимающе.

- К Саяну, - поправился Рамзес, и - вот оно! - веки ученого дрогнули.

Голован вскочил.

- Да мы, собственно, никуда...

Рамзес крепко взял его за упругую шейную манжету. Не то поправить хотел, не то придушить.

- Вадим, скажи мне отчетливо, как вы ходите к Саяну!

- Я не...

Рамзес свел пальцы и сразу же отпустил.

- Мне очень нужно! - объяснил он. - Прошу тебя.

- Эй! - вмешался Скипидар. - Вы это, мужики... полегче!

«Скоро он вспомнит, что служит в милиции и формально имеет власть пустить мне пулю в затылок», - подумал Рамзес.

Глеб опять сжал пальцы на горле ученого. Голован хватался за его руку и делал слабые попытки ударить ногой. Со стороны это выглядело так, будто голован приплясывает от желания посетить туалет.

«Зона тебя раздери! - тоскливо думал Рамзес. - Почему бы тебе просто не сказать?!»

Вскочил Скипидар, уронил с грохотом стул, и голована, наконец, прорвало.

- Ходим! - каркнул он, посинев от злости и недостатка воздуха. - Но только... с личными целями... никакой коммерции!

- Маршрут!

Рамзес немного ослабил захват.

Голован засуетился, достал из нагрудного кармана планшет. Рамзес активировал смарт на прием и несколько секунд ждал, пока информация стечет на его компьютер полностью. Открыл карту проверить. Это действительно был маршрут, провешенный хотя и небрежно, но по всем сталкерским правилам.

- Умничка, - похвалил он голована, мучаясь от осознания собственного вынужденного скотства. - За горло извини. Честно.

Голован упал на стул и задышал с присвистом и хрипом.

- Сталкер! - рокотнул прапорщик. - За такие вещи...

- Что, Витя? - вкрадчиво осведомился Рамзес. - Что ты мне сделаешь за то, что я отбил тебя от волны и дотащил до Бора?

- Я сюда не своей волей шел!

- И я не своей, - усмехнулся Глеб. - Судьба, говорят, фатум. По своей бы воле я сейчас

с ней, - он кивнул на дверь, за которой боролась за жизнь Инга, - не здесь был и не с вами.

- Зачем тебе маршрут? Ты уходишь?

- Да.

- А мы?

- А вы ждете эвакуации.

- Ты нас затащил сюда, тебе бы и вывести, - вспыхнул Скипидар. – Да ладно уж. Но если судьба опять нас сведет... ну, сам понимаешь!

Рамзес только хмыкнул. Если бы он коллекционировал все полученные угрозы, это была бы огромная коллекция. Богатая и разнообразная.

- Витя, дай мне вот это.

Рамзес ткнул пальцем Скипидару в грудь, в оттопыренный карман. Хмурый Скипидар вынул «корвалол», подбросил, сжал в кулаке. Рамзес буквально видел, как борются в противоречивой Скипидаровой душе жадность и боязнь конфликта.

- Зачем тебе?

«Единственная моя надежда справиться с заразой», - подумал Рамзес и ответил, почти не кривя душой:

- Мне в Зоне пригодится. А я тебе новый принесу.

- Ладно.

Участковый, решившись, сунул артефакт быстрым движением. Словно не дарил, а выбрасывал.

- Но я тебе больше ничего не должен, - тут же добавил он.

- Договорились, - кивнул в ответ Рамзес; душить Скипидара ему совсем не улыбалось.

Свернув карту на смарте, он раскрыл «Входящие», где скопилось полторы тысячи сообщений, и удивился Центову упорству. Видимо, что-то важное, если одна и та же реплика отправлялась много раз, до подтверждения доставки. Рамзес двинулся к шкафам с амуницией, начал на ходу читать и остановился в растерянности.

Текст и впрямь оказался важным. Оглушающим! Цент писал: «Рамзес, по людям расклад такой. Варан – дрянь, Кувалда - бык, Бенья – псих, Кнопка - никто. Крот из них самый опытный, ходит давно, себе на уме. Теперь лирика. За твою девицу говорят, что рейсом из Нью-Йорка действительно прилетела некая мисс Рив, но она никак не может быть Ингой (Инной?) Порывай. Максим Порывай, Нина Порывай, муж и жена, сотрудники ЧАЭС, числятся пропавшими без вести. Инна Порывай – их дочь, 1984 года рождения, была эвакуирована, находилась до совершеннолетия в детском доме. В нашем детдоме, соображаешь? Не в американском. Теперь живет в Харькове, я посылал людей, они подтвердили – живет. Рамзес, американка засланная! Ответь, как сможешь».

Глеб убрал смарт и с каменным лицом начал потрошить оружейный шкаф. Взял патронов к АКМ, топливных элементов. Перешел к стеллажу с продуктами и набил рюкзак под завязку. Повертел в руках и сунул в карман швейцарский перочинный нож, без которого ни консервную банку вскрыть, ни поесть толком. Положил несколько научных аптекчек, самых богатых и дорогих. В шкафчиках со спецкостюмами выбрал армейский шлем, напичканный оборудованием: имелся тепловизор, респиратор и детектор аномалий. Сложил все, упаковал и присел за стол. На дорожку.

Скипидар и голован Вадим наблюдали за Глебом без особого интереса. Голован то и дело трогал горло, Скипидар хмурился, но молчал.

- Витя, - попросил его Глеб. – Девчонку не бросай.

«Потому что мне за нее тревожно», - не стал уточнять сталкер.

Так тревожно, что он готов упрашивать – и кого?! Скипидара! Кто она, Порывай или еще кто, не так уж и важно. Она с самого начала была напихана тайнами и тайночками, и Глеб это прекрасно видел. Еще он видел, что она стоящий человек, хотя и никудышный сталкер. Очень жаль, что она враг. Что ж, ей судьба дойти до Бора и, если повезет, не остаться калеккой.

Взгляд споткнулся об Ингин рюкзак, сиротливо лежащий у стены, и Глеб не сумел

обмануть себя, что это неважно.

«Раз уж она из чужого окопа, ты должен знать все», - приказал Глебу рассудок, циничный до омерзения.

«А вдруг Цент ошибся? - шевельнулась робкая надежда. - Я открою рюкзак, а там свидетельство о рождении, паспорт и показания очевидцев, заверенные нотариально?»

Глеб перевернул Ингин рюкзак над столом. Вещи рассыпались, кое-что покатилося по столешнице, упало. Скипидар и голован начали их подхватывать и не заметили самого главного.

ПДА Кости Фоксина, Фокса, лежал на самом дне рюкзака и теперь оказался сверху. Старый, много выдавший сталкерский ПДА со смятым экраном. Который по всей логике событий должен быть у Князя и его бандитов, а оказался вот в рюкзаке неизвестной девицы.

У Глеба пошла кругом голова.

5

Когда Рамзес шагнул в серый рассвет через узкую щель между створками, пошли вторые сутки, проведенные им без сна. Не очень много, Рамзесу приходилось бодрствовать и дольше, но и предыдущий свой шанс выспаться сталкер толком не использовал. Усталость еще не заявляла своих прав по-настоящему, но мышцы уже начинают утрачивать гибкость. Совсем чуть-чуть.

Едва слышно загудел мотор, сдвигая створки с неотвратимостью медвежьего капкана. Рамзес зашагал по дорожке вдоль ограды, положив автомат на плечи и забросив руки на ствол и приклад. Известный способ дать отдых натруженным мышцам.

Сталкер шел долго, пока не приметил наметанным глазом замаскированную тропку в сторону Норы. Прежде чем свернуть, Рамзес оглянулся. Ворота давно пропали в утренней дымке, а за высоким забором поднимались из тумана ажурные конструкции. Глеб по-прежнему ощущал мощь энергетического шара над этими причудливыми шпильями. Невидимого глазом, но оттого не менее опасного.

«Вернись!»

Голос прозвучал так отчетливо, что Рамзес в какой-то момент решил, что слышит его наяву.

«Вернись, Рамзес...»

Глеб приказал себе повернуть на тропинку.

Спустя час пришлось сделать привал. Сложный маршрут изматывал – голованы провели его схематично, а недавний выброс поменял карту аномалий.

Да и здоровьем заняться не мешало. Чувствительность к ногам возвращалась, «корвалол», закрепленный на бедре пластырем, исправно отдавал энергию, но и пух никуда не делся. Голубые скользкие волокна по-прежнему рассекали ткани.

«Корвалол» оказался временной мерой, с досадой подвел итог сталкер.

Он закопал порожнюю банку и достал из рюкзака ПДА Фокса. С тех пор, как сталкер держал его в руках несколько дней назад, комок не стал выглядеть лучше. В ответ на нажатие кнопки «Power» он только слепо мигнул экраном, и смарт, подключенный к коммуникационному порту, не смог его опознать.

Рамзес и не рассчитывал на скорую победу. Выбрав светлое место, он расстелил прямо на земле носовой платок. Разрезал и отбросил резиновую защитную окантовку ПДА. Острием ножа аккуратно вскрыл треснувший корпус и вывалил на платок компьютерную требуху. Озадаченно хмыкнул: как все серьезно! В отличие от гражданского ширпотреба, компоненты ПДА в экстремальном исполнении защищались толстым слоем лака. Хотя вездесущий грибок проник и сюда, разрисовав залакированные поверхности причудливым узором.

Для начала Рамзес высвободил из крепления досуха вычерпанный топливный элемент – Стриж, видимо, пыталась реанимировать ПДА и отступилась, когда закончилась энергия.

Затем с помощью медицинского пластыря кое-как приспособил к разъему запасной элемент от смарта. Конструкции устройств различались, но судя по маркировке элемент подходил.

Ощутимо запахло метанолом. ПДА начал мигать светодиодом, утопленным под слоем лака, но экран оставался черным. Немного ободрившийся Рамзес опять соединил ПДА со смартфоном. Комок переключился в инженерный режим, и Рамзес, чуть дыша от волнения, молясь всем богам, чтобы контакты контактировали, а ток тек куда нужно, запустил сканер ресурсов. На экране смартфона побежали строки с неутешительными результатами: «карта – повреждено», «контакт-лист – повреждено», «лог – уничтожено». Рамзес прокрутил список ресурсов сталкерского ПДА, большая часть которых была выделена красным. Взгляд зацепился за некое «хранилище», помеченное значками «доступ запрещен» и «внешнее устройство».

Внешнее?

Рамзес краешком платка стер черный налет с платы и увидел в разъеме пластину съемного накопителя. Глеб прерывисто вздохнул. Его знания электроники на этом заканчивались. Что будет, если снять накопитель и попытаться считать информацию на смартфоне? Не будет ли накопитель автоматически отформатирован? Слышал Рамзес о такой защите.

Глеб закурил, чтобы дать отдых расшалившимся нервам. Маршрут там, на этой хрупкой пластине? Черт, никогда еще Око не было так близко!

Сталкер освободил смартфон и попытался набрать Цента. Связь отсутствовала как явление, а значит, придется думать самому. Решившись, Глеб отщелкнул накопитель из разъема и тщательно протер контакты платком, смоченным водкой. Отбросил черную тряпку. Ну, с богом! Накопитель без проблем вошел в гнездо на тыльной стороне смартфона. «Обнаружено новое устройство» – отапортовал сканер оборудования, но менеджер файлов огорчил: «Доступ запрещен, введите пароль». «Access denied, enter your password».

Рамзес скривился. Набрал три единицы на выдвижной клавиатуре. Потом раз-два-три-четыре-пять. Потом «password». Потом «z,frs». Смарт упрямо отвечал очередным запросом, и Рамзес бессильно выругался.

Нужно выходить из этого пузыря, где не то время взбесилось, не то пространство! Переслать содержимое накопителя Центу, и толстяк не подведет. Не может быть, чтобы Цент не вскрыл защиту любой сложности, если за ней такой лакомый кусочек.

Рамзес быстро собрался и двинулся по маршруту. Небольшая удача придала ему сил, а препятствие разозлило. Он прошел не меньше километра, когда за спиной, в оставленном на произвол судьбы Боре что-то случилось. Сдавило мгновенным захватом голову, накатил грохот тугого... взрыва? Шар над Бором распух до гигантских размеров, а потом схлопнулся в точку. Глеб сорвал шлем и некоторое время напряженно вслушивался. Поймал себя на мысли, что головные уборы снимают, чтобы прощаться навсегда, сплюнул через плечо и больше не оглядывался.

Он шагал от маркера к маркеру, а солнце, вместо того, чтобы ползти к зениту, вдруг начало стремительно гаснуть. Или скатываться к горизонту, за плотными облаками Глеб не видел. Аномалии на пути словно взбесились и между ними опять проклюнулись клочья серого пуха. Рамзес обходил его или перепрыгивал, стараясь не думать что будет, когда Зона окончательно сойдет с ума.

Семь, если судить по карте, извилистых километров до «Норы» Рамзес одолел за десять часов. Вышел на провешенную трассу, что вела от забора до харчевни Саяна, абсолютно не представляя, сколько времени прошло за пределами аномалии. Судя по небу и ощущениям, стояла поздняя-поздняя ночь. Темнота и неживая тишина вокруг, как всегда бывает в такое время в Зоне.

Хоженная трасса оказалась чистой, и дело у Глеба пошло на лад. До «Норы» оставались считанные сотни метров, когда Рамзес остро почувствовал опасность и нырнул вперед, не раздумывая.

Выцеливал его, на беду, стрелок опытный. Он не промешкал.

Пуля ударила Рамзеса вскользь по шлему, и в голове у сталкера словно колокола бухнули. Он потерял сознание раньше, чем брызги крови из носа долетели до земли.

ГЛАВА 9

1

Узкая, с ладонь, доска уходила в темноту и где-то там упиралась в берег, до которого Инге нужно было дойти, во что бы то ни стало. Наверное упиралась, Инга не знала точно, потому что никогда не доходила. И как ступала с обрыва на шаткую доску, тоже не помнила. Девушка просто оказывалась над багровой пропастью без дна, и делала один за другим мучительные шажки, замирая от мысли, как вокруг все страшно и неправильно. Темнота немного расступалась, образуя вокруг Инги темно-багровый пузырь едва освещенного пространства. Инга шагала час за часом, шаг за шагом, но конца пути не видела. Ее колотило от жара, поднимающегося снизу, и от холода, рвущегося изнутри.

«Я опять болею», - понимала Инга и даже чувствовала горький привкус лихорадки, но проснуться не могла.

Здесь, в болезненном кошмаре, всегда было горячо и шумно, как в экскурсии над адом. Очень далеко под ногами бурлило адское варево, чем-то напоминающее вулкан, невидимое, зато отчетливо слышимое и ощущаемое. Доска вибрировала от грохота, и девушка тоже раскачивалась, замирая сердцем от этого страшного движения.

Берег все не появлялся, хотя Инга прошла уже много километров. Но вот что-то случилось. Гул снизу начал замедляться, красный свет пробился, наконец, сквозь вязкую темноту... Стриж пошатнулась от резкой боли – пространство сжалось в точку, где-то в районе сердца, и взорвалось.

Девушка полетела в бездонную пропасть...

Стриж проснулась, залитая потом как кровью, с колотящимся сердцем. Тело, каждую клеточку, словно выжигало изнутри раскаленным металлом, и даже закричать не получалось. Инга лежала в абсолютной темноте, понимая теперь, как это, когда глаза вылезают из орбит. Боль подскочила до верхнего, неизвестно кем назначенного уровня, и стала превращаться из резкой и нестерпимой в ноющую и такую же нестерпимую.

«А придется терпеть...» - с этой мыслью сознание начало ускользать, но следом за болью пришел ужас. Девушка снова пришла в себя.

Стриж лежала в гробу.

Она поняла это шестым чувством, потому что крикнуть и послушать эхо не могла. Только замычала, поднимая непослушные руки, и ожидаемо уперлась в крышку над головой. Крышка оказалась мягкой, и девушка уцепилась за это ощущение. Гроб не стали бы обивать чем-то мягким, верно?

«Стали бы!»

Инга пошарила вокруг, натываясь на глухие стены, нащупала пустую кобуру и снова едва не сорвалась. Отдохнула, закрыв глаза и пытаясь мыслить логично.

Гроб в Зоне? Откуда ему взяться? Зачем убивать так сложно, даже если сталкер с напыщенной кличкой Рамзес обманул и завел в ловушку? Ведь не за красивые же глаза он набивался в компанию...

«И за них тоже!» - зашпорило ее девичье самолюбие, вечно прозябающее на задворках жизни.

Силы постепенно возвращались. Через пару минут, постанывая от напряжения, Стриж уперлась коленями в преграду над головой и попробовала ее поднять. Крышка подалась, совсем чуть-чуть, и девушка повеселела. Она немного отдохнула и сделала еще один подход,

в который раз похвалив себя за часы, проведенные в спортзале. Твердый пресс, конечно, не так выигрышно смотрится на пляже как мягкая девичья талия, но, черт возьми, где тот пляж?!

Инга предельным усилием толкнула от себя крышку, и та, чавкнув герметичными прокладками, неожиданно легко распахнулась. Видимо, сработал доводчик.

Стриж вывалилась наружу, ощущая как свежо вокруг после затхлого могильника. Как много в воздухе кислорода, и даже резкий химический запах не мешает дышать. Она лежала возле гроба, запоздало ужасаясь, что могла просто задохнуться.

Боль постепенно уходила, или Инга привыкала ее не замечать. Девушка видела дверь, выкрашенную белым, и тусклый оранжевый маячок над ней – единственный источник света в просторном помещении. Углы тонули в темноте, там смутно угадывались громоздкие механизмы.

«Опасность! Выход здесь!» – маячок подсвечивал черную на желтом надпись.

«Надень СИЗ, идиот!» - приписали ниже маркером.

Что такое СИЗ, девушка не знала. Что это за дверь, и как она за нее попала, не помнила. Сбравшись с силами, Инга доковыляла до выхода и, уже взявшись за рычаг, увидела в круглом дверном иллюминаторе чужое лицо.

Автобус проявился в памяти, отчетливо, словно картинка на киноэкране. Только что не было его, но вот включился проектор и прокрутил кошмарный фильм в считанные секунды.

На какой-то миг Инге показалось, что это та, мертвая, смотрит на нее из оконца. Пергаментная кожа, клочья волос, истлевшая одежда... И черная дыра в груди, напротив сердца. Мир вокруг покачнулся, дверь ударила в лицо, но стегнувшая от раны острая боль удержала в сознании.

- Это отражение! – зашипела девушка, путая русские и английские слова. – Дура, дура, дура! Успокойся! - но картинка продолжала стоять перед глазами.

Над головой захрипело, будто кого-то душили.

- Подтверждаю оранжевый!.. – продрался сквозь хрип отчаянный голос. – Всем – оранжевый!.. Уровни минус четыре, минус пять, минус шесть – полная герметизация! Кто меня слышит...

Динамик отключился с резким щелчком, и на Ингу, как всегда в минуты видимой опасности, снизошло ледяное спокойствие, еще более страшное, чем паника. Эмоции истончились, отошли на задний план. Стриж даже смогла анализировать их с некоторой примесью любопытства – ну надо же, мумии испугалась. Собственной мумии...

Едва выбравшись из одного гроба, Инга совсем не хотела оставаться в другом, просторном. На кнопку «Орел» дверь не отреагировала, и девушка потянула вниз рычаг запираения. Дверь не подавалась, будто на нее навалились с другой стороны.

- Кто здесь? – знакомый голос дрожал.

В иллюминаторе, как пузырек со дна аквариума, всплыл круглый глаз прапорщика Скидоренко, испуганно затрепетал ресницами.

- Это я, открой, - выдохнула Инга, против воли чувствуя облегчение.

Скипидар не открывал.

- Ты... живая? – задал он странный вопрос.

- Живая! – закричала Инга в вытаращенный глаз. – Где мы? Это Бор?

- Бор, - всхлипнул прапорщик. – Точно живая?

Инга рванула, и рычаг провернулся. Участковый смешно закудахтал, но девушка уже протискивалась, отжимая дверью тяжелое скипдарово брюхо.

- С ума сошел?!

За дверью открылось широкое помещение с лавками вдоль стен, едва освещенное аварийными лампами. Инга мельком огляделась, соображая, где находится. Скидоренко отступил в дальний угол, и девушка не сразу узнала его.

Прапорщик вооружился. Разгрузка едва сходилась на начальничьем пузе, ее бесчисленные карманы участковый набил патронами и аптечками. Рюкзак за плечами делал

Скипидара похожим на увешанного оружием колобка.

Насмерть перепуганного колобка. Автоматный ствол, направленный Инге в грудь, выписывал нервные восьмерки.

- Где Рамзес?

- Ушел, сука такая! Руки покажи, не то выстрелю!

«Ушел, значит...»

- Успокойся, – Инга показала ладони. – Что случилось?

Участковый вытянул шею, не то разглядывая, не то вынюхивая, и, помедлив, опустил автомат.

- Не знаю! Рамзес сказал – ждать эвакуации, и свалил. Потом двери открыли, свет забрали, а этот придурок...

Скипидар уже не выглядел опасным. Он явно радовался тому, что не один и что-то говорил, говорил, говорил, не в силах остановиться. Инга окончательно запуталась. Она нашла под лавкой свои вещи и оружие. Разозлилась выпотрошенному рюкзаку:

- Кто?!

- Не я! – открестился Скипидар и наябедничал. – Сталкер. Велел смотреть за тобой и ждать эвакуации. А этот придурок...

- Кто меня вытащил из автобуса?

- Не я!.. То есть... сталкер, а потом голован сказал - деактивация...

- Заткнись! – рявкнула Инга.

Она вlepила бы пощечину струсившему мужику – это могло помочь, но автомат, укороченный «Калашников», висел у Скипидара прямо под рукой. Не ровен час, начнет палить с перепуга.

- Виктор! – Инга положила ему руки на плечи, крепко сжала. – Давай по порядку. Вы меня донесли до Бора, так? Что случилось потом?

- Потом у голованов что-то сломалось...

Скипидар тяжело дышал и поводил мутным взглядом.

- Ты правда живая? – спросил он неожиданно трезво. – Тогда нужно сваливать. Видела?

Прапорщик кивнул в сторону приоткрытой двери, ведущей, судя по всему, в основные помещения станции. На пороге неряшливой кучей лежал... труп? Инга посветила фонарем – труп! Какого-то животного или насекомого.

- Я сначала думал – таракан, - сказал прапорщик. – Большой, зараза, с овчарку. Вадим в него две обоймы высадил!

Это был не таракан. То есть разбросанные в стороны антенны-удилища, конечно, тараканьи, и ноги с левой стороны - тоже. А с правой...

- Убивал бы яйцеголовых! - в сердцах признался Скипидар.

С правой стороны из панциря торчали металлические шарниры, с закрепленными на них суставчатыми протезами. Протезы заканчивались острыми шпорами, и вообще, конструкция напоминала Инге проект нового марсохода НАСА. Она помнила фото из журнала «Сайенс».

Знакомый пушок обметал и протезы, и, особенно жадно, хитиновый панцирь существа. Еще дальше, по периметру двери и за нею, заросли пуха становились густыми и на вид непроходимыми. Инга не знала, что это такое, но, помня Рамзеса, осторожничала.

Девушка выставила фонарь на максимальную яркость. Пух едва заметно расползлся в стороны.

- Растет! – сказал прапорщик ломким голосом. – Час назад было чисто.

Да, нужно уходить... Куда?

- Когда объявили тревогу, сначала все закрылось, а потом... Кто-то открыл двери. Вадим пошел внутрь. Сказал, ждать его. Я... собрался вот.

- Про меня забыл? – не удержалась Инга.

Скипидар только вздохнул.

- Тут такое!.. Не знаю, как уходить, - признался он. – Я пробовал: ворота не

открываются без электричества, перелезть... там метра четыре будет и колючка поверху. А потом куда? Снаружи кошмар, ей-богу! Лучше уж здесь.

- Кошмар везде, - Инга задумалась. – Четыре метра? Я заберусь и попробую вытянуть тебя. Куда пошел Рамзес? В Нору?

- Спрашивал про какого-то Саяна, - неуверенно вспомнил участковый. – Зачем Рамзес?! Я в Зону не пойду!

- А куда пойдешь? К теще... как это?... на блины?

Скипидар пробурчал, что «лучше уж в Зону».

- Я не настаиваю. Если хочешь, оставайся.

- Не хочу, – быстро ответил прапорщик. – Но почему за Рамзесом?

«Черта с два я теперь вернусь!» – подумала Инга.

- Потому что он мне нравится! Как идти, знаешь?

- Да вы свихнулись, оба, - растерялся участковый. – Как идти, голован знает... Вадим, то есть. У него в компьютере записано.

- Где этот Вадим?

- Я ж говорю, - снова зачастил Скипидар. – Как объявили тревогу, он сразу внутрь, придурок...

Объявили высший уровень и в нарушение всех правил открыли двери? Только в одном случае – ситуация вышла из-под контроля так неожиданно и быстро, что голованы, люди сугубо штатские, запаниковали и попытались бежать. До шлюза из недр станции не дошел никто, но шлюз наверняка не один. Может быть, кто-то успел выйти другим путем?

- Значит, так! – оборвала Инга скипидарово паническое бухтение. – Снимаешь лавки, двигаешь шкафы к воротам – что хочешь делай, но чтобы я могла дотянуться до проволоки. Чем резать, найдешь, не маленький. Я иду за маршрутом.

Инга едва не спросила «отчетливо?!»

- А если?..

«Если» остались за периметром, Инга доходчиво объяснила это в понятных Скипидару выражениях. Прапорщик сморгнул:

- Да ладно, ладно...

- И в пух не суйся!

Инга решительно закинула за плечи рюкзак и карабин – в узких коридорах «Тигр» будет мешать, но и оставлять его неразумно. Идти, в действительности, не хотелось. Стриж еще раз взвесила шансы добраться до Норы самостоятельно. Черт его знает, что опаснее, несколько километров в Зоне или несколько сот метров в зачумленном подземелье. Кстати, без особых шансов на успех, она голована Вадима в глаза не видела.

Девушка вооружилась фонарем и, прежде чем нырнуть в заросли, склонилась на тушкой мутанта. За несколько минут пух скрыл ее полностью, встопорчился как наэлектризованная шерсть. Девушка уловила ощущение чего-то скользкого и отвратительного. Труп стремительно разлагался, и пух именно так... чувствовал – Инга не могла подобрать другого слова, мешанину тараканьих потрохов, титана и кремния. И Стриж чувствовала тоже, хотя пальцем его не коснулась.

Скипидар уже ломал мебель. Инга застыдилась своей робости и шагнула через тело монстра. Пух захрустел под ногами, как стеклянная вата, и сразу же вернулась ноющая боль по всему телу. Инга задавила непрошенные мысли. Жалеть себя нужно после боя, вспомнилась нехитрая максима.

Пух облепил аварийные светильники, и в коридоре стояла едва разбавленная темнота. Инга перебрасывала фонарь из стороны в сторону, едва угадывая под пушистым налетом плотно закрытые двери. Это было хорошо, потому что Инге совсем не улыбалось обыскивать каждый аппендикс этой бесконечной кишки. Если голован шел здесь, то шел прямо.

И она двинулась, не сворачивая. Откуда-то снизу еле слышно взвизгивала сирена, лязгал металлом разлаженный механизм. Эти звуки, ее слишком громкие шаги и дыхание, частое и тревожное, только подчеркивали напряженную тишину. Выжидательную, как

казалось Инге. Низкий потолок и стены ощутимо давили, казалось, они сдвигаются, как только девушка отводит фонарь.

Инга не выдержала и достала револьвер.

«Кольт-питон», мощная и надежная машина, излечивает от страха темноты и прочих фобий. Инга извела грузовик боеприпасов, не меньше, с тех пор, как отец подарил ей «питона» в легкомысленной розовой упаковке. На двенадцатилетие. Первым же выстрелом револьвер вывихнул школьнице палец. Господи, как она ревела тогда от страха, боли и обиды! Зато потом научилась сбивать подброшенную монетку.

В десятке метров от входа Инге почудилось шевеление под ногами. Фонарь выхватил из темноты пушистый сугроб с подергивающимися усами. Еще один таракан? Стриж обошла его вдоль стены, боком, а сугроб целился антеннами и делал слабые движения в ее сторону.

Миновав несколько задранных дверей, Инга нашла распахнутую, а за ней лабораторную комнату и мертвого голована. Может быть Вадима, хотя Инга надеялась, что это не его труп, с выжженным кислотой лицом.

Забранные бронированным стеклом боксы громоздились от пола до потолка, в несколько рядов. Пух сделал их непрозрачными, но за некоторыми Инга угадывала движение и скребущие звуки.

Мертвый человек лежал навзничь. Его убила струя едкой жидкости, и та ее часть, что прошла мимо, расплавила защиту нескольких боксов. Тараканы пришли отсюда.

Инга встала на колено рядом с телом и посветила в темный угол, откуда выстрелили кислотой. Пух раскрошился под керамическим наколенником, но Инга не заметила нового приступа боли.

На нее смотрели из широкой оплавленной пробоины. Пух запятнал стекло по краям, но до отверстия еще не добрался, и там, в черной глубине, Инга различила неподвижные круглые глаза. Стриж вскинула револьвер. Глаза рывком приблизились, в круге света появилось мраморного цвета лицо. Инга, холодея, увидела девушку-подростка, и палец застыл на спуске.

Что здесь твориться?!

Девочка – или кто там был, за стеклом – равнодушно отвела взгляд и потянулась к отверстию, не обращая внимания на едкий химический дым.

«Не смей!», - слова умерли, не успев родиться.

С костяным звуком существо распахнуло челюсти. Как рыба, механически – это лицо, похоже, не знало что такое мимика, а за гладкую кожу Инга приняла идеально подогнанную чешую. Там, где у людей бывает шея, запульсировал чудовищный зуб, и существо отрыгнуло сгусток дымящейся жидкости. Стекло почернело. Мутант неторопливо ухватил костяным ртом изрядный кусок, мотнул головой, отрывая, и сплюнул.

Обломок светопроницаемого полимера трехдюймовой толщины зашипел в зарослях пуха.

Инга оцепенело следила за быстро растущей проплешиной, когда ее тронули за шею, и палец дрогнул на спуске. Выстрел ударил по перепонкам. Пуля разорвала переполненный зуб монстра, хотя Стриж и не целилась толком. Она только показала стволом, и пуля нашла цель, словно заколдованная. Грузовик боеприпасов – это очень много...

Раненное существо зашипело и кануло в темноту, а затаившиеся до времени обитатели зверинца разом закричали и заметались по своим убежищам.

Стриж кувыркнулась вбок, уходя от опасности сзади, но это был всего лишь тараканий ус. Он тянулся из сантиметрового отверстия, прожженного случайными брызгами, и суетливо исследовал пространство.

Инга ударом ноги сломала вражеский щуп у основания, но из пробоин к ней уже тянулись конечности, живые и металлические, светились в темноте десятки глаз, фасетчатых, птичьих и почти человеческих. Со всех сторон и, кажется, даже сверху.

Да что здесь твориться?!

Инга, не глядя по сторонам, начала ворошить заросли на теле голована. Нашла

пластиковый бэйдж с греческой фамилией и планшет, изъеденный кислотой до кремниевых потрохов. Проклятье!..

Стриж подпрыгнула от неожиданности и вскинула револьвер - от стены, что напротив входа, прилетел тяжелый звук. Кто-то сильно ударил по металлу, и сонм нечеловеческих воплей еще усилился. Теперь в нем явственно различался страх.

В той стене тоже имелась дверь, слава богу, задраенная. Теперь в нее мерно били чем-то увесистым.

- Кто там? – закричала Инга, перекрывая шум.

Ей не ответили. Удары прекратились, слепое оконце на миг заслонил массивный силуэт. Инга сообразила, что дальняя дверь ведет в параллельный коридор, и он наверняка где-то пересекается с тем, по которому идет она. Незвестный двинулся тяжелым шагом как раз в сторону возможного пересечения.

Остаться в этом жутком террариуме Стриж больше не могла. Сбежать не могла тем более.

Она вернулась в коридор и перемещалась теперь максимально осторожно, держа перед собой в сведенных кулаках фонарь и готовый к бою револьвер. Звук чужих шагов не долетал сюда, но опасность приближалась, Инга... знала.

Тьма вокруг постепенно расступалась. Впереди проявлялась сквозь заросли арка, а за ней зал, такой просторный, что пух не успел еще загасить светильники.

Здесь Инга нашла людей.

То, что раньше было женщиной, не старых еще лет, судя по узкой талии и высокой груди, застыло на пороге лифта. Лицо запорошил вездесущий пух, и Стриж, к великому облегчению, не увидела глаз несчастной. Створки лифта конвульсивно дергались, но им мешали сомкнуться заскорузлые культи – руки женщины-голована. Вместо ног из-под кокетливого, выше колен, лабораторного халата тянулись вниз побеги, видом и твердостью похожие на реликтовую древесину. Они уже пробили пол и уходили в пропасть лифтовой шахты.

Инга сглотнула. Нет! Лучше уж дыра в груди...

Она услышала шаги и стон, одновременно. Стыла второй голован, которого она впопыхах не заметила в лабиринте перегородок и механизмов, а шаги... Они приближались. Арка в дальнем углу открывала путь из параллельного коридора.

Инга метнулась к еще живому человеку.

Голован застыл каменной статуей, безумно вращал глазами и силился что-то сказать. Он не дошел нескольких шагов до лифта; наверное, пытался помочь женщине, и умирал теперь от заразы, принесенной с нижних уровней.

- Не... ка... сайся... меня... - с бескровного лица градом катился пот.

Такой голос мог принадлежать только паралитику, у которого одна за другой отказывают мышцы.

- Жи... ва... Рамзес...

Голован скривил белые губы. Улыбнулся.

- Вадим?! Ты Вадим? - у Инги перехватило горло

Голован не ответил, только дышал, тяжело и странно. С поскрипыванием и резкими щелчками. Оранжевый скафандр ученого пока сопротивлялся одервенению, но ботинки уже разорваны корнями. Цепкие побеги взломали напольное покрытие и удерживали человека, не давали упасть.

- Маршрут к Норе! – отдельно сказала Инга. – Где он?

И нервно оглянулась. Шаги приближались, тяжелые, громкие, шаркающие. Да уж, явно не таракан. На которого, к слову, ушло две обоймы.

Вадим опустил глаза. Планшетный компьютер размером с книгу торчал из нагрудного кармана. «Не касайся» - это относится и к компьютеру тоже?

- Можно?

Голован закрыл глаза – не знаю! – и Стриж решила.

«Не пороли тебя, жалели. А зря», - сказал как-то в сердцах любимый до смутной ненависти папенька.

Инга сунула планшет под куртку, не раздумывая о последствиях - жалеть себя будем после боя! И замялась, хотя чужак мог показаться в любой момент. Вадим ее понял.

- Пистолет...

«Я не смогу в него выстрелить! Даже из жалости», - отчаянно подумала Инга.

Вадим косил одним глазом вниз, на пол, и медленно поднимал руку. В плече скрипело.

- Дай...

Инга разворошила ботинком пух, нашла пистолет и одинокую гильзу.

А голован выстрелить смог. Наверное, та женщина не была ему чужой...

Инга передернула затвор и осторожно вложила оружие в перчатку скафандра. Стволom кольта протолкнула указательный палец за скобу, и только потом отщелкнула предохранитель.

Шаги за дальним углом перемежались тяжелым сапом.

Так же яростно когда-то дышал на подпольной корриде бык, поддевая на рога неудачника тореро. Инга держала на прицеле одного из зрителей, ждала команды, которая так и не пришла, и накрепко запомнила все. И хрип быка, и крики человека, которого могла бы спасти.

Этот бык появится через секунду-другую.

- Иди...

Инга не послушалась. Она стала помогать Вадиму; толкала рукоятью «Кольта» пистолетный ствол. К лицу, к виску, ведь голован мог и не успеть. Ученый выкатывал глаза, мычал:

- Нет!.. – и тянул непослушную руку в сторону.

Хрип ворвался в помещение на полсекунды раньше хозяина. Стриж отпрыгнула от голована, и начала стрелять. Две пули ушли в то место, где должна была появиться голова, но черная фигура на трех конечностях оказалась слишком приземистой.

У нее не было головы.

Инга замешкалась от удивления и запоздалого страха. Монстр перемещался на двух ногах рывками, как на ходулях, и помогал себе единственной очень длинной рукой. На другом его плече вспух чудовищный горб - Инга присмотрелась – с широкой каверной носового отверстия, губатой пастью и почти человеческими глазами.

Голован, очевидно, знал больше об этом существе.

- Беги... - взмолился он и начал стрелять в черный силуэт.

Инга побежала.

2

Рамзес вернулся в сознание оттого, что струйки несвежей воды, скатываясь по лицу, собирались у ворота и затекали под комбинезон. Глеб дернул плечами и слизнул с губ что-то шершавое и соленое.

Кровь. Засохшая.

Он вспомнил как что-то больно ударило в голову, а значит...

- Прочухался? – донесся издали голос, чуточку знакомый.

Если бы голос звучал подхалимски, Рамзес опознал бы его с первых звуков. Пришлось смотреть. Рамзес приоткрыл глаза, сначала левый, потом с некоторым трудом правый. Увидел руку в грязном бинте с темными пятнами там, где кусала собака. Увидел перекошенное лицо Варана и почему-то совсем не удивился. Больше удивился серому утреннему небу.

«Сколько же я пролежал без памяти?»

На простое движение – зрачок двинулся влево-вправо - сталкерская голова отреагировала вспышкой свирепой боли, и давешняя тушенка фонтаном рванула по

пищеводу. Сталкера мучительно стошнило и бросило в небытие.

Водичка снова побежала по волосам и затекла в ухо. Глеб очнулся. Рядом тяжело, с присвистом дышал Варан.

- Везет тебе, - прохрипел он. – Обычно я не промахиваюсь.

Он говорил, склоняясь к лицу, но Рамзес слышал его искаженный голос будто из параллельной вселенной. С контузией его многострадальному мозгу встречаться еще не приходилось. Контузия оказалась хуже Зоны. Сталкер заметил свой шлем, сорванный выстрелом, оценил глубокую борозду, пропаханную пулей в многослойной броне, и его опять едва не стошнило.

- Стреляешь ты хреново, - процедил Варан, – ходишь тоже так себе, даром, что долго. Но везет тебе железно. Везло, то есть.

Варан покрутил ножом перед лицом Рамзеса. Его ножом.

- Я не буду тебя убивать. Лучше зенки выколю! – посулил Варан. – И отпущу, пусть Зона порадуетя.

Он говорил со спокойной злобой. Без истерики, и это пугало.

- За что? – прошептал Рамзес.

Не то, чтобы он просил пощады. Всего лишь хотел уточнить.

Варан ощерился:

- Ты в меня стрелял, падла!

- Не стрелял...

Варан рассмеялся.

«Как людей власть меняет», - отстраненно подумал Глеб.

Мимолетно забеспокоился – а ну как и впрямь искалечит?

- Тебе долговцы черную метку выпишут... за беспредел...

- Я в своем праве, - мотнул головой Варан. – Ты стрелял первым. Сидел в засаде, шмалел через ночную оптику. У твоей девки полный комплект этого добра. Скажешь, нет?

«Если б я стрелял, ты бы червям свои сказки рассказывал», - Глеб боролся с новым приступом тошноты.

- Нет...

- Стрелял! И высунул рыло, труп обыскать. А я живой! Непруха, да?

- Варан... ты ушел первым, сразу после волны... Как я мог тебя ждать?

- Через блокпосты догнать можно, - не согласился Варан.

Глебу послышалась неуверенность в его голосе.

- Нет... Зачем мне? Сам подумай...

Варан картинно завелся:

- Хватит мне мозги мозолить! Тебе давно пора, - он показал ножом как будет резать Рамзесу горло.

- Маршрут... - быстро, насколько мог, сказал Глеб. – У меня есть маршрут к Оку...

- Ах ты, мразь, - нехорошо улыбнулся Варан. – Гнал про ПДА?

Он наотмашь ударил Рамзеса кулаком в голову. Глеба вывернуло остатками завтрака – и слава Зоне! Иначе опять упустил бы сознание, а как поступит в этом случае расвирепевший Варан, один дьявол ведает.

- Не гнал...

- Маршрут и у меня есть, - огорошил Варан. – Твой, получается, мне без надобности.

Рамзес сглотнул.

- Нет у тебя маршрута... Только циферки...

Варан оскалился:

- Кому циферки, а кто и мозгами работать умеет.

«Неужели разгадал? – удивился Глеб. – Цент не разгадал, а этот разгадал?»

- Гарантий никаких... Ты мог ошибиться...

Гарантий у Варана и впрямь не было. Иначе давно бы уже взрезал гортань человеку, которому завидовал и которого боялся. Мягкую человеческую гортань, такую податливую для

стального клинка.

«Резал бы и в глаза смотрел. Дрянь-человечишка».

- У меня есть маршрут, который провешил Фокс... - повторил Глеб. – Гарантированный... Без меня ты не сможешь...

- Так скажи, - усмехнулся криво Варан. – Облегчи душу. Вдруг я тебя жить оставлю?

- Так не пойдет... Нужно в Нору, на нейтральную территорию... Обсудим... Ты в своем праве, кончить меня всегда успеешь ...

- Всегда? Нет! Ты оборотень везучий. Тебя в живых оставлять нельзя, опасно. Я тебя, Рамзес, все равно убью. Твой выбор – как подохнуть, сейчас или через сутки в дерьме и блевотине. Я сумею, ты поверь.

Рамзес поверил.

- Маршрут умрет со мной, - пообещал он. - Можешь мне тоже верить.

Варан поднял автомат. Рамзес твердо глянул в белесые зрачки убийцы:

- Варан, мое слово железное... в Норе я отдам тебе маршрут... и ты уйдешь. Саян гарантирует сделку... Это шанс!

- Саянчик тебе друг, - покачал головой Варан. – Хотя... за Око он тебя, пожалуй, сам на шашлык покровсает.

Он сомневался, и Рамзес перевел дух.

- Вставай! – приказал Варан после секундной заминки. – Живо! Дернешься – убью!

Рамзес поднялся, раскачиваясь от головокружения как осенний лист в полете. Варан мстительно ткнул его стволом автомата в спину.

- Шевелись!

- Шевелюсь, - ответил Глеб, не в силах скрыть радости.

Черт, жить – это оказывается так приятно! Пусть недолго, ведь не дурак же Варан. Все равно застрелит, получив маршрут. Рамзес сделал первый мучительный шаг, второй, и заковылял в сторону Норы. В гости к Саяну.

Замаскированные лежки Рамзес заметил случайно, на пригорке, который и он бы выбрал для засады. Автоматически отметил удобное место, откуда простреливается и выход из леса, и провешенный маршрут от забора, присмотрелся и встал, стараясь не делать резких движений. Точку покинули второпях, не озаботившись уничтожить следы, хотя бы убрать от любопытных глаз охапки свежерубленных веток. За плечом судорожно выдохнул Варан. Нет, не совсем дурак! Заметил, сообразил.

- Кто был с тобой?! – Варан кошачьим движением придвинулся ближе, упер Рамзесу между лопаток ствол. – Хотя, понятно кто. Девка! Где она?

- Нет, я был один. Варан, она бы давно сняла тебя – мы полкилометра шли прямо на точку! Подумай!

- Учти, я успею выстрелить!

Варан говорил напряженно.

- Ты крупно ошибаешься, - убеждал его Рамзес.

- Это уже не моя проблема, - хмыкнул Варан.

«Прав, гад! – согласился Рамзес. – Это теперь исключительно моя проблема, спасти собственную шкуру».

- Ну-ка, глянем.

Варан толкнул Рамзеса в сторону пригорка, и следующие минуты Глеб, борясь с тошнотой, ползал по земле.

«Вот здесь лежали. А рюкзак я бы спрятал здесь».

Рамзес разбросал жухлую листву, но не нашел ничего, кроме двух порожних банок с яркими наклейками. Пустой номер! Разве что... Он вернулся к лежкам и еще раз осмотрел все вокруг. Поднял длинную гильзу, понюхал.

- В тебя стреляли отсюда, - сделал вывод. – Часа три-четыре назад. А шел ты...

Рамзес прикинул траекторию, по которой отражатель мог выбросить гильзу.

- ...оттуда, - он показал на провешенную трассу. – Подпустили бы ближе, сделалась бы

тебе хана.

- Шерлок Холмс, твою мать! – скривился Варан. – Гильзу сюда!

Рамзес бросил ему гильзу.

«Не успею!» - понял он.

Если бы не контузия, рискнул бы. Отвлёк бы гильзой и бросился. Одной рукой отвести ствол, другой – в пах. От души!

- Натовский винтовочный. «Штейр» или что-то подобное, - помрачнел Варан.

Не мог он не сообразить, что Инга носила «Тигра» под совсем другой боеприпас. Или что кто-то из знакомых - «Штейра», иначе, к чему его поминать? Игрушка редкая, Глеб ее только на войне и видел.

- Допер? – с трудом усмехнулся Глеб. – Еще не поздно договориться.

Варан напряженно думал.

- Нет! – решил он. – Под гарантии Саяна жить будешь, так и быть. Но маршрут отдашь.

- Отдам, - согласился Рамзес, не секунды не сомневаясь, что скорее отгрызет себе руки. – Значит, к Саяну? Или переждем?

Варан не струсил. Он пожевал губами, шумно втянул пороховой дух из гильзы. Рамзес криво улыбнулся – мало пороху ты нюхал, гражданин Нестеренко, чтобы такие фокусы показывать.

- Три часа, говоришь? – протянул Варан. – Двое? Нет, все-таки к Саяну! Заодно покалякаю с пацанами... если пересечемся.

«Пересечемся, - неуверенно согласился Глеб, смутно ощущая какую-то неправильность. – Некуда им деваться, только в Нору».

Глеб ошибся. Сомнения превратились в уверенность еще на подходе – Нора разорена, живых там не осталось. Рамзес, механически переставляя ноги, не мог отделаться от воспоминания себя, бегущего во сне по узкому коридору.

Варан опустил автомат и, забыв о Рамзесе, шагнул неверным шагом от распахнутых настежь ворот. Шумно вздохнул-всхлипнул. Два трупа лежали у крыльца, засыпанные стеклянным крошечком. Из двери и оконных проемов текли струйки бледного дыма, там что-то тлело. Наличники выбитых окон, покрытые замысловатой вязью, поверху затянуло копотью.

«Граната! - решил Глеб. – Взрывной волной стекла высадило».

Он подошел к Варану, оперся на плечо. Они стояли, осмысливая увиденное, и отказывались в него верить.

- Мать... - просипел Варан. - Ох, мать...

- Ты ПДА включал?

Рамзесу опять стало нехорошо, и вовсе не из-за контузии.

- Нет, - заторможено качнул головой Варан. – Один хрен, никто не поверит... А припасы?! Я ж пустой!

- Нет припасов, - процедил Рамзес и потянул с плеча Варана свой автомат. – Ничего нет. Ты прав, нам не поверят – у тебя рука в бинтах, и меня ты приложил качественно. Скажут, Саян отстреливался.

Варан спохватился и дернул автомат к себе. Они встали, почти обнявшись, лицом друг к другу. Варан хрипел, выкатывая мутные глаза с расширившимися до предела зрачками. Глеб отвечал свинцовым взглядом исподлобья и не сдерживал черной злости.

- Дай! Мне! Автомат! - приказал он и ощутил, как под его напором прогибается непрочная воля Варана.

Тот судорожно держал АКМ за цевье, но веки его уже трепетали, взгляд блуждал, не мог сфокусироваться. Глеб напрягся и, выждав момент, коротко двинул врага лбом в переносицу. Варан всхрипнул и начал падать на спину, но пальцев не разжал. Его рука неловко вывернулась, потянула за собой, и Глеб, теряя от боли сознание, упал рядом. Отдышался, и его передернуло от ощущения близкой опасности.

Придавив Варана коленом, Рамзес затравленно огляделся. Кто-то неслышно двигался в

их сторону из-за дома. Другие обходили слева и справа, вдоль забора, и даже за спиной чувствовалось бьющееся в ярости сознание. Сталкер рванул автомат. Варан дернулся словно тряпичная кукла, с глухим стуком уронил голову на каменную дорожку и разжал пальцы.

Снять автомат с предохранителя Глеб не успел.

- Брось оружие! – рявкнули из-за поленницы.

Глеб узнал голос. Пальцы сами замерли на переводчике огня «Калашникова».

- Ты меня знаешь, - говоривший не волновался, голос звучал твердо, с едва заметной наигранной ленцией. – Я не промахнусь.

Ярко-красная лазерная спица издевательски медленно опустилась Глебу на лоб. Сталкер зажмурился – пятно целеуказателя сползло на правый глаз, ослепляя, и тут же сзади перехватили за шею, повалили. Автомат вырвали, едва не вывихнув запястья. Глеб крутанулся на месте и вовремя. Тяжелый ботинок, нацеленный в почки, прошел мимо, задев вскользь по ребрам. Зато горло пережали так, что сознание поплыло.

- Хорош месить! – приказал давешний голос. – Сначала пусть скажет.

Захват ослаб. Рамзес глянул из-под ресниц. Говоривший шагнул из укрытия, встал, закинув на плечо немецкую штурмовую винтовку G36. Качнулся с носка на пятку.

- Ну здравствуй что ли, Рамзес, - ухмыльнулся он.

- Здравствуй, Кап, - выдавил Глеб.

Валерка-Капрал, один из лучших пионеров «Долга», красивым движением выбил из пачки сигариллу. Щелкнул стальным «Зиппо», в котором – Глеб знал – тлел вечным огнем «уголек», штука редкая и дорогая.

- Скажешь чего? – поинтересовался Капрал, разгоняя дым перед лицом широченной ладонью.

- Пижон ты, Кап, - попытался улыбнуться Глеб.

3

Долговцы пришли вчетвером. Капрал за старшего, опытный Крест и еще двое, Глебу незнакомых. Действовали красиво и слаженно, надо отдать должное. Осмотрели двор и сторожку у ворот, обыскали трупы, но ничего не взяли, побрезговали.

Капрал вытряхнул в пыль Глебов рюкзак, снял с лежащего ничком Варана оружие. Автоматы небрежно бросил, вынув затворы, пистолетом заинтересовался.

«Никак с историей ствол?» – поежился Глеб, но пронесло, «макаров» последовал за автоматами.

Рамзеса поставили на колени и пинками заставили развести голени так широко, что не вскочить, ни даже терпеть боль в выкрученных суставах он не мог. Но пришлось, автоматный ствол уперся в позвоночник, между лопаток, и щелчка предохранителя Глеб не услышал. Ему завели руки за голову, накинули на горло острый шнур и перехватили им же кисти за большие пальцы. Хочешь дергаться? Попробуй! Сомнительно, что тот же Кап разрежет удавку, если Рамзес начнет душить себя в попытке вырваться.

Но Капрал знал, с кем имеет дело.

- Крест, глаз с него не спускать, - вальяжно скомандовал долговец. – Моргать забудь!

Глеб прижался к стволу, замер в неудобной позе. Не дай Зона чихнуть! Крест надавит на спуск, как только ему померещится слабость или малейшее движение.

- Вы, двое, посмотрите в доме! - Кап присел на крыльцо, расставив длинные ноги; винтовку небрежно положил на ступени. – И осторожнее, мать вашу! Ливером чую, гостинцы будут.

- Я в дом не ходил, - сказал Глеб невыразительно, опасаясь словами или тоном спровоцировать долговцев.

- Оправдываешься? - Кап перебросил сигариллу в другой угол рта.

Глеб не обманулся его расслабленной позой. Капрал - парень тертый. Не оборотень, конечно, но ходит давно, а значит реакцию имеет кошачью, психику железную и мораль

гибкую. Убивать научен - если не врет, прошел Иностраннный легион. Знал Глеб эту породу ожесточившихся циников. По себе знал.

- Ты рой, Капрал! – процедил Глеб. – Рой, а потом решай.

Крест ткнул его стволом под лопатку, и сердце пропустило удар.

- Может, покаешься? – деловито осведомился Кап.

- Я бы покался, - усмехнулся Рамзес, - да не нагрешил столько. Саян мне друг... был. Незачем мне Нору разорять.

Капрал цыкнул зубом.

- Значит, не виноват? Знаешь, сталкер, почему я тебя сразу на воротах не вздернул? Потому что гордый ты! Побрезговал бы отпираться. Но с глазами у меня порядок, сам видел как ты его уделал, - долговец кивнул на Варана. - Что скажешь?

Варан лежал кулем, неловко вывернув руки. Рамзес, конечно, бодал его беспощадно, на убой, но и Варан не на том тесте замешан, чтобы претавиться от одного удара.

«Притворяется, сволочь!» – решил Глеб.

- Повздорили, - сказал Рамзес отчетливо, чтобы Варан, если слышит, знал как отпираться.

- Это как же? – удивился Капрал. - Увидели погром и давай махаться? Что ж вы не поделили?

Рамзес помолчал, собираясь с мыслями. Капрал следил за его терзаниями, непонятно улыбаясь.

- Кап, что ты от меня хочешь? - прямо спросил Глеб. – Ты же не первоходок, сам все видишь. Саяна брали утром, бандюки, судя по всему. И давно ушли.

Рамзес не договорил, в дверях показался долговец.

- Капрал, там месиво, - доложил разведчик, – и растяжки на каждом шагу. Мы до хавальника дошли и дальше не полезли, ну его к бесу...

Он склонился к командиру и продолжил неразборчиво. Капрал махнул рукой, долговец потрусил обратно в дом.

- Саян работал с «Долгом», - сказал Кап уже без рисовки. – Нора – наша территория, и кто здесь посмел лапу задрать, сдохнет красиво, чтобы навсегда запомнилось. Иначе получится, что «Долг» поимели. А я не легавый, Рамзес, бегать по Зоне за твоими бандюками. Я тебя на месте взял. Мало ли что ты тут столько времени делал! Может, растяжки ставил.

- Нет у тебя доказательств, - упрямо и безнадежно повторил Глеб.

- Уголовный кодекс еще вспомни! – хохотнул Кап. – Презумпцию невиновности. Я для тебя уголовный кодекс, суд и мать Тереза. Могу исповедовать пока не поздно.

В доме грохнуло и кто-то взвыл нечеловеческим голосом. Из черного, как склеп, дверного проема двинулся на Глеба незнакомый долговец. Рамзес перехватил его остановившийся взгляд и подобрался.

Долговец зашарил на боку, возле кобуры.

- Сука! – засвистел он перехваченным шепотом. – Андрюху, брата, убил! Я тебя зубами... рвать... zenки жрать заставляю!..

Ноги Глеба свело мучительной судорогой. Смерть картинно шагала на него, тянула к его глазам скрюченные пальцы в обрезанных перчатках. Глеб прижимался к стволу чужого автомата, не решаясь ни двинуться, ни просить пощады. Крест за спиной рычал, готовый спустить курок.

- Мразь! – завыл долговец. - Резать тебя кусками, сука...

Он, наконец, нащупал дрожащими пальцами кобуру, рванул пистолет.

- Сдохни! Сдохни! Сдохни! – завизжал и начал стрелять Глебу в лицо.

Рамзес закаменел, разом оглохнув и задохнувшись пороховыми газами.

- Стоп! - выкрикнул подскочивший Капрал, но Глеб его не услышал, разобрал по движению губ.

Сумасшедший долговец что-то орал, брызгая слюной и кровью. Тонкая струйка из

ноздри залила его подбородок и сорвалась на бронежилет. Напарник хватал его сзади за плечи, но псих бился в конвульсиях и все пытался навести пистолет.

Давление между лопаток вдруг пропало, и Глеб едва не опрокинулся. Капрал схватил его за горло, потянул на себя, а Крест очень точно ударил прикладом в почки.

- Слышишь, козел? - заорал Капрал в ухо, чтобы оглушенный Рамзес услышал. – Ты смертник! Ты нашего убил!

- Нет, Капрал... - Глеб с трудом проталкивал слова через пережатое горло, радуясь, что от удушья и судорог правдоподобно кривится лицо.

- Что – нет? Что – нет?! – Капрал поднес кулак к лицу Глеба, начал разгибать палец за пальцем. – Пришел с шестеркой – раз, втихаря, с отключенным комком – два, Саян тебя пустил без опаски – три, успел перед смертью попортить твою поганую шкуру – четыре. Я тебя на месте взял – пять!

Кaprал, с которым месяца три назад Рамзес душевно раздавил за удачу бутылку перцовки, растопыренной пятерней ткнул в глаза. Мир вокруг вспыхнул и потонул в черно-багровом тумане. Рамзес ослеп.

- Пристрелю... - выл долговец.

- На кол оборотня! - ревел Крест.

Глеба начали бить по лицу. Сильно, будто и не лицо это вовсе, а боксерская груша.

- Хорош! – оборвал вакханалию Капрал, заметив, что зрение вернулось к Глебу. – Понял, гнида, чего твоя жизнь стоит?

- По... нял, - выдохнул Глеб, и мучительно харкнул кровью.

- Нет, не понял! – ощерился Кап. – Вот смотри...

Он крутанул на пальце вороненый «Глок». Пижонски – все-то у него выходило напоказ – двинул рычажок предохранителя. Взведенный пистолет ткнулся Глебу в висок, оцарапав кожу. Сталкер закрыл глаза. Он не ощущал ровным счетом ничего, «картины жизни» перед внутренним взором не проносились. Перед ним, взором, стояла багровая пелена, содрогающаяся с каждым ударом сердца.

- Последняя твоя секунда, Рамзес!

«Так стреляй, клоун! - подумал Глеб. – Не ломай комедию!»

Следующее мгновение было решающим. Оно тянулась долго, пожалуй дольше предыдущего абсурдного дня. И закончилось.

- Скажу! – заорал сталкер, потому что это ожидалось. – Все скажу!

Вокруг что-то неуловимо изменилось. Вроде бы все на местах – псих в истерике, Крест с автоматом и Валерка-Кaprал держит ствол у виска, и все же полегчало ребятам. Не их это, лицедействовать. Профессия другая.

- Давай, - согласился Капрал. – Даю тебе шанс, сталкер.

- Я... что? – прохрипел Глеб.

- Саяна убил, - подсказал терпеливо Капрал. – И Андрюху, и других пацанов, и баб не пожалел.

- Я Саяна убил, - выдохнул Глеб. – И не пожалел...

- Молодец, - похвалил Капрал. – Только врешь ты, Рамзес, опять врешь.

«Да ну?» - удивился Глеб.

- Саян тебе друг, зачем его убивать? – покачал головой Капрал. – Не сам ты это придумал. Тебя, небось, заставили.

- Заставили... - повторил Глеб. – Кто?.. «Свобода»?

И попал в точку. Капрал переглянулся с напарниками.

- Уже интересно! Молодец, бродяга, признался. Тебе за это скидка будет. Может, жизнь оставим... - Капрал подержал многозначительную паузу. - Если на стрелке подтвердишь, что «Свобода» наняла тебя разорить Нору.

Глеб закивал, еще туже затянув удавку, и постарался незаметно свести затекшие голени. Сейчас они расслабятся и, может быть, освободят ему руки. И тогда... В караулке у ворот обязательно должно быть оружие! Всего шесть метров – Глеб чувствовал затылком

распахнутую дверь.

Долговцы и впрямь расслабились. Капрал вернулся на крыльцо и опять устало вытянул ноги; сорвали, видно, группу с маршрута, погнали к Норе скорым маршем. Психованный долговец пришел в себя. Звучно выстрелил из ноздри кровавой струей, пошмыгал, утерся. На Глеба он не смотрел, выходил из роли плохого полицейского. Его напарник сбегал в дом и вернулся с тарелкой мяса. Толкнул «психа» локтем, приглашая.

Крест надавил стволом в позвоночник, но без злобы, напоминая Глебу, чтоб не дергался.

- И не думай! – пригрозил он. – Если что...

Ствол больно скользнул по спине, если бы не прочный комбинезон, вспорол бы кожу. Шлем Креста, разбрасывая на лету осколки черепа и серо-красные брызги, полетел к ногам Капрала как футбольный мяч, направленный умелой ногой.

Глеба окатило кровью. Он подхватил локтями заведенных рук дергающееся тело долговца и упал, прикрываясь.

Кaprал, только что расслабленно тянувший ноги, взлетел над ступенями как испуганный кот.

И только потом Глеб услышал хлесткий выстрел.

«Тигр»? - не поверил сталкер ушам. – «Тигр»!

Кaprал, немисливо изогнувшись, нырнул за поленницу. Глеб вжался в землю – Кап начал стрелять на лету, неприцельно забрасывая двор свинцом из штурмовой винтовки.

Оживший Варан сноровисто как таракан пополз к забору и вовремя. Издали суетливо застучал «Калашников», пули зацвиркали, выбивая фонтанчики пыли и каменное крошево. Автомат дрожал в руках неопытного стрелка, от такой помощи следовало прятаться, но куда? Капрал не даст голову поднять. Рамзес съехал под тяжелым и скользким от крови телом Креста, не решаясь на бросок в надежное укрытие. От неосмотрительных движений удавка на горле стягивалась.

- Оборотню уйти не дайте! – заревел Кап в секунду короткой передышки. – Снайпер за мной!

Рамзес едва узнал его голос. Долговцы, бойцы не такие опытные как Рамзес или Капрал, открыли суматошный огонь. Пули с глухим лязгом застревали в бронежилете Креста. Рамзес догадывался, что бьют из окон. Некуда стрелкам больше спрятаться, только в дом.

Стрельба постепенно утихла. Снайпер не обнаруживал себя или менял позицию, долговцы оценивали ситуацию и экономили боеприпасы. Глеб осторожно приподнял затылком тело Креста. С того места, где у человека бывает голова, свисал и мешал наблюдать клок черной от крови кожи, но мелькнувший в оконном проеме шлем Рамзес заметил.

Заметил и снайпер. Пуля шмелем вжикнула над ухом и ударила в цель. Шлем сорвался с автоматного ствола и с жестяным звоном покатился вглубь дома. Глеб только крикнул досадливо – купился стрелок на дешевую приманку! Тут же бухнула короткой очередью винтовка Капрала.

- Есть?! – выкрикнули-спросили из дома.

- Твою мать! – ответил Кап. – Далеко!

Снайпер, наконец, сообразил и одну за другой всадил несколько пуль на вспышки из-за поленницы. Щепка летела веером. Стрелок пытался угадать, где прячется долговец, и бил вслепую.

«Бестолочь!» - ругнулся Глеб.

И правда, Капрал не в «Зарнице» воевать учился. Быстро как швейная машинка застрекотала в ответ G36.

Рамзес ужом выскользнул из-под Креста, нырнул под очередь и покатился в сторону близкой – и такой далекой! – сторожки у ворот.

От дома с секундным запозданием ударили в два ствола. Поздно, ребята! Глеб упал за

стену и услышал как застревают в древесине пули. В считанных сантиметрах от головы.

- Если упустите, - пообещал в наступившей тишине Кап, - под трибунал обоих!

- Снайпера сними! – рявкнул в ответ один. - Носа не дает высунуть!

- Через ворота бьет, - вторил другой. - Надо к забору, там мертвая зона.

- Один хрен, не достану, - Капрал не психовал, говорил спокойно. – И хода мне нет, я как на ладони... Значит так, бойцы, мать вашу, «Долга»! Я держу ворота, а вы через дом выходите к задней калитке. Обойдете снайперюгу и кончите. Ясно?

- Ясно!

- Тогда бегом! – Капрал поднял на вытянутых руках винтовку и дал над пленницей очередь в сторону ворот.

«Все! - понял Глеб. – Здесь не прорваться!»

Сталкер застонал. Оборотень – не оборотень, а с удавкой на шее не повоюешь! В отчаянье он уже думал рискнуть и прорваться нахрапом. Вдруг повезет? Капрал достанет, но, авось, не смертельно...

В этот момент из дома, откуда-то из глубины, прилетел встревоженный крик. Негромко хлопнуло, словно петарду взорвали, и Глеб упал, закрывая локтями голову. Потянулась бесконечная секунда, а потом земля дрогнула.

Взрыв оглушил, до боли вдавил барабанные перепонки. Дверь сорвало с петель и швырнуло вверх, словно пластмассовый детский бумеранг. Следом взрыв снес крышу, только кракнули выворачиваемые из бревен сантиметровой толщины скобы. Глеба окатило с потолка горячей трухой. Он услышал, как начала заваливаться стена – на него, на выставленные локти, на голову, а потом в сторожку ворвался ураган. Рамзес выдохнул, а вдохнуть не смог, горячий словно кипяток воздух обжигал носоглотку. Всхлипывая в попытке глотнуть кислорода, сталкер выкатился за порог и попытался встать.

Уцелевший каким-то чудом газовый баллон грохнул спустя долю секунды. Новый взрыв подбросил сталкера, засыпал щепой и опасным мусором, опалил волосы. За спиной обрушились стены. Глеб едва увернулся от металлического осколка размером с мясницкий топор, раскаленного и зазубренного, вскочил и побежал, стараясь держать голову низко, потому что у земли еще был воздух, а чуть выше только огонь.

Вслед не стреляли.

Порядочно отбежав, Глеб обернулся. Нора горела свечой. Сорванная взрывом крыша дымилась поодаль, скомкав металлические листы забора словно бумагу.

4

Крест был третьим человеком, которого застрелила Инга.

Тогда, в Вешках, Глеб угадал - девушку берегли, не поручали грязной работы. В тех приключениях, что выпало на ее короткий век, стрелять на поражение ей приходилось нечасто.

Одного наркоторговца пришлось убить при попытке взять заложников. Дилер получил свою пулю издали и отошел легко. Инга не переживала особо, каковыми переживаниями ее стращали опытные коллеги. Даже обрадовалась немного, очень уж мерзкой личностью выглядел покойный.

Зато второй умирал мучительно, поймав заряд картечи в грудь. Оставался в сознании до последней конвульсии. Не кричал, только хрипел измочаленными легкими, хотя у Инги дыхание перехватывало от одной только мысли как это должно быть страшно, больно и холодно – умирать вот так. Этого она запомнила накрепко. Особенно его глаза, секунду назад полыхавшие ненавистью и вдруг ставшие отрешенными. Что-то видели эти глаза, недоступное оставшейся на этом свете... убийце. Инга попятилась, забыв обо всем, и едва успела найти укромное место. Мочевой пузырь, раздувшись до объемов воздушного шара, едва не лопнул.

Стриж разглядела через оптику, как бьют Рамзеса, вспомнила его шершавую ладонь на

своих волосах, и поймала в прицел затылок человека, о котором не знала ничего. Ни что зовут его Вадим Крестовский, ни что ему тридцать лет через два дня, ни что он, всякий раз поднимая рюмку, вспоминает отца-алкоголика и не пьет до дна. Поймала и... непростительно долго не могла спустить курок.

«Господи! – взмолилась девушка, отгоняя навязчивое воспоминание – гаснущие отрешенные глаза еще живого мертвеца. - Да что же это...»

Маркер прицела едва заметно подрагивал. Стриж зажмурилась, несколько раз глубоко вдохнула-выдохнула, унимая сердцебиение. Прошептала короткие мантры, на которые ее учили концентрироваться, и открыла глаза.

Дьявол! Бандиты перемещались вокруг Рамзеса, не давая прицелиться... Наконец тот, что упер Глебу в спину автомат, склонился вперед, показав из-под шлема полоску бритого затылка.

Стриж на выдохе надавила спуск и тут же взяла на прицел наглого бандита с сигарой в зубах, видимо, главного. Соблюла главную заповедь: вести огонь, а не смотреть на дело рук своих. Выстрелить Инга не успела. Бандит, казалось, взлетел в воздух одновременно с первым выстрелом и стрелять начал еще на лету.

«Так не бывает!» - поразились Инга реакции сталкера, а в следующий момент пуля свистнула над темечком, так близко, что кожа засвербела.

Девушка мгновенно разозлилась, и от этого к ней вернулось хладнокровие. Прицел больше не дрожал, Инга стреляла и меняла магазины со скоростью фокусника. Противники ей достались опытные, максимум, чего добились Стриж – не давать им вести прицельный огонь.

Ситуация быстро становилась патовой, и, когда дом полыхнул словно подорванный вакуумным зарядом, Стриж испытала нечто очень похожее на облегчение. И только потом вскинулась. Глеб!

- Глеб! – закричала девушка и поднялась во весь рост. – Гле-еб!

Нора горела, издавая низкий самолетный гул. Боеприпасы, которых Саян много держал на продажу, начали взрываться, расчерчивая клубы дыма беспорядочным фейерверком. Канонада напоминала бой и звуками, и количеством падающего с неба свинца.

Инга закричала, выплескивая бессильное отчаянье, и поперхнулась. От дымной стены кто-то бежал, пригнувшись, с заведенными за голову руками.

Глеб!

Инга кубарем скатилась с пригорка, не замечая, что потревоженная криком рана на щеке снова кровоточит.

Стриж нашла Глеба на полпути к Норе. Посиневший Рамзес стоял на коленях и жадно хватал воздух ртом. Буквально хватал – Инга слышала как сталкер проталкивает его через пережатую трахею.

У него дымились волосы.

- Сейчас, Глеб, - отчаянно зашептала девушка.

Шнур глубоко врезался в распухшую кожу и не поддавался. Инга шарил пальцами по петле, дергала замысловатый узел, пока Глеб не оттолкнул ее телом и не подставил горло. Девушка, стараясь, чтобы руки не дрожали, подцепила ножом капроновый шнур, и удавка, наконец, лопнула.

Рамзес втянул воздух с протяжным всхлипом, напомнив Инге слона на водопое. Довелось ей наблюдать эту занимательную картину. Она нервно хихикнула – запоздалая реакция на бой и умирающего Глеба.

Рамзес ожег девушку недобрым взглядом и одним движением освободил связанные руки. На его распухшие пальцы страшно было смотреть. Инга поняла, что они не слушаются, когда Глеб провел ладонью по горлу, смахивая с пореза кровь.

- Дай! – приказала она, и начала делать массаж.

Глеб не сопротивлялся. Он дышал. Смаковал. Наслаждался.

- Хватит, - сталкер забрал, наконец, ладони из ее рук. – Уже лучше. Стреляла ты?

Инга кивнула, удивившись не очень дружелюбному тону.

- На тройку, - сухо оценил ее работу Глеб. – Первый выстрел – зачет, а потом ты стала много думать и медленно целиться. Здесь все нужно делать быстро.

- Я запомню, - кротко согласилась Инга. – Кстати, спасибо, что вытащил меня.

Но ожидаемой благодарности в ответ девушка не получила.

- Не за что, - отрезал Глеб. – Считаю, что мы в расчете. По совокупности, так сказать.

Он попытался встать, покачнулся и сел. Тряхнул головой, будто избавляясь от наваждения, и повел вокруг помутневшим взглядом.

- Сильно досталось? – испугалась Стриж.

Глеб не ответил. Он все же поднялся и шагнул в сторону – от Норы, от сталкерской трассы, и от тропинки к Бору. Инга, помедлив, двинулась следом.

- Ты куда? – спросила она, закипая.

- Прямо, - услышала в ответ. – И тебе советую не тянуть.

Теперь Инга рассвирепела по-настоящему. Глебу предстояло узнать кое-что новое, а он беспечно достал смарт и, не останавливаясь, набрал длинный номер. Абонент отозвался, и напряженные плечи сталкера немного расслабились.

- У меня нештат, - Глеб покосился на Ингу. – Да, опять! Прекрати жрать и покажи меня.

И разорвал связь.

- Сталкер! – рывкнула Инга. – Мы вроде бы договаривались идти командой!

Глеб остановился.

- Возвращайся к Бору и жди эвакуации, - бросил он через плечо. – Я не смогу тебе помочь. Князя мы упустили. За мной теперь охотится «Долг», а они это умеют, поверь.

Инга буравила его взглядом, упрямо выпятив челюсть, и, хотя сталкер не отвел глаз, чувствовала его нерешительность.

- Бор погиб, - сказала она раздельно. – Я тебя не понимаю, Рамзес. Ты решил... как это?... соскочить? Какого черта ты бросил меня у голованов? Зачем копался в рюкзаке?!

Рамзес поморщился.

- Ты идешь к Оку Зоны? – спросил он в лоб.

- Я иду к трансмутатору, - мгновенно среагировала Инга. – И ты тоже, иначе зачем тебе Князь?

«А тебе зачем? - Глеб озадаченно потер лоб. - Если маршрут все время был у тебя. Впрочем, подобрать пароль ты не сумела. Или сумела?»

- Дело в том, - сказал Глеб с досадой, - что ты просто не можешь оценить уровень риска. А я могу. Шансы даже у меня мизерные, у тебя их нет вообще. Бор разорен? Иди к Вешкам сталкерской трассой. «Долг» не знает, что ты застрелила Креста. У тебя есть шансы оправдаться, если перехватят. Рядом со мной...

Глеб невесело усмехнулся.

«Рядом с вами часто погибают, легенда», - вспомнилось ему.

- Меня будут загонять по всем правилам.

Инга нахмурилась:

- Сталкер! Я иду к трансмутатору, не нужно меня пугать.

- Хорошо, - согласился Рамзес. – Но я обещал помочь только с Князем, и не больше. Уговаривал даже, а ты не хотела. Что сейчас изменилось?

А сейчас Инга думала иначе, и что было раньше, не считалось.

- Все изменилось. Ты измотан, остался без оружия и припасов. Мы, в конце концов, спасли друг друга от верной смерти. Я не понимаю, что тебя беспокоит? Что мы не поделим трансмутатор?

- Меня беспокоит ты! Скажи, кто тебя послал и зачем?

- Нет! – Инга говорила жестко. - Это закрытая информация. Достаточно того, что я сказала.

- Счастливого пути!

Глеб, распухая от злости, зашагал прочь едва ли не строевым шагом.

- Рамзес! – завопила Инга. – Ты не можешь вот так уйти...

Смарт завибрировал, и Глеб поспешил открыть сообщение. Девушка издала увидела на экране карту, разрисованную какими-то значками.

- Не время разговоры разговаривать, - мрачно буркнул Рамзес, сворачивая изображение. - К Норе с разных сторон идут три группы «Долга».

Бросить в такой ситуации Ингу, кем бы она ни была, сталкер не мог. Потому что предательство и вообще запредельное свинство.

- По наши души? – спросила девушка упавшим голосом.

- Может и по наши, если связь работала, и Капрал успел доложиться. А может – подстраховать разведчиков.

Стриж верно поняла его сомнения.

- Рассчитывать на худший вариант?

- На худший. В любом случае, о тебе они знать не могут.

«Но «Тигр» - оружие приметное, - не стал уточнять сталкер. – Его не спутаешь ни с виду, ни по выстрелу. Если найдут гильзы, или Кап выжил...»

- Нужно уходить, - сделала вывод Инга. – В лес?

- Больше некуда, - признал Рамзес.

- Там и поговорим!

Девушка по-мальчишески свистнула.

- Скипидар, - объяснила она. – Не бросать же его.

Инга и Рамзес отшагали с полсотни метров, когда затрещали кусты, будто в них медведь ворочался, и на тропу вывалился Скидоренко в самодельной бандане, с компактным автоматом и рюкзаком за плечами.

- Видала, что творится? – заверещал он и смолк, увидев Рамзеса.

«Тоже сталкер? - недобро восхитился Глеб. – Куда катится этот мир!»

- Ишь ты! – выдохнул Скипидар, пораженный видением почти живого Рамзеса. – У тебя что, ходок, девять жизней?

5

Рамзес шагал к Периметру по тропе, которой несколько часов назад Варан конвоировал его в Нору. Остальные тянулись следом: Скипидар опять жался, Стриж нервничала, крутила головой и держала винтовку наготове.

- Спокойнее, бродяги, - процедил Рамзес, мельком оглянувшись. – Здесь безопасно, а нервы еще понадобятся.

Сталкер часто останавливался, чтобы осмотреться. В одном месте сошел с тропы и повел в сторону, но через сотню шагов скомандовал возвращение. Что ищет Глеб, на какие приметы ориентируется, Инга не понимала, но любопытству до поры до времени решила воли не давать.

После долгих поисков свернули почему-то в самую гущу аномалий. Рамзес немного оживился, хотя на его серое лицо Инга не могла смотреть без жалости и злости.

- Идти след в след! - приказал сталкер.

Участковый долго не решался заговорить. Он кашлял, раздраженно сплевывал и, наконец, спросил:

- Куда мы идем? Почему не к Периметру?

Он паниковал, но Рамзеса боялся едва ли не больше Зоны. Боялся, что убьет, что прогонит, что отнимет автомат... и просто так боялся! Инга мимолетно посочувствовала толстяку. Занесла нелегкая бедолагу.

- Пить будешь меньше, - съязвила она.

Прапорщик сорвал с головы кусок грязной ткани и перекрестился.

- Господи! – пообещал он с надрывом. – Да чтоб я в рот еще хоть каплю... чтоб хоть

посмотрел на нее, окаянную...

Стриж хихикнула.

- Нет нам пути к Периметру, - объяснил Рамзес, не обращаясь ни к кому особо. – Вообще никуда нет, «Долг» перерезал все известные мне дороги.

- Может, договоримся? – несмело предложил участковый. – Что они, не люди?

- В том-то и дело, что люди, - хмыкнул Рамзес.

- Шагай, - разозлилась и Стриж. – Договоримся... Расскажешь, что стрелял?

- Да я одну только очередь! – взрыднул Скипидар, но пошел, не решаясь отставать от Рамзеса.

Кустарник и густая, до пояса, трава не давали шагу шагнуть, чтобы не оступиться, не зацепиться и не запутаться. Стеной встали перед ходами. Скорость, и раньше невысокая, упала до неприличной. От тропы ушли всего-то метров на пятьдесят, а Инга уже взмокла. Только Рамзес переставлял ноги как заведенный. Девушка, наконец, обратила внимание на его чудную походку, начала подражать и постепенно вошла в ритм.

Слух почему-то обострился, и девушка теперь слышала затаившуюся жизнь – шипение, урчание голодных желудков и даже писк акустического радара. Сталкер тоже его почуял, сделал молниеносный выпад ножом и отскочил. Метровой длины ящерица конвульсивно выбросилась под ноги. Рамзес отсек ей голову, зато все остальное работало еще несколько минут – и четыре пары лап и хвост с устрашающими шипами. Существо бегало кругами, как обезглавленная курица, и секло вслепую хвостом. Только чудом никого не задело.

Помертвевший Скипидар шевелил губами и опять крестился. Про оружие он забыл, да и Стриж, честно говоря, тоже.

Потом в кустарнике начали попадаться деревца, замысловато кривые, увешанные странной бахромой.

- «Волос» берегитесь, - бросил через плечо Рамзес. – Неприятная штука.

Зато в черную проплешину, в круг, где не осталось ничего живого, он вступил бестрепетно. Детектор завопил дурным ультразвуком - грунт под ногами превратился в спекшуюся ядовитую кашу, и Стриж остановилась. Сталкер, не оборачиваясь, посоветовал:

- Смелее! Это не аномалия, Саян химией игрался. Какие тут теперь аномалии...

На опушке леса нашлись развалины, которые Рамзес обошел десятой дорогой. От запятнанных стен несло разложением, даже Скипидар это почувствовал и завокнулся. Развалины остались позади, Инга обернулась, и заметила человеческий силуэт в оконном проеме. Почти человеческий... Она сморгнула, и силуэт пропал, но ощущение чужого взгляда осталось. Голова стремительно налилась тяжестью, Инга решила требовать привала, но сталкер не дал ей рта открыть, схватил за руку и поволок. Без слов. Инга, уже наученная опытом, не сопротивлялась. По правде, она так поразилась страху, который излучал Рамзес, что пикнуть не посмела.

- Кто это? – спросила девушка, когда свинцовый ком в голове немного рассосался. – Контролер?

- Я с ним незнаком, - процедил сталкер. – И не собираюсь.

Начался лес. Редкий, не чета джунглям или тайге, но странный. Десятки метров ничем не примечательных зарослей вдруг сменялись аномальными скоплениями и дымящимися кляксами. Их Рамзес проходил, не задерживаясь. Зато перед старым дубом остановился.

- Видишь?

Инга присмотрелась и ответила тихо:

- Вижу...

Вокруг ствола вихрем крутились в абсолютном безветрии черные точки. Вихрь можно было бы принять за стаю мошкар, если бы насекомые могли двигаться с такой скоростью.

Глеб смотрел на девушку с интересом.

- Что?

- Да так... - пожал плечами сталкер. – Новички эту аномалию не распознают, проверено. Некоторые годами ходят и не замечают.

- То есть меня... как это?.. приняли в клуб?

- Ты рада?

Инга подумала.

- Не знаю, - призналась она.

Лес быстро становился непроходимым. Немного зазнавшаяся Инга быстро вернулась на землю, поняв, что без Рамзеса сгинула бы, не пройдя и десятка метров.

Сталкер подобрался, двигался выверенными до миллиметра шагами и больше всего напоминал леопарда перед прыжком – такой же чуткий и опасный. Он даже говорить перестал, отдавал команды короткими движениями руки, а то и пальца. Иногда Глеб бросал вперед гайку с привязанным клочком бинта. Если гайка летела ровно, подбирали. Над одной долго стоял и, в конце концов, отвел протянутую руку. Показал большим пальцем – назад! – и они попятились.

Скипидар передвигал ноги, сопя и потев от страха не попасть Рамзесу в след. Его рыдающее дыхание раздражало Ингу, и она постаралась собраться, потому что нервы действительно требовались стальные, а эмоции отвлекали. Малейшая невнимательность грозила смертью или чем-то хуже.

Рамзес присел и дальше пошел на корточках. Инга не поняла зачем, но подчинилась отданной команде. Вскоре под ногами захлюпала вода, почва сделалась податливой.

Рамзес замер, прислушиваясь. Где-то рядом журчал ручей.

- Не могу больше на карачках! – запаниковал Скипидар, непривычный к такому способу передвижения. – Если не встану, упаду.

- Если встанешь, убью, - скучным голосом предупредил Рамзес.

Скипидар беззвучно заплакал, растирая затекшие ноги.

- Обратно, - велел сталкер. – Здесь не пройдем.

Плутали весь день и к ночи, окончательно измотавшись, встали привалом на безопасном пятачке. Глеб сразу лег, не растрачивая попусту силы.

Инга опустила на землю, не чувствуя ног. Зато остальные мышцы, даже те, о существовании которых она не подозревала, болели от постоянного напряжения. Есть хотелось до спазмов в желудке. «Нужно много жрать», - вспомнила Инга первую заповедь сталкера. Господи, какой легкомысленной дурочкой она была два дня назад!

- Это только начало, - Глеб, казалось, читал ее мысли. – Понимаешь теперь, на что подписалась?

Выглядел он паршиво. Пятна старых гематом и новые кровоподтеки, подаренные «Долгом», пропали под нездоровым серым налетом. Временами сталкер бледнел, покрывался обильным потом. Его глаза тускнели, и чтобы прийти в норму он делал замысловатые упражнения, когда-то удивившие Ингу.

- Глеб, - негромко спросила девушка, - тебе плохо?

Она понимала, что он не признается - из глупой мужской гордости и трезвого расчета, что ничего кроме паники не добьется. Но и не спросить не могла.

- Я в норме.

- Хватит уже! - простонал Скипидар.

Он лежал навзничь, разбросав в стороны короткие руки.

- Хорошо, плохо... Куда мы идем?! Какой «Долг»? Никто нас в этом аду искать не будет.

Прапорщик замолчал. Для истерики сил тоже не хватало.

Глеб достал смарт, усталым движением включил. Карты таинственный помощник сбрасывал ему регулярно. Сталкер двинул колесо прокрутки и хмыкнул.

- Догоняют.

Скипидар всхлипнул.

- По нашим следам они идут быстрее, - Глеб говорил безжизненным голосом. – В Зоне всегда проще догонять, чем убегать.

Замолчали. Скипидар, видимо, заснул, начал бормотать и тревожно всхрапывать.

- Глеб, - Инга запнулась, не зная как сказать. – У меня постоянное ощущение чужого взгляда. Это «Долг»?

- За нами идут, я чувствую, - не сразу отозвался Рамзес. – Безо всяких карт.

- И я чувствую, - призналась с облегчением Инга. - Не понимаю, чего они тянут.

- Нужно поесть, - сменил тему Рамзес, но не двинулся с места. – Силы понадобятся.

- Зачем? – криво усмехнулась Инга.

Слово вырвалось против воли, девушка поняла, как близко подступила к черте, за которой срыв, отчаяние и смерть.

- Не бойся, - мягко сказал Рамзес. – Это вовсе не предел прочности, тебе кажется. Я в Зоне многих повидал – сильных, слабых, подлых, благородных. Могу судить, уж поверь.

- Ты что, мысли читаешь?

- Одинаковые же мысли, - Глеб тихо рассмеялся. – У всех вас, первоходков.

- Ты собираешься воевать с «Долгом»? – помолчав, спросила Инга.

- Воевать с «Долгом» бессмысленно. Это, считай, армия, причем элита из элит. Тебе крупно повезло захватить Капрала врасплох да еще с духами в команде.

- Тогда что?

- Идти до конца, - в голосе сталкера звякнул металл. – Нужно всегда идти до конца. Как в детской песне – слышала? Бороться и искать, найти и не сдаваться. Не сдаваться, Инна!

- Почему ты назвал меня Инной?

- Потому что Порывай зовут Инной. Не Ингой. Она живет в Харькове и ни о каком трансмутаторе знать не знает.

Глеб рывком поднялся.

- Так-то вот...

Сталкер достал из рюкзака три консервные банки, подумал и сунул одну обратно.

- Поделим, - сказал он в пространство. – Участковому – что останется. Ему худеть нужно, иначе, не ровен час, действительно встанет, где не надо.

- Что за чепуха? – Инга тоже поднялась. – Меня зовут Ингой. Какой, к черту, Харьков?

- Ешь, - Глеб протянул тушенку. – Разговоры потом.

Инга приняла ужин и отвлеклась, вскрывая жестянку. Начала медленно есть, бросая на Глеба сердитые взгляды.

- Ты что-то путаешь, Рамзес.

Глеб вздохнул:

- Может быть.

Он сложил походный нож, позаимствованный в Боре, и поставил банку с остатками мяса возле прапорщика. Скипидар принялся, вздохнул, но не проснулся.

- Меня действительно зовут Ингой, - терпеливо объяснила девушка. - В Штатах, сколько себя помню, я всегда была Рив. А до отъезда – Порывай. Мне родители говорили.

Глеб снова вздохнул и кашлянул.

- Они родом отсюда, - продолжала Инга. – Я не знаю точно... Глеб!

Сталкер повалился на бок и его мучительно стошнило. Инга вскочила, уронив банку. Драгоценная тушенка вывалилась в грязь.

Рамзес пытался сесть. Уперся ладонями в землю, чтобы поднять непослушное тело, но руки подломились. Инга подхватила его и едва удержала, опустившись рядом на колени. Почувствовала, как бьются в судорогах мышцы сталкера.

Придерживая Глеба, Стриж одной рукой выдернула из наплечного кармана аптечку с новейшими препаратами, не чета тем, что имели хождение в Зоне. Что с Рамзесом?! Отравился? Контузия? Или нервы – даже сталкеру трудно умирать по несколько раз в день.

Девушка перевернула Рамзеса на бок, чтобы не захлебнулся, и вытерла ему испачканный подбородок. Зрачки у Глеба закатились, сталкер потерял сознание, но все равно пытался сесть. Инга прижала его к земле, навалилась, а он раз за разом поднимал ее. И снова падал.

Как назло Инге вспоминались только бесполезные вещи, на медицинских курсах она

больше слушала о ранах и ожогах. И когда Глеб в очередной раз попытался встать, Стриж, не раздумывая, ударила его в ягодицу тонким цилиндром. Автоматический шприц выстрелил иглу, пробившую ткань, кожу и мышцы, впрыснул зубодробительную смесь обезболивающих и спазмолитических наркотиков и втянул иглу обратно.

Помогло! Рамзес больше не сопротивлялся. Инга перевела дух, рванула зубами упаковку стерильного бинта, чтобы прочистить сталкеру горло. Для этого пришлось разжимать конвульсивно сжатые челюсти.

Рамзес, наконец, успокоился, начал дышать ровно и почти спокойно. Инга села поудобнее и пристроила его голову на коленях. Спать не следовало, и несколько минут Инга и впрямь не могла расслабиться. Ее донимала запоздалая дрожь, которую девушка списала на прохладную ночь.

Сон накатил как прилив, неотвратимо. Уже засыпая, Инга расслышала неразборчивый шепот Рамзеса, но так и не поняла ни слова.

ГЛАВА 10

1

По Зоне полз танк. Старый, много повидавший Т-54 с грубо сваренной шестигранной рубкой на месте башни. С рубки смотрел в небо пулемет, траки лязгали, подминая мелкие «трамплины», двигатель взрывывал, протаскивая многотонную тушу через «жарки». На длинной антенне трепетал флажок с эмблемой «Долга» - главная защита в беспокойном месте в беспокойное время.

Полковник Деревянко, заместитель генерала Воронина по деликатным вопросам, спешил, и нетерпение явно читалось на его костлявом, сморщенном как усохшая слива лице. В недавнем прошлом опер, взявший в Зоне звание полковника – чем он, действительно, не полковник? – и позывной «триста два», следом за Воронинским «триста один», Деревянко тренированным милицейским инстинктом чуял неприятности. И сгоревшая ярким пламенем Нора стояла в списке не на первом месте.

- Сгорела, и шут с ней, - ближний человек Слай озвучил мысли начальника. – Новую отроют.

Слай знал Деревянко со времен старой жизни. Знал, почему старая жизнь для Деревянко закончилась, и началась новая, «триста вторая». Больше никто не знал. Деревянко познакомился со Слаем еще раньше, по материалам уголовных дел. Позже началось сотрудничество, выгодное для Деревянко свободно конвертируемой информацией, а для Слая – какими-никакими гарантиями от сумы и тюрьмы.

Закончилось, впрочем, для обоих Зоной. И здесь люди живут, рассуждал Слай и продолжал держаться начальства.

- Кто сжег? – задал полковник риторический вопрос.

Кто посмел бросить вызов? И кому?! «Долгу»!

- Я знаю, Палыч? – с развязной душевностью ухмыльнулся Слай. – Приедем, глянем.

Собирались в спешке, в бойцах Воронин отказал, не желая распылять силы. Деревянко и не просил. Он не любил посвящать рядовых боевиков в интимные подробности своей работы. Не пехотного ума это дело. Поэтому вместе с «триста вторым» поехал только штатный долговский медик Шпак, как всегда в подпитии и оттого смелый. На полпути доктора благородно укачало, и он, употребив неизвестных порошков, прилег и теперь спал, по-обезьяньи цепко удерживаясь сразу на трех местах.

За рычагами сгорбилась механик-водитель с длинным позывным Саид-Поджигай. Кадр проверенный, обласканный доверием за исключительную тупость во всем, что не касалось

техники. Слай отдавал ему команды пинками – ТПУ Саид так и не наладил, а сидел низко, как раз под сапогом.

Миновали взбудораженный Стройбат. Ходоки гроздьями висели на заборе и встречали «пятьдесят четвертый» криками. Деревянко представил, с какой скоростью расползаются по Зоне самые невероятные слухи, и поежился. Языки людям нужно резать при рождении, вместе с пуповиной...

Метров за пятьсот до Норы Деревянко кивнул Слаю, и тот чувствительно двинул Поджигая между лопаток. Саид без вопросов отпустил газ.

Танк встал. Доктор Шпак поднял голову и повел вокруг мутным взглядом.

- Уже?

- Вставай, красавица, проснись! - пропел Слай и явил доктору богатый золотой оскал. – Дальше ножками топ-топ, тихо-мирно, шито-крыто... Поджигай, когда двигло отладишь? Ревет, как тетя Роза, что с Привоза!

- Я говорил! - пробурчал Саид. – Новый движок нужно, этот свое отбегал. Только на коксе ходит.

Коксом Поджигай упорно называл размолотый в подобие кокаиновой пыли «уголек». Добавленный в солярку, порошок страховал двигатель от верной смерти.

- А бабу в экипаж тебе не нужно? – Слай изобразил озабоченность на бандитской роже.

- У пацанов есть резиновая. Скажешь – я разрешил...

- Хватит, - раздраженно оборвал его Деревянко. – Надоел. Пулемет возьми.

- Я ж для юмора, Палыч! – обрадовался выволочке Слай.

Он толкнул боковой люк и поднял со станка ПКТ – «Калашников-танковый».

За люком стремительно темнело, день едва клонился к вечеру, но солнце не могло пробиться сквозь плотные тучи. Поджигай заглушил мотор, свято соблюдая приказ «триста первого» экономить топливо, и полез с водительского места. Всего секунду они бестолково толкались – Слай с громоздким пулеметом и Саид в бомжеватом танкистском комбинезоне, но этой секунды незванным гостям хватило.

Снаружи негромко свистнули. Слай замер с глупой улыбкой, раскорячив пулемет поперек узкого выхода. Из сумерек тут же прилетел ехидный смешок:

- Не ссыте, бойцы. Свои!

Слай облегченно ругнулся - в люк заглянул Шаман собственной персоной, один из лучших командиров «Долга», опытный боец и удачливый ходок. За его плечом нетерпеливо переминался напарник, молодой сталкер с расплощенным боксерским носом.

- Громко едешь, триста второй, - ухмыльнулся Шаман.

Он должен был патрулировать у Периметра, но вот каким-то чертовым промыслом оказался здесь, у Норы. Не иначе добыл сапоги-сороходы и в который раз поставил Деревянко в смешное положение. Напомнил где он, Деревянко, теперь есть – в Зоне! – и что он, Деревянко, в этой Зоне стоит.

По Шаманову разумению ничего не стоит, даже потраченной солярки, а тем паче растворенного в ней кокса.

Полковник сжал губы в упрямую гузку и выпростался из бронированного гроба. Как на грех немецкая десантная винтовка за что-то зацепилась, и Деревянко только зубами скрипел, пытаясь сладить с оружием.

- Докладывай, - приказал он, наконец.

Шаман согнал с губ улыбку, но смотрел по-прежнему издевательски. Так казалось полковнику.

- Один двухсотый, еще двоих не нашли. Капрал жив, - сообщил разведчик главное. – Подкопился малость.

- Так! - Деревянко сделал вид, что думает.

- Рассказывает непонятно. Но вроде гастролеры, застали Нору врасплох. Трасса от Периметра чистая, сам проверил. Штырь со своими двинул к Бору, посмотрит с той стороны. К утру будет Махно и с ним трое, понюхают вокруг. На месте я оставил двоих – Кап плохой

и вообще...

Полномочий распоряжаться Шаман, конечно, не имел, но авторитета у него хватало. Полковник двинул желваками и смолчал, разумно оценив собственные полномочия против Шамановского авторитета. К тому же ходок, сволочь такая, все сделал правильно.

- Сам иду к Стройбату, - закончил Шаман. – Некуда козлам податься, или к Бору, или в Стройбат. Не в лес же! Ты никого не встретил?

- Все чисто! Поворачивай, - отрубил Деревянко и настала очередь Шамана кривиться.

- Чего он там видел, из трактора? – сказал в сторону плосконосый разведчик. - Шаман, надо бы пробежаться.

Шаман молчал, и даже Слай перестал лыбиться, настолько тяжелым получилось это молчание.

- Нужно опросить Капрала, - оборвал Деревянко ненужную тишину. – Потом решать.

- Потом будет поздно! Решай сейчас, триста второй.

Шаман раздвинул губы в двусмысленной улыбке, но вел себя корректно. Службу знал, и повода отобрать у него командирский жетон Деревянко не видел.

- Мое решение – возвращаться. На трассе крупных групп не замечено, в Стройбате есть наши люди. Свистнут, если что.

По правде, на трассе Деревянко не встретил никого, ни групп, ни одиночек. Немудрено, рев танкового дизеля распугал бы и глухих, и парализованных. Но не признаваться же!

- Саид, заводи! Все на броню. Шаман, ко мне, доложишь подробно, – скомандовал Деревянко; он решил, что раз Нора гарантированно под контролем, то нечего обувь стаптывать.

Шаман переглянулся с напарником, едва заметно кивнул. Боксер длинно сплюнул и что-то сказал. Треск стартера заглушил его голос; когда мотор басовито рыкнул, оба разведчика уже сидели на броне.

Полковник демократично устроился на крыше, возле спарки крупнокалиберного ДШК и автоматического гранатомета. Оказалось зря: за шумом двигателя приходилось кричать, а бросало так, что поручни, казалось, сами вырывались из потных ладоней.

- Креста завалил снайпер, - орал Шаман, виртуозно балансируя на русских горках, в которые Поджигай играл с Зоной. – Я смотрел лежку – найдем! Гильзы девять на шестьдесят, уникальный боеприпас.

- Кто там был? Следы остались?

Но разведчик гнул свое.

- Еще автоматчик, если Капу не померещилось. Он говорит, духи сплеховали, напоролись на растяжку. Газ рванул. Норе каюк, даже забор расплавился. Духов не нашли, они, видать, совсем сгорели. Правильные хлопцы, жаль...

- Кто?! – завопил Деревянко, и перехватил из амбразуры напряженный взгляд Слая.

Шаман нахмурился и что-то сказал.

- Не слышу!

- Кап говорит – Рамзес!

- ...Рамзес! И с ним еще кент какой-то, - с трудом рассказывал Капрал спустя час.

У танковых гусениц Саид бросил кусок брезента, и Шпак развернул на нем походный госпиталь. Действовал он уверенно и быстро; только глаза цвета протухшей баланды напоминали о его нелегком состоянии. Собственно, за умение мобилизоваться Воронин держал и многое прощал этому коновалу-пропойце.

Шпак беспощадно всадил в Капрала, в то место, где у людей бывает рука, а на руке вена, огромный шприц. Вдавил поршень до упора, и Кап начал говорить, а не визжать от боли. Говорил он невнятно, с вялым удивлением наблюдая, как доктор срезает с него обуглившуюся ткань вместе с кожей – словно картошку чистит.

- Немцы, - бормотал под нос Шпак, - придумали же... Сгорел бы ты, Капралушка, в нашем и беды бы не знал. А немецкая одежда, вишь, не горит и сама уколы ставит. Запекся ты, сердешный, как есть запекся.

- Они вроде дрались... - вспоминал Капрал. – Потом он признался...

- Кто? – терпеливо выпрашивал Деревянко.

- Оборотень... признался... «Свобода», говорит, заставила...

- Хрень! – бросил через плечо Шаман.

Он стоял у переднего колеса-ленивца и курил с безучастным видом.

- Та-ак, – протянул Деревянко, не обратив на разведчика внимания, а только зафиксировав для памяти факт. – Дальше?

Капрал бессмысленно скалил белые под сгоревшими губами зубы.

- Где Рамзес и где «Свобода»? – Шаман затаился.

- «Свобода»... - булькнул Капрал; в его голосе прорезалась ненависть.

Шпак с мерзким звуком сорвал с Капрала остатки комбинезона и глянул пациенту между ног.

- Я тебя поздравляю, Капралушка, - хихикнул он. – Одной проблемой меньше. Зло ведь от кого? От них, от баб. Не печалуйся, боец, теперь – свобода!

- Отгорело?! – ужаснулся вездесущий Слай, инстинктивно схватывая в паху. – Итить твою!..

Деревянко больше пугали короткие пальцы Капрала и автомат с человеческой кожей на рукояти.

- Полковник, нужно пробить у сетевиков, кто здесь отметился утром, - предложил Шаман бесстрастно, – и плясать от этого. Не там копаешь. Что я, Рамзеса не знаю? Не в его правилах.

Запрос Деревянко уже сделал, отблагодарив нужного человека из личных генерала Воронина фондов, и сейчас имел на руках список из десятка позывных. Но желание сломить гонор упрямого ходока оказалось сильнее.

«Найди контакт с пионерами, наконец! - орал на него Воронин не далее как сегодня утром. – Или подомни, иначе делать тебе на твоей должности нечего».

- Разберемся, - буркнул Деревянко, имея в виду – без тебя, многоумного.

- Быстрее разбирайся, - повысил голос Шаман. – Уйдет хорека за Периметр, что тогда? Заявление ментам писать?

Полковник счел благоразумным проигнорировать вызов. На Зону падала ночь, и лучше иметь под рукой лишние стволы с лояльными и не обозленными хозяевами. Педалировать конфликт Деревянко... считал нецелесообразным.

Шпак потряс медицинским баллоном, словно коктейль смешивал, и выпустил на Капралово мясо струю вонючей пены.

- Триста... как тебя там? Решай живее, пациент откидывается.

- Шпак, пьянь ты паскудная, - вздохнул Шаман. – Это ж не собака, человек! Скажи по совести, вытащишь?

Шпак защелкнул медицинский чемоданчик и достал фляжку.

- По совести? – задумался он, ничуть не обидевшись. – Вообще, такие не живут, но комбинезон этот... Руки, лицо сгорели, а по телу ожоги неглубокие. Может, и выползет. В клинику его нужно, в ожоговый центр.

- А ближе к делу?

Док отхватил изрядно из горлышка и съежился лицом, переживая.

«Спирт ворует, - взял на карандаш Деревянко. – Доложить триста первому».

- Ближе - хотя бы в «Сто рентген» его, и договариваться с вертолетом. Есть у него бабло на вертушку?

- Найдем! – отрубил разведчик, бросая окурочек. – Поджигай, заводи керосинку! Везем Капа на базу.

Бойцы из группы Шамана, и тот со сплюснутым носом, и двое других, карауливших пепелище, разом засобирались. Полковник ревниво заметил, что на его команды реагировали вяло. А Шаман гавкнул – и забегали, лишенцы. Даже Саид дернулся к люку.

- Отставить! – приказал Деревянко. – Транспортер нужен здесь.

- Мать твою три раза! – удивился плосконосый.
Шаман остановил его движением руки.
- Основания? – потребовал он каменным голосом.
- Приказ генерала: развернуть опорный пункт и узел связи. Ждать на месте дальнейших распоряжений. Вопросы есть?

- А Капрал? – спросил боксер.
Разведчики сгруппировались вокруг и недобро молчали.
«Допустимые потери», - едва не брякнул полковник.
- Ждет эвакуации вместе со всеми, - торопливо поправился он.
Взгляд Шамана сделался отстраненным, словно он к чему-то прислушивался.
«Попался, голубок, - позлорадствовал Деревянко. – Теперь или жетон положишь, или горел твой авторитет синим пламенем».

Шаман молчал. Разведчики переглядывались. Слай как всегда щерился в тридцать два позолоченных зуба, наверно уже видел себя с командирским жетоном.

- Чей караул? – разлепил, наконец, губы Шаман. – Какая лядь должна следить за обстановкой?

Никто не понял его шепота, так показались не к месту эти слова.

- Я, командир, - растерялся молодой сталкер.

- Кто это?!

У Деревянко сердце в кишках застряло. Он повернул голову, чтобы проследить за взглядом ходока, очень медленно повернул, с позвоночным скрипом, потому что уже знал – там что-то такое, отчего у Шамана палец вздрагивает на спусковом крючке.

Черная фигура едва выделялась на фоне ночи, на самой границе видимости. Полковник едва мог разглядеть ее в отсвете танковых фар.

- Махно? – неуверенно позвал молодой разведчик. – Ты, брат?

Фигура качнулась, отступая, и растворилась в темноте.

- К бою! – гаркнул Шаман. – Свет убрать! Занять круговую оборону...

Последние слова и ободряющий командирский мат Деревянко не расслышал. Неведомые силы подняли его, заставили двигаться и столкнули в проеме люка с огнедышащим доктором Шпаком. Долгую секунду они боролись за право войти первым и, наконец, провалились в спасительную темень рубки.

Следом протиснулся всхлипывающий от напряжения Поджигай, нырнул головой вперед на водительское место и одним ударом погасил прожектор.

- Смотались в Нору, да? – пожаловался из темноты док и, судя по булькающим звукам, схватился за флягу.

По крыше грохотнули сапоги – не иначе Слай, пионеры ходят без шума. Загудел электродвигатель спарки, наводя стволы на цель.

Деревянко перевел дух. Броня придавала уверенности и полковнику стало немного стыдно. Он, впрочем, быстро оправдал себя: и впрямь, в прежней жизни ему не приходилось сталкиваться ни с чем подобным, и он, как истинный профессионал своего дела, признавал за другими профессионалами право на самостоятельные решения. Короче, пусть Шаман разбирается.

- Триста второй Базе! – Деревянко отжал кнопку приема компактной радиостанции. – Ситуация ноль-один... База, ответь!

База хрипела в ответ неразборчиво и вопросительно. Воронин перед выездом лично выделил полковнику стратегический ресурс - мобильную рацию с защитой от помех и чужого любопытства, но от капризов Зоны еще не придумали защиты. База не понимала полковника. Деревянко сунул передатчик в нагрудный карман, не сразу отыскав его дрожащими пальцами, и прислушался.

Стояла вязкая тишина, только Саид возился за рычагами, и кто-то дышал, захлебываясь... Деревянко поперхнулся, и дыхание прервалось.

- Люди так не ходят, - сказал Шпак неожиданно трезвым голосом. – Как этот... Даже

лярвы на подиуме. У него что, шарнир в жопе?

Заткнулся бы ты! Полковник оцепенел, переживая тишину, и ничего не мог поделать с рвущейся из-под диафрагмы паникой.

В ночи раздался жалобный, переполненный мукой стон.

- Рамзес! – прилетел в ответ механический скрежет.

Даже «триста второй» понял, что человеческая гортань не в состоянии исторгнуть таких, вибрирующих на грани болевого порога, звуков.

Загудел мотор, Слай разворачивал спарку на голос.

Ждать полковник больше не мог. Он шарахнулся к одной амбразуре, к другой, рассадил скулу о пулеметный приклад и только тогда вспомнил о перископе. Слепая темнота расступилась, окрасилась в серо-зеленые тона. Дервянко вжался лицом в резиновую окантовку, повел объективом по кругу.

Никого!

«Сбежал...» - Дервянко обмер, решив, что Шаман бросил его, без лишнего шума отполз с бойцами на трассу и сейчас чешет на пятой скорости к Стройбату. В животе громко заурчало, сфинктер затрепетал.

- Нет здесь Рамзеса! – заверещал полковник в ближнюю амбразуру.

- Заткнись, сука! – рыкнул Шаман из-под гусениц. – Всем молчать, я говорю!

Раздался еще один стон, едва слышный, и «триста второй», наконец, узнал Капрала.

- Рамзес! – тут же пролязгало с другой стороны, и Слай крутанул стволы обратно.

Дервянко прилип к перископу. Отсюда кричали? На зеленой картинке мелькали белые росчерки ночных насекомых, но крикуна Дервянко хоть убей не видел. А значит и Шаман в бинокль тоже.

Капрал больше не стонал, и Рамзеса не звали. Тишина стала еще гуще. Дервянко приплясывал от нестерпимого желания облегчиться, но оторваться от резинового наличника не мог. Здесь был свет и была надежда.

- Где Рамзес? Он нам нужен! – крикнули совсем рядом.

В этот раз искаженный динамиком голос явно принадлежал человеку. Задорному и злему.

Дервянко заметил, как в полусотне метров вспорхнуло и растворилось в ночи облачко теплого воздуха. Крикун дышал, его дыхание полковник видел, но там, где по логике должна была светиться отметка горячего тела, стояла зеленоватая муть.

- Кто такие? – отреагировал Шаман. – С кем говорю?

- Не дрейфь, долговец. Выдай Рамзеса и разойдемся.

- Рамзес! – протяжный вой пришел от пепелища, ударил в спину.

- Нет у нас Рамзеса! – завизжал Дервянко. – Сами ищем!

- Ок! Только проверим, – согласился невидимка.

Полковник увидел облачко чуть в стороне - незванный гость перемещался - и не успел даже выдохнуть.

- Ну попробуй...

Пулеметная очередь заглушила ответ Шамана.

У Слая сдали нервы. То ли от бестолковой дерготни на каждый звук, то ли от страха потерять близкую цель. То ли просто дрогнул на гашетке палец.

- Баран! – страшно завыл Шпак и, кажется, заплакал. – Тля уголовная...

Ночь взорвалась. Трассеры взрезали темноту, распахиная каждый сантиметр пространства.

Стреляли со всех сторон, пули бились в тонкую броню рубки с резким звоном, влетали через узкие бойницы. Ударило в глаза яркое, слепящее тепловизоры зарево. Враги включили инфрапрожектор, не давая долговцам прицельно стрелять и выбивая одну за другой огневые точки.

Полковника ожгло по груди – слава богу, защита спасла! Рассыпалась пластмассовым крошечком труба перископа, ойкнул и захрипел доктор. Захлебнулся пулемет. Слай с заячьим

воплем покатылся по броне и грянул о землю будто мешок с цементом – грузно и окончательно, как только и падают мертвые.

Полковник рухнул на четвереньки, поскользнувшись на вялой руке доктора. Сознание отсекало страшные звуки, чтобы не рассыпаться в кошмаре безумия, а крики, наоборот, приблизились и стали как никогда отчетливыми. Крики – это жизнь, это надежда на спасение. Деревянко лежал в крови доктора Шпака, прижимал к груди винтовку и жадно слушал.

Разведчики не сдавались! Он перекликались, обменивались короткими матерными командами и стреляли, стреляли, стреляли...

- Саид!.. – совсем близко ревел Шаман.

В его голосе не чувствовалось страха, а только беспредельное желание убивать.

Протарахтел стартер, и дизель старого танка лязгнул, просыпаясь. Саид утробно зарычал в такт:

- На гусеницы намотаю!

Танк дернулся, резко принимая с места.

Деревянко представил, как разгорается на вражеских тепловизорах отметка работающего мотора – прекрасная цель! – и опять какая-то нечистая сила понесла его сноровистым галопом к выходу.

«Триста второй» вывалился в ночь, едва не угодив под траки. Упал на что-то большое и липкое, живое, судя по слабым движениям. Капрал?! Полковник заелозил, оскальзываясь в густой пене, которой Шпак богато залил раненого. Саид повернул на вражеский огонь, включил фары и стало видно, как вспахивающая землю гусеница надвигается прямо на ноги. Кажется, Деревянко кричал что-то, неслышимое в грохоте, и отталкивал, отталкивал прочь скользкое капралово тело. А сталкер, гад, все цеплялся за свою вычеркнутую из списочного состава жизнь, пытался отползти и путался под руками и ногами.

Полковнику, наконец, удалось найти точку опоры; со всей возможной силой он пихнул сталкера от себя и покатылся в сторону. Капралу не повезло. Бешено мелькающая в отсветах фар гусеница подхватила его за ногу, и потянула на катки.

Деревянко отвернулся, жалея, что нельзя так же просто убавить слух, и увидел, как из колеи поднимается Шаман, пропустивший танк над собой. Ждать разговора полковник не стал и побежал вслед трассерным росчеркам.

Считанные мгновения спасли ему жизнь. Вдали полыхнуло, огонек быстро пополз по небосводу. Венчик огня едва поспевал за ракетой; вот он смешно, как мячик, подпрыгнул и упал сверху на крышу моторного отсека. Секунду не происходило ничего, а потом рубка, сваренная наспех, развалилась по швам, выплеснула в небо столб чадного пламени.

Взрывная волна ударила в затылок как боксерская груша. Полковник упал как бежал, плашмя, упустив сознание еще в полете.

Очнулся Деревянко от тишины. Почему-то не стреляли. Ночь из черной стала багрово-красной. Гигантский костер, в котором догорал транспортер «Долга», трещал, в нем что-то сочно лопалось, и среди этих звуков оглушенный Деревянко разобрал шаркающие тяжелые шаги. Кто-то шел по ту сторону пламени и вот-вот должен был появиться в поле зрения.

Деревянко с трудом поднялся на колени. Ему все показалось вдруг таким бессмысленным – этот бой незнамо с кем, этот костер, в котором сгорели и пьяненький доктор, и разухабистый Слай, и недалекий Саид. Накатила апатия, и даже собственное неповторимое существование виделось не таким уж неповторимым. Сдохну, и черт со мной...

Черная фигура выплыла из-за огня нечеловеческим шагом. Существо будто ходило переставляло, разворачиваясь всякий раз корпусом. Шаг, еще шаг, и монстр пошел рыбью. Черное растворилось в оранжевых сполохах. В таком камуфляже полковник едва не потерял его, только дрожащий контур выдавал пришельца на фоне пламени.

Монстр двигался на Деревянко. Тот равнодушно ждал своей участи и даже не удивился, когда на плечо ему лег тяжелый обрез.

Выстрел надорвал барабанную перепонку.

Картечь из трех стволов как гильотиной срезала монстру голову. Хитрый камуфляж сполз с вражьего тела; чужак остановился, но не упал, а только бессмысленно поводил вокруг штурмовой винтовкой странной конструкции. Крови, черной, красной или голубой, хоть какой-нибудь, не было, из каверны в груди монстра полз едва заметный дымок.

«Господи...» - устало подумал Деревянко и завалился на бок.

- Живой? – над ним склонился Шаман, перемазанный грязью, кровью и пороховой гарью. – Оружие где?

Сталкер разделся до пояса, сбросил оплавленный бронежилет и уронил ненужную без патронов винтовку. Даже в полутьме триста второй разглядел багровые пятна на его груди, там, где пули не пробili защиту. Выцветшую татуировку «В рай принимать десант» разглядел тоже.

- М-м... - замычал Деревянко.

- Ясно, - скривился Шаман. – Шпарь туда, убогий, - он ткнул в сторону. – Воронину скажешь, группа Шамана погибла. И это... проваливай из Зоны. Ей-богу, выживу – на первом же дереве вздерну. За Капрала. Без обид, лады?

Бывший полковник встал и побрел на трассу. Не потому что хотел, а потому что Шаман показал дорогу.

Деревянко повезло выйти из окружения, и уже на пути к Стройбату рация ожила, пикнула сигналом вызова.

- Рамзес пошел лесом, - сказал генерал Воронин.

- Кто это? – шевельнул Деревянко белыми губами; неживой голос не мог принадлежать яростному генералу, скорее искусному, но не очень талантливому подражателю. – Триста первый, ты?

- Рамзес пошел лесом...

2

Рамзес просыпался на долю секунды дольше обычного. Почувствовав под головой мягкое, он решил, что это подушка, и автоматически сунул руку за оружием. Только потом, напрягая одурманенное сознание, начал вспоминать, где он есть на этом свете. В Зоне, вестимо, но где? Если подушка, значит, у Саяна... Глеб вспомнил в общих чертах Нору, лес, «Долг»; даже разговор с Ингой, которая не Инга, смутно проявился в памяти.

- Эй! – воскликнула Стриж, легка на помине. – Перестань хватать меня за задницу!

Слишком уж строго воскликнула. Глеб задержал руку в неподобающем месте и открыл глаза. Стриж изучающе смотрела на него сверху, будто не Глеб лежал у нее на коленях, а диковинное насекомое.

- Убери, наконец, руку, - уже всерьез потребовала она.

Глеб убрал. Руке стало холодно и неудобно.

- Ты живой? – спросила Инга, выдержав сердитую паузу.

- Живой, - обнадежил ее Рамзес и осторожно сел.

Огляделся.

Скипидар кашеварил. Процесс занимал его целиком, не оставляя места для переживаний. Осунувшаяся ряшка обжоры и гурмана даже округлилась слегка. Прапорщик вдыхал сытный мясной дух и млел в предвкушении.

Сталкер откашлял застрявший в горле комок.

– Что со мной было?

Инга пожала плечами.

- Потерял сознание.

Глеб повертел головой, разминая шею. Голова тупо болела, но тошнота, кажется, прошла. Отлежаться бы, черт!

- Контузия, - объяснил Глеб, не вдаваясь в подробности. – Не сильная, от пули пять-

сорок пять вскользь по шлему.

Он поднялся, и перед глазами поплыли круги. Вредная химия бурлила в крови, затуманивая мозг и обездвиживая мышцы.

«Чем она меня?» - думал Рамзес, начиная разминку.

Инга некоторое время следила за ним округлившимися глазами, а затем постучала пальцем по лбу и демонстративно отвернулась.

Она затеяла менять повязку. Рывком отклеила пластырь, потянула многослойный тампон. Открылась рана, перехваченная хирургическими швами, в потеках биогерметика, но в целом на удивление чистая.

- Подожди! – Глеб, забыв про упражнения, перехватил Ингу за руку. – Я посмотрю?

Предложение девушке не понравилось, и Глеб не стал ждать разрешения. Он придвинулся, осторожно взял напарницу за лицо и повернул к тусклому свету.

- Все? – нетерпеливо спросила Инга. – Налюбовался?

Собственно, это была уже не рана, а шрам. Свежий шрам. Уродливый, но то дело поправимое. До большой земли жить шраму, до хорошей клиники.

- У тебя всегда так быстро заживает?

Глеб коснулся шва кончиками пальцев, и кожу словно током кольнуло. Рану стягивал и заживлял пух. Он проник в ткани так густо, что у сталкера дыхание перехватило.

Помрачневший Рамзес отодвинулся.

- Заклеивай, - разрешил он и достал смарт.

Час назад Цент сбросил очередную карту. Долговцы висели на хвосте, примерно в километре. Если бы не лес, могли бы и достать из чего-нибудь дальнобойного. Или ракетой угостить из переносной установки, чтоб уж наверняка. Неужели хотят взять живыми?

- Ну? – спросила Инга.

- Идут за нами, - ответил Рамзес.

- Это достоверная информация? Что-то долго они.

- На то и «Долг», чтобы долго! – хихикнул от костра Скипидар.

Рамзес не просчитывал ситуацию, и это нервировало. Долговцы неумолимо догоняли – он чувствовал преследователей, и должны были уже догнать. Взяли бы тепленькими, он в отключке, первоходки спят без задних ног. Что-то нечисто с этой погоней...

Скипидар раздал подогретые консервы. Стриж держала металлическую банку, не обжигаясь, и Глеб помрачнел еще больше. Она должна была охать и приплясывать, как тот же Скипидар, перебрасывая жестянку из ладони в ладонь.

Тоже пух? Рамзес вздохнул.

Он проглотил кусок мяса, прислушиваясь к ощущениям. Тушенка ворочалась в желудке чужеродным комком, и сталкер поставил едва початую банку на землю.

Инга отправляла еду в рот маленькими кусочками и жевала с несчастным видом. Рана на щеке заживала, а десна с осколками раздробленных зубов наоборот распухла, отяжелела и на каждое движение отзывалась болью. Инга поставила свою банку рядом с Рамзесовой.

- Не голодные что ли? – промычал участковый и мощным движением отправил содержимое набитого рта по пищеводу.

В просторном Скипидаровом организме заурчало.

- Рамзес, отойдем на пару минут? – Инга механически погладила пластырь на щеке.

- Только на пару, - согласился Глеб, поднимаясь.

Скипидар проводил их тревожным взглядом.

Инга отшагала, выбирая безопасный путь, метров тридцать по дороге, которой они пришли к стоянке. Там нашла укромный пятачок в зарослях орешника и присела на поваленный ствол.

- Нас догонят, Глеб? – приступила к делу Инга. – Только не обманывай, прошу тебя.

- Я не предсказатель.

- Я не прошу предсказывать! – разозлилась Инга. – Я хочу знать, что ты думаешь.

- Я не предсказатель, - повторил Рамзес. - Километр в Зоне – это очень много. Хотя не

понимаю, зачем они тянут. Может, вымотались на марше и заночевали?

- Ладно, черт с ней, с погоней, - вздохнула Инга. – «Долг» - обстоятельство... как это?.. объективное. Изменить его мы не в силах, можем только учитывать. Ответь, куда мы идем?

- Мне нужно к Оку, - сказал Глеб, не отрывая взгляда от ее лица.

- То есть, мы идем за трансмутатором?

- Я еще не решил, - признался Глеб, – мы идем за трансмутатором или я иду за трансмутатором.

- Вот как? - усмехнулась Инга. – Учти, я пойду за тобой как приклеенная. И попробуй только прогнать!

- Я найду способ.

- Глеб, какого черта?! Поступи хоть раз по-человечески.

Сталкер придвинулся, навис – сильный и опасный мужик, за душой у которого, Инга это понимала, гораздо больше, чем три удачных выстрела. Он протянул руку - девушка решила, что за карабином, но Глеб провел пальцем по ее брови, виску и прижал ладонь к здоровой щеке. Не погладил, прижал, Инга чувствовала каждый шрам, каждую мозоль. Потом что-то произошло, непонятное и пугающее, и девушка ощутила Рамзеса. Щека, а за ней все лицо, слились с ладонью в единое нечто, щекоча место контакта слабым разрядом. У Инги мгновенно скрутило желудок – это был рвущийся наружу завтрак Рамзеса. На нее обрушились неожиданно сильные чувства – это были переживания, которые прятал Рамзес. У нее разболелась голова – как у Рамзеса, и девушка осознала, что эта боль была, есть и будет всегда. Сильная или почти незаметная, но не отпускающая ни на минуту.

Ингу охватил ужас. Ее личность, стремительно растворяющаяся в контакте с чужим разумом, пыталась сопротивляться. Расставляла барьеры, сметаемые потоком чужих эмоций. И только одна, знакомая, помогла Инге устоять перед паникой. Огромная, теплая как солнце симпатия и беспокойство за нее. Этот человек не мог поступить с ней плохо.

Сталкер убрал руку.

- Инга... - Глеб охрип. – Уходи, я тебя прошу! Еще не поздно – ты чиста, первый раз в Зоне. Тебя могут опознать только по оружию. Карабин придется оставить. Скажешь, что тебя взяли заложницей, что сбежала.

- А участковый? – прошептала Инга.

- Он расколется, и вас казнят обоих, - не раздумывая, ответил Глеб. – Я его выведу... постараюсь, или убью при первой же попытке сдаться. Ему просто не повезло, Инга. Так бывает, это Зона!

- Ты ненавидишь Зону, Глеб? – тихо спросила Инга.

- Да! – Рамзес говорил обманчиво спокойным тоном. - Ты представить не можешь, как ненавижу, и возвращаюсь сюда раз за разом. Это наваждение, какая-то неизлечимая дурь. Или она убьет меня, или...

- Или?

- Нет никакого «или», - признался сталкер. – Я иду на смерть, чего уж там. А тебя не пушу! Свяжу, в конце концов...

Инга не испугалась.

- Дурак, - сказала она, - невозможный дурак! Никуда я теперь не уйду.

Рамзес закрыл глаза, отсчитывая двадцать секунд. Когда открыл, увидел перед собой другого человека. Окончательно и бесповоротно принявшего важное решение.

- Рамзес, мы идем вместе, - твердо заявила Инга. – Я и связанная поползу, ты меня плохо знаешь. Я не стану тебе обузой. Может быть, я плохой сталкер, но боец хороший, поверь. Я не обманываю тебя, честно. Не понимаю, что за бред с этой Инной, но я говорила правду. На кого работаю не скажу, не проси, но мне нужен трансмутатор. Я тебе предлагаю две вещи: во-первых, долю. Я тоже в бизнесе, мои пятьдесят процентов мы можем разделить. А это проценты от... как это?.. бесконечности, если слухи хотя бы вполовину правда. Во-вторых...

Она достала из нагрудного кармана тяжелый даже на вид брусок.

- Спутниковый маяк, вроде твоего смарта, только мощнее и надежнее. В магазине таких не продают, и продавать будут еще не скоро. Если его включить, нас эвакуируют в течение часа. Нужно только найти трансмутатор. Глеб, это шанс на вторую попытку. Если что-то сложится неудачно...

Рамзес закаменел лицом, и Стриж запнулась.

- Что ж, - глухо сказал Рамзес, - это твое решение.

«Эвакуируют?! Зона тебя побери, глупая девчонка!»

- Ты согласен? – Инга сделала ударение на «ты».

- Нет, - качнул головой Глеб. – Доля мне не нужна, маяк тоже. Но я постараюсь, чтобы ты выжила.

Такую извращенную логику Инга отказывалась понимать.

- Ладно, - она решила быть покладистой, - отложим этот разговор. Скажи, куда мы идем?

Рамзес помедлил с ответом.

- Я надеюсь выйти к белому пятну со стороны Стройбата. Там прошел Фокс, значит есть дорожка. А дальше нужен точный маршрут. Вешить заново нам не позволят... объективные обстоятельства.

- Он у тебя есть, маршрут?

- А у тебя? – непонятно усмехнулся Глеб.

- Ты что, издеваешься? – вспыхнула Инга. – За каким бы дьяволом мне понадобился Сароян?

- У меня есть зашифрованный маршрут. А ключа нет...

В орешнике негромко треснула ветка, и Глеб напрягся.

- Ничего не понимаю! – Инга тряхнула головой. – Ты отнял маршрут у Князя?

- При таком раскладе, думаю, у Князя нет вообще ничего, - ушел от ответа Глеб и потер лоб, соображая. - Ну, может быть, в самых общих чертах - он знает, где вошел в пятно Фокс, где и когда вышел. Он идет наудачу...

Сталкер картинно развел руками и прошептал, не меняя интонации:

- Не оборачивайся, нас пасут! Дай мне карабин, только спокойно.

В орешнике стояла могильная тишина, но Рамзес не даром ходил два года. Знал, что их слушают и за ними смотрят.

- «Долг»? - Инга повела плечом, и ремень «Тигра» соскользнул на руку.

Чужак мгновенно сорвался с места. Затрещали под ногами случайные ветки, но редко, выслеживал сталкер опытный, умеющий двигаться бесшумно.

Глеб выхватил у Инги карабин и выстрелил. Разведчик остановился, но звука падения Глеб не услышал. Он прикрыл глаза и повел стволом.

- Стой! – прилетел из леса панический выкрик. – Не стреляй... те, Рамзес!

Инга уже стояла рядом, на одном колене, упершись в другой локтем для верного прицела, и сжимала в сведенных ладонях «Кольт-Питон». Услышав знакомый голос, девушка ахнула.

- Я выхожу! – крикнул Варан, и действительно вышел с поднятыми руками.

- У меня есть маршрут, - сразу заявил он, как замороженный глядя в пламегаситель «Тигра». – Не нужно стрелять!

Бездонный кружок девятимиллиметрового калибра, упертый в переносицу, казался ему, небось, воротами на тот свет. Гостеприимно распахнутыми.

Глеб опустил карабин и прислушался. Варан шел один или?.. Незванный гость жался в нескольких метрах, не решаясь приблизиться.

Молчание нарушила Инга:

- Ты здесь... зачем?

- Я могу помочь... - заторопился Варан, и Глеб выстрелил навскидку.

Варан отпрыгнул, нелепо взмахнул руками и медленно осел. По его голове побежала одинокой струйкой кровь.

- Слушать мешает, - объяснил Глеб и хлопнул себя по груди.
В кармане вибрировал смарт.

3

- Рамзес! – кричал сквозь помехи Цент. – Что ты тянешь? «Долг» уже на подходе!

- Я иду, - сказал Глеб, быстро глянув на Ингу.

- Шевелись же, черт! Новости есть?

Рамзес ответил не сразу. Новости были, целый накопитель зашифрованных новостей. Цент уже бы мог перебирать их на десятке компьютеров в поисках ключа. Новости можно было отправить нажатием двух кнопок, но сталкер тянул с решением.

- Цент, ты расшифровал?

- Что? – буркнул издали Цент.

- Числа, - терпеливо напомнил Рамзес. – Я отправлял тебе числа из записей Фокса. Что с ними?

- С ними глухо, Рамзес, - после едва уловимой заминки ответил Цент.

Солгал... Эх, Цент!

- Нет новостей, Митя, - мягко сказал Глеб. – Если будут, сообщу.

И разорвал связь.

Растерянная Инга стояла перед Вараном на коленях, придерживая его окровавленную голову.

- Ты промахнулся! – сказала она, раздувая крылья носа. – Слегка царапнул ухо и оглушил. По-моему ты... как это?.. рехнулся.

Рамзес смутился. И впрямь, что это он? Никогда не опускался до мести, брезговал, а тут сорвался. Мелко и неумно. Эмоции, сталкер, эмоции!

- Я не промахнулся, - отвел глаза Глеб. – Вернул должок, можно сказать. Ничего с ним серьезного, перетрусил малость. Двинь как следует, очнется.

- Я бы тебе сейчас двинула, - мечтательно сказала Инга. – В глаз. Чтобы искры и все прочее. Ненавижу, когда ты такой!

И вцепилась Варану пощечину. Тот зашевелился.

- Я не всегда такой, - попытался оправдаться Глеб. – А этот свое заслужил.

- Заслужил, - слишком уж покорно согласился Варан; откашлялся. - Я был неправ, Рамзес. Зона попутала. Приношу извинения.

- Что тебе нужно?

- То же, что и вам.

- Проваливай!

Варан сел. На кровь, стекающую из разорванного уха, он не обращал внимания.

- Я не уйду, - набычился Варан. – В одиночку и без оружия мне не дойти. Только и вам, Рамзес, без меня не светит. В ПДА самой важной информации нет! Фокс, царствие ему небесное, с мозгами крепко дружил. Имел опасение, что маршрут утечет на сторону, или Князь забудет поделиться.

Ожидаемо! Рамзес сосчитал до десяти и спросил:

- Твои предложения?

- Половина!

- А ее побоку? – Глеб кивнул на потерявшую дар речи Ингу.

- Это уж сами решайте, - ухмыльнулся краешком рта Варан. – Я вношу в уставной капитал половину – даже больше, вы же не расшифровали Костины записи? И столько же требую с барышей.

В следующий момент Рамзес нависал над Вараном и не очень бережно держал его за измочаленное ухо. Инга только сморгнула, момент прыжка она не заметила.

Варан не сдержался, замычал от боли.

- А может, так расскажешь? – Рамзес говорил свистящим шепотом. - Если я попрошу?

Варан прямо встретил свинцовый взгляд Глеба.

- Я устал, Рамзес, - прошипел он сквозь стиснутые от боли зубы. – Я хочу завязать, а другого шанса у меня не будет. Хочешь – убей! Я не скажу!

Глеб отпустил ухо и вытер окровавленную ладонь о грудь Варана; хлопнул по плечу так, что Варан, казалось, уменьшился ростом.

- Ублюдок ты, - подвел итог сталкер. – Выкладывай все из рюкзака.

Варан только плечом дернул, мол, плевать на ваши оскорбления. Перевернул тощий сидор, вывалив на землю незамысловатый скарб охотника за удачей. Оружия не было.

– Мой нож!

Варан достал из набедренного кармана ятаган и положил на землю. Понял, что из его рук Глеб сухаря в голодный год не примет, а бросить «на-подавись» не решился. Разумно испугался пинка по ребрам.

Сталкер подбросил нож носком ботинка, играючи поймал.

- Пошли, - кивнул он Инге и шагнул на тропу, обозначенную слегка примятой травой. – Что молчишь?

Инга ответила не сразу.

- Черт с ним, с Вараном, - вздохнула она устало. – Я и не ждала от него хорошего. А вот ты... Я не понимаю тебя, Рамзес! Ты... ну, гладишь меня по щеке, как... нормальный парень, а через минуту стреляешь в безоружного человека. Пусть он сволочь, но ты ведешь себя как бандит. Понятно, за что тебя прозвали оборотнем!

- Оборотнем меня считают, потому что все, кто ходил со мной, погибли, - не оглядываясь, сказал Глеб.

- А я? – помолчав, спросила Инга.

- Идет к тому, что мы погибнем вместе. Ты сама так захотела. Если передумаешь, буду рад.

- Прекрати каркать! – рявкнула напарница. – С таким настроением нам и впрямь... как это?... не светит!

Глеб не ответил.

Скипидар ждал их, взмокший от одной только мысли, что его бросили. Увидев Глеба, участковый облегченно заулыбался.

- Где вас черти носят? – заорал он и поперхнулся.

Следом за Ингой на поляну шагнул Варан.

- Привет, Витек, - сумрачно поздоровался он. – Я теперь с вами.

- Эге... А хавчик у тебя есть? – озаботился Скипидар. – А то у нас негусто.

- Не обожру, - успокоил его Варан, устроился в дальнем от Рамзеса углу и достал аптечку.

Они с участковым зашептались, но Глеб не обращал на них внимания. Он подошел к костру и провел ладонями над огнем. Ночь и впрямь выдалась зябкой, но Инге почему-то казалось, что сталкер не греется, а... колдует? Шаманит, когда погоня буквально висит на плечах!

Сталкер долго смотрел в потрескивающие уголья, и вдруг лег рядом с костром. Закрыв глаза.

- Рамзес, - растерялась Инга. – А как же «Долг»?

- Нет никакого «Долга», - пробормотал Глеб. – То есть вообще «Долг» есть, но не здесь. Возле Норы, наверное.

- А карта? Я сама видела.

- Липа, - отрезал Рамзес, и как раз в этот момент смарт завибрировал, принимая очередное сообщение.

Сталкер не шевельнулся. Инга поняла, что уже ничего не понимает.

- Мы ошибались, - объяснил Глеб, не открывая глаз. – Думали, нас загоняет «Долг», а это засранец Варан полз по нашим следам. Я, в общем-то, догадывался. Мы плутали, несколько раз возвращались, ночью стояли. Долговцы не упустили бы шанса повязать нас в

темноте. Наплевали бы на все правила, или я ничего не понимаю в этой жизни... Ты чувствуешь погоню?

Инга добросовестно подумала, насколько могла думать в состоянии абсолютного изумления. Из-за этого вчерашнее прозрение, как назло, не возвращалось.

- Нет. Ничего не чувствую, - призналась девушка.

- И я, - сонно ответил Глеб.

- А... что же теперь?

- Нужно обдумать.

Инга оставила Глеба в покое. Кривясь от боли, доела утреннюю тушенку, разворошила угли и засыпала кострище землей. Сталкер лежал, не открывая глаз. Не то думал, не то спал.

Девушка и сама начала клевать носом, когда Глеб заговорил.

- Пойдем, как решили: выйдем на трассу, а с нее будем штурмовать Око.

- А Князь?

- Будет за нами, что вряд ли, или впереди нас. Как вариант, Князя прихватили должовцы.

- Глеб, что с Вараном? Он пойдет с нами?

- Если он не пойдет с нами, то пойдет за нами, - хмыкнул Глеб. – Неизвестно что хуже.

Я бы мог его убить – имею такое право, но... ты не одобришь?

- Нет, - согласилась Инга и не удержалась. – Тебе настолько важно мое одобрение?

Глеб открыл глаза:

- Очень!

- Почему? – одними губами спросила девушка. Ей захотелось услышать, как Рамзес это скажет.

Глеб снова закрыл глаза:

- К тому же он прав. Я селезенкой чую – без этой чертовой цифири наш маршрут протухшего «выверта» не стоит.

Инга почувствовала себя несчастной. Очень не к месту почувствовала и поспешила одернуть себя.

- Варан предаст, - предупредила она. – В спину выстрелит, не побрезгует.

- Знаю. Но пока это не важно.

- Глеб, - Инга откашлялась. – Если уж мы в доле... то есть в команде, покажи мне маршрут. Вдруг мне повезет вычислить пароль?

Глеб, не открывая глаз, приподнял брови домиком

- Я училась в колледже, - возмутилась Инга, - и кое-что понимаю в криптографии.

Сталкер наощупь достал смарт, разблокировал нажатием нескольких кнопок:

- Попробуй.

- Девять человек из десяти выбирают самый примитивный пароль, - словно извиняясь, сказала девушка. – Раз-два-три-четыре и тому подобное.

Она взяла смарт, но ни раз-два-три-четыре, ни «password», ни еще десяток очевидных вариантов не сработали. Девушка упорно перебирала все более экзотические сочетания. Таблицу из двухсот самых распространенных паролей она в свое время заучила наизусть, и не зря! Пригодилось вот. В переложении на богатый русский таблица оказалась еще больше, особенно в части заковыристых выражений.

Рамзес прервал ее на варианте про известную непутевую мать. Сталкер поднялся рывком и зычно скомандовал:

- Эй, бойцы, выходим!

Бойцы засобирались – жующий на ходу Скипидар и Варан в нелепой повязке с проступающим сбоку темным пятном.

- На Стройбат? – спросил Варан нейтрально.

- Нет. Далеко и опасно.

- Жрать что будем? До Ока, может, и хватит, а обратно...

- А обратно пойдут не все, - ухмыльнулся Глеб. - Или забыл к кому в компанию

напросился?

Варан, надо отдать должное, не испугался.

- Вы меня берегите, Рамзес, - посоветовал он. – Может статься, я буду решать, кто вернется, а кто и...

- Мужики... и это... граждане сталкеры! – возопил Скипидар; разговор явно не прибавил ему оптимизма. - Меня-то за что?! Отведите к людям, христом-богом прошу!

- Заткнись! - буднично оборвала его Инга. – Прекрати истерику, дойдем до точки, а там... будут тебе люди.

Скипидар замолчал, его лицо дергалось. С каждым днем гримасы прапорщика все больше напоминали ужимки сумасшедшего. Не он первый, кто сходит с ума в Зоне, но Глеб вовсе не хотел, чтобы в его команде шел вооруженный автоматом псих. Нюанс заключался в том, что автомат этот, короткоствольный обрез «Калашникова», прапорщик самолично спер в арсенале «Бора», а значит, по неписанным законам требовать его Глеб права не имеет. Не давал – не твое. Чужое. Можешь отнять, но насиловать участкового Глебу хотелось еще меньше. И так не группа, а сущий сброд.

Надавить, чтобы сам отдал? Рамзес скептически глянул на конвульсивно сжатые пальцы Скипидара. Не отдаст. И рассчитывать на этот ствол, как на реальную боевую единицу не приходится. Максимум – на пальбу веером в белый свет, хорошо, если в нужную сторону.

Как там Ворон говорил? Сколько в Зону ни возьми, а к цели выйдешь с голым задом. Точнее не скажешь. Рамзес пойдет за Оком с ножом, а Скипидар – с «калашом», нужным ему как попугаю контрабас.

Вышли, сначала Глеб с Ингой, затем Скипидар и Варан. Эти двое быстро отстали, выдерживая дистанцию. Как понял с досадой Глеб, ровно настолько, насколько принято отпускать вперед отмычек.

Стриж еще некоторое время игралась с паролями, пока Зона не заставила ее смотреть под ноги.

- Интересная машинка, - Инга протянула смарт. – Нестандартная. На моем ПДА перебор блокируется после третьей попытки. А жаль! Пароль наверняка короткий. Шансы имеются, или я ничего не понимаю в криптографии.

- Нужно понимать не в криптографии, - буркнул Глеб, - а в Фоксе. Что любил, как звали собаку, за какую команду болел.

Он быстро переходил в походное состояние и злился, что его отвлекают.

- Я знал Костяна, - напомнил издали Варан, и Глеб убедился, что со слухом у того все в порядке – змея на зависть. - Позвольте мне, Рамзес?

- Ну, попробуй, - раздосадованный Глеб бросил смарт Варану. Чем, действительно, Зона не шутит!

- Ага, пусть попробует, - проворчала задетая Инга. – Пусть мэйлы твои посмотрит, карты.

- Мэйлы могу видеть только я. Не отвлекай!

- Да он же тупой! Ты веришь, что он не блефует?

- Может я и тупой, - захлебнулся нервным смешком Варан, и Рамзес встал как вкопанный; обернулся. – Но мне и трех попыток хватило.

Он шел к Рамзесу держа перед собой смарт в вытянутой руке.

- Какой? – выдохнула Инга. – Какой пароль?

- Да вот же! – снизошел до объяснения Варан, защелкал кнопками. – Самый простой – password.

- Варан, ты идиот! – всхлипнула Инга. – Password пишется с двумя эс!

- Да? – удивился ходок. – Не знал.

К вечеру Рамзес не узнал Ингу, девушка ожесточилась и посуровела. Кожа обтянула заострившиеся скулы, а глаза сверкали из темных кругов настоящей сталкерской сумасшедшинкой. Ворон когда-то говорил: новичок показывает себя на второй день. Почему на второй? Первый день – всегда работа на публику, следующий все расставляет по местам. И хотя в круговерти событий Рамзес затруднился бы сказать, какой день они в пути, воронова примета оправдалась полностью.

Весь день ходоки шли сквозь прокаженный лес. Они спешили, теперь, когда маршрут был на руках, Рамзес торопился выйти к пятну. Любое промедление выводило его из себя.

Думать на ходу не получалось, Зона не давала расслабиться. А подумать было над чем.

- Видите? – победно сиял Варан, демонстрируя маршрут. – Я предупреждал!

Сложнейшую трассу Фокс отработал дотошно. Рамзес прокручивал длинную таблицу с описанием маркеров, некоторые в считанных сантиметрах друг от друга. Запоминал накрепко, ибо не факт, что удастся свериться в критический момент. В таблице нашлись даже координаты Ока, но последние строки – последние десятки метров на местности – остались незаполненными.

- Циферки, говорите? – скалил зубы ободрившийся Варан. – Это не циферки, это крайние, хе-хе, метры! Я проведу вас, Рамзес, если договоримся, конечно. Обдумайте свои гарантии!

Подначки не задевали Глеба, Варан для него словно умер. Сталкеры, впрочем, и раньше существовали в параллельных реальностях, очень уж Рамзес не любил таких... скользких пресмыкающихся.

Трасса тем временем становилась все сложнее, и Рамзес начал выматываться от постоянного напряжения.

- Иди вперед, - приказывал он Инге, когда начинала донимать контузия или наоборот, циркулирующие в крови наркотики.

Девушка заменяла его на спокойных участках. Она двигалась медленно, но тут уж ничего не попишешь - Зона. Нехоженная. Глеб и сам застрял у неприметного овражка на полтора драгоценных часа, пока нашел способ переправиться. Не было у овражка дна. Ни Глеб его не чувствовал, ни Ингин сканер. И камни не долетали, пропадали в никуда.

После овражка встали отдыхать. Участковый выглядел совсем плохо, отвечал невпопад, взгляд его блуждал, не задерживаясь даже на тушенке. Иногда загорался изумлением – где я? в какой такой Зоне? со мной такого быть не может! – и тут же потухал.

- Поплыл Витек, - сделал вывод Варан и надрывно вздохнул. – Вот не повезло, так не повезло. Ох, грехи наши...

Инга отошла в кусты, просканировав вокруг на предмет аномалий, и Глеб воспользовался моментом. Вместо контузии организм боролся с наркотиками, с завидной регулярностью приказывая сбросить накопившийся яд. Рамзес часто мочился, но дурь не отпускала, туманила рассудок и замедляла реакцию.

- Больше никаких уколов, - приказал Глеб вернувшейся Инге. – Лучше прикладом по затылку.

- Я думала, ты умираешь.

Девушка говорила спокойно, без всегдашней своей вспыльчивости.

«Растет девчонка! - с уважением подумал Глеб. – Спровадить бы ее в Стройбат. Пусть и дальше растет».

Эта мысль захватила его полностью. Он перестал гадать, кто из них обманывает, она или Цент. Какая к черту разница?! Пусть она выживет! Пусть эти серые глазищи и дальше смотрят на мир с вызовом! Неужели непонятно, что это важнее, чем все трансмутаторы вкупе, настоящие и придуманные?!

- Рамзес, я вот думаю... - Инга села близко и говорила полупшепотом. – Если этот Костя-Фокс дошел до трансмутатора, почему же не взял? Трансмутатор – вещь... как это?... окончательная. Такие не продают и тем более не дарят, за них глотки рвут.

«Это ты в точку!» - усмехнулся про себя Рамзес.

- Интересный вопрос, - разговорился он, не иначе расслабившись от женского тепла рядом. – Я его тоже думаю. Фокс считался жестким парнем. Просто так под Артура не пошел бы. Вариантов-то, в общем, два. Или Князь его чем-то держал крепко. Или... мы чего-то не знаем.

- Ты имеешь в виду – трансмутатор невозможно взять?

- К примеру. Или его там просто нет, а есть что-то другое.

Инга поежилась:

- Типун тебе! Нет, трансмутатор существует. Его видел... один человек.

Глеб не стал расспрашивать. Видел и видел, какая теперь разница. Сталкер не хотел слышать нечто такое, что расставит все по местам. И сероглазая Инга, женщина, которая волнует его до сердечного обмирания, окажется врагом. Что тогда?

«Эмоции, сталкер...»

Варан поднялся и тоже шагнул за кусты. Инга покосилась на него, но отодвигаться не стала. Спрятала вдруг лицо в ладонях, качнулась вперед-назад, едва не клонув Глеба в подбородок.

- Господи, скорее бы дойти! – сказала она таким измученным голосом, что у Рамзеса в горле перехватило. – Как она выматывает, эта твоя Зона!..

Глеб осторожно взял ее руки, отвел от лица. Слез в покрасневших от усталости глазах не увидел.

- Кольцо не сняла, – пожурил он, разглядывая перепачканную ладонь с отметинами сорванных мозолей. Ни одна самая ухоженная рука не рождала в нем такую бурю нежности.

- Это талисман, - объяснила Инга странным голосом.

Глеб прижался к ее ладони щекой. Контакта как в прошлый раз не случилось, да Рамзес и не стал бы тратить на него силы. Но Инга все равно что-то почувствовала, даже сквозь колючую щетину.

- Глеб, если бы ты мог выбирать... где бы ты хотел оказаться? – негромко спросила девушка.

Глебу не пришлось раздумывать, но он тянул с ответом. Конечно, в Ялте, куда они с Никой укатили на последние деньги, оставшиеся от свадьбы. Ночевали в спальниках, в палисаднике у добродушной хозяйки, гуляли, купались, любили, и плевать им было на очередные не то выборы, не то революцию. Часто спорили, и однажды Глеб, проспорив, нырнул прямо с набережной. С индейским кличем – как он его представлял. Ника восторженно завизжала и сиганула за ним, перепугав отдыхающих.

Рамзес вспоминал Ялту в самые трудные моменты, когда приходилось из последних сил хвататься за жизнь, и трусливая мыслишка «зачем?» всплывала, незваная, из глубин подсознания. И вот сейчас... Мысль о Нике не вызвала, как прежде жгучих и противоречивых чувств. За одно это Глеб был благодарен Инге.

- В Ялте, летом девятого года, - все же ответил Рамзес. – А ты?

- Не знаю, - призналась Инга. – У меня богатый отец. Я много где бывала, сначала с ним, потом... не с ним, но так чтобы для души, чтобы на всю жизнь запомнилось, такого нет. Калейдоскоп, чехарда какая-то.

Она шевельнула пальцами, и Глеб нашел губами ложбинку на ее ладони.

Инга замерла, потом едва слышно попросила:

- Перестань! Не надо...

«Надо!» - готов был закричать на всю Зону Рамзес.

- Все будет хорошо, - сказал он, напрочь забыв, что еще утром сулил ей неминуемую гибель. – Нужно верить в себя.

- Не знаю почему, но я верю в тебя. Никогда никому так не доверялась, и это меня... - Инга не могла подобрать верного слова (пугает? а может возбуждает?) и неловко закончила, - нервнует.

Скипидар уронил автомат, и Стриж вздрогнула.

- Ты куда?... Стой!

Прапорщик шел прямо на отчетливо видимый «трамплин», на ходу расстегивая брюки. Рамзес успел перехватить его и толкнул в сторону безопасных кустов.

- Туда иди.

Скипидар затряс головой, его взгляд немного прояснился.

- Глеб, его нельзя оставлять в таком состоянии, - занервничала Инга. – Я пойду рядом с ним.

- Нет, - твердо сказал Глеб. – Мне нужна смена впереди.

- Он же погибнет!

- Знаешь, чего стоит жизнь одного человека? Жизни двух людей, тем более трех. Лес посреди Зоны не место для дешевой благотворительности, - Глеб вздохнул, потому что Скипидара и ему было в общем-то жалко; подвел итог. - С ним идет Варан, этого достаточно.

- Вот и поговорили! – хмыкнула Инга, без особого, впрочем, задора.

Но и Глеб не ощущал за собой правды. Арифметика, конечно, наука точная, но за жизнь напарницы он отдал бы и две, и больше. И собственной рискнул, не задумываясь.

Гонка на выживание продолжалась.

За «трамплином» открылся спокойный участок, через который вела Инга, а следом начался сущий кошмар. Две сотни метров, иногда по шагу в десять минут, иногда ползком, сталкеры прошли за несколько часов и стали на привал в первом же относительно безопасном месте.

Скипидар упал как подкошенный. Варан хмыкнул и начал потрошить его рюкзак, молчаливо приняв на себя хлебную должность распределителя продуктов.

- Небогато! – резюмировал он, раздавая банки перловой каши со свиной. – Разве что на трассе попадется кто с харчами.

Рамзес проглотил немного склеенной в комок холодной каши и прислушался к ощущениям. Желудок, только что изнывавший от голодной боли, лениво взбунтовался.

«Ешь!» - приказал себе Рамзес, потому что силы уже не казались бесконечными, и отправил с ножа в рот еще несколько кусочков. Молча протянул банку Инге. Какой смысл переводить продукты, если желудок категорически от них отказывается?

До трассы и пятна оставалось совсем немного, если в метрах. Заняться самочувствием потом, возможно, не получится. Рамзес начал привычно оценивать состояние мобилизованного организма, «нырнул в себя» по выражению старины Ворона. Изнутри организм звучал не очень сложным оркестром разнородных инструментов-органов. Забавно, жаль никто не слышит.

Мышцы получают кислород, сердце гонит кровь исправно, как отлаженный насос. Мозг до сих пор затуманен химикалиями и контузией, но интенсивно борется, и «корвалол» ему помогает. Крови, слава Зоне, нет, сосуды выдержали. Команда желудку не принимать лишнего пришла отсюда, из поврежденных областей. Глеб попытался сунуться в них, но на раскопки в собственном мозге его способностей не хватало. Пока не хватало...

Зато руки в порядке, и это здорово. Без рук и ног здесь не выживают. Без глаз еще можно, доведут, но обезножевшего не всякий потащит. Хотя Рамзес носил, и Стриж, наверное, попытается. А с ногами как раз непонятно. Чувствительность после памятного спурта к Бору вернулась, и даже с лихвой, но пух... Пух полз вверх, миновав почти разряженный «корвалол». Нежно-голубые, по ощущениям, побеги обволакивали клетки, добавляли пронзительно чистую ноту к симфонии. Дотянулись уже до позвоночного столба. Как их удержать, Глеб не представлял.

Скипидаров «корвалол» ощутимо нагрелся и покалывал кожу. Глеб без колебаний расстегнул комбинезон и нашел артефакт на внешней стороне бедра. Действительно, почти разряжен... Сколько продлится это «почти»? Час или сутки? Убивает «корвалол» в считанные минуты. Человек падает без сознания, и привести его в чувство можно, только накачав химией по самые брови. Если, конечно, другие знают про артефакт и успеют его снять подручным инструментом.

«Нет! Нельзя рисковать!»

Глеб рванул пластырь, смял вместе с «корвалолом» и зашвырнул подальше. Угодил во что-то невидимое, грязный комок будто в стену ударился и пропал в тусклой вспышке.

- Вау! – рассмеялась Инга, и Глеб вернулся к реальности. – Ты так романтично начал раздеваться...

Она зарозовела скулами, и Глеб почувствовал себя неловко. Вот ведь, баба на корабле! Штаны лишний раз не расстегнешь.

- Твоим языком косить можно, - сказал досадливо сталкер. – Больно острый.

- А ты не подставляйся, – Инга улыбнулась в первый раз за последние дни, и Глеб понял, что уже не может на нее злиться. Даже не всерьез.

- Вставай! – строго, насколько мог, приказал он. – Пора выходить.

- Долго нам еще? – спросила Инга.

Варан за ее спиной глухо матюкнулся и поплевал через плечо:

- Сглазишь!

- Спрашивать «как долго» не принято, - объяснил Рамзес. – Дойдем, как Зона распорядит.

Инга таки накаркала. До трассы оставалось метров восемьсот, но прохода, чтобы одолеть эту перемычку, Рамзес никак не мог найти. Шли уже несколько часов, пасмурное небо темнело. Лес поредел, живые деревья постепенно сменились сухостоем. Подлесок мельчал и, наконец, под причудливо изогнутыми стволами зачавкало болото.

Рамзес остановился перевести дух.

- Ходил здесь? – спросил он Варана.

Тот качнул головой:

- Вдоль трассы идем, даже отклоняемся. Может вернуться, Рамзес?

Болото смердело опасностью. Рамзесов биологический датчик, обычно называемый сталкерским чутьем, зашкаливал. Ультимативно сигналил – вернись!

Глеб оглянулся на команду. Скипидар молчал уже который час, смотрел вяло и двигался рывками, как заведенный механический болванчик. Инга от усталости почернела лицом. Идти с ними обратно? Форсировать бездонный овраг и на той стороне искать другой маршрут?

- Рискнем! – решил Глеб, изменяя всем неписанным правилам.

Они нарубили жердей и двинулись.

Рамзес шел первым, выбирая путь. Чувствовал под собой тонкий слой дерна, а под ним мутные глубины чего-то непонятного. Провалиться означало умереть, а как пройти болото, не замочив ног?

Испытанная тактика след-в-след не срабатывала. Инга ступала в едва обозначенный Глебовым ботинком отпечаток и продавливала его. Варан рисковал еще больше, а Скипидар, шагающий словно зомбированный бегемот, вообще балансировал над пропастью. Глеб приказал им взять в сторону, но безопаснее участковому не стало. Варан просто забыл о нем, шел медленно и осторожно, вытянув длинную шею. Будто вынюхивал дорогу.

Первые сто метров дались невероятными усилиями, потом стало легче. Психологически легче, новички привыкли к опасности. Твердый слой под ногами наоборот истончился, поверх него стали встречаться лужицы с подозрительным черным налетом, маслянистым как мазут.

- Смотреть внимательно! – свирепо рявкал Глеб, но его слушались плохо, сказывалась усталость.

В лужицу вляпался Скипидар. Шагнул неверно, поскользнулся и переступил. Прямо в воду, или что там стояло в луже. Замер, изумленно глядя, как плеснувшая на ноги черная клякса разъедает ткань милицейских брюк и кожу ботинок. Как сноровисто ползет вверх.

- Стоять! – Глеб перехватил Ингу, хотел за плечо, но получилось за волосы; Рамзес едва уцепил короткий ежик.

Варан сам шарахнулся от участкового.

Рамзес повернулся к Скипидару.

- Витя! – позвал он, и участковый глянул вполне осмысленно. – Шагни вперед... теперь разувайся и снимай штаны... Живо! Руки береги... Подцепи стволом!..

Скипидар пришел в себя. Подвывая от ужаса, сбросил ботинки. Чуть дольше боролся с брюками.

- Оставайся там! – Глеб включил фонарь.

Яркий круг выхватил из полутьмы волосатые Скипидаровы ляжечки, колени и уперся в ступни. Плоть стекала с них мутной жижей, образуя под человеком еще одну лужицу с налетом. В луже, словно кувшинки в пруду, плавали ногти.

- Ноги-то! – всхрипнул Скипидар и засмеялся, показывая коронки. – Ноги-то!..

Стриж беззвучно завывала и снова дернулась.

- Штанов не жалко, – сказал прапорщик, отдуваясь, – а ботинки неношеные, жалко... – он поперхнулся и замолчал.

Двигаться Скипидар, похоже, не мог; когда оголились кости, начал проваливаться. Он смотрел отстраненно на ползущую вверх, к паху, груди и лицу, едкую жижу и беззащитно улыбался. Иногда заглядывал поочередно в лица ходоков.

- Дай карабин, – велел Рамзес мертвым голосом. – И отвернись.

Инга посмотрела диким взглядом и сняла с плеча «Тигра». Она не отвернулась, когда Рамзес навскидку, выстрелом в голову, без лишних слов и трагических прощаний убил Скипидара. Участковый, продолжая улыбаться, опрокинулся на спину. Он умер мгновенно, тоскливое изумление так и осталось в заливаемых мелким дождем глазах.

Рамзес сунул оружие обратно, больно ударив Стрижа в ладони.

- Вещей с тела не брать, – глухо приказал он. – Замечу – убью. И не расслабляться!

Развернулся и размеренно зашагал.

- Оборотень! – прошипел Варан ему в спину. – Не человек! Мочканул как окурочку притушил, сволочь... «Калаша» взять что ли? С одним ведь стволом идем.

Инга едва подавила желание выпарапать ему глаза.

5

В темноте вышли на провешенную трассу. Идти ночью болотом было чересчур даже для Рамзеса, но сделать привал ходоки не могли. Посреди болота черная вода стояла не лужами – озерами, и Рамзес уже смирился с мыслью, что придется возвращаться.

Но прошли! Без потерь, незавидная участь Скипидара подстегнула вымотанных путешественников, заставила удвоить осторожность.

Человецы, философствовал Ворон, жить зачем-то любят. Когда безнадега – особенно.

Глеб, впрочем, не обольщался. Скоро усталость возьмет свое, и встречать этот момент лучше на твердой земле.

- Шабаш! – были первые слова Рамзеса после милосердного выстрела. – Вон за теми деревьями путь на Стройбат.

На карту он не смотрел, ориентировался по одну ему ведомым приметам. Стриж так и не поняла, что изменилось. Чем этот лес, который уже трасса, отличается от того леса, что еще болото?

- Недалеко, – ответил сталкер на незаданный вопрос. – Километра полтора до пятна.

Инга повалилась на спину и задрала гудящие ноги к невидимым за тучами звездам.

- Костра не нужно, – прохрипел уставший до кругов в глазах Варан. – Холодного пожрем, а то здесь ходят.

- Ладно, – согласился Рамзес. – И спать. Я дежурю первым, ты сменишь, потом до утра Стриж. Слышишь, птица?

Птица с грохотом уронила ноги на землю.

«Заснула, – понял Глеб. – Загнали девчонку!»

Он перебрался к Инге. Сковырнул с ее ног ботинки, размотал скатку армейского спальника и упаковал напарницу.

- Что, Рамзес, нравится? – голос Варана истек сальным любопытством, Глеба аж передернуло. – Ничего девка, кругложопенькая. Только стервоза. Прыгай к ней в мешок, я покараулю...

- Слюни-то не пускай! - оборвал Рамзес. - Не твоего она полета птица... Варан!

- Ну-ну, - обиделся Варан и, отвернувшись, зачавкал кашей.

Умял банку за минуту и тоже повалился.

- Надо хавчик добыть, - бормотнул он, засыпая. – Мало хавчика.

Глеб остался возле Инги, поближе к оружию. Вскрыл консервы, разрезал на кубики слежавшуюся массу перлового полуфабриката с редкими прожилками мяса и осторожно поел. Желудок наконец-то принял еду с благодарным урчанием.

Глеб немного расслабился, лениво впитывая окружающую тишину. Мертвую. Людей, с младенчества привыкших к живому шуму, Зона пугала тишиной склепа, из которого сбежали даже тараканы. Неживые звуки не могли разорвать этого безмолвия, тонули в нем.

Тишина...

Рамзес усилием воли прогнал сонливость и попытался думать. Плохо у него получалось думать, увы. К тому же мысли все время соскальзывали с вещей архиважных - с маршрута, с продуктов и воды, которых катастрофически мало, на Ингу. Это было приятно, но неправильно.

А правильным было бы тихо уйти к Оку. Чем, действительно, не вариант? Не тащить же девчонку на смерть, в самом деле. Знать бы наверняка, что она свернет на Стройбат.

Сталкер вздохнул. Не свернет...

Он склонился к Инге. Девушка тревожно дышала, не могла успокоиться даже во сне. Луна осветила ее лицо, сведенные брови, линию напряженных губ... Глеб вскочил и задрал голову.

Плотные тучи закрывали луну, но сталкер ее видел! И окрестности видел, окрашенные призрачным светом в серое.

Рамзес зажмурился, но все равно продолжал различать окружающее. Картинка не менялась, даже когда Глеб прятал лицо в сгибе локтя. Он почувствовал то, что раньше привычно игнорировал – всплески колкой боли пульсировали по всему телу; пучок неразличимых глазом волокон пуха уже прорвался в мозг и неотвратно расплозился.

- Хана тебе, сталкер, - услышал Рамзес, и не сразу понял, что сказал это сам.

Он сжал кулаками виски, и пульс суматошно забился под пальцами. Сталкер замычал, пытаясь справиться с накатившей паникой, за которой только безумие и пуля в рот или ножом от локтя до запястья. Сложилось все: Куприяновка, волна, пух, Капрал с удавкой. А мутация добила. Зона шаг за шагом добралась до его, Глеба, предела и проверяла его прочность. Рамзес упал на колени, ткнулся в землю лбом, готовый жрать ее, только бы сдержаться, не сорваться в крик.

Земля умерла. Глеб видел это сквозь опущенные веки, сквозь десятки сантиметров лишенного жизни грунта. Ни насекомых, ни червей, и даже корни засыхают, распадаются в прах.

Но земля и жила - чужой, незнакомой жизнью. Глеб различил в глубине крохотный росток чего-то белесого, и росток тоже почувствовал его, забеспокоился и рывком втянулся ниже.

Глеб всхлипнул и повалился набок. Он лежал в позе эмбриона, едва дыша, ожидая, пока истерика сменится предсказуемой апатией. А вместе с апатией, может быть, вернется темнота, привычная, хоть глаз выколи, темнота, которой Глеб уже и не чаял...

Сталкер пришел в себя, когда под ним завибрировал смарт. Рамзес отдышался, нашел угловатую коробку, на которую, оказывается, упал, и долго не принимал вызов.

Потому что - зачем?

«Потому что нужно! Есть такое слово...»

Глеб нажал кнопку приема.

- Рамзес, ты не передумал идти? – встревожился на той стороне Цент.

- Нет, - прохрипел Глеб. – Теперь железно...

Цент что-то возбужденно говорил, но Рамзес его не слушал. Он закрывал и открывал глаза.

- Как спать-то теперь? – задал Глеб риторический вопрос.

- Что? – удивился Цент. – Ты о чем? Ты меня слушаешь?

- Нет, - сталкер откашлялся. – Что ты хотел, Цент?

Митька помолчал и неожиданно выдал:

- Извини, Рамзес. Про «Долг» я гнал.

Он заговорил виновато, торопливость куда-то пропала.

- Зачем?

- Затем, что ты тянул! Совершал непонятные телодвижения вместо того, чтобы идти к Оку. Зачем в Бор сорвался? Я тебя не узнаю, сталкер!

- Мить, я сегодня первый раз своего застрелил, - неожиданно признался Рамзес.

- Ну... ты это... не переживай! Кого застрелил-то? Девчонку?

- Участкового.

Цент присвистнул.

- А говорил, новостей нет! Каким боком он нарисовался? Тоже за Оком?

- Нет, он случайно. Глупо попал и глупо умер.

- Бывает...

Цент вздохнул и на том посчитал вопрос исчерпанным.

- Я все про Князя, Рамзес, - вернулся он к делу. – Князь исчез. Последние отметки возле схрона, потом он шел с выключенным навигатором. Крота видели в Стройбате, а Бенина отметка засветилась возле Норы примерно тогда... ну, сам понимаешь.

Глеб смотрел на просвет собственную ладонь. И сквозь нее он различал тусклое пятно в небе, только кости, белые как на рентгеновском снимке, немного мешали.

- Нору разорил Князь, это я тебе без всякой детективщины скажу. Давай ближе к делу, Цент.

- Если так, - разозлился Цент, - то должен понимать - Князь сжигает мосты. Его погонят, как только «Долг» выяснит про Беню. А козырь у Князя всего один, и тот пока в колоде – Око!

- Где сейчас Князь?

- Я не знаю! – вызверился Цент. – Где угодно, об этом и толкую! Смотри в оба, Рамзес.

- С информацией не густо, - усмехнулся Глеб.

- Рамзес... - Митька помолчал. – Это не тема для шуток. Ты думаешь, тебе одному нужно Око? Я вторую ночь не сплю!

- А ты спи, - без тени иронии посоветовал Глеб. – Тогда мозг включится. Вдруг мою цифирь раскусишь.

- «Долг» тоже... - мгновенно сменил тему Цент. – Они ищут тебя и еще двоих или троих - ходят слухи про снайпера и автоматчика. Если за твою башку назначат приз...

«Выжил Капрал! - сделал вывод Глеб. – Далеко пойдет, сволочь».

- Где «Долг»?

- «Долг» везде! Частым бреднем просеивает хоженные трассы.

- За мной идут?

- Нет, в лес они не сунулись. Почему - не знаю. Опытного ходока под рукой не оказалось, или случилось что - говорят возле Норы опять стреляли.

- Кто стрелял? – потребовал Глеб; разговор становился интересным. – Еще кто-то идет за Оком?

- Там черт ногу сломит, Глеб, - промямлил Цент; не то ушел от ответа, не то в самом деле не знал. - Бред какой-то. Разберусь и сообщу.

- Цент!

- Твою мать, Рамзес, я не знаю! Мы это сто раз обсуждали! За Оком сейчас не идут только безногие. Из «Ста рентген» целая толпа снялась. Но они, во-первых, ничего не знают,

ползут вслепую, чисто посмотреть. Во-вторых, при любом раскладе ты их делаешь на сутки-двое. А у Норы стреляли прошлой ночью. Голову даю – кто-то чужой!

- Это все?

- Нет... Девушка с тобой?

- Да.

- Рамзес, гони ее, а лучше кончи.

- Цент, не темни! - у Глеба упало сердце.

- Информация подтверждается стопроцентно. Она не Порывай!

- Мало ли однофамильцев...

- Не так просто, Рамзес. Я проработал вопрос, поговорил с людьми... В общем, она Рив – это правда, ее опознали. Фамилия известная в узких кругах. Некто Дж. Рив, официально папа, а по слухам... разное говорят, заработал миллионы на всяких скользких операциях. Не финансовых. Там и наемничество, и какие-то гнилые миссии в Африке и Афгане. Достоверно никто ничего не знает, но руки ему в приличном обществе не подадут. Говорят за дочку, что она у папы доверенное лицо и чуть не правая рука.

- Дальше.

- Не дальше – раньше. А раньше, конкретно в девяносто втором году, Дж. Рив получил первую визу в Соединенные наши Штаты. На фамилию – угадай какую!

- Угадал. Дальше.

- С тобой невозможно работать, Рамзес, никакого удовольствия! Собственно, я клоню к тому, что папа въехал в новую жизнь по документам официально пропавшего без вести человека, Максима Ивановича Порывая. И ввез по таким же документам жену и ребенка.

- Пока не вижу особого криминала.

- Его бы не было, кабы не дочь. У Порываев в Харькове осталась дочь, ты помнишь? То есть, или они все не Порывай, или папа-мама – Порывай, а девчонка незнамо кто. Первое логичнее, как считаешь?

- Цент, я с ней говорил.

- М-м?

- Она темнит, но что Порывай – не врет.

- Она может не знать.

- Может, - согласился Рамзес и покосился на Ингу. – Давай мне все, что накопал, хочу посмотреть.

- Ладно, - буркнул Цент. – Не убедил, конечно. Но учти, за ней стоят опасные люди, и настроены они серьезно. Кто ее знает, зачем она пришла в Зону! Как бы не за этим самым... Она не говорила?

- Нет, - солгал Рамзес, и Цент это понял.

- Если ты получишь пулю в затылок... Я тебя предупреждал, в общем. Удачи тебе, Глеб!

- Взаимно, - попрощался Рамзес и разорвал связь.

Минуту Глеб бездумно рассматривал прозрачные ладони, не в силах сосредоточиться. Никак не мог отделаться от мысли, что сейчас Цент пришлет нечто такое, на что не получится закрыть глаза, и с Ингой придется что-то решать.

Тайные операции? Война по найму? Это Глеба не пугало, он сам прошел семь кругов на этом пути. Но есть большая разница, кого вести к Оку – одинокую искательницу приключений или разведчицу темных дел конторы. А если правда? Если маяк и помощь в эвакуации – это всерьез? Глеб покрутил головой. Не видел он в Стриже разведчицы, вот в чем дело. Не видел цинизма и расчетливости, как в том же Варане, потому и доверял чуть больше обычного. Зря доверял?

Смарт дернулся, принимая сообщение. Длинное, с текстом и картинками, судя по размеру. Глеб нащупал кнопку просмотра.

Если в сообщении и пряталась бомба, то глубоко, очень глубоко! Текст, текст, текст – и сканы документов. Все то, о чем говорил только что Цент. То есть ничего. По каждому

пункту требовалось упорно работать, чтобы связать концы с концами и сделать выводы.

«Слухи – не доказательство!» - убеждал себя Рамзес, но не мог отогнать мысли, что слишком много их, слухов, насобирали Митька. Цеплялись слухи друг за друга, дополняли и постепенно выстраивались в нерадостную для Рамзеса картину.

Прошел срок дежурства. Варан спал его, Глеба, часы, а сталкер все перелистывал Митькин файл.

Чем его зацепила рядовая фотография? Глеб, поймав себя на том, что постоянно к ней возвращается, распахнул на экран изображение некрасивой полной женщины.

Подписано «Порывай И.М., 28 лет, Харьков», здесь же адрес и какая-то аудиозапись, не иначе Митькин филер разговорил дамочку. Настоящая Порывай ничем не походила на Ингу, но кого-то напоминала Рамзесу, мучительно напоминала, до ломоты в затылке. Где-то он видел эти недобрые глаза и нос, выглядывающий из пухлых щек как солдат из окопа. Где?!

Наступила глубокая ночь, и от усталости и отчаянья у сталкера опускались руки. Он положил смартфон на землю и закурил, пряча в кулаке сигаретный огонек. Постарался успокоиться и сосредоточиться.

«Давай мыслить последовательно, - приказал он себе. – Мог я видеть ее на большой земле?»

«Нет, - услужливо подсказала память. – Разве что мельком. Своих баб ты помнишь всех, до последней шалавы».

«В Зоне?»

«Какие еще варианты?»

- Когда?

Глеб сказал это вслух и слишком громко. Инга вздрогнула, просыпаясь.

- Что? – всполошилась она. – Ты сам с собой что ли?.. У тебя все в порядке?

- Нет, - признался Рамзес и показал ей снимок. – Знаешь ее?

Стриж изучала фото, морща в недоумении лоб.

- Не знаю, - сказала она вроде бы искренне. – Никогда не видела, точно.

Инга сухо переглотнула и достала флягу. Потрясла - вода плеснула на самом доньшке. Девушка сделала глоток и облизала пересохшие губы.

- Кто это?

Глеб задумался. Ответить «ты»? Глупо!

Он начал просматривать снимки с камеры смартфона, надеясь, если не найти ответ, то хотя бы набрести на ассоциацию. Снимков оказалось много, гораздо больше, чем делал Глеб. Сталкер в изумлении прокручивал мутные изображения – ходоки отдыхают у костра, рядом пологие холмы и странно изогнутые деревья... Око! Второй раз в жизни Глеб видел размазанное на черном фоне яркое пятно, свою мечту и свою беду.

Значит, Фокс! И снимки хранятся на его накопителе вместе с маршрутом. Сталкер проклял свою безграмотность. Держать в руках бесценный кладезь информации и даже не задуматься об этом! Вот, например, часовенка с расколотым куполом на фоне того же сияющего Ока...

Глеб лихорадочно пролистывал снимки, забыв на время обо всех Порываях, мнимых и настоящих, пока не наткнулся на еще одно фото. Памятное фото, какие делают с большой любовью и дарят навсегда.

Женщина и девочка обнимают с двух сторон молодого Фокса. В те времена еще Константина Фоксина, потому что не видно в мужчине хищной поджарости, и в глазах блесит не вызов, а ленивое добродушие.

Глеб проскочил снимок, обмер и вернулся назад. Почувствовал как мурашки побежали вдоль позвоночника.

Он вспомнил! И окончательно запутался...

Глеб рванул к Варану, и Стриж, решив что тревога, вскинула карабин. Сталкер потрянул спящего за шиворот так, что швы затрещали. Варана словно из катапульты выстрелили. Он вскочил и схватился за пустую кобуру.

- Что за?.. – хотел спросить, но Глеб перебил.
- Ты их знаешь?
Рамзес протянул Варану смартфон с парадной фотографией.
- Костян... - в голосе Варана прорезалось раздраженное недоумение. – И его жена с дитем, кажется.
- А это тогда кто?!

Глеб развернул бумажник Фокса, сунул Варану в нос фото в пластиковом кармашке. В свете экрана Рамзес увидел, как забегали глазки ходока.
- Не знаю! – соврал Варан. – Не знаю кто это.
Глеб не вспомнил Инну Порывай сразу, потому что видел ее только на детском снимке в портмоне совершенно постороннего человека, Константина Фоксина, stalkера-бандита с позывным Фокс.

Лязгнуло железо. Стриж поставила карабин на предохранитель, и наступила тишина. Растерянный Глеб запустил пятерню в волосы, будто не прямой массаж извилин способствовал дедукции. Команда благоразумно помалкивала – Инга в недоумении, Варан в терзаниях, раскусил ли Рамзес его вранье.

В чернильной ночи, когда невозможно различить, где заканчивается болотный туман и начинаются тучи, лишь экранчик Глебова смартфона освещал стоянку, вырывал из тьмы бледные лица.

Видимо, на огонек и вышел из болота Скипидар. Прозрачный, как положено неупокойнику, он плыл в темноте заплетающимся шагом и словно хотел что-то сказать. Пятно в том месте, где у живого Скипидара были усы и рот, шевелилось и меняло плотность от абсолютной прозрачности до мутной белизны.

Рамзес закаменел.
«...ты будешь мертв! - жесткие слова Цента вспомнились совсем некстати. – Даже выходя к ночным кострам, пугая честных бродяг разговорами, ты будешь мертв...»
- Глеб! – встревожено окликнула Инга. – Что случилось?!

Она смотрела сквозь прозрачный силуэт участкового, но видела только побледневшего stalkера.
- Ничего, – вытолкнул из перехваченного горла Рамзес. – Собирайтесь, мы выходим.

ГЛАВА 11

1

Дорога от Норы до Стройбата считалась у ходоков чем-то вроде бульвара. Просторная, безопасная, по ней не ходили, а гуляли. Тропа петляла между редкими соснами, выныривала на простор, на бывшие колхозные поля, огибала развалины элеватора, где при случае можно было отсидеться, и снова уходила в лес.

После Норы Князь отвернул с трассы и пошел вдоль, прячась в зарослях от случайных встреч. Выброс закончился, ходоки пришли в себя, а значит вероятность напороться на ненужных свидетелей возрастала с каждым часом. И хотя по целине Князь шел с непривычки медленно, осторожность была не лишней: едва рассвело, навстречу попала группа stalkеров.

Князь их заметил издали, пугливых и бедно снаряженных, из тех, кто не вступает в кланы и не ввязывается в разборки, а по-мужицки упорно пашет Зону. Ходоки протопали гуськом к Норе, а спустя час скорым маршем обратно.

«Теперь начнется...», - понял Князь

- Не заметили, кажись, – прошелестел над плечом струхнувший Бенья.

От его бывшего гонора не осталось следа. Запал от ночной бойни прошел, гранату он бросил, когда пальцы затекли. Беня механически, как пришибленный, шагал Князю вслед и смотрел заискивающе.

Проводив убегающих ходоков взглядом, Князь объявил привал. Ему требовался отдых и сон.

- Князь, линять надо, - робко возразил Беня, увидев, что Артур разворачивает спальник. – Повяжут...

Князь цыкнул, и шестерка заткнулся. Линять? Вторые сутки на ногах! Арутр давно отвык от таких нагрузок и засыпал на ходу.

- Князь, ты ведь кончить меня хотел, - снова обозначился Беня, не дав окунуться в спасительный сон. – Только зря. Все знают, что я с тобой хожу.

Хотел – не хотел... Теперь-то какая разница? Сейчас такой нужды нет, а вреда много, так что живи, дитя алкоголизма, дыши, наслаждайся. А там посмотрим. За Периметр, к примеру, возвращаться тебе совсем ни к чему. Без тебя там чище будет.

- Ничего я не хотел. Не хипиши, жить будешь, - сонно обещал Арутр. – Если выспаться дашь.

Но выспаться не дали. Князя разбудил далекий грохот.

- Уй, что будет! – скалился Беня. – А я говорил!.. Что делать-то, Князь?

- Стреляться! – рывкнул Артур, продирая глаза.

Ему тоже стало не по себе, он явственно различал гул двигателя и лязг траков. Неужели танк? Значит, миротворцы вошли в Зону. Значит, в Норе все опишут, сфотографируют и в дело подошьют. То есть вынесут сор за Периметр, туда, где Князь рассчитывал начать жизнь с чистого листа. Ну не гады ли?!

Грохот, впрочем, шел от Стройбата, где миротворцев сроду не водилось. Князь немного успокоился и залег наблюдать.

Танк приближался медленно, чуть быстрее пешего ходока, а в лесу и вовсе убавил скорость. С треском валились мелкие деревья, крупные глухо звенели, обдираемые сталью. Князь увидел между стволами облако пыли и выхлопной копоти, из которого, наконец, выползла приземистая туша с задранной к небу пулеметным стволом. На длинной кормовой антенне, секущей вокруг себя на ухабах, полоскал маленький флажок.

- «Долг»! – всхлипнул Беня. – По нашу душу, Князь!

Артур смолчал, провожая танк движением бинокля.

- Не заметили, - обрадовался Беня, когда долговский бронеход начал удаляться, и накликал таки, сволочь!

Танк остановился, урча двигателем на холостых оборотах. У Князя сердце екнуло, он увидел, как от деревьев к гусеницам метнулись две быстрые тени. Разведка! Безжалостные пионеры «Долга», которые стреляют без вопросов, раздумий и прочих розовых соплей. От Норы идут, суки красные, когда успели только...

Князь выдохнул, несолидно булькнув горлом. Сто метров не дошли каратели – повезло, ой как повезло! Не то висеть бы им с Беней на воротах Стройбата.

- Бога душу мать... - согласился вусмерть перепуганный Беня и завозился, отползая.

Князь перехватил его за сальную шею и вдавил мордой в землю.

«Не хипишуй, урод, заметят!»

Долговцы о чем-то говорили, неслышно за расстоянием. Повернут?

«Повернут, - решил Князь. – Не идиоты же».

Беня под рукой придушенно задержался. Князь немного ослабил хватку и склонился к его уху:

- Отходим в лес. Ползком. Не сейчас, когда скажу. Понял, придурок?

Беня закивал, роя носом землю.

Князь опять прилип к биноклю, хотел пересчитать врагов перед отходом. Танк уже ревел двигателем, люк захлопнулся, а разведчики полезли на броню. Последним неторопливо поднимался кряжистый долговец, приземистый и неловкий на вид.

Обманчивый вид, Князь понял это, перехватив острый, будто рапира взгляд. Неловкий? Как леопард, сожравший антилопу – пузо до земли, но побегай-ка с ним взапуски.

Танк двинулся курсом на Нору, и долговец отвернулся.

- Беня, - сказал Князь, еще не веря в удачу. – Зарок даю, если оторвемся...

«...жить будешь», - хотел сказать, но опомнился.

- Да отпусти ты! - захрипел Беня. – Душишь!

Танк исчез в клубах черного выхлопа.

Князь приподнял Беню за шиворот и встряхнул. Земля посыпалась с острой сизой мордочки.

- Что разлеся? – оскалился Князь. – А ну марш!

Он подхватил рюкзак, спальник и побежал на трассу, иногда подбадривая нерасторопного Беню пинками.

Князь правильно рассчитал, что вслед танку ходоки не пойдут, остерегутся. Тропа оказалась пустой и относительно чистой, выброс не сильно перемешал аномалии. Артур торопился: наступал вечер, опять хотелось спать, но, главное, Крот мог не дожждаться. Оговоренные сроки истекли. Князь, зная Крота, еще вчера был уверен, что тот станет ждать до последнего. Но сейчас, когда в спину дышал обозленный «Долг», уверенность испарилась.

Есть пришлось на ходу. Князь медленно рассасывал каждый кус, а Беня давился, чавкал и задыхался. Князь пустил его вперед – не все же самому идти отмычкой, и Беня капризничать не стал, побежал шустро, только подметки когда-то лакированных штиблет сверкали. Мчался, едва уворачиваясь от аномалий, и по сторонам не смотрел.

Удачно миновали чистое поле (Князь только ежился, ему не нравилось открытое пространство), вошли снова в лес и у первых же деревьев Беню свалили хлестким ударом в голову. Князь по инерции шагнул, выхватил пистолет и осекся. Автоматный ствол глядел ему в лицо, а поверх ствола недружелюбно щурился Крот.

- Мля... - только и сказал Артур.

- Князь, - отчеканил Крот. – Говорят, кто-то сжег Нору.

- Говорят, в Москве козлов доят, - буркнул Князь, стараясь не делать резких движений. – Что еще слышно?

Под прицелом было неуютно, но Артур держал марку. Не Кроту при нем, Князе, понты кидать. Он незаметно поднимал «Беретту», рассчитывая за разговором упереть ее Кроту в колено, а лучше в пах.

Крот медлил с ответом. Из-за его спины появился сердечный дружбан Кнопка и начал деловито рыться по бениным карманам. Беня подергивал ногами, не торопясь приходить в сознание.

- Остальное, может, и лажа, но за Нору гнать не будут, - процедил Крот.

- «Долг» в Стройбате?

- Всех на уши поставили. Пушкой не двигай, Князь, я не слепой.

«И ты слинял, - подумал Артур, послушно опустив пистолет. – Догадался пойти навстречу. Зачем?»

- Значит, туда хода нет. Продукты, надеюсь, взял? Обойдем, делов-то... Или ты сдать меня хочешь?

- Я не сука, Князь, - возмутился Крот. – Но такие приключения мне нахрен не скрючились. Я в авторитете. Меня люди знают. За Нору придется отвечать.

- Что, Крот, очко в минус ушло? – нервно рассмеялся Артур. – Убери ствол, поговорим.

Крот подумал и отступил. Взял автомат по-армейски – приклад у плеча, ствол в землю, на полшестого. Вроде и готов стрелять, но...

«Что ж ты, как девочка, - торжествовал Князь, не подавая, впрочем, вида. – Уговаривать тебя...»

- А раз не сука, так забей. Помнишь, за чем идем? Какое тебе до «людей» дело?.. Хотя я не держу. Вали, Крот, если хочешь.

Князь придавил спусковой крючок, выбирая свободный ход. Только подставь затылок, сволочь догадливая!

- Я уйду, когда захочу, - окрысился ходок. – Ты мне не указ, здесь моя Зона. Скажи, зачем Нору спалил?

- Оборотень. Ты, Крот, против него фраер, поэтому идти за нами он не должен.

Шестерка ожидаемо подобрался, сузил злые татарские зенки, но Князь знал, что делает.

- Это мы поглядим еще, - брызнул слюной Крот, - кто Око возьмет, а кто до ветру прогуляется. Ты правильно раскинул, Князь, но за мокруху договора не было.

«Долю тебе, крысеныш?»

- Требую добавить!

- Без базара, - легко согласился Князь. – Накину еще десять.

- Нет! Мы с тобой пополам, а этим, – ходок кивнул на слюнявого Кнопку, - сколько не жалко.

«Жадность и глупость, - философствовал Князь, чувствуя немалое облегчение. – Вот грехи! Остальное - семечки, институт благородных девиц. А я бы дал тебе, Крот, что обещал. И разбежались бы по-хорошему. Эх...»

- Мошна не лопнет? – поторговался он для вида.

- Ты чужую мошну не меряй!

- Ладно, Крот, усохни, - махнул рукой Князь. – Половина так половина. По рукам.

Он демонстративно спрятал оружие, и Крот, помедлив, щелкнул предохранителем. Автомат не убрал.

- Здесь опасно. Стая отбилась от волны, рыщет у Стройбата.

Артур не смог прочитать на плоской роже Крота правду он говорит или обманывает.

- Прорвемся? – спросил Князь, но ходок только плечами пожал.

Много времени ушло, чтобы поднять Беню – Крот бил от души, если бы кастетом, проломил бы череп как картонный. Потом ловили Кнопку и отнимали украденное. Отмычка не понимал и обижался. Беня верещал, что Кнопку живьем зароем, а Кроту и вовсе яйца оторвет. Крот плевался.

Когда от Норы донеслась яростная канонада, Князь занервничал – хорошо, если это Рамзес! А если кто другой злит и без того свирепый «Долг»? Додумывать не хотелось.

Двинулись ночью. Кнопка впереди, за ним Крот, замыкали Князь и синюшный Беня. Не прошли и километра, когда сталкер поднял над плечом ладонь.

«Вот они!» - Князь увидел через слепые инфраочки десяток поджарых теней между стволами. Псы расположились на трассе, инстинктом выбрав самое безопасное место.

«Выбьем. В четыре-то ствола», - поначалу не придавал значения Князь, но теней вдруг стало больше.

Псы заволновались, а вместе с ними и бандиты.

- Залечь! – прошипел Крот. – Чуют, падлы!

Стая и впрямь сорвалась, что-то заискала вокруг. Князь наметанным взглядом определил десятка три голов, а ведь есть еще и те, кто прячется.

- Обойдем, - шепнул он Кроту. – Нечисто здесь.

Крот согласно кивнул и начал отползать в лес. Кнопка ящерицей шуршал в кустах, пыхтел за спиной Беня, а Князю все было беспокойно.

«Может, идет кто?»

Оказавшись в стороне от непосредственной угрозы, Артур достал бинокль и подкрутил яркость тепловизора. Дорога на Стройбат оставалась пуста, только бледные собачьи тени мелькали перед глазами. Кой черт их спугнул?

Князя потянули к земле.

- От Норы чешет! – прошептал Крот.

Человек шагал, подволакивая ноги, раскачиваясь и нелепо взмахивая руками. Кажется, что-то говорил, Артуру чудилось невнятное бормотание.

«Зомби? Нет... Пьяный!» - изумился Князь, потому что за несколько лет, проведенных

в Зоне, такого еще не видел. Здесь так ходить нельзя. Только до ближайшей аномалии, до первого голодного мутанта.

Князь выставил бинокль на максимальную яркость и рассмотрел добротный камуфляж безумца и даже ряды каких-то значков на груди. Долговец? Опять же идет от Норы... Князь вспомнил долговязую фигуру у танка, но узнать того важного командира в этом нелепом смертнике не получалось. Не получалось и все тут! Что там стряслось, в Норе?!

Псы вышли на облаву широким полукругом. Летели галопом, визжа от нетерпения и запаха сладкого мяса. Долговязый их не замечал или не хотел замечать – Князь неожиданно понял, что он не пьян, а смертельно равнодушен к окружающему; что тело движется, почти не контролируемое разумом, отсюда и странная походка, и разговор с пустотой.

Это приговор!

Слепцы привели приговор в исполнение с пугающей быстротой. Долговец тонко закричал, увидев песьи клыки, и его повалили. Князь сглотнул, его в свое время тоже пугали до тремора эти кинжалы, загнутые на нижней челюсти вперед, на верхней – назад. Длинные, острые, как бритва (Князь для пробы резал ими бумагу), в капкане мощных крокодильих челюстей, собачьи зубы рвали без разбора все, во что могли вцепиться, но несчастный еще кричал, закрывая руками лицо и горло. Долговский комбинезон не поддавался собакам, они, суется, вытаскивали из него добычу. Счет пошел на секунды; вот лопнули застёжки, и слепцы играючи разорвали человека.

- Князь... - Крот едва сдерживал тошноту. – Как ты это смотришь?!

Артур оскалился, но бинокля не отвел. Следил, и, когда стая, злобно воя, кинулась за счастливчиком, уносящим в зубах половину грудной клетки с обрубком позвоночного столба, змеей скользнул на тропу.

- Охренел... – подавился изумлением Крот.

Князь включил фонарь без опаски. При свете привычнее, а слепцы, они и есть слепцы. Яркий круг метался по земле, выхватывая неаппетитные подробности собачьего пира. Князь искал рюкзак. Он суетливо шарил вокруг фонарем, щупал целехонький комбинезон, стараясь дышать ртом и не одуреть от запаха крови. Рюкзака не было.

- Князь!.. – сдавленно крикнули из зарослей.

Артур, наконец, увидел в стороне надорванную и брошенную планшетку. Рука дрогнула, и фонарь чиркнул по дальним кустам. Бандит напрягся, ему почудилось движение, но разбираться времени не было. Песий визг явственно приближался, стая возвращалась, намереваясь подобрать остатки. Князь не сомневался, что и сапоги пойдут в дело и комбинезон, пропахший кровью, рано или поздно разорвут. Артур сунул в кобуру пистолет, незнамо как очутившийся в руке, схватил планшет и побежал.

- Валим отсюда, - скомандовал он, пресекая ненужные разговоры, и до самого Стройбата гнал команду скорым маршем.

Когда инфраочки залил свет теплового прожектора, установленного на сторожевой вышке, бандиты свернули на целину. Далеко обогнули глухой забор, за которым стояла напряженная тишина, и вышли на трассу от Стройбата в глубь Зоны.

Князь перевел дух. С этой точки открывалось много путей - и к Агропрому, и к Пескам, и в Темную долину. Теперь отследить его группу будет непросто, если, конечно, не знать, куда он нацелился. Впрочем, на этот счет Князь не чувствовал особой уверенности. Как-то все неправильно... Он свернул к болотам, на извилистую и малохоженную тропу, с которой всего удобнее штурмовать пятно, и только под утро разрешил привал.

Ноги гудели, отдавая резкой болью в позвоночнике. Князь упал на расстеленный спальник, отдышался и достал планшет мертвого долговца. На верхнем же, убористо исписанном листе он увидел жирный росчерк «искать Рамзеса» и три восклицательных знака. Сон как рукой сняло. Князь торопливо читал, и дежуривший Кнопка пускал слюну, удивляясь его волнению.

Беня и Крот спали, повернувшись спинами. Их разбудила заливиная трель из Князева рюкзака.

- Кувалда? – Артур прижал трубку плечом, не желая выпускать из рук ценные бумаги.
- Рамзес идет лесом, - сказал Кувалда своим обычным мертвым голосом. Даже не поздоровался.
- Откуда знаешь? – опешил Князь.
- Рамзес идет лесом, - повторил Кувалда безжизненно.
Князь вскочил.
- Кто это? – спросил он таким голосом, что шестерки схватились за оружие.
В трубке помолчали и разорвали связь.

2

Скипидар не пошел за ними. Остался на границе болота, и дождь свободно падал сквозь него. Прапорщик стоял и укоризненно смотрел вслед, если, конечно, было чем смотреть. У Рамзеса во всяком случае свербело между лопаток от ощущения чужого взгляда, и Стриж, шагая перед сталкером, иногда передергивала плечами и оглядывалась.

Только отдохнувший Варан бодро топтал Зону далеко впереди, и чихать хотел на мертвого Скипидара. Как и на живого, впрочем. Аномалии, а их, свежих, много вылезло после выброса, он обходил, не заботясь об идущих следом. Инге за ним приходилось несладко. Варан регулярно пропадал в темноте, а сканер заходил в истерику.

Рамзес немного успокоился. Скипидар его пугал, как небольшое пугало в Зоне, а страху Глеб привык доверять. Как-никак самый надежный индикатор. Участковый не стал преследовать, действуя на нервы, а может и еще на что-то, Зона знает на что. Это хорошо, ведь не отгонять же призрака! Варан с Ингой повяжут и будут правы. Скажут, еще один доходил, не первый и не последний. Стриж опять вкатит слоновью дозу наркотиков, и плакало Око горячими слезами.

На ходу Глеб экспериментировал со зрением, пользуясь преимуществом замыкающего. Обнаруживал за собой все новые возможности. Сделав усилие, от которого, правда, засаднило где-то в районе глазного дна (хотя чему там саднить?), Глеб начал видеть радиоактивные пятна. Инга растворилась в темноте, ее выдавал только голубоватый силуэт и слабое пятнышко радиомаяка с изотопным элементом питания. Счетчик гейгера сталкеру больше не требовался...

Рамзес не очень уверенно настроил зрение на оптимальный режим, чтобы видеть чуть дальше шустрого Варана, и снова начал думать. Жизнь таки заставила.

Для начала он попытался разложить сумбурные мысли, факты и выводы по полочкам.

«Собственно, что такое Око не знает никто, - размышлял Глеб. – Байка, всплывшая из ниоткуда во времена Чернобыля и первого покорения Зоны».

Если отбросить мистику, то до Ока таки дошел кто-то из пионеров. От него и пошло. Затем появился умник Цент, который ходил, если не врет, в те времена и мог слышать чуть больше, чем сохранилось в фольклоре.

Допустим.

Сколько-то лет – два последних года точно – об Оке всерьез не говорили, и только Цент штурмовал его втихаря руками-ногами наемников.

Рамзес вздохнул. Гадать о Митьке бессмысленно, Глеб не знал ровным счетом ничего. Даже не встречался лично. Об Оке Глеб знал больше, чем о партнере.

И все-таки купился.

«Надо отдать должное, Цент нашел чем меня зацепить, - усмехнулся Рамзес. – Ладно, Зона с ним, с Митькой. Он играет свою игру много лет, не мне его судить».

Но вот происходит нечто, к чему Цент, очевидно, готовился заранее, как минимум полгода их с Глебом общения. Путь к Оку открывается. Причем до выброса – Фокс дошел раньше. Логично предположить, если в Зоне вообще действуют законы логики, что эти события связаны. Открывается путь и практически сразу происходит мощнейший выброс и

расширение.

«Не факт! - признал Рамзес. – Сплошные догадки, а гадать о Зоне – глупее занятия не придумаешь».

В конце концов не так уж важно, связаны они или нет, выброс и Око. Гораздо важнее, что вокруг казалось бы тайного события начинается непонятная чехарда. Что после волны мутантов в Зону двинется не менее опасная волна ходоков, было очевидно. Что часть из них пойдет к Оку, Цент с Рамзесом предполагали. Но гонки с преследованием Глеб не ожидал.

Во-первых, Князь. Теперь очевидно не только с Митькиных слов, что Артур об Оке знает и несколько лет интенсивно его разрабатывает. Цель Артура проста как две копейки - золото. Око вроде бы имеет побочный эффект, умеет превращать легкие металлы в тяжелые. Цент во всяком случае говорил об этом как о факте.

Фокс шел под Артуром, ничего невозможного в этом нет, ходит же Глеб под Центом. Но Фокс, подойдя вплотную, Око не берет, а поворачивает обратно. Хотя не может не знать, что маршрут – штука недолговечная, что Око в любой момент закроется. Хорошо если на пару месяцев, а если навсегда? Этой странности Глеб находил два объяснения. Или Фокс все же не дошел, на километр, сто метров или полшага – неважно. И маршрут не стоит разбитого навигатора, в памяти которого записан. Или Око нельзя взять, как нельзя спрятать в контейнер тень от облаков.

Рамзес больше склонялся ко второму, иначе зачем вся эта таинственность с паролями и бумажной цифирью. Маршрут есть, и он стоит того, чтобы его прятать. К тому же на обратном пути Фокс совершает непонятный маневр на Куприяновку... Или только Глебу непонятный?

Тьма египетская!

Во-вторых, пусть будет Варан. С этим проще. Примитивный лизоблюд, вовремя сообразивший, что крошки с Князева стола прибыльнее самостоятельных походов. Разнюхал об Оке и решил сыграть свою игру.

«Непонятно только с цифрами. Варан раскусил их с лету, хотя и дурак-дураком. Он неплохо знал Фокса, вот в чем дело. Что-то в этой цифири очевидное ему и непонятное мне».

Но и Митька раскусил, хотя Фокса в глаза не видел! Почему же не сказал? Какой Центу резон скрытничать? Чертовщина какая-то...

Запутавшись, Глеб перешел к третьему пункту.

В-третьих, Инга. Стриж. Девчонка с улыбкой и глазами, в которых Рамзес утонул, едва вынырнув с того света. Эти ее тайны и недоговоренности вдруг обернулись фактом – она тоже идет к Оку. И не одна, маяк и эвакуация похоже всерьез. Зачем? Этот вопрос она упорно игнорирует.

Такое впечатление, что об Оке знают все, даже подпольные миллионеры в Америке. Только Рамзес гадает на кофейной гуще.

А есть еще Шваниц! Который тоже каким-то боком в деле. Если Цент прав, и Фокс двурушничал, то получается вовсе забавно. Его связывает с немцем фотография женщины. Ничего особенного, если это обычный пароль, вроде киношного разорванного доллара. И совершенно непонятно, если это фото Инги... то есть Инны Порывай, которая настоящая. Если Цент и в этот раз не врет.

И ведь Варан, паразит, знает ее. Знает! Допросить бы его по всем правилам, да цифры, цифры! И Стриж, чтоб она была жива, с этим своим ехидным оценивающим прищуром...

Глеб на миг представил себе проблему, как некий огромный пазл-муравейник, в котором он видит только мелкие разрозненные веточки. Ужаснулся. Как?! Как их сложить в единое целое? Чтобы не рухнуло и не придавило.

«Стоп! – одернул себя Рамзес. – С этим ничего не попишешь. Давай ближе к делу».

А ближе к делу поход. Они все стекаются к Оку: Глеб, Инга, Варан. Князь с бандитами, толпа ходоков, кто-то еще, кто стрелял в Норе – ох, не станет Цент темнить без причин.

Шансы у всех невелики.

Варан не дойдет в одиночку, Инга тем более. Погибнут на дальних подступах или

свернут с полпути, когда закончатся продукты и вода.

«Я бы дошел... наверное, - подумал Рамзес. – И дело теперь, когда маршрут у меня, не в Князе с боевиками. Даже не в цифири, в конце концов с Вараном можно и договориться».

Проблема заключалась в том, что Глеб совершенно отчетливо предвидел неудачу. Стоило задуматься об Оке, и в позвоночнике начинала ворочаться острая игла, а ее сталкер не умел игнорировать. Он бы вернулся, если бы речь шла о деньгах или артефактах, что суть те же деньги.

«Да, Цент, я на крючке, - подумал безнадежно Глеб. – Ты нашел мою кнопку - я чертовски хочу остаться человеком. Если не будет даже призрачных шансов, все равно пойду до конца. У меня другого выхода нет, Око может закрыться надолго. А в моем случае надолго значит навсегда».

И Князь не свернет, ему после Норы отступать некуда. Он без маршрута, хотя при нем Крот, теоретически способный его проवेशить. Если Фокс сумел, то почему не Крот? Но Артур не дурак, понимает, что вешить – это сложно, и с войной никак не сочетается.

«А значит, он, во-первых, знает, что ты идешь, Рамзес, иначе зачем жечь Нору? И, во-вторых, он будет ждать где-то здесь, на подходе. Чтобы решить проблему кардинально, а не тащить тебя на плечах к Оку, - родилась, наконец, дельная мысль. – Реализует преимущество во времени...»

- Стой! – негромко скомандовал Рамзес.

Стриж, наученная опытом, встала с поднятой ногой. Осторожно ступила в то место, откуда собиралась шагать, и свистнула. Далеко впереди остановился Варан, заозирался и начал двигаться обратно.

- Меняемся, - сказал Рамзес. – Я впереди, ты за мной, Варан замыкает.

Ночь ушла. Тучи стремительно меняли цвет с чистого антрацита на грязно серый, и яркий свет начал слепить Глеба. Сталкер опять подстроил зрение, перевел, так сказать, в дневной режим. Получилось быстрее, чем в прошлый раз.

Стриж запрокинула голову, несколько раз глубоко вдохнула-выдохнула.

- Ты спал?

- Немного, - покривил душой Рамзес и, пока не подошел Варан, торопливо объяснил. – Возможно нас ждет засада. На твой «Тигр» вся надежда, близко нас не подпустят, как пить дать. Побоятся.

- Князь? – Инга подобралась, но говорила спокойно.

Рамзес кивнул.

- Фокс спрыгнул с трассы на этом участке. Князь наверняка идет по его следам.

- Ты уверен?

- Нет. Но без маршрута и с погоней на плечах я бы в пятно не сунулся.

«Имея выбор...»

- Рамзес, у нас один ствол на троих!

- А их четверо или пятеро. Нас выбьют первым залпом, без вариантов. Но я сталкер, я засеку их раньше. Попробуем обойти, не отступать же в самом деле... Варану ни слова, его дело сто пятое!

- Окей! Глеб, прежде чем выйдем...

Глеб ждал этих слов. Даже прикидывал, что можно сказать, а о чем лучше промолчать.

- Нам нужно договориться, - как в омут бросилась в разговор Инга. – Нельзя идти, если не уверен, кто за спиной, друг или враг.

- Конечно, друг, - сказал Рамзес каким-то особым, видимо, голосом, и опаленные ресницы Инги дрогнули. – Я обещал, что доведу тебя и постараюсь, чтобы ты вернулась.

- Я не понимаю, Рамзес. Ты идешь за уникальным артефактом и... даришь его первой встречной? Так?

Я, конечно, не первая встречная, говорил ее взгляд, но все же...

Подошел запыхавшийся Варан, подозрительно зашарил взглядом по лицам попутчиков.

- Не так. Я не дарю артефакт, я вообще не уверен, что его можно взять. Мне нужно...

скажем так, провести с Оком несколько минут. Потом можешь его забрать, если получится.

- Как это, можешь забрать? – заволновался Варан. – Эй, я тоже в доле!

- Заткнись! – рявкнула Стриж. – Получишь свое, если проведешь. Сколько тебе?

- Половину... Ну, хотя бы сорок процентов...

- Варан! – отчеканила Стриж. – Я тебе гарантирую! Ты сможешь забрать все, что отработает трансмутатор за сутки.

Вот теперь Глеб поверил Митьке. Действительно, правая рука! Папа, если что, может не волноваться за бизнес.

- Неделю! – выдавил ошарашенный Варан. – И гарантии мне на руки. Прямо сейчас.

Глеб спрятал кулаки за спину. На случай, если не успеет сосчитать до десяти.

- Неделю, – согласилась Инга, – если заткнешься. Прямо сейчас!

Варан быстро захлопнул рот. Даже зубы клацнули.

- Глеб, зачем ты идешь к этому... Оку? – девушка повернулась к Рамзесу. – Что в нем такого, что трансмутация тебя не интересует?

- Точно этого не знает никто, – развел руками сталкер.

«А кто знает – не верит. И ты не поверишь».

У Инги сделалось такое лицо, что Варан попятился. Она с размаху шваркнула прикладом о землю и зашипела как рассвирепевшая рысь:

- Ты что, издеваешься?!

Глеб не издевался. Не мог он рассказать о своем отчаянье, язык отказывал при одной только мысли признаться. Не мог увидеть в глазах Инги жалость – брезгливую или хуже того, испуганную. И в душе что-то надломилось, чужое сочувствие, Митькино, например, ввергало Глеба в пугающее озлобление. Что вы понимаете во мне, лицемеры?!

«Ты изменился, Глеб, – сказал Ворон за несколько часов до гибели. – Одичал что ли, не могу понять. Уходи, пока можешь, она добьет тебя».

- Инга, я... не в порядке, – выдавил Рамзес. – Это очень серьезно. Око меня... вылечит, я надеюсь.

Стриж пристально смотрела в лицо и молчала. Глеб отвечал прямым взглядом.

- Это правда? – зачем-то спросила девушка.

- Да, это правда.

- Хорошо, – помедлив, Инга протянула руку, и Глеб ее пожал.

- Выходим, – дал он команду, но девушка перехватила его за рукав.

- Ты совсем без оружия, – она достала револьвер. – Возьми.

Глеб подбросил в ладони тяжелую игрушку:

- Спасибо! – и пошел вперед, усилием воли гася опасные эмоции.

Стриж двинулась чуть погодя, отпустив Глеба на положенные метры.

- А гарантии? – вякнул было Варан.

- Слово! – ответила через плечо Инга, а Глеб показал средний палец.

- Вы же застрянете без меня! – сорвался Варан. – Идиоты, неужели вам непонятно – я искал годы! А вы хотите найти за неделю.

Он кричал страстно, и Глеб поверил. Опасение переросло в уверенность, что с цифрами как-то совсем не по правилам, что, даже уткнувшись в препятствие, Глеб не сумеет ни воспользоваться ими, ни обойтись без них.

- Я напишу расписку, – обещала Инга; видимо, и ее терзали сомнения.

- Пиши!

- На месте. Когда дойдем, и я увижу, что без тебя не обойтись.

Варан невнятно выругался и шагнул следом.

Сначала отвернули на целину, Глеб решил, что так безопаснее. Двигались вдоль найденной тропы, постоянно застревали, и в конце концов вернулись на трассу. Так всяко быстрее, рассуждал Глеб, а засада... Что засада? Сколько их было уже, перестрелок, засад и стычек! Побеждал обычно не тот, кто лучше вооружен, а кто первым обнаруживал врага. Новообретенные возможности прились как нельзя кстати, сталкер видел теперь многое из

того, что раньше обходил инстинктивно. Ярko ощущал аномалии и ошaleвших от выброса мутантов, слава Зоне не казавших носа из зарослей.

Осторожно прошли отмеренные полтора километра. Рамзес мрачнел с каждым шагом. Где засада? Он чего-то не учел, или бандиты все же не дошли, перехваченные, к примеру, «Долгом»?

Бандиты дошли.

А Рамзес проглядел мастерски устроенную ловушку.

Сталкер все понял за долю секунды до того, как вражеская пуля, с гудением пробивая воздух и дождь, вылетела из-за огромного «трамплина». Сообразил, что Князь, не лыком шит, прикрылся аномалией, использовал единственный верный способ обмануть интуицию опытного ходока.

- Ложись! – заорал Глеб, падая в лужу.

Варан уже катился в сторону зарослей.

- Стриж, огонь! Огонь!

Бандиты выцеливали Ингу, решив, что безоружный Глеб на дистанции не опасен. Успешно выцеливали, Стриж уронила карабин и повалилась, придерживая на груди расплывающееся пятно крови.

«Рядом с тобой умирают, сталкер...»

Вслед первому выстрелу остервенело загремели автоматные очереди.

3

Время остановилось.

Замерли в полете пули, числом двенадцать – Глеб знал, хотя и не считал их. Почти все в белый свет, но одна, самая тяжелая, летела Стрижу в голову, в незащитный мокрый ежик.

«Ин... - в горле перехватило, - ...га!»

Сталкер прыгнул, оттолкнувшись стопами и ладонями. Упал в грязь, рассадив обо что-то кожу. Покатился, чувствуя как утекает отпущенное ему мгновение. Навалился на Ингу, рванул ее в сторону.

Свинец зачавкал в мокрой земле на том месте, где полмгновения назад лежала девушка.

Время запустилось, а сердце наоборот, встало. Глеб толкнул непослушное тело напарницы в мелкую ложбину – какая-никакая защита.

«Иллюзорная...»

И понял, что умирает. Сердце пропустило один такт, другой... третий... У Глеба потемнело в глазах. Звуки истончились, но сознание не ускользало, поддерживаемое, не иначе, пухом.

«Аптечка!»

Глеб поднял тяжелую как гиря руку, неверным движением повел к нагрудному карману. Шальная пуля выбила из пальцев невесть откуда взявшийся там револьвер, отшвырнула непослушную руку обратно.

Второй попытки не состоялось. Глеб забыл об аптечке, потому что острая боль рванулась из грудной клетки и затопила остатки сознания. Это пух, облепивший внутренние органы густой бахромой, выстрелил в сердце новыми побегами, и оно затрепыхалось в судорогах. Опять замерло. Ударило в ребра первый раз, второй и, наконец, застучало со скоростью пулемета.

Рамзес смог выдохнуть. Вдохнуть, замирая от боли, и снова выдохнуть. На третьем вздохе стал возвращаться слух, потом и картинка проявилась перед глазами.

«Не стреляют!»

Огонь прекратился. Рамзес лежал, переживая резкий скачок давления, и кусал от беспомощности губы. Подгонял время, опасаясь, что не сможет поднять даже головы, когда его придут убивать. Так и уйдет, не посмотрев в глаза убийце, чтобы тому до гроба приходил этот взгляд в кошмарах.

А рядом умирала Инга.

Глеб придвинулся к лежавшей навзничь девушке, неверным движением ткнулся ладонью в ее лицо. Уловил пальцами редкое дыхание. Жива?!

«Господи! Все, что угодно...»

Когда нашлись силы привстать, сталкер расстегнул на Инге штормовку и глухо зарычал. Мощная пуля вспорола бронежилет, оставив рваную дыру, по краям черную от крови. Прошла рядом с сердцем, возможно и задела. Умная одежда спасла хозяйке жизнь: быстро вколола нужную химию, но остановить кровотечение оказалось не в ее власти. Артерии на руке или ноге были бы пережаты вшитыми жгутами, но сердце! Увы... Под Ингой быстро набиралась рубиновая лужа.

Стриж истекала кровью, и спасти ее могло только чудо. Или срочная госпитализация, но в чудо Глеб верил больше. Впрочем...

«Маяк!»

Рамзес ощупал карманы штормовки и нашел солидный – по весу и размеру - кирпичик без единой кнопки. Дьявол, как он управляется?! Глеб сорвал ногти, пока сообразил, как вытянуть штырь утопленной в корпус антенны.

Штырь зафиксировался с тугим щелчком, и тревожный маяк включился. Сталкер опять увидел, как вибрирует призрачная аура электромагнитных импульсов и сразу же уловил звук шагов по лужам. Князевцы не стреляли, и Глеб знал почему. Идут добивать. Он коснулся пальцами белых губ девушки, задавив незваную мысль «на прощанье...», и отвалился вбок.

Из дождя выдвигались неясные фигуры.

«Один, второй, третий, четвертый», - отсчитал Глеб, торопливо подстраивая зрение.

Последним шел Князь. Его медвежьи стати.

- Рамзес! – крикнул Артур. – Выходи, не тронем!

Кто-то из бандитов подавился смешком.

Сталкер оскалился:

«Ах ты, сука...»

«Тигр» лежал на дороге, там, где выпал из рук девушки. Буквально в трех метрах, но незаметно не взять. Фигуры приближались, и Глеб уже мог разглядеть стволы автоматов, направленные в его сторону.

Черная ненависть подстегнула его. Рамзес метнулся к винтовке, опередив выстрелы на считанные мгновения. Теперь все решала реакция и механизм «Тигра». Глеб подхватил карабин и по инерции пролетел еще пару метров. Выстрелил, не целясь. Фигуры шарахнулись, попадали, но один из бандитов встал на колени и открыл огонь короткими очередями. Грязевые фонтанчики стремительной змейкой побежали к ногам. Глеб быстро опустил прицел на размазанную дождем фигуру и надавил на спуск. Откатился назад и вбок, еще раз выстрелил.

Фонтанчики оборвались. Человек на той стороне вскочил и побежал зигзагами. Упал, поднялся, опять упал и вдруг страшно закричал.

- Крот! – завизжал кто-то, заглушая голос умирающего бандита.

Рамзес высадил на звук оставшиеся патроны и под вопль:

- Вали оборотня! – упал обратно в укрытие.

Там выпотрошил подсумок Стрижа и перезарядил винтовку, немного ослабив контроль.

Бандиты воспользовались подаренными секундами. Граната прилетела по широкой дуге, ударила сталкера в спину и покатилась. Рамзес извернулся ящерицей, перехватил ребристую «лимонку» и бросил обратно. Не успела взорваться первая, как с неба упали еще две. Одну Глеб поймал было, но выронил, скользкую от дождя. Сталкер зарычал, от первобытного ужаса кожу свело под волосами. Вместе с гранатой он зачерпнул горсть вязкой грязи и швырнул от себя.

Завертел головой – вторая «лимонка» закатилась под неловко вывернутую руку девушки.

Глеб почувствовал, как седеет. В последнее мгновение он успел отпихнуть Ингу и упасть на рубчатый кругляш грудью.

Не успев даже подумать – «хана»! Или «зачем, все равно сдохнем»!

Взрывы один за другим оглушили. Гранаты улетели недалеко и, если бы не ложбинка, посекали бы осколками. Глеб зарылся лицом в грязь и ждал. Одну бесконечную секунду, другую – еще дольше.

На душе почему-то было очень хорошо, как бывает в конце тяжелого и нужного пути. Как бывало после свиданий с Никой - подзабытое ощущение. Как совсем недавно, когда Глеб прижимался губами к теплой Ингиной ладони, и она, ладонь, вдруг расслабилась, перестала быть чужой.

Граната не взрывалась.

Рамзес нащупал ее под собой. Кольцо оставалось на месте, гранатометчик в панике забыл сорвать предохранитель. Не чувствуя ничего, кроме звенящей ярости, Глеб спрятал гранату в карман и осторожно приподнял голову.

Его обходили с флангов, оттесняя в негостеприимный лес. Князь приближался слева, справа еще кто-то, дрожа от трусливого возбуждения так, что Рамзес за десятки метров ощущал вибрации. А прямо на трассе, едва прикрытая кустами и аномалиями склонилась над умирающим нелепая фигура. Раненый Крот уже не кричал, только протяжно стонал, перемежая стоны тоскливыми ругательствами и жалобами:

- Пацаны... Кнопка, вколи промедолу... терпежу нет... Кнопка, не бросай... как брата прошу...

Долговязый бандит суетливо взмахивал длинными мосластыми лапами, но смертник продолжал стонать и кланчить последнюю дозу.

«Промедол тебе?! Так сдохнешь!»

Глеб выстрелил и промахнулся, потому что долговязый вдруг отпрыгнул, прячась за стеной дождя. Глеб напряг зрение, разглядел, как бандит убегает, шарахаясь из стороны в сторону, и сам едва успел пригнуться.

Пуля цвиркнула над головой и рассекла ствол хилого деревца. Крона с жалобным скрипом повалилась на землю. Бил снайпер из винтовки с глушителем.

«Штейр?»

Тут же застучал автомат со стороны Князя, едва слышно, тоже через глушитель. Глеб одну за другой выпустил на автоматный стук три пули и, кажется, удачно. Автомат захлебнулся.

Не мешкая, Рамзес выпрыгнул из окопа и тут же упал, пропустив над собой ожидаемую пулю. Он принял с низкого старта, выписывая в сторону трассы замысловатые зигзаги. Ни дать, ни взять «бегущий кабан» на стрельбище. Иногда неприцельно стрелял на звук, на ощущение.

- Князь! – надсадно заорал Глеб. – Не возьмешь!

- Вали его, Бенья! – заревел в ответ Князь. – Вали паскуду, баксами подтираться будем!

Бенья валил, не жалея патронов. Очередная пуля, задев мощную «карусель», ткнула Глеба в бок. Застряла на излете в кевларовой прокладке комбинезона – слава Зоне, придержала смерть аномалией.

Сталкер кувыркнулся под защиту дубового ствола и перевел дух. Высунуться он не мог. Поймав неподвижную цель, снайпер забрасывал ее свинцом в расчете, если не убить, то прижать и дать подойти Князю на расстояние выстрела или броска гранаты.

И так неплохо! Одного Глеб добился, бандиты отвернули от ложбинки, где умирала в ожидании помощи Стриж.

«Вот теперь повоюем, братаны! За Ингу!»

В этот момент Глеб забыл обо всем, о себе, о Центе, об Оке. Осталась только слепящая ненависть, которая требовала за жизнь... любимой, чего уж там, Рамзес, расплатиться четырьмя чужими. Смертными, как труп кровососа, но неповторимыми и, если не врут, богом даренными.

«Самкой шакала даренными!»

Пули застревали в древесине, посвистывали мимо, и Глеб пополз, держась строго на линии Бенья – дубовый ствол. Его, кажется, не заметили.

Стрельба утихла. Бандиты подбирались к дереву короткими перебежками, сначала один, потом другой. Князь бежал медленно.

«Никак задел медведя?!»

Глеб, поняв, что сейчас обнаружат его пропажу, а через считанные секунды и его самого, забросил «Тигр» за плечи и на четвереньках побежал к неряшливой куче на тропе.

Живой – человек как человек, удивлялся когда-то Ворон. А откинется, на вид как дерьмо раздавленное. Парадокс!

Но Крот еще не умер, даже сознания не потерял. Обессилел, залил траву вокруг черной кровью. Такой черной, что казалось, это грязь брызжет фонтанчиком из дыры в том месте, где у живых бывает печень.

- Пацаны... - шевельнул губами смертник, когда Глеб перевалился через него и положил на грудь ствол винтовки.

«Пацаны идут, Крот!»

Рамзес снял израсходованный магазин. Глянул внутрь, но чуда не случилось. Патроны закончились, как Глеб и предполагал, бессознательно отсчитывая выстрелы. Он зашарил по карманам и нашел последний магазин, взятый у Инги.

«Пять штук на двоих – с запасом!»

Глеб потянулся заряжать, и остановился. Ребристый металлический коробок в ладони показался слишком легким. Сталкер отщелкнул в руку один патрон, второй, третий... скрипнул зубами. Все! Нет запаса.

Под деревом, где минуту назад прятался Глеб, раздался взрыв.

«Сколько у них гранат? Не арсенал же на горбу тащат!»

Сталкер воткнул магазин в приемник, когда на место взрыва рывком выбросился Князь собственной персоной, повел вокруг длинноствольным пистолетом и откатился в сторону. Что-то неразборчиво крикнул. Глеб, наконец, заметил в стороне от залегшего вожака подозрительное шевеление. В зарослях неумело ворочался, устраиваясь прикрывать Князя, снайпер.

«Как тебя? Бенья?»

Глеб изготовился, выжидая момент, и такой представился.

В зарослях грохнуло, вспышка от выстрела резанула по глазам. То ли понтовый «Штейр» подвел, то ли Бенья, вояка тот еще, сплеховал, зачерпнул стволом грязи. Пуля ушла в белый свет; выстрелом сорвало глушитель, а без него австрийский механизм оказался громогласным, как Царь-колокол до приземления.

Глеб прицелился на вспышку и спустил курок:

«Дьявол!»

Выпущенная из незнакомого оружия пуля скосила ветви левее, в сантиметрах от вражьей головы.

«Это тебе не уши в упор отстреливать, сталкер!»

Рамзес на пару секунд опустил веки и снова прицелился. Схлестнулся с бандитом взглядами. Два прицела уперлись друг в друга на расстоянии метров восемьдесят-девяносто, почти в упор. Можно было разглядеть слабый отблеск матовых линз, а за ними, при желании, и круглый глаз, и небритую щеку, вжатую в приклад. Но Рамзеса не волновали частности. Он видел, как отчаянно борются в скользкой Бениной душе трусость и чувство всевластия. Как горячит кровь оргастическое удовольствие от вида смерти и холодит пещерный страх перед ним, Рамзесом.

«Бойся, гаденыш! Тебя-то за Ингу я точно достану! Не пулей, так зубами».

- Огонь! – выкрикнул Князь, почуявший инстинктом вожака Бенину растерянность. – Шмаляй, козлина!

Бенья послушно выстрелил и почти точно. Крот, наконец, отошел.

Глеб ответил.

Восемнадцатиграммовая пуля «Тигра» скользнула под стволом «Штейра», срезала бандиту кисть и как колом пробила Бенину тушку от горла до поясницы. Беня испугался в последний раз. Адреналин подбросил его. Он вскочил, не ощущая боли, не замечая что кишечник разрядился в предсмертной конвульсии. Захрипел остатками воздуха из легких в попытке крикнуть что-то настолько важное, что ему все простится, и умер.

Вторая пуля, пущенная Рамзесом не то для верности, не то потому что остановиться не смог («за Ингу!»), вошла точнехонько в левый глаз, превращая в кашу гидроцефальный мозг.

Хотя Рамзес целил в переносицу – «Тигр» таки пошаливал.

Сталкер отшвырнул пустой карабин и увидел, как на него бежит сломя голову Князь. Увидел перекошенное в крике лицо бандита, почувствовал беспредельное желание задавить его, Рамзеса, голыми руками, смять, разорвать, уничтожить.

Глеб вынул гранату - твой подарок, Князь! - рванул кольцо и разжал пальцы. Граната лежала на ладони, готовая взорваться.

«Сто один»

Князь стрелял на бегу из пистолета, издали, неприцельно.

«Сто два»

Глеб мягко бросил гранату бандиту под ноги, рассчитав, где Князь окажется на «сто три».

Потом нырнул под окровавленный бок Крота и спрятал голову в ладонях.

Проклятая Зоной граната не взорвалась!

Через несколько кошмарных секунд на сталкера навалился Князь и ухватил за горло так, что кровь брызнула из-под пальцев.

Глеб захрипел, вырываясь, но ненависть, вес и медвежья сила давали Князю решающее преимущество. Одним движением он пережал сталкеру горло, едва не сокрушив гортань. Глеб с великим трудом сдерживал его, вцепившись в запястья.

- Сдохнешь, гад!..

«Врешь!»

Глеб рванулся из-под бандитской туши. Никто бы не удержал – Князь удержал. Глеб начал извиваться, стараясь освободить хотя бы ноги, но Князь охватил его каменными ляжками и не пускал. Глеб коротко саданул назад головой, но вместо хрупкого подбородка врезался затылком в твердый лоб. От удара поплыло сознание, Рамзес начал хватать ртом воздух.

- Сдохнешь! – не то смеялся, не то всхлипывал Князь. – Ай, харашо-о!..

«Он же Ингу найдет!»

Мысль помогла сконцентрировать остатки сил. Глеб отпустил Князево запястье и резко выбросил за плечо кулак с вытянутым как копьё указательным пальцем. Метил в глаз. Князь перехватил кулак зубами, но боли Глеб уже не чувствовал.

Сознание помутилось.

4

Кнопка родился добрейшей души имбецилом и жил, никому не желая зла.

То есть в старой жизни всякое случалось, а здесь, в Зоне, постепенно наладилось. Раньше он частенько не понимал, почему это хорошо, а вон то плохо. Теперь в его распланированном Зоной сознании все стало одноцветно хорошо: мир вокруг, заботливый Крот, который один только говорил с ним и угощал тушенкой. Друзей себе и Кнопке он тоже нашел хороших, жаль, что неразговорчивых.

Вот оборотней Кнопка не понимал и не любил. Поэтому, когда приказали стрелять, стрелял. Когда все залегли, упал. А потом мир надломился, потому что Крот умер.

Кнопка знал, что умер, хотя братан Кротяра еще кричал и корчился. Кнопка вообще многое хорошо знал, лучше Крота – аномалии всякие, хабар, мутантов. Что случится через

пару секунд или часов тоже знал, хотя иногда ошибался.

Братан умер, и его крики происходили от непонимания. Когда все снова встали и пошли, Кнопка специально задержался, чтобы объяснить. Навис над посиневшей Кротовой харей и не удержался, капнул слюной. Обидел Крота, тот на слюни, бывало, ругался.

- Крот, ты ведь сдох! Зачем орешь-то?

- Кнопарь, братан... - забормотал Крот. – Выручай... у меня заначка, от... отблагодарю...

У Кнопки потеплело на душе, его редко благодарили. Он хотел ответить что-нибудь хорошее, не сумел и всплеснул руками. Ну, Крот поймет! Кому еще понять, как не Кроту? А про заначку Кнопка и так знал, это была их общая, на двоих, заначка. Поэтому он без задней мысли потянул с Крота рюкзак. Братан зашелся в крике и отключился, а Кнопка начал ворошить поклажу, выбирая жестянки с нарисованными свинными бошками. Найденное складывал в свой мешок. Забрал еще оружие: автомат, нож, гранаты. Кроту уже ни к чему, а Кнопке на обмен сгодится.

Крот немного оклемался:

- Кнопка... у Натахи... в подполе там... деньги... все отдам... только вытащи...

Про деньги Кнопка не очень понимал, зачем они в подполе. Его бы воля, держал бы капитал в тушенке.

- Эта... я уж взял, - обрадовал он Крота и встряхнул мешок; банки глухо звякнули. – А тащить зачем? И тут хорошо. Я тебя прикопаю, чтоб слепые не нашли. Все будет пучком, братан!

Крот завыл безнадежно, и Кнопка расстроился, не понимая, чем обидел покойного. Расстегнул на нем жилет-разгрузку, патроны взять. Их он тоже любил не меньше тушенки. Без патронов как жить? А если псы?

Крот хватал за руки и кусался, но на него Кнопка обижаться не умел. Вот на Беню обижался часто, а на Крота ни разу. Чтобы баратан не мешал, Кнопка придавил его руку коленом, малость не рассчитав – в руке хрустнуло, да впрочем мертвяку без разницы, и полез по карманам.

Он искал сигареты и блестящую зажигалку. На память. Знал за собой грех все забывать, а тут глянешь и вспомнишь хорошего пацана.

Крот молчал-молчал и вдруг захихикал. Кнопка всплеснул руками:

- Эта... ты что?

В ответ Крот заругался нехорошими словами и опять завел «вколи хотя бы».

Кнопка бы вколол, что ему, жалко? Но вдруг понял, что надо линять, потому что сейчас он станет таким же мертвым как братан. А может и хуже, этот хотя бы разговаривает.

Кнопка подхватил рюкзак и сорвался. Вслед ему хлестнул выстрел, и на том конце пулевого росчерка обнаружился тот, кого Кнопка страшился больше кровососа.

Оборотень!

Кровосос, он понятный, а этот вроде человек на вид, а внутри совсем... разноцветный. Так не бывает! Кнопка знал и поэтому убегал, петляя как заяц. Стихли крики, пропал в дожде братан Кротяра, и Кнопка, занятый собственным животным страхом, забыл, что обещал прикопать его тело от вездесущих падальщиков. И зажигалку, которая могла бы напомнить, обронил в суматохе.

Страх, наконец, отпустил. Кнопка осмотрелся, переводя дух. Он бежал по трассе, инстинктивно выбрав легкую дорогу, но куда? В Стройбат или от него? Кнопка умел ходить и даже бегать среди аномалий, но с картами у него не складывалось. Куда идти, всегда говорил Крот.

К прочему, Кнопка знал, что за дождем прячутся мутанты, из тех, кого не подхватила волна. Перепуганные и смертельно голодные слепые псы. На группу они не выходили, но Кнопка-то остался один-одинешенек.

Кнопка попятился было, но за спиной ахнули взрывы, затрещали выстрелы. Отмычка заметался, и мутанты кинулись на его страх. Первый слепец вырвался из зарослей, оставляя

ключья шкуры на острых ветках. Бандит встретил его очередью, но следом рвались другие.

Кнопка расстрелял магазин, начал совать новый и не успел. Только локоть подставил в оскаленную пасть, когда слепец прыгнул, целя в горло.

Бандит плакал от боли и молотил вокруг автоматом. За спиной болтался еще один, Крота, но как его достать? Если вон, уж за ногу рвут! Огромный тощий пес уцепил бандита за лодыжку и трепал. Вертел башкой, елозил как пилой зубами, в общем, отрывал от Кнопки совсем не лишнюю в Зоне ногу. Кнопка хотел отпихнуть его и упал. Еще один пес запрыгнул ему на грудь и раззявил пасть для смертельного хвата, а Кнопка так и не знал, чем все закончится. Обычно знал, а тут как отрезало.

Он поэтому не шибко волновался. И совсем не удивился, когда над ухом застрекотал «Калашников», и слепцы рассыпались в стороны. Самый упорный, тот, что возился у лодыжки, уносил растерзанный Кнопкин башмак.

- Кнопка, ты? – спросили знакомым голосом.

Этого ходака Кнопка знал. Почти свой – «почти», потому что Крот его не любил. Ну и Кнопка не любил тоже.

- Варан, ты что ли?

- Ага, - Варан сдавленно хихикнул. – Кнопарь, что за мочиловое? Иду, никого не трогаю, а тут шмаляют.

Он говорил негромко, с заискивающим наигранным доверием, но Кнопка, простая душа, в тонкости не вдавался.

- Эта... пацаны оборотня кончают, - похвастал он.

Кнопку расстроила нога. На укусы он не обратил внимания, поболит и перестанет, заживет как на собаке. Вот без обуви несподручно. А ну как «жарка»? Или болотом идти? Крот-то умер, кто Кнопке новый башмак подарит?

Варан, наоборот, приободрился.

- Ну и правильно! – сказал он, выбираясь из кустов. – Нахрен он нужен, оборотень? Ты, Кнопарь, это... сбегай, Князю скажи, мол, Варан тебя от собак отбил. Еще скажи, что Варан знает, как до Ока дойти, а больше никто не знает. До Ока, запомнил?

- Ага.

- И сюда его vedi, только одного. Скажи, Варан хочет договориться.

Он встал перед Кнопкой, покровительственно заулыбался.

И Кнопка увидел, что Варан тоже мертвый. Черный автомат, какой-то обкоцанный, без приклада и с коротким стволом, висел у Варана на груди. Черный такой окончательной чернотой, что бандит сразу понял – гниет Варан. Вон уж и руки пошли, и рюкзак, и на груди пятна. Сам-то не видит что ли?

А ноги еще целые. И ботинки...

- Эта...

- Что? – сбился с улыбки Варан. – Идти не хочешь? Да тебя Князь знаешь что?..

- Обувка-то...

Варан глянул на окровавленную Кнопкину ступню.

- Доскачешь! – скривился он. – Я тебе потом сапоги пошью, офицерские, только шевелись, одна нога здесь другая там.

Потом? Не было у Варана никакого «потом», и Кнопка даже почувствовал к нему смутную жалость.

Но себя было жалче. Кнопка поднялся, вроде бы собираясь в дорогу, и, улучив момент, всадил ходоку нож под ребро. Налег всем весом, пробивая грудную клетку и заваливая Варана. Как учил когда-то братан на обмочившемся перед смертью ходоке и потом напоминал частенько.

- Цифры... - захрипел кровавыми пузырями Варан, хватая Кнопку за плечи неживым уже, ватным движением. – Скажу...

Противным голосом захрипел, словно блевал, пьяный, а не говорил.

Кнопка передохнул малость и расшнуровал Варановы ботинки. Снял, поморщившись

от терпкой вони. Не следит Варан за обувью, по такому запаху не то что псы, безносые ходоки выследят.

Да вот незадача! Не подходили ботинки к длинным Кнопкиным ступням, он уж вертел и так и этак. Кнопка ругнулся. Поскреб в нечесаной башке, искоса поглядывая на мертвого Варана.

- Эта... ошибочка вышла, - повинулся бандит, горестно всплеснул руками и потянул из Варана нож. Варан дернулся как живой и снова притих, когда Кнопка аккуратно вытер клинок об его рукав.

По широкой дуге Кнопка вышел на поле боя и не нашел живых, только мертвых. Ну, с этими проще, нож пачкать не придется.

Сначала попался Бенья. Кнопка побрезговал его обыскивать – братан вонял дерьмом - и выпотрошил только рюкзак. Бенины лакированные ботинки мальчикового размера не подходили; Кнопка, памятуя о промахе, сначала примерился. Знать, не судьба! На прощанье Кнопка жалеючи поцокал языком. Хоть Бенья и смеялся часто, все равно был своим, почти родным.

Кнопка захромал дальше и совсем недалеко, в мелкой ложбинке нашел еще одного ходока, чужого. Этот тоже пах нехорошо, то есть... Кнопка разом забыл о ботинках. Баба! Он перевернул еще мягкое тело. Пахнет странно, не как пацан, а как, например, Кротова подруга Натаха. Кнопка припомнил, хотя и с трудом, кое-какие приятности, которыми одаривала его обильная Натаха, и заволновался.

Баба же!

Но мертвая...

Кнопка уронил изо рта струйку и потянулся к груди мертвой бабы. Не к той, где засохла дыра размером с грецкий орех, а к другой, целой. Потянулся, не ожидая худого, и на полпути его будто «электрой» торкнуло. Кнопка заверещал, выкатывая белки в красных прожилках.

Оборотень!

Баба оказалась живой и разноцветной! То есть мертвой, но все равно разноцветной. Или...

Кнопка, окончательно запутавшись, попытался отползти. Ноги его не держали. Подвывая, он заскользил коленями в луже, напоролся на «трамплин», даром что не смертельный, а руку вывихнул. Кнопка сумел встать и даже пробежал немного. Упал. Из свалки возле Крота к нему бросились слепцы, чуткие на добычу, но тут же брызнули в стороны.

Тугой гул с неба разогнал их.

Кнопка испугался еще больше. Грозный летательный аппарат падал с ревом моторов на ложбину. Вроде бы самолет, видел Кнопка такой однажды, но с крыльями, вывернутыми к небу. Летел себе, летел и вдруг завис на месте. Винты рассекали дождь, не давая монструозной туше опуститься к границам аномалий, а с широкого кормового пандуса упал подвешенный на тросе конус.

Неправильный конус, Кнопка его боялся.

Зависнув в метре от земли, конус полыхнул невидимым пламенем, и Зона содрогнулась. На пятачке, что под конусом, погасли аномалии, а по окружности вспыхнули новые. Давешний «трамплин» мгновенно вырос, попади в него Кнопка сейчас, только на ливерную колбасу и сгодился бы.

Кнопка с последней в жизни мыслью понял, что такое плохо. Конус – это плохо! Внутренним, недоступным для людей слухом, бандит услышал, как застонала раненная Зона, и сам застонал вместе с ней. Ему стало очень больно, словно внутри черепа вспыхнул пожар. Чтобы потушить его, Кнопка пополз обратно, и увидел, как Зона начинает смыкать вокруг конуса искристое кольцо.

Чужаки в камуфлированных скафандрах ничего не замечали, скользили вниз по тросам. Вот подхватили в кокон мертвую бабу и потянули вверх, в темный зев аппарата. Вот

забегали вокруг, тыча стволами и приборами. Вот начали стрелять, и послышался смертный песий визг. Вот нашли Кнопку, подцепили крюком и втянули в люк.

Кнопка пускал слюну и не мог ни говорить, ни думать. Он не очнулся, даже когда кольцо сомкнулось, и конус сколлапсировал, выбросив по тросу вверх яркую искру. Кнопка не открыл глаз, пока чужаки метались внутри самолетной туши, заливая пожар густой пеной, шелкая кнопками возле суматошных лампочек.

Умер он, едва конвертоплан, оставляя дымный след, поднялся в облака. Потому что здесь была не Зона, и убогая ее частичка, Кнопарь, уже не мог существовать сам по себе.

ГЛАВА 12

1

Умирать было трудно. Еще труднее оказалось воскреснуть.

Рамзесу грезилось, что он смертник, и его который раз подряд выводят на казнь. Зачитывают приговор, накидывают на голову мешок, а на мешок петлю...

Веревка обрывается.

«Жди», - говорят ему, и он ждет.

Сначала радостно, потому что повезло, затем с апатией, потому что в другой раз не повезет. В конце концов с нетерпением – сколько же можно?!

«За что?», - спрашивает он.

«Рядом с тобой умирают».

«Это неправда, - он устал объяснять. – Это придумали те, кому нужны простые объяснения сложных вещей».

«Ты умрешь столько раз, сколько должен», - выносят ему приговор.

Они приходят на казнь, те, кто умер. Даже Ворон. Даже Инга.

Кто-то злорадствует, кто-то огорчается. Ворон протягивает сигареты, и они молча курят спина к спине. Им не нужно разговаривать.

Инга смотрит в глаза.

Глебу не выдержать ее взгляда. Она, конечно, пошла сама. Конечно, махнула рукой на все предупреждения. Конечно, не вернулась бы, даже брось ее Глеб на полпути.

Но эта смерть ему не простится.

Веревка не оборвется.

И это правильно...

Рамзес поморгал, зажмурился и снова посмотрел. Князь был последним, кого сталкер рассчитывал увидеть, едва очнувшись. Врата в чистилище он удивился бы меньше, а обрадовался больше. Там ведь нет Зоны, и есть Инга.

«Так и не сказал ей самого важного. Эх, сталкер... Будто не знал, что можно опоздать навсегда».

Рамзес глотнул и поперхнулся режущей болью. А Сароян-то вот, если не грезится. Скребет в консервной банке, спину у костра греет. Глеб шевельнул кистями - не связаны руки. Напряг мышцы ног – тоже свободны. Князь сошел с ума? Глеб провел ладонью по бедру. Нет, не сошел. Нож прибрал.

- Что елозишь? – буднично спросил помянутый Князь. - Жрать хочешь?

- Н-н... - нет, прохрипел Рамзес искалеченным горлом.

Говорить сталкер не мог.

- Пра-ально, - одобрил Князь и рыгнул. – Зачем тебе жрать, ты же мертвяк. Я тебя душу-душу, отпускаю, а ты дышишь. Душу, отпускаю – дышишь! Точно, мертвяк!

Глеб положил руку на грудь, туда, где сердце. Под рукой тукало быстро, совсем по-

человечески.

«Нет, Князь, я еще потрепыхаюсь!»

- И не думай. Мертвяк, не мертвяк, а ноги прострелю – далеко не уползешь.

Спокойно говорил Артур, уверенно. «Беретта» в расстегнутой кобуре придавала вес его словам. Глеб оценил свои шансы и решил повременить. Послушать, что еще скажет Князюшка.

- Я так рассуждаю, сталкер, что мы с тобой за Оком пойдем. Кулаками помахали и будет. Взрослые же люди, пора не жопой думать: один я не дойду, но и тебя не пущу. Вот и рассуждай.

Сароян зашуровал в консервной банке, предоставив Глебу возможность рассуждать. Думать Глеб не хотел. Впрочем, и пещерное желание любой ценой убить Сарояна куда-то исчезло. В горячке боя – это одно, а теперь перегорело. Вот если бы Князеву паскудную жизнешку можно было поменять на Ингину...

- Бабу жалко? – явил проницательность Артур. – Что поделаешь, Рамзес, ей не повезло. Ты моих всех положил, до последнего, им тоже не повезло. А нам повезло. Естественный отбор, не находишь?

Глеб не находил. Он устал. Зона, наконец, дожала его, а то и правда впору думать, что мертвяк. Сталкер расслабился, давая отдых телу. Смотрел бездумно в низкие тучи, ловил морось сухими губами. Глотать опасался, в горле будто свинец расплавленный стоял. Аж дышать больно.

- Ты, небось, думаешь, я тебе руки выкручиваю? Думаешь, «вот найду Око, и Князь меня кончит»? Не-ет, сталкер, ошибаешься! Хочешь, уходи прямо сейчас. Туда, - Князь махнул в направлении Стройбата. – А за Оком только со мной.

Он, похоже, сам верил в то, что говорил. Рамзес не верил.

- Опять же идти некуда, – возобновил натиск Артур; он давал Глебу пару минут на раздумья, и снова заводил патефон. – «Долг» повис на хвосте как репей. Дай бог взять Око и вернуться, другой-то раз – фьють! - близко не подпустят. Снимут бошки ювелирно, но без наркоза. Нужно сейчас рисковать.

Рисковать для Князевой мощны Глеб и подавно не собирался.

- Л-л... - ладно, согласился он, только чтобы Князь замолчал.

Сароян заметно обрадовался.

- З-з... - завтра, огорошил его Глеб и демонстративно отвернулся.

Провешенным маршрутом он и в ночь рискнул бы выйти, но силы! Силы закончились, как только Глеб увидел дымящуюся от крови и пороха дыру в бронежилете Инги. На бой запала еще хватило, теперь же не осталось ничего кроме мертвецкой усталости.

Князь еще бурчал что-то, а Рамзес уже спал тяжелым пустым сном.

Он проснулся глубокой ночью, когда начал звонить Цент. В тишине не раздалось ни звука, ни вибрации, но Глеб почему-то знал, что Митька позвонил и сбросил вызов на первом же гудке. Сталкер ощупал нагрудный карман, в котором обычно держал смартфон, и не нашел его. Князь? Очевидно, да. Забрал нож и смарт, то бишь выгреб все сталкерские активы полностью. Понятно, что Митька дергается. Смарт в руках Артура заблокировался наглухо и на вызовы отвечает тревожным алармом.

«Теперь Цент в курсе, что у меня неприятности».

Сталкер напрягся, подстраивая зрение под свет тлеющего костерка. Бесцветная, но четкая картинка рывком проявилась перед глазами. Сталкер приподнялся, остро глянул по сторонам.

Князева туша в спальном мешке лежала по ту сторону костра, ногами к углям. Звуков Глеб не уловил, Артур дышал бесшумно, как принято в Зоне. Рамзес двинулся к нему осторожным шагом. Когда бандит шевельнулся, замер; ему почудился блеск глаз из-под опущенных век.

Сон восстановил силы, но не прибавил эмоций. Глеб по-прежнему не чувствовал ничего, кроме огромного как воздушный шар и пустого равнодушия. Ни ненависти, ни

страсти – ни убить, ни отлюбить.

«Князь меня опять положит. У него-то эмоций с избытком!»

Рамзес придвинулся еще ближе и заметил рюкзак у Князя по правую руку. Смарт и нож там? Не факт. Сталкер присмотрелся: бандит спал безмятежно. Ни одна лишняя морщинка не рассекала его грубовато-красивое лицо.

«Нет!» - Глеб отказался от соблазнительной мысли одни ударом оборвать их затянувшийся роман.

Одним ударом убивают только в кино. В жизни все сложнее. Если недобитый Князь встанет, Рамзес со связанными конечностями ляжет на дно ближайшей же болотной каверны. И будь он хоть сто раз мертвяк, без рук и ног оттуда не выползет.

Глеб потянулся к рюкзаку, и в ночи раздался довольный смешок.

- Хе-хе...

Князь смотрел в упор, в его черных как маслины глазах сверкало издевательское любопытство.

- Убить хочешь? – пропел Артур.

- Нет...

Хотя надо бы. Заслужил.

- А я хочу! – признался Князь. – До дрожи. Ты, сталкер, меня не зли.

Князев спальник вздыбился, и это была вовсе не эрекция, а пистолет, направленный Глебу точно в лоб. Сталкер убрал руку с рюкзака.

- Назад!

Глеб отодвинулся.

Князь неловко выпростался из спальника. Рамзес только сейчас увидел, что левая кисть бандита запеленута в тугую кокон. На бинтах проступали темные пятна. Глеб припомнил, что и вчера Князь двигался скованно.

- Значит, сбежать хотел, - сделал вывод Князь, морщась от боли.

Рамзес не стал отпираться.

- Ты заснешь...

«Рано или поздно».

Глеб поступил опрометчиво. Князь мгновенно сорвался. У него открылся тик, закаменевшее лицо перекосило от ненависти.

- Видишь?

Артур сунул Рамзесу в лицо перевязанную руку, и Глеб отшатнулся. Бандит схватил зубами узел и начал рвать, пока ветер не подхватил грязный бинт. То, что открылось, рукой назвать язык не поворачивался. Уже распухшая, багрово-сизая культя в свежих гнойных разводах, с торчащими наружу осколками костей. Двух пальцев нет совсем – указательного и среднего, остальные почернели и, похоже, не слушались.

- Видишь?! – прошипел Князь.

Он сунул «Беретту» подмышку искалеченной руки, выхватил нож и резанул культю, не глядя. Наотмашь, глубоко. Кровь побежала по рукаву жирными струйками.

- Я не засну, сталкер! – выдавил Артур, дергая лицом. – И ты молись, чтоб я не заснул. Я в тебе перед сном дырку просверлить успею!

В этот раз Глеб поверил. Этой искореженной рукой Князь его душил вчера.

Князь точным и быстрым движением приставил «Беретту» ко лбу Рамзеса и толкнул в сторону от трассы. Глеб сделал еще один шаг назад.

- Бери мешок, - скомандовал, отдуваясь, Князь. – Мы выходим.

Глеб заглянул в омут пистолетного ствола, и эмоции начали возвращаться. Сначала пришел страх, потом кольнула ненависть. Эмоции ушли так же быстро, как вернулись, но Глеб обрадовался и этому. Он не знал в Зоне ничего опаснее, чем апатия сдавшегося ходока.

- Черт... - с тобой, просипел Рамзес.

«Выходим. А там видно будет».

Вода шумела рядом, и Глеб нашел дорогу без труда. К рассвету добрались и встали на

берегу. Узкая, всего-то метров десять, и небыстрая речка пряталась в утреннем тумане. Противоположный берег едва угадывался в молочной белизне.

- Здесь пойдем? – спросил Князь; ему не терпелось.

- Нет, - хрипнул Глеб. – Дай смартфон.

Фокс форсировал безымянную речушку, неведь откуда возникшую и неведь куда утекавшую, в другом месте и привязался к исходной точке на том берегу. Глеб помнил координаты, но зачем об этом знать Князю?

Артур не стал задавать вопросов. Пошарил в карманах и протянул Глебу смартфон.

- Нож! - потребовал Глеб.

Князь одарил его таким вселенской доброты взглядом, что Глеб должен был застыдиться своей наивности.

- Шагай, - хмыкнул Князь. – Нож ему...

Рамзес сделал вид, что сверился с маршрутом и двинулся влево, навстречу восходящему солнцу. В нужном месте остановился:

- Здесь.

Почему именно здесь, Глеб не понял. Место как место. Другой берег так и не просматривается, зато сильно пахнет болотом. Но Фокс шел именно этой дорогой... кажется. Глеб на секунду представил, что ему подсунули липовый маршрут, и покрылся холодным потом.

Князь поднес к глазам бинокль, долго всматривался в противоположный берег.

- Точно здесь? Туман мне не нравится.

Солнце взошло, светилось тусклым пятном в тучах, но туман как стоял час назад, так и не рассеивался.

- Что-то ты темнишь, сталкер, - процедил Князь.

Глеб вздрогнул. За спиной, в лесу, что-то случилось, отчего мурашки побежали вдоль позвоночника.

- Что? – озаботился Князь; он ничего не слышал.

Рамзес, впрочем, тоже ничего не слышал.

- Дай... - он забрал у Артура бинокль и начал всматриваться в туман.

Новые, да еще усиленные оптикой возможности помогли. Туман расступился, оказался не слишком-то и густым. Стала заметна темная полоска берега, поросшая камышом, явно заболоченная, и какие-то неясные тени – не то двигался кто-то, не то туманные переливы наводили морок. Этак любую осину можно принять за кровососа.

Но Глеб высматривал не мутантов. Если группа Фокса шла здесь, то должны остаться следы. Трое, как-никак, здоровых, нагруженных как верблюды мужиков.

Глеб отнял бинокль от глаз и заморгал, не успев перестроить зрение.

- Сталкер, – ощерился Князь. – Это же черное болото, отсюда никто не вернулся!

- Фокс вернулся.

По крайней мере, вышел. А уж что его достало в Куприяновке – что-то из болота или собственная невнимательность, вопрос темный.

Глеб все же рассмотрел на другой стороне недавно смятые, а теперь воспрянувшие стрелы камыша. Дорожку шириной как раз, чтобы пройти след в след группе ходоков.

Князь утер лоб здоровой ладонью.

- Ладно, здесь так здесь, - решил он и достал пистолет. – Иди первый. Только без лишних движений.

Рамзес оглянулся, прежде чем сползти с крутого обрыва. В позвоночнике свербело нещадно, и вроде бы неясные силуэты метались от дерева к дереву на самом пределе видимости.

Ах! Майская вода, стылая на вид, по ощущениям оказалась горячей и неплотной, словно газированной. Не держала вода! Глеб разом ушел с головой, не успев даже подумать – почему? Теплый воздух, испарения – почему их нет над обжигающей как парное молоко поверхностью? Он заработал руками и ногами, выталкивая к воздуху неподъемное тело,

когда его настиг очередной неуместный приступ. Явление, которое Глеб обычно переносил не в силах управлять ни одним мускулом. Он задержался, гася в зародыше панику, но мышцы немели, отказывались подчиняться. Над головой быстро темнело, перед лицом уже вилась облаком илистая муть. Рамзес буквально падал ко дну.

Сталкер ткнулся затылком в мягкое и приказал себе расслабиться. Спокойнее, бродяга, воздуха должно хватить! Но минуты утекали, и утекал драгоценный кислород.

Отсчитав до двухсот, Глеб открыл глаза. Сморгнул - вместо грязно-зеленого среза над ним играла бликами частью прозрачная, частью зеркальная поверхность. Рамзес увидел собственное отражение в ней, нелепого человечка с выпученными глазами. И увидел присевшего на берегу сталкера, которого быть там не могло. Высокий рыжий парень, стильный даже в грязном камуфляже, склонился над поверхностью, злорадно улыбнулся и пробил ее кулаком.

Неимоверно длинная рука тянулась к Рамзесу скрюченными пальцами, и он ухватился за нее неверным движением. Парень рванул Глеба на себя. Сталкер вылетел в туман, отплевываясь и хватая воздух судорожно распахнутым ртом. Зеркало разбилось течением, едва Глеб показался над водой. Исчез и спаситель, растворился вместе с мороком, наведенным Зоной.

Глеб, чувствуя, как неплотная вода расступается, затягивает его обратно, погреб к камышам. Мышцы била мелкая болезненная дрожь.

Считанные метры сдались не сразу, Глеб успел нахлебаться газированной жижи. Наконец, ступня нащупала дно. Рамзес встал, сразу начал увязать, и побежал сквозь заросли, если его гусиный проваливающий шаг можно было назвать бегом.

В этот момент, не раньше, с обрыва сиганул Князь. Булькнул, уходя камнем под воду - Рамзес даже остановился посмотреть. Выплывет? Артур все не появлялся, и сталкер побежал дальше. Он выпростался из камышей на относительно твердый клочок земли, когда речка забурилась. В шуме, брызгах и захлебывающемся мате на берег полз Князь.

«Гад живучий!»

Туман на берегу стоял густой, гуще чем над речкой; он приобрел розоватый, словно от крови, оттенок. В ноздри ударил своеобразный запах: болото, гниль и едва уловимый химический душок.

Рамзес напрягал зрение, но дальше пары десятков метров видел лишь неясные тени. За спиной вроде бы не происходило ничего стоящего внимания, но инстинкт подсказывал, что опасность на том берегу приближается.

Глеб живо сбросил ботинки, один и другой. Вытряхнул воду, и вместе с ней причудливого уродца, розовую двухголовую пиявку. Давить не стал, некогда! Обулся и, не раздумывая больше – есть ли маршрут или устарел безнадежно, двинулся к первому маркеру.

- Стой! – захрипел Князь, выбираясь из камышей. – Слинять надумал?

- Быстрее... - проскрежетал Глеб. – Погоня!

Князь затейливо выругался и прибавил ходу.

Глеб встал у ключевого маркера – холмика с яркой «электрой» на вершине. Сориентировался: восемь метров по направлению к обросшей «волосами» коряге. Сталкер достал тронутую ржавчиной гайку с обрывком бинта и бросил перед собой. Гайка полетела ровнехонько и упала тоже правильно. Как полагается.

«Есть маршрут!» - немного ободрился Глеб и ступил вслед гайке.

На втором шаге земля под ботинком просела. Вот оно, болото! Может быть то, через которое они шли лесом, а может и другое. Настоящее, о котором сталкеры рассказывают у ночных костров.

Гибельное болото...

Сталкер и бандит нырнули в красноватый туман, осторожно перемещаясь от точки к точке. Иногда натывались на невысокие кривые деревья с бегающими по ветвям призрачными огнями. Иногда на выжженные проплешины. Иногда на заросли лишайника и

высоких, в рост человека, грибов, стреляющих спорами как пулями. Обходили их вслед за Фоксом.

Рамзес как заведенный выбрасывал перед собой гайки, проверяя маршрут. Князь вышагивал следом на приличном расстоянии, уткнувшись в сканер аномалий. Трава вокруг становилась гуще, зеленый ковер под ногами размягчался.

- Болото, - сказал Князь с безразличным недоумением. – Грязное вонючее болото! А где это самое – то самое? Кошмары где? Непроходимые аномалии?

- Сглазишь! – шепотом рявкнул Глеб.

Он понимал, в отличие от забывчивого Князя чего стоило проवेशить такой маршрут. Фокс шел, рискуя шкурой на каждом шагу, дня три-четыре. А то и неделю.

«И все для тебя, Князь? Не верю!»

Сталкер остановился перевести дух. Болото изматывало; в туманных перегибах чудилось движение, присутствие чего-то настолько эфемерного или быстрого, что успевало спрятаться от прямого взгляда. И ушли совсем недалеко, метров от силы двести, если по прямой. Впереди и позади густая завеса, не зги не видно даже Рамзесу.

Сталкер шумно выдохнул, прогоняя смешное в других обстоятельствах ощущение чужих пальцев у затылка, и склонился над озерцем чистой воды, преградившим путь. В маршруте его, озерца, не было, а Фокс, которого Рамзес против воли начинал уважать за смелость и дотошность, не мог не оставить записи о таком приметном объекте.

«Протух маршрут, - досадливо подумал Рамзес. – Сколько ему? Больше недели? Пора бы».

Глеб повел рукой над озерком, чувствуя, как опасность покалывает кожу.

- Я в него не полезу, - поставил ультиматум Князь. – Ищи другую дорогу.

То, что Князю смутно чудилось, Глеб отчетливо видел. Опасная лужица. Он хотел убрать руку, но поверхность неожиданно вспучилась, потянулась вслед за ладонью. Сталкер напрягся. Ему почудилось, как липкие пальцы коснулись волос, и кожа под ними мгновенно потеряла чувствительность. Глеб снова повел ладонью и, когда водная шишка лениво вспухла еще выше, резко отдернул руку. Шишка расплылась кольцами, будто камушек в озеро попал.

- Слава... - богу, хотел сказать Князь, когда из озерца ударил водяной протуберанец, целя сталкеру в лицо.

Глеб отпрыгнул, мгновенно искал опору под ногами и всем весом ухнул в болотистую жижу. Провалился сразу по грудь и замер, соблюдая главное правило – не паниковать.

Князь тоже успел среагировать, распластался на зыбучей траве и ему достались только брызги, осевшие капельками на одежде и волосах.

- Замри! – крикнул ему Глеб, почувствовав, наконец, близкую смерть.

Пули взвизгнули, рассекая туман, и вспороли податливый травяной настил.

- Догнали, сволочи! – простонал Князь.

Глеб переживал налет почти с комфортом, лежал в грязевой ванне, раскинув для опоры руки, и с некоторым злорадством наблюдал за бесплодными попытками Артура сделаться меньше. Еще меньше! Еще!

Огневой вал оказался такой плотности, что косил траву и кустарник просеками. Слава Зоне стрелки взяли прицел неточно, и ходакам доставался большей частью рикошет. Зато в секторе поражения разверзся ад. Рамзес не видел подробностей, но догадывался по причудливым воплям и вспышкам головной боли, когда душа очередного творения Зоны покидало растерзанное свинцом тело. В ожидании новой реинкарнации.

Стрельба постепенно утихала, место слаженного хора заняли отдельные солисты. Князь, отсвечивающий на их прицелах как не очень крупный носорог, являл собой цель идеальную, но ему пока везло.

Зона наказала Глеба, не простила даже мелкого и такого человеческого злорадства. Пуля хлестко ударила о воду, выбросив в лицо облачко пара, и чиркнула по бедру. Глеб прокусил губу, чтобы сдержать рвущийся крик; в ногу словно раскаленный штырь всадили.

Кровь мощным толчком плеснула в грязь, и Рамзес стремительно заскользил в пучину болевого шока. Он пытался заблокировать боль, и поначалу взвинченный адреналином организм подчинился.

В следующий момент Глеба мягко потянули в глубину.

2

Если бы не туман, Рамзес разглядел бы их.

Семь устрашающих фигур цепочкой выдвинулись на берег. Герметичные шлемы, бронированные скафандры, оснащенные системами персональной невидимости и усилителями мышц, штурмовые винтовки с подствольными гранатометами. Идущий в авангарде вскинул руку над плечом, призывая к вниманию.

Семеро бойцов встали над водой, почти невидимые – скафандры покрылись бурозелеными пятнами в тон местности. Стволы задвигались, без нервной суеты выбирая цели. Наводили, очевидно, по приборам, а приказ стрелять командир отдал по защищенному радиоканалу. Ни звука не раздалось до момента, когда автоматные очереди заглушили плеск воды.

Винтовки захлебывались от чудовищной скорострельности, разбрасывая веером дымящиеся гильзы. Свинец резал туман на противоположном берегу. Очень скоро командир поднял руку, останавливая стрельбу.

А за туманной стеной боролись за жизнь ходоки.

- Нож! – хрипел Рамзес, уходя под воду. – Нож дай!

Князь смотрел на него задумчиво. Тянул время, не то страшась очередного налета, не то оценивая жизнь Рамзеса в условных единицах полезности его, Князя, бизнесу. А может в воспитательных целях: попомни, мол, кто тебя из трясины вытащил.

Когда сталкер, захлебываясь, глотнул болота, Артур перекатился ближе. Потянул за волосы. Глеб конвульсивно ухватился за протянутую руку, но Князь играючи стряхнул его и сунул в жадно распахнутую ладонь нож. Проверенный Зоной ятаган Рамзеса.

Сталкер извернулся, поджимая ноги, и резанул с оттягом по чему-то неожиданно прочному. Давление ослабело, но едва-едва. Нечто крепко ухватило за ноги и тянуло, не сильно, зато упорно, как механизм, напрочь лишенный болевых ощущений. На поверхность ярким пузырем всплыла кровь. Так много, что Князь хекнул с деланным сочувствием – все, сталкер, отходилась!

Глеб сдавил рану на бедре, нащупав ладонью пугающих размеров дыру, и пополз из грязи, вытягивая за собой побеги гигантского плотоядного растения. На воздухе мясистые жгуты быстро твердели и отваливались.

В этот момент подоспел Князь. Бандит отсек спецназовским ножом остатки жгутов и потащил сталкера, обняв за плечи как родного.

- Понял?.. – хотел он спросить, осознал ли Глеб всю тяжесть причитающейся ему, Князю, благодарности, но над головой снова зачирикали пули.

Стрелки и теперь взяли в сторону; сталкерам достался самый краешек огневого налета. Причина могла быть одна – рядом находилось нечто, что погоня опознала как вражескую цель, хотя ничего конкретного Глеб не чувствовал. Враг моего врага, обычно, друг, но Глеб не поручился бы. Не в Зоне во всяком случае.

Сталкер дернулся в сторону реки, намереваясь отвернуть подальше от озера, но Князь решил иначе.

- Туда! – он толкнул Глеба к препятствию.

Рамзес зарычал от бешенства:

- Я не перепрыгну!

- Прыгай! – велел Князь мертвым голосом. – Назад ходу нет.

Озеро по-своему отреагировало на стрельбу. Ему, видимо, тоже досталось, и оно

сьежилось, заметно вздыбившись в центре. Расплавленный свинец шариками скатывался с возвышения.

«Не вода, - понял Глеб, быстрым взглядом оценив полупрозрачную субстанцию. – Где были твои глаза, сталкер?!»

Шансы имелись, озерко уменьшилось в диаметре, напоминая теперь выброшенную на берег медузу. Не вступая в дискуссию, главный аргумент которой Князь наставил точно в лоб, Глеб коротко разбежался и прыгнул. Озерко заволновалось, плеснуло вслед, но Глеб уже рухнул на податливую траву и покатился. Свирепая боль волной стегнула от раны. Глеб больше не мог уговаривать организм игнорировать повреждение.

Князь последовал за Глебом. Его, неповоротливого, озерко достало, окатило брызгами по всей спине. Бандит вроде бы и не заметил серебристого душа, но Рамзес, будь его воля, в компании Артура не остался бы и минуты. Будь Князь самым близким и родным, даже Вороном. Мишка, впрочем, в такой же ситуации никого не подпускал к себе неделю.

Глеб заковылял от маркера к маркеру, рискуя истечь кровью, и упал, только когда понял, что все, что предел, дальше нельзя. Он достал флягу с украденной в космически далеком «Харчо» водкой, щедро плеснул на рану, а потом вычистил ее, залил герметиком и перевязал. Из прокушенной губы в рот натекло так много крови, что Рамзеса начало тошнить. Он глотнул водки и долго отплевывался красной вязкой слюной.

Артур сидел рядом и выбирал из волос грязно-серые слизистые катышки.

- Не стреляют? – прислушался он.

- Кто это?

- Не знаю, - устало ответил Князь. – Не «Долг». Они бы за нами поперлись.

Не «Долг», согласился Глеб. Ничего похожего он не слышал ни на войне, ни в Зоне. Скорострельность потрясающая. Для такого оружия «Долг» росточком не вышел.

Сталкер поднялся и, скривившись от боли, попробовал опереться на ногу.

- Доковыляешь, - ободрил его Князь.

Теперь шли совсем медленно. Рамзес снова выбрасывал перед собой гайку, с утроенным вниманием смотрел по сторонам, в который раз убеждаясь, что маршрут и впрямь протух. У сталкера кожу сводило под волосами от ощущения непреодолимой опасности. Иногда ее источник перемещался – наверное, мутант. Иногда оставался неподвижным – аномалия, не иначе. Иногда возникал и так же неожиданно пропадал, внезапный как вспышка молнии. Зона знает что такое, Рамзес не знал. Он чувствовал себя наглым жуком, заползшим в сумку энтомолога.

К счастью, непроходимых препятствий не встречалось. На середине пути снова раздалась стрельба, уже почти неопасная на расстоянии, и даже взрыв. Неугомонные преследователи не скупились, провожали ходоков огнем.

«Или отбиваются, - подумал Глеб. – Говорят же люди, не стреляйте в Зоне!»

Но следом не шли, Глеб знал бы о погоне.

Ходоки сделали короткий привал и снова двинулись. Во время передышки Глеб вколол себе антибиотиков, но рана начинала гноиться. Нога дервенела.

Раненный Князь тоже выглядел не ахти после бессонной ночи.

«Поддыхает?» - Глеб оглянулся мельком и перехватил взгляд бандита. Князь смотрел упрямо, исподлобья. Тяжело дышал сквозь стиснутые зубы.

У маркера, отмеченного в маршруте знаком «Опасно! Смотреть в оба!», Глеб споткнулся и встал, пораженный.

Они миновали невидимую преграду, удерживающую туман как в колбе. Болото закончилось. Началось что-то вовсе абсурдное, смахивающее на горячечный сон.

Низкие тучи налились шафрановым. Темно-красное солнце раздвигало их, нависало над головой, огромное, распухшее в половину небосвода и холодное - Глеб поежился от мгновенного как электрический разряд озноба. Рядом глухо выматерился Князь.

К тучам взметнулся острый частокол. Лес? Глеб не мог подобрать другого слова. Черные копыта тянулись остриями вверх, как иглы испуганного дикобраза. Чем-то они

напоминали древесные стволы в эпицентре атмосферного взрыва, когда ударная волна срывает ветви и кору, оставляя нетронутой жженую сердцевину.

Игольчатый лес стоял не на земле, и даже не в болоте. Основания черных побегов тонули в студенистой поверхности цвета тусклой ртути, наподобие давешнего озера. Лес причудливо отражался в ней, а там, где сталкер рассчитывал увидеть Око, упиралась прямо в солнце идеальная полусфера размером со стадион. Всполохи – голубые, синие, фиолетовые, мгновенно вспыхивали и так же быстро пропадали на ее жемчужных боках.

Одуряюще пахло чем-то ядовитым. В глотке запершило; Глеб поспешил замотать лицо бинтом и натянул капюшон. Дышать стало чуть легче, но армейских защитных очков, чтобы прикрыть слезящиеся глаза, у Рамзеса не было. Он яростно заморгал.

- Ты слышишь? – прокашлял Князь.

Звук ощутимо давил, казалось, проникал сразу в мозг, минуя барабанные перепонки. Глеб разобрал протяжный нечеловеческий стон-завывание, искаженный расстоянием барабанный бой с подпевающей флейтой. Сердце застучало, подчиняясь навязчивому ритму.

- Рамзес! – выдохнул Князь. – Если проведешь, треть... нет, половина хабара твоя. Зарок даю! Бог видит, не даст соврать!

Он размашисто перекрестился слева направо и прижал руку к груди.

Рамзес помолчал, собираясь с силами.

- Пошли? – предложил он, против воли чувствуя облегчение, что есть кто-то рядом.

- Пошли! – решился Князь. – Господи, помоги нам, грешным!

Короткий отрезок от болота до леса показался Глебу тропой на Голгофу. Он склонился у кромки, осторожно заглянул в зеркальный студень и не увидел собственного отражения. Разве это зеркало?! Над головой небо, серо-желтое, и под ногами тоже небо, но другое, ветер гоняет облака на розоватом небосводе. Здесь солнце низкое и багровое, там – слепящая точка, похожая на застывшую магниевую вспышку.

Сталкер передергивало от мысли, что придется идти этим ртутным болотом. И не его одного, Фокс, простой, как автомат Калашникова, отметил в маршруте эту часть емким определением из сталкерского жаргона.

Ближайшая игла ныряла в серебристую поверхность и оборачивалась по другую сторону похожим образованием. Или продолжалась – корнями, например. Глеб присмотрелся. Острая игла по ту сторону вяло покачивалась не в такт здешнему ветерку.

«Идти здесь нельзя!» - отчетливо понял Глеб.

- Фокс прошел, - ободрил себя Князь; он быстро как собака дышал за спиной.

Глеб бросил перед собой гайку, и та запрыгала по упругой поверхности.

«Вперед! Ну же!»

Рамзес задержал дыхание и сделал первый шаг. Упругое покрывало ощутимо прогнулось, но выдержало. Глеб шагнул еще раз, и еще. Под ногами вдруг проявилось его отражение. По ту сторону тоже кто-то шагал, и Рамзес упирался в твердые подошвы чужака.

Князь сдавленно хекнул, двинувшись вслед Рамзесу.

- На месте не стой! – почему-то шепотом крикнул Рамзес, увидев, как гайка, плававшая в студне, вдруг канула вниз и на той стороне обернулась бледной вспышкой.

Сталкер пошел быстрым шагом, приказав себе не думать о раненой ноге. Гаек, оказавшихся после болота в дефиците, он решил больше не тратить. Ориентироваться пришлось на оставленные Фоксом вешки и до предела обострившееся чувство опасности, которое трубило немедленное, срочное, паническое отступление.

Между высокими иглами - они накрывали ходок с головой - дышалось через силу. Концентрация яда в воздухе зашкаливала, Рамзес сквозь слезы видел, как бледные испарения окутывают толстые, с человеческую руку стволы. Обессиливающая боль от раны куда-то пропала, сменившись дурманящей легкостью. Отравы начала гасить сознание, и сталкер принял единственно возможное решение:

- Быстрее! - задохнемся к псам...

Через несколько шагов Глеб потерял ориентацию. Стволы, стволы, стволы вокруг и

ядовитое марево между ними. Рамзес уже с трудом вспомнил, что примерно отсюда Фокс попер напролом, к едва заметному поверх отравленного леса куполу.

- Бегом! – прокашлял сталкер и побежал, удивляясь, почему мир вокруг раскачивается и бьет его о твердые черные столбы.

Князь заголосил что-то, видимо, запел по-армянски, потому что Глеб не понимал ни слова. Он, впрочем, не обращал внимания на то, что оставалось позади. Главное впереди! Там блестела жемчугом гигантская полусфера, и только это сейчас имело смысл.

Глеб последним длинным прыжком выбросился на твердую землю и повалился, чувствуя как из-под лопаток, разрывая кожу и прочный комбинезон, прорезываются крылья. Одно белое, другое почему-то черное. Сталкер перекатился, чтобы крылам удобнее было распуститься, и увидел рядом Ингу.

Девушка лежала, разбросав руки. Как в той злосчастной ложбине, где Рамзес оставил ее умирать. Сталкер обрадовался, ведь лицо Инги перестало быть мертвым, и страшная дыра в груди пропала. Будто прилегла Инга отдохнуть после трудной дороги, и Глеб даже застыдился, что угонял девчонку...

«Дурь! - сталкер, рыча от ярости, ударил себя в переносицу. – Инги здесь нет!»

В голове зазвенело, но ничуть не прояснилось.

Рядом упал на колени Артур.

- Надышались, м-мать!.. – заревел он откуда-то издали, пуская изо рта густую пену, и Глеб придвинулся к Инге, защищая ее от взбесившегося бандита.

- Рамзес! – Князь схватил Глеба за подбородок. – Куда дальше? Вспоминай, сука, подохнем!..

Огромный Князев организм сопротивлялся лучше. Бандит еще соображал, а Глеб уже скользил в разноцветное зазеркалье. Князь удержал его увесистой пощечиной. Глеба словно доской по лицу приложили.

- Куда?! Идти?! Дальше?! – заорал Князь, брызгая слюной.

Рамзес неверным движением сорвал с лица бинт.

- Прямо... - вспомнил он.

- Прямо стена!

Глеб развеселился.

- Цифры! – захрипел он, давясь смехом. – Варан, сволочь...

- Рамзес! – взмолился Князь, и Глеб увидел, как молочно-белые слезы катятся по его щекам. – Прямо глухой барьер. Нужно искать проход!

А может, у него глаза лопнули? Сталкер повел рукой к лицу бандита, но Князь перехватил, вывернул запястье так, что кости затрещали, и держал, пока Глеб не завыл от боли.

- Нет прохода! – распухший язык едва ворочался и все норовил попасть между зубами. - Сферы не было! Фокс ее не видел, и в маршрут не занес. Аллес, Князь, отчетливо.

Из Князя словно воздух выпустили, он повалился, как простреленный воздушный шар. Глухо зарыдал в землю.

За его стенаниями Глеб не услышал резкого хлопка. Лишь когда несмелый ветерок коснулся лица, сталкер увидел, как из леса, из высокого ртутного протуберанца выныривает скат и, помавая крыльями, уходит в высоту.

Глеб лениво встревожился, но тварь почему-то не обратила на ходяков внимания. Протуберанец же медленно осел и раздался в широкую каверну. Иглы над каверной дрогнули, расходясь в стороны, поверх закружился, все быстрее и быстрее, похожий на поганку смерч. В его воронку стремительно затягивался воздух, и ветер начал крепчать.

Дурмящий газ постепенно сменился кислородом, сладким как карамель. От этой перемены у Глеба пропало ощущение крыл за плечами, закружилась голова, и потянуло в сон...

Спал Глеб несколько часов и просыпаться не хотел, потому что во сне к нему пришла Инга. Она села рядом, прижалась к бедру бедром, как прикасается близкая женщина.

- Теперь ты видишь? – смущенно улыбнулся Рамзес. – Я не зверь и не оборотень, я обычный человек.

Измученный до предела человек, человечек, человечиска...

Инга молчала, соглашаясь, а Глеб отдыхал, набирался от нее сил.

- Кажется, я скоро умру, - признался он и впервые при мысли о смерти не почувствовал яростного желания драться.

Инга молчала, не соглашаясь.

- Как мне быть, милая?

«Идти до конца!»

- Рамзес, - растерянно сказал Инга голосом Князя, и Глеб очнулся. – Я засыпаю, Рамзес!

Сталкер привстал и сдавленно охнул. В ноздри ударила тошнотворная вонь – еще один хук, пожалуй что сильнее подаренного Князем. В наркотическом кошмаре Глеб защищал девушку от Артура, но теперь, в реальности, на ее месте расплзался лохмотьями снагорчий труп. Фокс, не иначе, или кто-то из его подручных раскромсал мутанта очередью в упор, и одурманенный Рамзес проспал несколько часов в куче радиоактивной мертвечины.

Глеб отполз от снагорки и, сдавленно матерясь, начал отряхиваться. Плеснул на руки из фляги, смочил лицо, пытаясь водкой перебить трупный смрад. Запах пробивался, словно въелся в кожу и легкие. Глеб сделал глоток и оглянулся на Князя.

Артур сидел с подветренной стороны, освещаемый разноцветными сполухами на боку гигантского жемчужного пузыря. Сгорбившийся и безучастный, Князь разглядывал культю и плевать хотел на снагорку, живого или мертвого. Ладонь, превращенная в месиво случайной Глебовой пулей, распухла до размеров некрупной дыни и покрылась подозрительным зеленым налетом.

- Не болит, - пожаловался Князь и признался. – И пальцы... растут вроде...

- Что с твоими волосами, Князь? – глухо спросил Рамзес.

Артур провел рукой по голове, посмотрел на клокоты слипшихся волос на ладони.

- Выпадают... Может, радиация?

Князь смотрел с легкой, почти незаметной мольбой – подтверди, что радиация! У Глеба мурашки побежали, один зрачок бандита оставался черным, второй налился болотной зеленью.

- Нет, Князь, - качнул головой Рамзес. – Не радиация. Повернись!

Артур послушно открыл спину. На шее и затылке клокотами проклюнулась густая зеленая поросль. Тонкий побег с нежными листиками-иголками выглядывал из воротника.

- Не радиация! – подтвердил Рамзес дрогнувшим голосом.

Князь остервенело зачесал голову, рассыпая остатки волос. Резко остановился, засопел. В его глазах мелькнула недобрая искра.

- А у тебя чисто. Оборотень!

Сталкер не мог отвести взгляда от его буро-зеленого оскала.

Князь подвигал губами и сплюнул выпавший зуб.

- Вколи антибиотики, - предложил Рамзес. - Есть у тебя?

Князь не ответил, и Глеб выделил ему два ценных шприца из своих запасов. У Князя дрожала рука, когда он наотмашь как ножом бил себя в шею и обкалывал гниющую культю.

Сделав уколы, Артур успокоился. Все-таки крепостью нервов он вполне мог потягаться с Рамзесом, а жизненным опытом, пожалуй, и поделиться.

- Как тебя до сих пор не кончили, сталкер? Из такого дерьма чистеньким выползаешь!

«Это ты в благодарность?»

- Я людям зла не делал, - объяснил Рамзес.

- На меня намекаешь? – усмехнулся Князь.

- Не намекаю. Прямо говорю: ты гнида, Князь!

Князь не разозлился. Он бинтовал руку, и разговор его развлекал.

- Я, сталкер, не гнида, - убежденно сказал бандит. – Я просто честный – живу так, как

другие стесняются. Говоришь, зла не делал? Ну, за это редко убивают. Зло, оно же откровенное, его издали видно. Откровенность нужно ценить, умные это понимают. Убивают за деньги, за баб. Завидуют, втихаря ненавидят и убивают.

- Ненавидят? Меня что ли?

- Тебя, дорогой. Завидуют тебе, но боятся. Иначе давно бы глотку перерезали.

- Да видишь, не перерезали, - начал заводится Глеб. – Не все же такие.

- Не все. Только тебе среди правильных скучно, Рамзес. Ты воевал, знаю, потом в Зону пришел. Зачем? А я скажу: невою тебе среди чистеньких. Задрали, небось, чистоплюи, захотелось настоящей жизни, рискованной, честной. Скажешь, нет?

- Допустим, - Глеб упрямо тряхнул головой. – Но в спину я не стреляю.

- Потому что молодой еще, жизни не знаешь. Придумал же – «в спину не стреляю»?!

Пулю в ответ хочешь? Ему-то все одно подышать.

- Хочу оставаться человеком! – отрезал сталкер. – Иначе смысла нет.

- Все равно ведь убиваешь! – Князь засмеялся мелким смехом. – Чем твои жмурики лучше моих?

- Хуже! Мои хуже. Твари, один к одному. Заслужили свое.

- Тебе ли судить? Там всех рассудят, не здесь!

Глеб разозлился.

- Ты, Князь, наверное, прав, живу я глупо. И объяснить толком не умею. Но я, веришь ли, сплю спокойно.

«Иногда...»

- И я сплю спокойно, - откровенно смеялся Князь. – Я же говорю – нет между нами разницы. Ты ходишь, и я хожу, а это, между делом, статья не кислая. Народу в Зоне положили, что ты, что я. Только я для дела, а ты хрен знает зачем. Вот и думай!

Глеб замолчал, давя глухую ненависть.

- Князь, - спросил он, отсчитав положенные секунды, - зачем ты в Зону пришел? За Оком?

- Жизнь забросила, - начал Князь задушевно. – Я в этих местах еще тридцать лет назад лямку тянул, «пиджаком». Посыпал радиацию песочком. Войска химзащиты, слышал? Эх, время! Молодой был, глупый! Любовь у меня была...

Он умолк с приоткрытым ртом.

- А дальше? – осторожно напомнил Глеб.

- Она! – прошептал непонятно Князь. – Ее глаза, мать-перемать!

- Чьи?

- Бабы твоей покойной глаза! Перо мне в бочину – драл я ее мамашу. Вот в этих краях где-то.

Глебу стало мерзко и пусто. Обидно за Ингу, но ведь не врет Князь.

- Только она не Порывай была... - Князь задумался. – Как-то по-другому... не помню, м-мать!

- Замуж вышла? – предположил Глеб.

Артур пожал плечами. Судьба давней любви его ничуть не интересовала.

- Князь, - прямо спросил Рамзес. – Откуда ты узнал про Око?

Он чувствовал, что сейчас Князь скажет что-то архиважное.

- От мамы и услышал, - ответил Князь с улыбочкой. – Про чудотворство тогда вся округа шепталась. Попы ваши, патлатые, все лезли, суетились. Мы уж их гоняли-гоняли... А ты что думал, сталкер, девка из Америки по твою кочерыжку приехала? Хе-хе. За золотом, дорогой, за золотом! Я-то сразу усек, принял меры. Она только из самолета выползла, а мне уже человечек отзвонился... Что?

У Рамзеса дыхание перехватило. Эмоции, дефицит которых еще вчера пугал его, прорвали плотину.

- Меры, значит, принял... И не боишься? - выдавил сталкер.

Рука сама тянулась к оружию, ладонь горела от нетерпения обнять рукоятку.

- Я, сталкер, ничего не боюсь, и никого, - твердо сказал Князь. – Отбоялся. Руки прими от ножа... Нет, дорогой, попользовали тебя. До Ока, обратно и гудбай – вся цена твоему благородству.

- Я ж им не торгую, благородством, - процедил Глеб, распухая от желания вцепиться бандиту в глотку. – Дарю, когда не жалко. Может, поэтому и живой еще. Зато тебе, Князь, цена известная. Полбакса, столько патрон стоит, который когда-нибудь всадят в твою поганую башку... Дешевка!

- А ты, значит, стоящий? – Артура, кажется, проняло.

- Не твоя забота, Князь, - взорвался Глеб. - Живу, как умею!

- Ну и дурак, - подвел итог Артур. – Я вот живу, как хочу... Ша! Закончили базар! Покемарь, завтра дырку к Оку искать будешь. А не найдешь, я в тебе сам дырку проверчу. Стоящий, мля...

Они еще долго переругивались, пока Князь, наконец, не провалился как в трясины в беспокойный сон. Возраст и усталость взяли свое. Разбудить Князя мог разве что глас небесный, но никак не Рамзес.

А Глебу не спалось. Он ворочался, смотрел в чудное небо и, наконец, поднялся, стараясь не опираться на раненную ногу. По левую руку едва слышно потрескивала чертова сфера. Словно кто-то тихо смеялся и цокал языком – куда, мол, заползли, червяки?

«Что, Князь, а ведь вставить тебе нож в сердце – одно движение! - Рамзес остановился в шаге от бандита. – Проснуться не успеешь».

«Нет между нами разницы, Рамзес...» - память услужливо подсказала ответ.

«Есть! Ты убил Ингу».

Мысль была холодная как окоченевший труп. Глеб осознал, что еще немного, и он не сможет отступить. Плюнет на принципы, на циничный расчет, что вдвоем шансы дойти увеличиваются многократно.

От греха удержал Цент. Смарт завибрировал, и Глеб схватился за трубку, как за спасательный круг.

- Рамзес?! Слава богу! – взрыднул Митька сквозь густые помехи. - Я думал, тебя прихватили!

- Я с Князем, Мить.

Цент поперхнулся.

- Идете к Оку? – спросил он после растерянной паузы.

- Да.

- Ну... это не так страшно. Главное, ты жив! Сам Князь за Оком не полезет, а ты успеешь. Успеешь, Рамзес?

«Не знаю...»

- Я обещал, - напомнил Глеб.

- Глеб... - Митькин голос прервался. – Я тебе верю, но Зона, она непредсказуемая. Ты только помни, золото тебя не спасет, что бы там Князь не говорил! Глеб, я прошу тебя... по-человечески. Сделай, как мы договаривались!

- Цент, прекрати истерику. Я всегда держу слово.

Глеб даже сквозь помехи слышал, как тяжело дышит Цент.

- Прости, Рамзес. Я себе места не нахожу!

- Что ты хотел, Мить?

- Сказать две вещи. Во-первых, назад пути нет. В Зоне война! У Норы «Долг» схлестнулся с пришлыми. Говорят, миротворцы зачищают Зону, но это деза... по-моему. О приказе я бы знал. Если это Шваниц, то он рвется к Оку на свой страх и риск!

Глеб чертыхнулся.

- Я уже сутки не могу пробиться, - признался он. – Прошел маршрутом и уперся. Цент, пока не поздно, скажи, что означает эта чертова цифирь!

- Рамзес, забудь про цифры, они не при деле, - глухо сказал Цент. - Второе, что ты должен знать: Око скоро откроется и связи не будет.

- Откуда ты знаешь?! – шепотом выкрикнул Глеб. – Откуда! Ты! Твою мать! Все это знаешь?!

- Я знаю, Рамзес! – почти неслышно ответил Митька. – Я Око практически в руках держал. И не смог...

Связь оборвалась.

Помехи остались. По крайней мере, часть тех звуков, что Глеб принимал за эфирные искажения, доносилась от сферы и усиливалась.

«Вар-вар-вар», - сфера загудела как перегретый трансформатор, и начала вспучиваться безобразными наростами. Глеб упал и еще не долетел до земли, когда барьер лопнул с резким хлопком. Сталкер решил, что в голову ударила пуля – от затылка прострелила такая боль, что только чудовищным усилием он удержался в сознании. Ощутил сквозь сомкнутые веки бело-голубую вспышку и спрятал лицо в ладонях.

Путь открылся.

Рамзес лежал, не двигаясь, пока не решил, что уже можно. Он привстал и окинул цепким взглядом открывшийся пейзаж.

«Вот оно!»

Шар размером с голову или чуть больше напоминал маленькое солнце, яркостью готовое поспорить с настоящим, раскисшим на половину небосвода. Или глаз – сердцевину пылающей аномалии окружала серо-голубая оболочка, похожая на радужку. Шар жил непонятной внутренней жизнью, в нем переливалось и бурлило как в котле. Радужка подрагивала, едва сдерживая аномальное варев.

Око плыло в воздухе, чуть ниже расколотого купола заброшенной часовни. Высоко, но...

«Фокс не смог его взять?» - усомнился Рамзес.

Он, наконец, отвел взгляд от заветной цели и оценил маршрут. Сбилась, попробовал еще раз, впадая в детское изумление.

Дорога была чиста. Пасторального вида зеленая лужайка, разросшийся кустарник, цветущая яблоня перед дверным проемом. Осыпавшиеся стены часовенки или церквушки – Глеб не разбирался, широкая трещина в куполе. И обломки рухнувшего креста, павшего в неравной борьбе со временем.

Вставай, иди и бери. Неужели Цент прав, и цифры не при чем? Да черт с ними, с цифрами, если Око – вот оно!

«Не вот!» - окоротил себя Рамзес.

В одиночку и с раненной ногой штурмовать Око будет ох как непросто. Даже взбравшись на купол.

- Князь! – позвал Рамзес и оглянулся.

Артур не проснулся ни когда упал барьер, ни когда его обитатели пожаловали в гости. Пегая крыса копошилась у Князя возле головы. Не то обнюхивала, не то... Глеб торопливо перестроил зрение – да! Тварь обгрызала побеги, обметавшие тугой Артуров загривок. Похрустывала, не сводя мелких глазенок со сталкера.

С побегов капала белесая жидкость.

Рамзеса замутило. Он медленно, чтобы не спугнуть, расшнуровал мешок, нащупал увесистый цилиндр консервной банки – армейская тушенка, полкило жира, хрящей и жести, и спрятал ее за спину, будто крыса могла распознать его намерения. Но она распознала! Секунду еще смотрела, не переставая быстро-быстро двигать челюстями, и кинулась прочь.

Глеб метнул снаряд, досадуя, что никогда всерьез не тренировался. Сбитая крыса закувыркалась с отчаянным воплем. Сталкер подскочил и раздавил ей голову.

«Не жалости ради, а надежности для...»

Глеб нагнулся за импровизированным оружием и, помедлив, убрал руку от банки, решив не рисковать. Шерсть облезла на прозрачном крысином пузе, раздутом от чудовищной беременности. Жирная личинка полезла сквозь кожу из дрожащей в конвульсиях тушки. Давить этого червя с бахромой лапок-ресничек вокруг жадной пасти

сталкер не решился. Инстинкт подсказал, что не стоит.

Князя разбудило звериное чутье на опасность, на прозвеневший в сантиметрах от головы увесистый снаряд.

- Я спал? – Князь повел вокруг мутным взглядом, задержал его на Оке.

- Да.

Бандит провел по шее, стряхнул, не глядя, с руки что-то зеленое и красное. Рамзес наблюдал такое не раз. Ходоки, дабы не сорваться в панику, просто не замечали следов прикосновения Зоны.

- Почему не кончил меня? – Князь забуравил Глеба подозрительным взглядом.

Рамзес промолчал.

- Дурак! – хмыкнул Князь. – Но поступил верно. Хвалю. Я тебя тоже не буду резать, зарок дал. И долю получишь, я не жадный.

«Даст! - решил Глеб. – Еще и в друзья запишет, если выйдем».

Будет свысока хлопать по плечу – «нет между нами разницы, понял теперь?» - и угощать штучным коньяком. Подача и вечное Рамзесово унижение доставят бандиту ни с чем не сравнимое удовольствие, какое не получишь, даже изрезав Глеба на куски.

Это, впрочем, не важно.

Возвращаться Рамзес не собирался.

3

Здесь никто не жил, только крысы. Потомки милых голохвостых созданий, мутировавших в симбиозе с червями. Они победили в конкурентной борьбе и церковных кошек, и даже собак – выскобленный добела слепой череп хрустнул под ботинком Князя.

Глеб шел по останкам асфальтированной дорожки. Ощущение непривычной легкости и пустоты вокруг кружило голову. Здесь, посреди Зоны, и нет аномалий?! Вообще нет, никакой активности! Если не считать Ока.

Но и пасторальным, как издали, этот клочок большой земли не казался.

«Слишком тихо, - определил причину Глеб. – Даже для Зоны».

Не видно ни малейшего движения, и все это вместе должно было тревожить. Создавать впечатление искусной картинки, нарисованного очага, за которым жуки-древоточцы ждут любопытного Буратино.

«Так не должно быть, Рамзес. Это ловушка!»

Но сталкер не видел ловушки.

Зато Око тянуло к себе как черная дыра, неотвратимо. Глеба пробирало до нервной дрожи от понимания, что скоро все решится. Сумеет ли он остаться собой, или судьба его быть куклой, болтающейся на ниточках призрачного кукловода. Зоны, будь она проклята.

Глеб не находил сил бороться с притяжением и пытался сохранить хотя бы крохи осторожности:

«Ты же чувствовал провал, Рамзес! До момента как шагнул через линию, до которой только ад, а после нарисованный рай! Это обманка!»

Нет, это правда, рапортовали отточенные инстинкты.

Глеб поежился.

- Стремно как-то, - понял его Князь. – Церква посреди Зоны...

С половины пути открылся вид на ту часть оазиса, которая пряталась за зданием. Рамзес остановился.

Под Оком, словно циркулем обведенный, лежал круг жухлой травы, покрытой белым налетом с частыми блестящими вкраплениями. Такой же налет обметал ближнюю к Оку стену.

- Иней, - объяснил Рамзес. – И золото...

Князь достал бинокль, чтобы разглядеть то, что Глеб и так знал.

- Иней? - растерялся бандит. – Там холодно?

- Очень. Трава закаменела.

Артур припал к биноклю, чтобы удостовериться – да, это трава, по которой он тридцать лет назад любил ходить, скинув тяжелые сапоги. Так и стоит, схваченная морозом, и мелкие катышки золота сверкают в ней, похожие на капли росы.

- Снаружи не подберешься, стены обледенели. Придется через церковь, - сделал вывод Князь, отрываясь от бинокля. – Изнутри добраться до трещины в куполе, накрыть эту хрень контейнером – там метров шесть, набросить можно – и подтянуть к земле за шнур. Есть у тебя шнур?

Его голос дрожал от ощущения близкого, только руку протяни, золотого счастья, масляные глазки суетливо бегали. Медведь обернулся жадным хорьком, и Глеб мельком поразился этой перемене.

- Нет, - для задуманного Рамзесу не требовался шнур.

- А контейнер? – удивился Князь.

- Нет.

- В штанах понесешь?

- Нет.

- Ты что, сталкер? – разозлился Князь. – Замежевал?

«Или прыгнуть хочешь?» - вопрошал бандит подозрительным взглядом.

- Нет, - вздохнул Глеб. – Шнур давай, вдруг пригодится.

«Дойду, - решил он, – а там будь что будет».

Князь всучил ему моток альпинистского шнура и контейнер для Ока – герметичный алюминиевый сосуд. Сам идти отказался.

- Сбросишь мне веревку, - инструктировал он, ничуть не смущаясь посылать Глеба на смерть. – Я вытяну. Я штанги рвал по сто шестьдесят кило.

Контейнер Глеб выбросил, едва шагнув в дверной проем. Рамзеса окатило холодом, словно он попал не в церковь, а в морозильник.

«Вот они!»

Аномалии плотно заполнили церковь изнутри, так, что путей для обхода не оставалось. Незнакомые аномалии, видимые и только ощущаемые, перетекали друг в друга, словно...

«Она одна!» - поразился Глеб.

Огромная, сложная аномалия непонятной природы и, самое непостижимое, не опасная. Или инстинкты отказали Глебу, или это было то, чего он никогда не встречал в Зоне.

Участие, а не опасность. Доброжелательное приглашение.

«Идти сквозь нее?! Охолонись, сталкер! - приказал себе Глеб, пока остатки разума еще позволяли сопротивляться. – Они все не опасные – для Зоны. А что будет с тобой?»

«...ничего с тобой не будет! - говорил Цент полгода назад. – У всех по-разному, одних от страха колотит, другие вообще не замечают. У одного парня оргазм случился, на полчаса. Чуть не сдох, говорит, пока до купола полз...»

Глеба раздирали противоречивые эмоции. Он сделал крохотный шаг вперед и уперся в границу. Аномалия помавала перед лицом невидимым покрывалом, и Глеб не решался шагнуть под него, сознавая, что обратно пути не будет.

«А сейчас есть? Даже если подфартит вернуться за Периметр, как будешь жить, Рамзес?»

Глеб двинулся вперед, не рассуждая. В конце концов, решение, которое долго обдумываешь, оказывается неверным.

Зона приняла его.

Стало тепло. По телу побежала щекотная волна, напомнившая Глебу ласковое море, ласковое солнце и ласковую Нику. Две тысячи девятый год, счастье и абсолютное согласие с миром.

Счастье... Согласие... Глеба начало колотить.

«Инга!...» - трепыхнулась запретная мысль.

Зона мягко, но настойчиво погасила ее.

Инга в раю!

Потому что где еще быть любимой женщине? Рамзес осознал это, и от благодарности прослезился. Горячие струйки потекли по щекам, лицо искривилось, давно отвыкшее от мимики плачущего человека. Глеб сделал еще один шаг.

На него снизошло ощущение правильности того, что происходит.

«Ты всегда был бойцом, Рамзес!» - билось на границе сознания.

Зона погасила и эту вспышку.

Не стоит бороться!

И Глеб понял – не стоит. Чего он добился, кроме шрамов на шкуре? Кроме насмешек самоуверенного бандита и смерти любимой?

Он снова шагнул и ощутил безмерную благодарность.

«Глеб, ты обещал ее уничтожить!..» - мысль умерла, не успев сформироваться.

Глеб зашагал на звуки, родившиеся из ниоткуда. Играла странная музыка, еще вчера, на подходе к игольчатому лесу, пугавшая, а теперь завораживающая. Пел хор. Мужские и женские голоса, чистые как хрусталь, вели ангельской красоты мелодию. Так, наверное, пел Ромео, ожидая Джульетту на небесах.

Глеб уперся в упругую стенку-мембрану и разорвал ее, окунувшись в сладкую атмосферу. Здесь стояли люди, сотни людей, одетых в белое. Рамзеса не смутило, что стены крохотной церквушки разошлись до немыслимых пределов. Что вместо потоков заиндевевшего лишайника на стенах проявились иконописные лики.

Рамзесу стало хорошо, как никогда раньше. Чувство единения – люди держали друг друга за руки, образуя непрерывную, извивающуюся цепь, и пели; чувство причастности к чему-то великому потрясло stalkера.

«Око Истины! Вот оно, Око, а вовсе не та гнусная обманка!»

Неразборчивые слова песни сложились в жизнеутверждающий гимн.

«Рамзес! Рамзес! Рамзес!» - било подсознание едва слышным колоколом.

Набат раздражал, и Глеб не мог сделать последний шаг, найти крайнего в цепи и взять его за руку.

«Ты боишься?» - Рамзес совсем не удивился, что Зона говорит с ним.

Инстинкт волка-одиночки, не приемлющего жалости, придал сил.

«Это обман! Я хочу остаться человеком...» - а не раствориться в... этом.

«Они все люди, и они счастливы вместе».

«Я всегда бежал из толпы. Меня везде считали выскочкой и ненормальным. Я не умею быть другим!»

«Ты устал, Глебушка, - напомнила Зона, ласково, как когда-то мама. – Устал быть оборотнем».

Глеб застонал, он не мог ни отдалиться порыву, ни разобраться в себе. Хор, не сбившись ни на мгновение, сменил жизнеутверждающий гимн на негромкое песнопение.

Глеба осторожно коснулись.

- Мишка?!

Смущенно улыбающийся и живой, перед Глебом стоял Ворон. Одной рукой он держался за человека с глупым от счастья лицом. Другая оставалась свободной, и Глебу до обмирания в груди захотелось вложить ладонь в ладонь друга.

- Глеб, ты можешь вернуться, - сказал Мишка, отводя руку. – Выйти так же, как пришел.

- Я не знаю... А ты?

- Мне некуда возвращаться, - не похоже, чтобы Мишка огорчился. – Ты же помнишь?

Глеб, конечно, помнил канувшего в дебрях запретного леса мертвяка. Ворона с развороченной пулями грудью.

- Я не могу уйти, - признался Глеб. – И не могу остаться.

- Чего же ты хочешь? – Мишка говорил серьезно, без тени раздражения.

- Быть человеком... - Глеб сам поразился, как глупо и не к месту прозвучали его слова.

- Глеб, ты все неправильно понимаешь, - качнул головой Ворон. – «Быть человеком» ты можешь только сам. Твоя душа – это твоя Зона, личная. Провешь ее, обозначь аномалии, собери чудные артефакты. А здесь... тебе могут лишь помочь. Ты напрасно думаешь о Зоне, как о кошмаре, вроде раковой метастазы. Это не так, Зона, она... просто иная. Но не жестокая, я теперь знаю. Когда-то один человек попросил помощи, и Зона поняла, как сумела. Какой помощи ты ждешь?

Глеб окончательно смешался.

- А ты? Мишка, чего просил ты?

- Просил?.. - Ворон грустно улыбнулся. – Сущие глупости. Сюда ведь приходят, если некуда идти. Как в хоспис. Чего просят в хосписе?

Рамзес помолчал.

- Мне тоже некуда, я всегда возвращаюсь.

- Тогда... - Ворон протянул руку.

- Миш, а если... девушка умерла, она может оказаться здесь?

- Может, но смерть меняет людей.

Ворон и впрямь изменился. Разменял язвительность и цинизм философа-самоучки на осознание недоступных Глебу истин. Счастье не дается даром, а впрочем...

- Плевать! Мне нужно быть с ней, Ворон.

Сталкер без колебаний сжал протянутую руку и поразился. Когда-то твердая как доска Мишкина ладонь обратилась восковым подобием, тающим и безвольным.

Хор грянул. Рамзес почувствовал, как его сумбурный разум заливают умиротворяющим потоком.

«Рамзес!..» - подсознание стихло.

Глеб услышал, что поет. Не в такт и не в лад повторяет молитву, единственную, заученную когда-то со слов опытного наемника. Запомни, посоветовал старый пес войны, и уже через сутки Глеб шептал, захлебываясь, «Отче наш» и чертил крест против сердца, прежде чем подняться на пулеметный огонь.

Глебов хриплый рев почему-то не приводил к разладу, хор звучал мощно, потрясал до глубины души. Может быть, из-за молитвы, может быть по другой причине, но Глеб смотрел на ближнюю икону и заливался слезами. Мать божья с младенцем...

...четыре года назад, в секунду, когда Глебу предстояло выпрыгнуть из-под брони в пулеметный шквал, его сразила простая мысль, которая рано или поздно приходит к мужикам, лишенным нестигаемого как луч целеуказателя материнского инстинкта. Смерти не бывает! Твоя жизнь продолжается в этих страшных, пищущих как котята младенцах. «Где мой сын? - подумал Глеб, переваливаясь через борт. – Зачем я здесь, а не с Никой?»...

«Где мой сын? Что я здесь делаю?!»

Женщина на иконе прижимала к груди его сына. Глеб встретил ее взгляд.

На него смотрела Инга. Ее отчаянные глаза, провалившиеся в глубокие глазницы.

Яркие краски поползли с иконы. Открылись черные губы умершего человека, как шелуха опал румянец с мраморных щек. Но глаза двигались, искали его взгляд и молили:

«Уходи!»

Рамзес зажмурился. Снова посмотрел.

Младенец разлагался на руках мертвой – и живой! – Инги. Обращался нелюдем, шерстистым и костлявым, словно волосы пробивались сквозь ребра откуда-то из самой сути жуткого существа.

«Уходи!»

Глеб закричал, не слыша собственного крика в общем хоре. Пелена перед глазами начала рваться клочьями. В нос ударил затхлый дух брошенного склепа. Холод обрушился, мгновенно заморозив слезы на щеках. Слаженный хор распался на завывания ветра в кавернах растрескавшихся стен.

«Уходи!»

Глеб видел толпу не людей, а призраков. Мертвые живущие и живые мертвецы,

накрытые сетью пульсирующих сосудов, медленно раскачивались, подчиняясь спазмам общей кровеносной системы. Багровые кожистые трубки входили кому в пустые глазницы, кому в открытые раны; спускались прямо в землю, покрывшую за много лет прогнившие доски пола, и там беспорядочно сплетались. Конвульсивно содрогались в грязи, похожие на совокупающихся змей.

«Уходи!»

Сталкер не мог двинуться, тонкие капилляры уже ползли по ногам, к сердцу и мозгу. Толстая как кишка артерия тянулась к его лицу из пролома в груди мертвого Ворона. Распахивала жадные лепестки, усеянные мелкими присосками, словно чудовищных размеров пиявка и роняла на пол кровь. Общую кровь общего квазиорганизма, распевающего от общего, на всех счастья... Глеб вырвал руку за миг до того, как пиявка коснулась его кожи. Ворон покачнулся, захрипел паром из разорванной груди.

«Что я здесь делаю?!» - немо завопил Рамзес.

Сосуды упорно тянулись к лицу, к глазам. Зона поможет! Зона для чего-то своего, неведомого, высосет Глебовы комплексы и пороки, его растерянную озлобленность и горький цинизм. Его наркотическую зависимость от себя самое. Подарит счастье... Что может быть кошмарнее вечного дармового счастья?

«Что я здесь...»

Ворон сильно толкнул Рамзеса. Не было в его движении отточенности старого ходока, только неживая мощь. Охватившие ноги капилляры порвались с бумажным треском. Струя крови выстрелила, окатив Рамзеса, и опала.

«Уходи немедленно!»

Глеб увидел, как кто-то невидимый расталкивает толпу. Не то собака, не то человек на корточках; не понять, пока существо не окажется перед носом. Шевеление приближалось, и Глеб, наконец, увидел. Монстр без лица мелкими скачками двигался к Рамзесу. На голове уродца, свернутой будто капустный кочан из десятков высохших листьев, не было ни рта, ни ушей. Проступающие на месте глаз красные пятна и влажная присоска вместо носа – и только. Тонкие как у паука, но явно человеческие ноги и руки несли поджарое тельце, покрытое свалывшейся шерстью. Существо опиралось на чудовищно длинные, размером с предплечье мизинцы и волокно за собой прозрачную без крови пуповину. Оставшиеся пальцы скрючились почти у самых плеч, готовые хватать Глеба и тянуть к присоске.

Зона хотела помочь...

Рамзес в приступе иррационального страха ударил монстра ногой, мазнул по воздуху – существо увернулось, и отпрыгнул. Он пробил границу аномалии и врезался спиной в черную доску огромной, в полстены, иконы. Судорожным движением размазал по щекам соленый иней и, наконец, смог выдохнуть.

Он увидел разгромленную церковь, заляпанную мерзлым лишайником и вездесущей плесенью. Воздух над полом дрожал, иногда вспыхивал тусклыми как свечной огонек всполохами. Глеб почему-то знал, что может в несколько прыжков достичь выхода, где Князь с костром и тушенкой, солнце и Зона с привычными мутантами и аномалиями.

Вместо этого сталкер обернулся.

С иконы на него смотрела, едва различимая под налетом матерь божья, ничуть не похожая на Ингу. Младенца кто-то из прежних Центовых наемников пробил, ничтоже сумняшеся, альпинистским крюком. Вот и еще один – выше. Глеб задрал голову. Лестница из ржавых крюков вела к далекой пробойне в своде. Рамзес налег на скобу, пробуя прочность крепления, и полез вверх.

До проема оставалось полтора десятка крюков-ступеней, когда в кармане завибрировал смарт.

Рамзес втянул окоченевшее тело в разлом и лег, свесив одну ногу, раненную, наружу, другую внутрь. Еще на полпути он перестал чувствовать поврежденную конечность и едва не сорвался. Сталкер хотел отдохнуть, но холод буквально сдавливал тело. Дышать стало больно, словно не воздух, а жидкий азот вливался в глотку. Рамзес сплюнул, проследил, как льдинка с хрустальным звоном ударила в землю, и негнуцимися пальцами достал флягу.

«...водка! – камлал Цент полгода назад. – Только водка и только наверху! Иначе сорвешься или замерзнешь...»

Ай, хорошо пошла, родимая! Дешевая водка, которую Рамзес пил как воду, жадными глотками, обожгла пищевод. Сталкер закрутил почти опустевшую флягу и глянул вниз, на встревоженного Князя.

- Ну?! – напрягся бандит. – Что тянешь?

А он хорошо устроился, с удобствами. Развел костер на обломках деревянного креста.

- Князь! – выдохнул алкогольным паром Рамзес и достал вибрирующий смартфон. – Проваливай отсюда, если жить хочешь.

«...а связи там нет, - разводил руками Цент. – Придется тебе самому...»

Из трубки обрушилась тишина. Обычно что-то бывает – помехи, шорохи, щелчки, а сейчас только тишина, глубокая как омут. Глеб тонул в ней, растрачивая драгоценные секунды, пока кто-то не сказал голосом Митьки Цента:

- Немедленно возвращайся!

- Ты кто? – прохрипел Рамзес.

- Немедленно возвращайся! – механически повторил голос.

«Нет уж, дудки! Поздно...» - Рамзес поперхнулся нервным смешком.

Он сбросил вызов и, примерившись, уронил смарт в сторону Ока. Артефакт перехватил увесистую вещицу и потянул к себе. Трубка завибрировала еще в полете, обозначая новый вызов, и вибрировала, пока Око не начало растворять его.

«...сначала проверь, - советовал Цент. - Гайка, патрон – все сгодится...»

Почему бы не смарт? Вон как хорошо пошел, чисто.

- ...кинуть хочешь?! - сталкер, наконец, услышал, как беснуется внизу Князь.

- Да я ведь ничего не обещал! – ухмыльнулся Глеб, поднимаясь.

Раненая нога едва не подвела, сталкер пошатнулся, наглядно представив, как падает аккуратно на пылающий крест. Спина и раскинутыми руками. Иисус, так сказать, районного масштаба.

«...Глеб, если ты пройдешь Око, - говорил серьезно Цент, – на тебя молиться будут...»

Соврал, конечно. Если Глеб пройдет Око, никто и никогда об этом не узнает.

Холодно. Очень холодно. Спасал алкоголь в крови, помогал комбинезон, рассчитанный и на такую напасть. Стянулись встроенные жгуты, удерживая теплый воздух, но через минуту-другую руки и ноги потеряют чувствительность, и тогда... Глеб все понимал, но сделать шаг в пропасть не мог. Он рассматривал Око и мучительно пытался разобраться:

«В чем ошибка?! Я стою над ним и все равно уверен, что все не так!»

Око не левитировало, его поддерживало в воздухе некое образование, может быть фантастическое поле, а может быть натянутое до звона полотно, наподобие шелкового, но прозрачное. Глеб мог видеть усилием мутировавшего зрения, как тяжелый шар продавливает его в центре. Достаточно ступить на эту поверхность...

«...чтобы съехать к Оку, - инструктировал Цент. – Абсолютно текучее образование, трение – ноль, задержаться невозможно. Один шаг и ты на месте...»

Ну же! Глеб не двинулся. Он боялся. Никогда не стеснялся иррационального страха, наоборот, умел им пользоваться и бороться с ним при необходимости. Только не сейчас. Глеб физически не мог сделать маленький шагок. Не первый случай, когда он сознательно шел в аномалию, но первый, когда организм категорически не подчинялся.

- ...твою сучью мать, Рамзес! – вопль Князя отвлек сталкера. – Я стреляю!

Князь целился, подперев для надежности здоровую руку культей. Глеб одним взглядом оценил траекторию. Колено. Бандит угрожает лишить его и второй ноги.

«...береги ноги, Глеб, - советовал Цент. – По ту сторону Ока придется много бегать...»
- У тебя ведь патронов нет, Князь, - просипел Рамзес. – В бою расстрелял, до последнего.

Князь дрогнул лицом, но сдержался, хотя из его свинцового взгляда можно было пули отливать. Бандит уронил под ноги бесполезный пистолет и вытянул из чехла нож. Обманчиво простых форм нож, черный, с фирменным клеймом на рукояти. Такой клинок войдет в тело как в желе, умрешь и не заметишь.

«Руки короткие», - усмехнулся Глеб.

- Глупец! Ты Князя решил поймать? – глухо спросил бандит, и Рамзес понял, что все обещания аннулированы, зарок остался в прошлом. Князь его забудет как барана, а если не сможет – «ты ведь мертвяк!», то искалечит.

«Если б ты знал, какой я глупец! - Рамзес тоскливо посмотрел на Око. – Только что отказался от счастливой вечной жизни без всего этого дерьма! Воображаемой, конечно, но не один ли черт?»

- И без Инги! - прошептал Глеб синими губами и взялся за флягу.

«...много не выпивай, - тревожился Митька. – Был прецедент, человек упал обратно в здание...»

Зона с ним, с Митькой! Все равно не берет водка, весь спирт идет на обогрев. Глеб присосался к фляге.

Не все ушло на обогрев. Кое-что осталось и, как солнечный удар, тюкнуло в темечко. Мягко и необратимо. Глеб пошатнулся, взмахнул руками, удерживая равновесие, и уронил флягу. Аномалия быстро растворила ее.

- Князь! – крикнул Рамзес. – Я ведь тебя и впрямь поймел. Не я с тобой шел, а ты со мной. Ты, дурилка, решил меня купить, а не понимаешь...

Рамзес поперхнулся ледяным воздухом и закашлялся. Кричать не следовало.

Князь почему-то не рвался в церковь, не полз по стене, не пытался скovyрнуть Глеба с карниза. Приближался кошачьим шагом и внимательно слушал.

- Что это такое? – спросил Князь, кивнув на Око. – Ну?! Чего я не понимаю?

«...это тайм-конвертер, Глеб, - когда-то объяснял Цент голосом несостоявшегося трагика. – Говорят, машина времени, хотя никакая это не машина, а время и вовсе штука непостижимая. В Оке, похоже, время и пространство... меняются сущностями что ли. Проще говоря, оно существует всегда, всю историю Зоны. Одно и то же – одновременно в каждый отрезок времени. А этот светящийся шарик всего лишь накопитель. Представляешь, какими энергиями должен оперировать конвертер? В «глазе» она накапливается, из него расходуется. Трансмутация, говоришь? Мелкий побочный эффект! Я посчитал, этот шарик может сдвинуть Землю с орбиты...»

- Что ты задумал, урод?! – заревел Князь, увидев, что Глеб улыбается.

«...у Зоны есть слабое место! - горячился Митька. – Мы знаем, когда она началась, двадцать шестого марта восемьдесят шестого года. Чернобыльская авария, неконтролируемый выброс огромной энергии. Своего рода спусковой крючок. Соображаешь, Рамзес? Можно нырнуть в тот год и поставить ситуацию на предохранитель! Предотвратить аварию!.. Это не бред, Рамзес, это факты. Помнишь, я говорил, что не все мои ребята сгинули? Кое-кто дошел...»

- Князь, ты бы меня все равно кончил, - сказал Рамзес. – Я только сейчас понял. Отвалил бы золотишка на радостях, а потом жалко бы стало. Я вот не стал тебя убивать, хотя моя девушка на твоей... - он чуть было не сказал «совести», - на твоём счету. Просто ты дерьмо, и тебе нравится, а я из кожи лезу, чтобы остаться человеком. Мелочь, вроде, а в ней вся суть. Иди с богом, Князь. Живи, если повезет, и вспоминай, как Рамзес твоей поганой шкурой побрезговал.

Князь не ответил, может быть, не услышал. В последний момент бандит крутанул нож в ладони.

«Метнет?» - пьяно удивился Глеб и вскинул руку, заслоняясь от слепящей вспышки.

Когда зрение вернулось, Князь уже корчился, пробитый молнией новорожденной «электры». Наверное, не понял даже, что стряслось, не почувствовал как испаряется кожа с лица, как вытекают глаза от жара мегавольтного разряда. Вокруг него танцевали частые блицы от земли до неба.

Глеб сморгнул. За «электрой», плохо различимый в сполохах огня шагал человек.

Вот он приблизился и буднично, словно в душ, ступил в эпицентр аномалии. Глеб решил было, что рябит в глазах, но это человек в «электре» расплылся на десяток призрачных силуэтов и на следующем шаге собрался вновь в плотные стати прапорщика Скидоренко.

Прапорщик двигался, высматривая что-то в траве. Он нашел бандитский нож и лишь тогда поднял на Глеба взгляд.

- Витя, - прохрипел Рамзес. – У тебя нос... и глаз... лишний.

Лицо Скипидара затуманилось, поплыло, собираясь на этот раз в правильный овал, строго по выкройке. Нос вывернулся нужной стороной и сполз на место. Птичий глаз с узкой щелкой-зрачком втянулся в щеку. Не то проглотил его участковой, не то припас до случая в просторном защечном пространстве.

- Я тебе говорил – уходи? – угрюмо спросил прапорщик. – Почему трубку бросаешь?

Он щелкнул рукоятью Князева ножа и вытряхнул из нее патрон.

«Последний шанс!» Однако... Видел Глеб такие самоделки.

- Ты кто?

- Спускайся, - велел Скипидар. – Поговорим.

- Нет! - Глеб медленно повел головой из стороны в сторону.

Он смотрел на прапорщика и не узнавал. Где опереточный «пан участковый»? Какое отношение к Скипидару имеет этот смертельно опасный вервольф? Кроме показной овечьей шкуры, конечно. Мозг лихорадочно складывал в подсознании мозаику, и...

- Ты следил за мной? В Зону следом пошел... Нет - раньше! Черт, ты пас меня с первого дня! - Рамзес лихорадочно пытался разобраться и думал вслух.

- Я пас тебя с Куприяновки, с момента, как ты сцепился с кровососом. Но это к слову. Спускайся, Рамзес! Ничего у тебя не выйдет.

«...будет трудно! - пугал Цент. – Но ничего невозможного...»

- Почему я должен тебе верить?

Скипидар усмехнулся, отчего нос опять уехал в сторону.

- Я три раза тебе шкуру спас. Хотя бы поэтому.

Участковый не обманывал. Казалось, все сходится – он стрелял в кровососа, тогда, в Куприяновке. Он вытащил Глеба из гравитационной аномалии. И он убил Князя.

- Ты не мне жизнь спасал! Ты делал свое поганое дело. Забрал маршрут... зачем?..

- Фокс нашел дырку к Оку, - пожал плечами Скипидар. – Ее требовалось проверить и закрыть, а пароля я не знал.

- ...и бросил меня подыхать. Инге ПДА подсунул!

- Спрятал, - поправил его прапорщик. – Ты что-то разбушевался, голована душил. Я от греха и того... подстраховался. А ты уж нашел, черт везучий! За пароль, кстати, спасибо.

Скипидар добродушно хохотнул.

Участковый притворялся, теперь Глеб это видел. Притворялся рубахой-парнем, а вот что пряталось за маской, сталкер разобрать не мог. Не было там ненависти, доброжелания или других эмоций. Зато опасности, звериной, гибельной, хоть отбавляй.

Глеб шумно сглотнул.

- Я ведь тебя чуть не раскусил, - вспомнил он. – Слишком уж спокойно в твоих Вешках... И когда из Ясенево ехали, ты прокололся. Опознал зомби, хотя якобы никогда не видел.

- «Чуть» не считается, - отмахнулся Скипидар. – Не раскусил же.

- Зачем это все, Витя?

Глеб переступил, не чувствуя окоченевших ног и даже боли в разорванном бедре.

- Чтобы всякие придурки в Око не лезли, - с досадой признался Скипидар. – Это вредно для Зоны и бессмысленно.

«...смысл в том, Размес, - увещевал в свое время Цент, - что у тебя, у меня, еще у сотен ходоков есть только один способ избавиться от Зоны – это избавиться от Зоны в прямом смысле...»

- А ты, значит, сторож при Оке? – оскалился Рамзес. – Натравил меня на Князя, Князя на меня, «Долг» на нас обоих. Перебил столько народу, а сейчас предлагаешь как ни в чем ни бывало – поговорить?!

- Не заводись! – Скипидар поднял руки в протестующем жесте. – Не совсем так. Я не рассчитывал, что вы перебьете друг друга. Надеялся, что отвернете, но... получилось как получилось. Это не отменяет главного, Око трогать нельзя! Последний раз предлагаю, спустись!

- А иначе что? Тоже «электра»? Или по-свойски – пуля в лоб?..

Скипидар шагнул вперед.

- Зачем ты приближаешься, Витя? – насторожился Глеб.

Скипидар проигнорировал вопрос.

- Что он тебе натрепал? – спросил участковый. – Цент, Доцент или как его? Про золото? Или?..

«... или ты еще сомневаешься? - Цент размахивал с экрана папкой. – Что ж, пример успешной операции. Вот копия из архива СБУ. Дату посмотри – ноябрь восемьдесят пятого. Читай - неизвестный, вооруженный обрезом дробового ружья, проник на территорию ЧАЭС... В экстренном порядке остановлено проведение планового эксперимента... Соображаешь? Она должна была взорваться тогда, в ноябре восемьдесят пятого! А вот фото. Узнаешь?..»

- Значит, машина времени, - с отвращением сделал вывод Скипидар. – Они сюда ходят или за золотом, или за принципами. Ты, конечно, за принципами.

- Это ты про людей так - «они»? Сам-то что, уже не человек?

- Так и ты не человек, Рамзес! – вкрадчиво напомнил Скипидар.

- Я человек! Человек, слышишь!

Глеб клацнул зубами.

- Не человек. Сталкер. Настоящий, - Скипидар улыбнулся иезуитской улыбкой. – Раньше я иначе рассуждал, признаю. Но сейчас понимаю, что ты из нашего окопа. Поэтому и спас. Князь бы тебе, Рамзес, «последний шанс» по самое не балуйся всадил.

- Вранье! – Рамзеса начала бить крупная дрожь. – Я этих «шансов» навидался - ни точности, ни убойности. Ты боялся, небось, что я в Око упаду. Князь меня бы царапнул, и я бы свалился туда, живой и почти здоровый. А сейчас, если спущусь, убьешь ведь!

- Как же тебя убивать, Рамзес? – всплеснул руками Скипидар и еще приблизился. - Ты же и есть Зона! И я Зона. Возможно, мы очень важные ее части, кто знает? Это правда, сталкер, нравится тебе или нет.

Глеб молчал, устав от бессмысленного разговора. Он перевел взгляд на Око и уже смог его отвести.

Скипидар огорчился его молчанию.

- Ты совершаешь ошибку!

- Я очень часто совершал ошибки, – Глеб с трудом раздвинул побелевшие губы. - Пора исправлять. Нужно просто шагнуть и...

- ... и проверить на собственной шкуре! – издевательски хихикнул Скипидар. – Как это по-человечески! Пора не «ошибки» исправлять, а избавляться от комплексов, не считаешь? Люди – клопы, случайно заползшие... допустим, под танк. Ты всерьез считаешь, что Зоне есть до них дело? Танки клопов не дают, Рамзес.

Скипидар начал горячиться и сделал к Рамзесу еще один шаг.

«...Зона непостижима! - вроде бы соглашался Цент, но тут же опровергал. – Мы не понимаем зачем, но видим, что она делает. Что же она делает? Аномалии? Ха! Артефакты?

Безделушки, ни одну из которых так и не получилось использовать с толком. Что остается? Мы остаемся, Рамзес! Мы, сталкеры! Сотни и тысячи нас, обработанных Зоной, прямо скажем, мутантов вбрасывается в мир неизвестным, подчеркиваю это, образованием. Мы смысл и цель существования Зоны! Наши мозги – самое ценное, что есть на этом голубом шарике. А ты говоришь – артефакты...»

- Я думаю, ты не прав, Витя.

- Ты же его не видел никогда! – процедил Скипидар. – Этого Цента. Кому ты веришь?

Прапорщик стоял практически под ним, только на три этажа ниже. У Глеба остро перехватило в груди от тоскливой обреченности. От мысли, что нужно решать, а точнее решаться, потому что Скипидар обманывает. Не может он быть прав, черт побери!

Сталкер прерывисто вздохнул и слегка наклонил заоченевшее тело в сторону Ока. Сила тяжести подхватила это движение, властно потянула в пустоту. На большее Глеб оказался неспособен, да и холод свел мышцы судорогой.

Над Оком сталкер ударился о слой горячего воздуха как о стену, пробил его и заскользил по абсолютно гладкой поверхности, корчась от боли и не предчувствуя ровным счетом ничего.

А навстречу взлетал подброшенный как на пружинах Скипидар. Рамзес увидел это движение краем глаза. Прапорщик обратился чем-то расплывчатым и тягучим, больше всего напоминающим струйку вязкого гноя: огромная капля на месте головы и тонкая ножка, толкающая от земли. Он многое умел, Скипидар, гораздо больше Рамзеса, но прыгнуть на высоту третьего этажа даже ему оказалось не под силу. Скипидар кричал неразборчиво, и его лицо опять кривилось, размазанное по белесой капле.

Глеб уже не слышал. Он летел по крутой спирали к Оку и смотрел только на яркую звезду впереди и расплывающееся вокруг нее марево. Путь оказался долгим. Обманчиво близкий шар вопреки законам мироздания приближался медленно и увеличивался, обращаясь глубоким пещерным зевом. На изломе, где пространство и время дробились, как стеклашки в тубусе калейдоскопа, Глеб инстинктивно сгруппировался. Это была черта, вернуться из-за которой в свою реальность он мог только брызгами дорогого металла, если байки не лгут. А что за чертой он не знал. Подозревал, что ничего хорошего.

- Будь ты проклят! – разобрал Глеб полный муки и вполне человеческий рев Скипидара, его прощальное напутствие.

И услышал судорожный выдох тысяч ходоков, живых и мертвых, оставшихся в плену у Зоны:

- Удачи тебе, сталкер!